

4/ $\frac{293}{51}$ А. Ламартинъ.

ИСТОРІЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

Изданіе В. А. Тиханова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1902.

11 293
51

А. Ламартинъ.

6 вкл.

ИСТОРИЯ ЖИРОНДИСТОВЪ.

~~~~~  
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

—  
Переводъ съ французскаго.

Съ 38 портретами лицъ, участвовавшихъ въ революціи 1793 г.

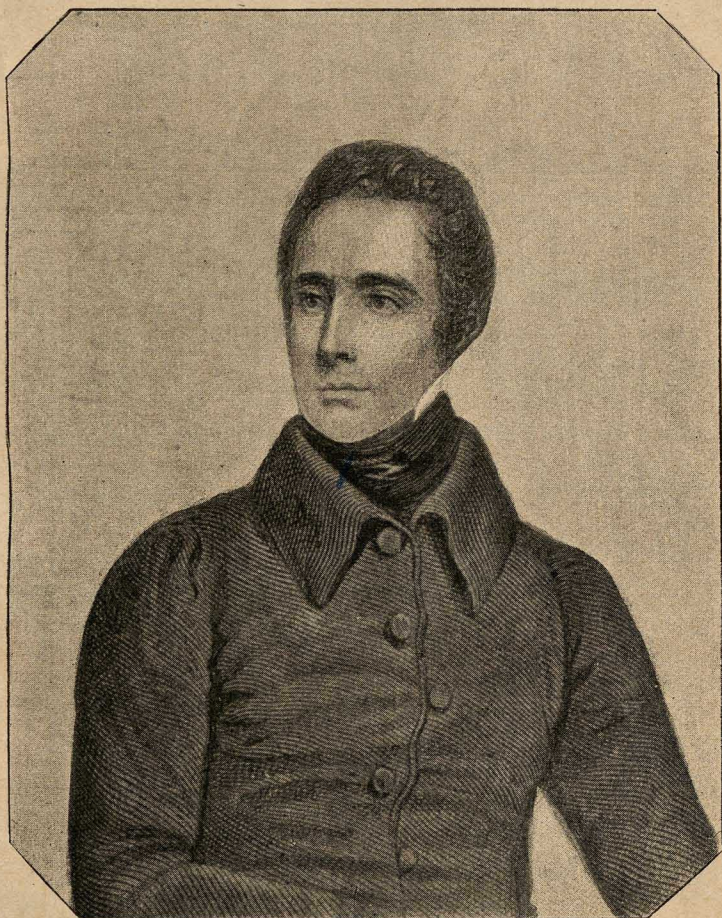
—  
Изданіе В. А. Тиханова.

~~~~~  
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

—
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

1902.

Ламартинъ.

I.

Вступленіе.—Смерть Мирабо.—Его личность.—Положеніе національнаго собранія въ 1791 г.—Наступленіе демократической идеи.—Исходный пунктъ революціи.—Партіи.—Главные вожди.—Людовикъ XVI и Марія Антуанетта.—Малуэ, Клермонъ-Тоннеръ, аббатъ Морп, Казалесъ, Варнавъ, оба Ламета, Робеспьеръ, Дюпоръ, Петіонъ.—Народныя общества.—Лафайетъ.—Общее положеніе вещей.

1.

Я намѣренъ писать исторію небольшого числа людей, которые были поставлены волею провидѣнія въ центрѣ величайшей драмы новыхъ временъ; люди эти соединяли въ себѣ идеи, страсти, ошибки, добродѣтели цѣлой эпохи;—ихъ политика и жизнь, составлявшія, такъ сказать, узелъ французской революціи, были разрублены тѣмъ же ударомъ, который поразилъ и судьбы ихъ отечества.

Эта исторія, полная крови и слезъ, полна также уроками для народовъ. Никогда, быть можетъ, столько трагическихъ событій не совершалось въ такое короткое время; никогда такъ быстро не выказывалось таинственное соотношеніе, которое существуетъ между дѣйствіями и ихъ послѣдствіями. Никогда съ большею скоростью слабости не влекли за собою ошибокъ, ошибки—преступленій, преступленія—кары. Никогда еще не проявлялось съ большею очевидностью то правосудное возмездіе, которое, подобно совѣсти, неразрывно связано съ нашими дѣйствіями и совершается даже неотразимѣе, чѣмъ фатумъ у древнихъ; никогда нравственный законъ не получалъ болѣе блистательнаго подтвержденія и не мстилъ за себя съ большею жестокостью. Даже простой разсказъ объ избранныхъ нами двухъ годахъ служить самымъ лучезарнымъ комментариемъ всей великой революціи, и потоки пролитой крови не только возбуждаютъ ужасъ и состраданіе, но также даютъ людямъ урокъ и примѣръ. Въ такомъ духѣ я и намѣренъ разсказать объ этихъ событіяхъ.

Безпристрастіе исторіи не похоже на безпристрастіе зеркала, дѣло котораго только отражать предметы; это—безпристрастіе судьи, который видитъ, слушаетъ и рѣшаетъ. Лѣтопись—не исторія; чтобы исторія заслуживала свое названіе, ей нужна совѣсть, потому что потомъ исторія становится совѣстью человѣческаго рода. Разсказъ, оживленный воображеніемъ, обдуманый и провѣренный разумомъ,—вотъ исторія, какъ ее понимали древніе; образчикъ такой же исторіи намѣренъ представить и я.

2.

Мирабо умеръ. Народъ, побуждаемый инстинктомъ, толпился около дома своего трибуна, какъ бы ожидая вдохновенія даже отъ его гроба; но этого вдохновенія не могъ бы дать уже и живой Мирабо. Геній его поблѣкъ предъ геніемъ революціи; увлекаемый въ неминуемую пропасть тою самою колесницею, которую самъ пустилъ въ ходъ, онъ напрасно цѣплялся за трибуну. Послѣднія сообщенія, сдѣланныя имъ королю и переданныя намъ желѣзнымъ шкафомъ вмѣстѣ съ тайною продажности Мирабо, свидѣлствуютъ объ ослабленіи и пониженіи его умственныхъ способностей. Его совѣты отличаются измѣнчивостью, нескладностью, почти наивностью. То онъ хочетъ остановить революцію чѣмъ-нибудь въ родѣ песчинки; то видитъ спасеніе монархіи въ прокламаціи короны и въ царственной церемоніи, которая должна сдѣлать короля популярнымъ. То онъ хочетъ купить рукоплесканія трибунъ и думаетъ, что съ ними будетъ продана ему и вся нація. Ничтожность средствъ къ спасенію представляетъ рѣзкій контрастъ съ растущею громадностью опасности. Въ идеяхъ Мирабо господствуетъ беспорядокъ. Становится понятнымъ, что вся его сила заключалась въ страстяхъ, имъ возбужденныхъ, и что, когда у него не стало силы ни ими управлять, ни съ ними разстаться, онъ имъ измѣнилъ. Этотъ великій агитаторъ—является не болѣе, какъ устраннымъ царедворцемъ, который причется подъ защиту трона и хотя еще бормочетъ вошедшія въ прежнюю свою роль страшныя слова—„нація“ и „свобода“, но уже усвоилъ себѣ всю мелкость и суетность придворныхъ взглядовъ. Геній внушаетъ состраданіе, когда сталкивается съ невозможностью. Мирабо былъ самымъ сильнымъ чело-вѣкомъ своего времени, но и величайшій изъ людей въ борьбѣ противъ разъяренныхъ элементовъ покажется намъ безумцемъ. Паденіе бываетъ величественнымъ только тогда, когда чело-вѣкъ падаетъ, не разставаясь съ добродѣтью.

Поэты говорятъ, что облака принимаютъ форму тѣхъ странъ, по которымъ проходятъ, а опускаясь на горы, долины и равнины, сохраняютъ на себѣ отпечатокъ ихъ и несутъ его къ небесамъ. Эти слова составляютъ вѣрное изображеніе нѣкоторыхъ людей, обладающихъ, такъ сказать, коллективнымъ геніемъ, который формируется сообразно эпохѣ и воплощаетъ въ нихъ всю индивидуальность данной націи. Мирабо былъ однимъ изъ такихъ людей. Онъ не изобрѣлъ революціи, но провозгласилъ ее. Безъ него она, быть можетъ, осталась бы только въ идеяхъ и стремленіяхъ. Онъ явился, и въ немъ она приобрѣла форму, страстность, языкъ, которые даютъ возможность, обращаясь къ толпѣ, прямо указать на предметъ и назвать его по имени.

Мирабо родился въ дворянской семьѣ, старинной фамиліи, которая происходила изъ Италіи, но въ послѣдствіи бѣжала и водворилась въ Провансъ. Основатели этой фамиліи были тосканцы. Фамилія Мирабо находилась въ числѣ тѣхъ, которыхъ Флоренція изгнала отъ себя во время смутъ за свободу, и за изгнаніе и преслѣдованія которыхъ Дантъ въ суровыхъ стихахъ упрекаетъ свою родину. Кровь Макіавелли и безпокойный духъ итальянскихъ республикъ были свойственны всѣмъ лицамъ этой фамиліи. Члены ея, какъ люди, были выше своей судьбы. Пороки, страсти, добродѣтели—все у нихъ выходило изъ общаго

уровня. Женщины въ этой фамиліи отличались или ангельскими свойствами или развратомъ, мужчины—или высокими качествами или распущенностью; самый языкъ, подобно характерамъ, тамъ выразителенъ и величественъ. Въ самой интимной перепискѣ у нихъ замѣтенъ колоритъ героическихъ языковъ Италіи. Предки Мирабо говорятъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, какъ Плутархъ говорилъ о раздорахъ Марія съ Суллою, Цезаря съ Помпеемъ. Уже и тутъ видны великіе люди, вовлеченные въ малыя дѣла. Мирабо съ колыбели привыкъ къ этой величественности и къ этой домашней мощи. Хотя такія подробности могутъ показаться чуждыми разсказу, но я на нихъ настаиваю потому, что онѣ его объясняютъ. Причина геніальности отдѣльнаго человѣка часто заключается въ свойствахъ всѣхъ его предковъ, и фамилія, взятая въ цѣломъ, бываетъ иногда предвѣстницей судьбы своего потомка.

3.

Воспитаніе Мирабо было сурово и грубо, какъ рука его отца, котораго называли „другомъ людей“, а безпокойный умъ и эгоистическое тщеславіе котораго дѣлали его преслѣдователемъ жены и тираномъ дѣтей. Въмѣсто всѣхъ другихъ добродѣтелей, ребенка приучали только чести: такъ называлась тогда та показная добродѣтель, которая часто бывала не болѣе, какъ наружную правдивость, изяществомъ порока. Рано поступивъ на военную службу, Мирабо изъ военныхъ нравовъ того времени заимствовалъ лишь наклонность къ разврату и къ игрѣ. Рука отца настигала Мирабо вездѣ, но не для того, чтобы поднять молодого человѣка, а чтобы погрузить его еще глубже подъ тяжестью послѣдствій сдѣланныхъ ошибокъ. Молодость Мирабо прошла въ государственныхъ тюрьмахъ, уединеніе которыхъ распалило его страсти;—геній Мирабо тамъ ожесточился ненавистью къ тюремнымъ стѣнамъ, а его душа утратила тамъ стыдливость, которая вообще рѣдко переживаетъ безчестіе подобныхъ раннихъ наказаній. Выйдя изъ тюрьмы, Мирабо, по совѣту отца, сдѣлалъ попытку, не совсѣмъ легкую, устроить свой бракъ съ дѣвицей Мариньянъ, богатой наслѣдницей одной изъ крупныхъ фамилій Прованса; для этого, Мирабо подобно гладиатору, пришлось прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и къ дерзкимъ выходкамъ, какія только были возможны на миниатюрной аренѣ города Э. Ловкость, обольщеніе, отвага,—всѣ ресурсы натуры Мирабо пущены были въ ходъ для достиженія успѣха, который и былъ достигнутъ; но лишь только Мирабо женился, какъ уже новыя гоненія стали преслѣдовать его, и онъ попалъ въ крѣпость Понтарлье. Любовь, сдѣланная безсмертною «Письмами къ Софіи», отворила предъ Мирабо двери его заточенія. Затѣмъ онъ похитилъ госпожу Моннье у ея стараго мужа. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ счастья любовники бѣжали въ Голландію. Ихъ ловятъ, разлучаютъ, запираютъ,—одну въ монастырь, другого—въ Венсенскую башню. Любовь, которая, подобно огню въ нѣдрахъ земли, всегда таится въ какомъ-нибудь уголкѣ судьбы великихъ людей, соединяетъ всѣ жгучія страсти Мирабо въ одинъ горящій очагъ. Предаваясь мщенію, онъ даетъ удовлетвореніе оскорбленной любви; достигнувъ свободы, онъ, въ сущности, возвращаетъ и освобождаетъ свою любовь; въ серьезныхъ занятіяхъ онъ прослав-

ляетъ ту же любовь. Войдя въ тюрьму неизвѣстнымъ, Мирабо вышелъ изъ нея писателемъ, ораторомъ, государственнымъ человѣкомъ,—но также и человѣкомъ развращеннымъ, готовымъ на все, готовымъ даже продать себя, чтобъ купить этимъ состояніе и знаменитость.

Драма жизни уже была создана въ его головѣ, оставалось только найти арену, и время подготовило ее для него. Въ теченіе немногихъ лѣтъ, составившихъ промежутокъ между выходомъ Мирабо изъ Венсенской башни и вступленіемъ на трибуну національнаго собранія, онъ брался за столько полемическихъ работъ, что всякій другой человѣкъ былъ бы ими подавленъ, а ему онъ только что давали перевести духъ. Банкъ св. Карла, учрежденія Голландіи, сочиненіе о Пруссіи, борьба съ Бомарше, его стилемъ и его значеніемъ,—большіе ораторскіе труды по вопросамъ о войнѣ, объ европейскомъ равновѣсіи, о финансахъ,—колкости и брань, дуэли на словахъ съ министрами или съ людьми минутной популярности,—все это напоминаетъ римскій форумъ во времена Клодія и Цицерона. Въ этихъ перебранкахъ новѣйшаго времени Мирабо является человѣкомъ древности. Между тѣмъ, слышатся уже первые раскаты народныхъ волненій, которыя скорѣ должны были разразиться и надъ которыми голосу Мирабо суждено было господствовать. При первыхъ выборахъ въ Э отвергнутый съ презрѣніемъ дворянствомъ, онъ устремляется къ народу, увѣренный, что возьметъ перевѣсъ вездѣ, лишь только броситъ на вѣсы свой геній и свою смѣлость. Марсель оспариваетъ у Э великаго плебея. Двойное избраніе Мирабо,—произносимыя имъ рѣчи, составляемые имъ же адреса, обнаруживаемая при томъ энергія,—все это обращаетъ на себя вниманіе цѣлой Франціи,—громовыя слова его становятся лозунгомъ революціи. Сравнивая себя въ звучныхъ фразахъ съ людьми древности, Мирабо становится, въ народномъ воображеніи, на высоту тѣхъ личностей, о которыхъ хотеть напомнить. Слушатели привыкаютъ смѣшивать его самого съ тѣми именами, которыя онъ цитируетъ въ своихъ рѣчахъ. Производимое имъ движеніе подготавливаетъ умы къ великимъ потрясеніямъ; онъ гордо возвѣщаетъ о себѣ націи въ слѣдующихъ выраженіяхъ, вошедшихъ въ его адресъ къ жителямъ Марсели: «послѣдній ихъ Гракховъ, умирая, бросилъ пылью въ небо, и изъ этой пыли родился Марій, — Марій, который великъ не столько по причинѣ изгнанія Кимвровъ, сколько потому, что принизилъ въ Римѣ гордую аристократію».

Вступивъ въ національное собраніе, Мирабо какъ бы наполняетъ его собою; онъ одинъ представляетъ тамъ цѣлый народъ. Его жесты равносильны приказаніямъ,—вносимыя имъ предложенія подобны государственнымъ переворотамъ. Онъ ставитъ себя въ уровень съ трономъ. Дворянство видитъ себя побѣжденнымъ силою, вышедшею изъ его собственныхъ нѣдръ. Духовенство, стоящее въ рядахъ народа и желающее примирить демократію съ церковью, оказываетъ оратору поддержку для низверженія двойной аристократіи—дворянъ и епископовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ падаетъ все, что было возведено и утверждено вѣками. Мирабо сознаетъ, что онъ остался одинъ среди этихъ развалинъ. Тогда его роль, какъ трибуна, кончается,—начинается роль государственнаго человѣка. Въ этой послѣдней онъ еще выше, чѣмъ въ первой. Тамъ, гдѣ всѣ идутъ ощупью, онъ смотритъ на предметъ вѣрно, идетъ прямо. Революція въ

головѣ Мирабо является уже болѣе не взрывомъ гнѣва, но опредѣленным планомъ. Философія XVIII вѣка, сдерживаемая благоразуміемъ государственнаго мужа, формулируется на его губахъ. Его краснорѣчіе, повелительное, какъ законъ, состоитъ въ талантѣ воодушевлять разумъ страстью. Слово Мирабо воспаляетъ и освѣщаетъ все; оставшіе съ этого времени почти одинокимъ, онъ не теряетъ мужества. Опираясь на сознаніе своего превосходства, онъ пренебрегаетъ завистью, ненавистью и ропотомъ. Онъ презрительно отталкиваетъ страсти, которыя до сихъ поръ за нимъ слѣдовали. Онъ не хочетъ ихъ болѣе, какъ скоро его дѣло въ нихъ не нуждается; онъ говоритъ людямъ уже только во имя своего генія. Генія ему достаточно, чтобъ возбуждать къ себѣ повиновеніе. Могущество оратора состоитъ въ томъ отголоскѣ, который истина находитъ въ людяхъ. Сила приходитъ къ Мирабо путемъ отраженія. Онъ вышается между всѣми и надъ всѣми партіями. Всѣ его ненавидятъ, потому что онъ надъ всѣми господствуетъ, и всѣ идутъ за нимъ потому, что въ его рукахъ и гибель ихъ и спасеніе. Не предаваясь никому, онъ ведетъ переговоры со всѣми; сохраняя безстрастіе относительно бурнаго элемента собранія, онъ полагаетъ основаніе преобразованной конституціи: законодательство, финансы, дипломатія, война, религія, политическая экономія, равновѣсіе властей,— всѣ эти вопросы онъ затрогиваетъ и разрѣшаетъ, не какъ утопистъ, но какъ государственный мужъ. Предлагаемое имъ разрѣшеніе вопроса всегда составляетъ вѣрную средину между идеаломъ и практикою. Онъ дѣлаетъ разумъ доступнымъ существующимъ правамъ и приводитъ учрежденія въ соприкосновеніе съ привычками. Онъ хочетъ удержать тронъ, чтобъ дать опору демократіи,— онъ добивается свободы слова въ палатахъ, выраженія воли единой и несокрушимой націи—въ правительствѣ. Свойство генія Мирабо, такого опредѣленнаго и до такой степени непризнаннаго, заключается даже не столько въ смѣлости, сколько въ мѣткости. Подъ величественностью выраженій онъ скрываетъ непогрѣшимость здраваго смысла. Самые его пороки не могутъ взять верхъ надъ ясностью и искренностью его разума. У подножія трибуны это — человѣкъ безъ стыда и безъ добродѣтели; на трибунѣ это честный человѣкъ. Предаваясь въ частной жизни дурнымъ поступкамъ, торгуясь съ иностранными государствами, продаваясь двору для удовлетворенія своихъ расточительныхъ вкусовъ, онъ и въ этомъ постыдномъ торгѣ своею личностью сохраняетъ неподкупность своего генія. Мирабо не доставало только честности изъ всѣхъ качествъ, необходимыхъ великому человѣку его времени. Для него народъ не что иное, какъ орудіе, слава—для него божество, вѣра—потомство; совѣсть у Мирабо заключается въ разсудкѣ, фанатизмъ его идеенъ вполне человѣченъ, холодный матеріализмъ того времени отнимаетъ у души Мирабо движеніе, силу и цѣль, свойственныя предметамъ неисчезающимъ. Умирая, онъ говоритъ: „покройте меня ароматами и украсьте цвѣтами, чтобъ предаться вѣчному сну“. Этотъ человѣкъ вполне принадлежитъ данному времени; своему дѣлу онъ не сообщаетъ ничего безконечнаго. Онъ не освящаетъ знакомъ безсмертія ни своего характера, ни дѣйствія, ни мысли. Если бы онъ вѣрилъ въ Бога, то быть можетъ умеръ бы мученикомъ, но оставилъ бы послѣ себя религію разума

и царство демократіи. Короче, Мирабо представляет собою здравый смысл одного народа, но не вѣрованіе человѣчества.

4.

Наружная пышность набросила покрывало всеобщаго траура на тѣ чувства, которыя смерть Мирабо втайнѣ произвела въ различныхъ партіяхъ. Когда колокола издавали похоронный звонъ и каждую минуту гремѣла пушка, когда гражданину дѣлали истинно-королевскія похороны, церемонія которыхъ привлекла 200,000 зрителей, когда пантеонъ, въ который снесли усопшаго, казался едва достойнымъ монументомъ для подобнаго праха, что происходило въ это время въ глубинѣ сердецъ окружающихъ?

Король, содержавшій краснорѣчіе Мирабо на жалованьи, королева, съ которой онъ имѣлъ ночныя совѣщанія, жалѣли его, быть можетъ, какъ жалѣютъ послѣднее средство спасенія: во всякомъ случаѣ, онъ имъ внушалъ больше страха, чѣмъ довѣрія; чувство униженія, нераздѣльное съ просьбою короны у подданнаго о помощи, должно было успокоиться въ виду этой разрушительной силы, которая сама собою пала предъ трономъ. Смертью Мирабо дворъ былъ отомщенъ за оскорбленія, какія долженъ былъ отъ него выносить. Раздраженная аристократія предпочитала смерть Мирабо его услугамъ. Для дворянства онъ былъ не болѣе, какъ отступникомъ своего сословія. Быть когда-нибудь возвышенной тѣмъ самымъ человѣкомъ, который унижилъ аристократію, это было довершеніемъ ея позора. Національное собраніе тяготилось превосходствомъ Мирабо. Герцогъ Орлеанскій понималъ, что одного слова этого человѣка достаточно для освѣщенія и пораженія всякихъ преждевременныхъ честолюбивыхъ плановъ. Герой буржуазіи, Лафайетъ, долженъ былъ страшиться народнаго оратора. Тайная зависть неизбежно существовала между диктаторомъ города и диктаторомъ трибуны.

Мирабо въ своихъ рѣчахъ никогда не нападалъ на Лафайета, но въ разговорѣ часто у него прорывались о соперникѣ такія слова, которыя, падая на человѣка, какъ бы отпечатываются на немъ. Со всякимъ ущербомъ Мирабо, Лафайетъ казался выше: то же было и со всѣми ораторами собранія. Соперниковъ Мирабо не имѣлъ, но у него были завистники. Краснорѣчіе его, какъ оно ни было популярно, оставалось краснорѣчіемъ патриціа. Его демократичность упала сверху: она не имѣла въ себѣ чувствъ недовѣрія и ненависти, которыя возбуждаютъ въ сердцахъ низкія страсти и въ оказываемомъ народу добрѣ видятъ только оскорбленіе для дворянства. Народныя чувства Мирабо были, нѣкоторымъ образомъ, либеральной стороной его генія. Блестящія изліянія его великой души ни въ чемъ не были похожи на нескладную ярость демагоговъ. Завоевывая права для народа, онъ имѣлъ такой видъ какъ бы самъ давалъ ихъ. Это былъ волонтеръ демократіи; своею ролью, своимъ отношеніемъ къ демократамъ, расположеннымъ позади его, Мирабо напоминалъ, что со временъ Граховъ до него самого изъ патриціевъ выходили трибуны, самые могучіе въ дѣлѣ служенія народу. Талантъ Мирабо, не имѣвшій себѣ равнаго по философскому складу мысли, по обширности ея и по грандіозности выраженій, былъ также видомъ аристократичности, которую ему еще менѣе

могли простить. Природа доставила ему первенство, смерть открывала просторъ около него для всѣхъ второстепенныхъ личностей. Онѣ готовились оспаривать другъ у друга его мѣсто, котораго между тѣмъ не былъ способенъ занять никто изъ нихъ. Слезы, которыя эти люди проливали при гробѣ Мирабо, были слезы притворныя. Одинъ только народъ оплакивалъ его искренно, потому что народъ слишкомъ силенъ, чтобъ быть завистливымъ, и что, не ставя Мирабо въ упрекъ его происхожденіе, онъ даже любилъ въ немъ дворянскій оттѣнокъ, какъ добычу, завоеванную у аристократіи. Кромѣ того, беспокойная нація, видѣвшая паденія своихъ учреждений одного за другимъ и опасавшаяся общаго переворота, чувствовала по инстинкту, что геній великаго человѣка былъ единственною силою, какаю ей оставалась. Какъ скоро этотъ геній погасъ, подъ ногами монархіи оставались только мракъ и пропасти. Только якобинцы громко радовались, потому что одинъ лишь этотъ человѣкъ могъ уравновѣсить ихъ силу.

6 апрѣля 1791 года національное собраніе возобновило свои засѣданія. Мѣсто Мирабо, оставшееся пустымъ, ясно показывало невозможность замѣстить умершаго. На лицахъ зрителей въ трибунахъ выражалась тревога. Въ залѣ царствовало молчаніе. Талейранъ прочелъ собранію посмертную рѣчь Мирабо. Его хотѣли слушать еще разъ послѣ смерти. Слабое эхо этого голоса, повидимому, доходило до своего отечества изъ глубины сводовъ Пантеона. Чтеніе было угрюмо. Нетерпѣніе и беспокойство давили всѣ умы. Партіи горѣли желаніемъ помѣряться силами безъ прежняго крупнаго перевѣса въ одну сторону. Схватка между ними сдѣлалась неизбежною. Посредника, который ихъ сдерживалъ, уже не было.

5.

Прежде, чѣмъ изобразить положеніе этихъ партій, бросимъ краткій взглядъ на исходную точку революціи, на пройденный ею путь и на главнѣйшихъ вождей, которые старались управлять революціею на томъ пути, который еще оставалось сдѣлать.

Не прошло еще двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ общественное мнѣніе сдѣлало брешь въ монархіи, и уже результаты были громадны. Духъ слабости и колебанія въ правительствѣ былъ причиною созванія собранія нотаблей. Настроеніе общества наложило руку на власть и создало генеральныя штаты. Когда они собрались, нація сознала свое могущество; отъ этого сознанія до легальнаго возстанія оставалось сказать только одно слово. Мирабо его произнесъ. Національное собраніе учредилось предъ лицомъ трона и даже выше его, расточительная популярность Неккера истощилась въ уступкахъ и исчезла вслѣдъ затѣмъ, какъ у него не оставалось болѣе обрывковъ монархіи, которые бы можно было бросать народу. Отставка министра монархіи была для нея пораженіемъ. Послѣдній шагъ этого министра вывелъ его вонъ изъ королевства. Обезоруженный король оставался въ рукахъ націи заложникомъ прежняго порядка. Провозглашеніе правъ человѣка и гражданина, единственный отвлеченный актъ, сдѣланный до тѣхъ поръ революціею, дало ей значеніе социальное и всеобщее. Надъ этой деклараціей много смѣялись; она содержала въ

себѣ нѣсколько ошибокъ и перемѣнивала въ названіяхъ состояніе природы съ состояніемъ общественнымъ, но въ сущности она была догматомъ совершенно новымъ.

6.

Есть въ природѣ предметы, форму которыхъ можно хорошо различить только въ нѣкоторомъ отдаленіи. Близость, какъ и большое разстояніе, мѣшаетъ хорошо видѣть ихъ. То же самое бываетъ относительно крупныхъ событий. Рука провидѣнія видима въ дѣлахъ человѣческихъ, но она же и скрываетъ отъ насъ то, что совершаетъ. То, что можно было тогда разглядѣть во французской революціи, представляло собою величайшее міровое событіе, наступленіе новой идеи среди людей, идеи демократической, и за ней и демократическаго управленія.

Эта идея проистекала изъ христіанства. Христіанство, заставшее людей рабами и падшими по всей землѣ, поднялось при паденіи римской имперіи грознымъ мщеніемъ, хотя и носило форму самопожертвованія. Оно провозгласило три слова, повторенныя 2,000 лѣтъ спустя французской философій: свобода, равенство, братство людей, но скрыло на время этотъ догматъ въ глубинѣ христіанскихъ душъ. Слишкомъ слабое сначала для нападенія на гражданскій законъ, оно сказало властямъ: еще на нѣкоторое время я вамъ оставляю міръ политическій и ограничиваюсь нравственнымъ. Продолжайте, если можете, сковывать, дѣлать, поработать, профанировать народы, — я буду освобождать души, — 2,000 лѣтъ я употреблю на обновленіе умовъ, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до учрежденій. Но наступитъ день, когда мое ученіе изъ храма перейдетъ въ совѣтъ народовъ. Въ тотъ день социальный міръ получитъ обновленіе.

День этотъ наступилъ. Онъ былъ подготовленъ вѣкомъ философій, скептической по наружности, вѣрующей на дѣлѣ. Скептицизмъ XVIII вѣка относился только къ внѣшнимъ формамъ и сверхъестественнымъ догматамъ христіанства; но онъ страстно принялъ его нравственность и социальное значеніе. Что христіанство называло откровеніемъ, философія называла разумомъ. Слова были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различны, смыслъ оставался одинъ и тотъ же. Изъ того и другого одинаково проистекали освобожденіе личностей, сословій, народовъ, только древній міръ освободился во имя Христа, міръ новый освобождался во имя правъ, полученныхъ отъ Бога каждымъ существомъ. Но тотъ и другой производили это освобожденіе или отъ Бога или отъ природы. Политическая философія революціи, чтобы открыться Европѣ, даже не могла найти другого слова, болѣе истиннаго, полнаго и святаго, какъ христіанство, и усвоила себѣ догматъ и лозунгъ братства. Французская революція нападала на внѣшнюю форму господствовавшей религіи только потому, что послѣдняя выражалась въ правительствахъ монархическихъ, теократическихъ и аристократическихъ. Таково объясненіе кажущагося противорѣчія XVIII вѣка, который въ политикѣ все заимствовалъ у христіанства и въ то же время отрицалъ его. Между двумя ученіями происходили одновременно сильное отталкиваніе и сильное притяженіе. Въ самой борьбѣ они признавали другъ друга и стремились

выразить это признаніе еще полнѣе, когда борьба закончилась бы торжествомъ свободы.

Такимъ образомъ, съ апрѣля 1791 г. мыслящимъ умамъ были очевидны три вывода: первый, что начатое революціонное движеніе, переходя съ одного предмета на другой, дойдетъ до полного возстановленія въ человѣчествѣ всѣхъ поправныхъ правъ, начиная отъ правъ народовъ предъ правительствами до правъ гражданина предъ сословіями и пролетарія предъ гражданами, что оно будетъ преслѣдовать тираннію, привиллегіи, неравенство, эгоизмъ, не только на тронѣ, но и въ законѣ гражданскомъ, въ администраціи, въ легальномъ распредѣленіи собственности, въ положеніи промышленности, труда, семьи, и во всѣхъ сношеніяхъ человека съ человекомъ и мужчины съ женщиною; второй, что это демократическое, философское и социальное движеніе будетъ искать себѣ естественнаго выраженія въ правительственной формѣ, аналогичной его принципу и свойствамъ, т. е. въ господствѣ народа, въ республикѣ съ однимъ главою или нѣсколькими; наконецъ, третій, что социальная и политическая эмансипація повлечетъ за собою умственную и религіозную эмансипацію, что свобода мысли, слова и дѣйствія не остановится предъ свободой вѣрованія, что идея о Богѣ выйдетъ изъ святилищъ, чтобы въ каждомъ свободномъ сознаніи блеснуть свѣтомъ свободы, что этотъ свѣтъ, — для однихъ откровеніе, для другихъ разумъ, болѣе и болѣе распространить истину и справедливость, которыя исходятъ на землѣ отъ Бога.

7.

Человѣческая мысль дѣлаетъ цѣлый міръ своимъ отраженіемъ. Мысль была обновлена цѣлымъ вѣкомъ философіи. Ей предстояло преобразовать социальный міръ. Итакъ французская революція была, въ сущности, возвышеннымъ и страстнымъ спиритуализмомъ. Она имѣла предъ собою идеаль святой и всеобщій. Вотъ почему она зарождала страсти по другую сторону французскихъ предѣловъ. Люди, которые ограничиваютъ ее, тѣмъ самымъ ее уродуютъ. Она означала наступленіе трехъ видовъ нравственнаго господства:

Господства права надъ силою, разума надъ предрасудками, народовъ надъ правительствами. Она означала переворотъ въ правѣ: равенство, переворотъ въ идеяхъ: замѣщеніе авторитета разсудкомъ, переворотъ въ фактахъ: царство народа. Это былъ завѣтъ социальныхъ правъ и обязанностей, хартія человѣчества. Провозвѣстникомъ ея явилась Франція. Въ этой борьбѣ идей Франція имѣла союзниковъ вездѣ, даже на тронахъ.

8.

Бываютъ эпохи въ исторіи человѣчества, когда засохшія вѣтви падаютъ съ людскаго дерева, когда дряхлыя, отжившія учрежденія слабѣютъ сами собою, оставляя мѣсто новому вину, учрежденіямъ, которыя, обновляя идеи, обновляютъ народы. Древность полна такихъ перемѣнъ, которыхъ видны только слѣды въ памятникахъ и въ исторіи. Каждая изъ такихъ катастрофъ въ мірѣ идей увлекаетъ къ паденію старый міръ и даетъ свое имя новой цивилизаціи. Востокъ, Китай, Египетъ, Греція, Римъ видѣли эти развалины и эти возрожде-

нія. Западъ испыталъ ихъ въ ту эпоху, когда друидская теократія уступила мѣсто богамъ и правительству римлянъ. Византія, Римъ и Имперія произвели сами перемѣну быстро и какъ бы безсознательно, когда, утомленные политеизмомъ, поднялись, по голосу Константина, противъ своихъ боговъ и смели, подобно гнѣвному вѣтру, обряды, понятія и храмы, сохранившіеся еще въ народѣ, но уже лишенные лучшей доли человѣческой мысли. Цивилизація Константина и Карла Великаго одряхлѣла въ свою очередь, и вѣрованія, поддерживавшія алтари и троны въ теченіе 18 вѣковъ, ослабѣвая въ умахъ людей, угрожали міру религіозному и политическому переворотомъ, послѣ котораго власть рѣдко остается твердою, когда вѣра колеблется. Монархическая Европа была дѣломъ католицизма. Политика образовалась по подобію церкви. Авторитетъ въ ней былъ основанъ на тайнѣ. Право нисходило свыше. Власть, какъ и вѣра, признавалась божественною. Повиновеніе народовъ было дѣломъ священнымъ и этимъ самымъ изслѣдованіе дѣлалось богохульствомъ, а рабство добродѣтелью. Философскій духъ, неслышно возставшій три вѣка тому назадъ противъ ученія, которое повседневно себѣ противорѣчило скандалами, тираніей, преступленіями двухъ властей, не хотѣлъ болѣе признавать божественнаго титула за властями, которые отрицали разумъ и поработали народы. Пока католицизмъ былъ единственнымъ легальнымъ ученіемъ въ Европѣ, эти глухія вспышки разума не потрясали государствъ. Рука правителей ихъ карала.

Тюрьмы, казни, инквизиція, костры запугали разумъ и поддерживали двойной догматъ, на которомъ покоились двѣ власти.

Но книгопечатаніе, этотъ постоянный взрывъ человѣческой мысли, послужилъ народамъ какъ бы вторымъ откровеніемъ. Употребляемое сначала исключительно церковью для распространенія въ народѣ господствовавшихъ идей, оно вскорѣ начало подрывать ихъ. Догматы временной и духовной властей, непрерывно поражаемые этими потоками свѣта, должны были вскорѣ колебаться сначала въ умахъ, а потомъ и въ жизни. Гуттенбергъ, самъ того не зная, былъ механикомъ новаго міра. Создавъ общеніе идей, онъ обезпечилъ независимость разума. Каждая буква алфавита, выходившая изъ-подъ его пальцевъ, содержала въ себѣ больше силы, чѣмъ арміи королей и громы первосвященниковъ. Онъ вооружалъ разумъ словомъ. Эти двѣ силы господствуютъ надъ человѣкомъ, впоследствии онѣ должны господствовать надъ человѣчествомъ. Умственный міръ родился изъ матеріальнаго изобрѣтенія; онъ выросъ быстро. Изъ него вышла религіозная реформа.

Имперія католицизма потерпѣла сильное раздробленіе. Швейцарія, часть Германіи, Голландія, Англія, цѣлая провинція Франціи были похищены у центра религіознаго авторитета и перешли на сторону ученія о свободномъ изслѣдованіи. Какъ скоро религіозный авторитетъ подвергся нападкамъ и спору въ лицѣ католицизма, авторитетъ трона оставленъ былъ на произволъ народовъ. Философія болѣе могущественная, чѣмъ самый мятежъ, приближалась къ трону болѣе и болѣе, все съ меньшимъ уваженіемъ и меньшею боязнью. Исторія могла записать слабости и преступленія королей; публицисты осмѣливались комментировать исторію, народы осмѣливались дѣлать выводы. Общественныя учрежденія подверглись оцѣнкѣ по степени ихъ дѣйствительной пользы для

человѣчества. Умы наиболѣе почтительные къ власти заговорили государямъ объ обязанностяхъ, народамъ о правахъ. Святая дерзость христіанства прозвучала на кафедрѣ, предъ лицомъ Людовика XIV. Боссюэтъ, этотъ теократическій геній, перемѣшивалъ лести Людовику XIV съ нѣкоторыми мрачными предостереженіями, которыя утѣшаютъ народъ въ терпимомъ имъ униженіи. Фенелонъ, кроткій геній новаго закона, писалъ свои наставленія государямъ и своему Телемаку въ королевскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ наслѣдника трона. Политическая философія христіанства, возстаніе правосудія въ пользу слабыхъ, чрезъ него достигла Людовика XIV и ушей его внука. Фенелонъ воспитывалъ въ герцогѣ Бургонскомъ цѣлую революцію. Король слишкомъ поздно замѣтилъ это и изгналъ изъ своего дворца духовное обольщеніе. Но революціонная политика уже зародилась, народъ читалъ ее на страницахъ Фенелона. Версаль, благодаря Людовику XIV и Фенелону, долженъ былъ сдѣлаться одновременно дворцомъ деспотизма и колыбелью революціи. Монтескье разобралъ учрежденія и изслѣдовалъ законы всѣхъ народовъ. Классифицируя правительства, онъ ихъ сравнивалъ; сравнивая, онъ ихъ судилъ. Это сужденіе на каждой страницѣ сопоставляло и противопоставляло право и силу, привилегію и равенство, тираннію и свободу.

Жанъ Жакъ Руссо, менѣе даровитый, но болѣе краснорѣчивый, изучилъ устройство государства не въ законахъ, но въ самой природѣ. Одаренный душой свободной, но страдающей, онъ великодушнымъ порывомъ своего сердца возбудилъ всѣхъ, возмущенныхъ неравенствомъ общественныхъ условій. Это было возмущеніе идеала противъ дѣйствительности.

Онъ былъ трибуномъ природы, Гракхъ философовъ; онъ составлялъ не исторію учреждений, а мечты о нихъ, но эти мечты исходили съ неба и туда же возвращались. Это была утопія правительствъ, но ею-то Руссо больше всего и увлекался. Для воодушевленія народовъ нужно, чтобы къ истинѣ примѣшивалась небольшая доля иллюзіи; голая дѣйствительность слишкомъ холодна, чтобы фанатизировать человѣческій умъ: онъ воспламеняется только изъ-за такихъ предметовъ, которые составляютъ нѣчто большее, чѣмъ природа: таковъ такъ называемый идеалъ, такова притягательная сила религій; вотъ что производитъ фанатизмъ, этотъ бредъ добродѣтели. Руссо былъ идеаломъ политики, Фенелонъ — идеаломъ христіанства.

Вольтеръ обладалъ критическимъ геніемъ, силою насмѣшливаго отрицанія, которое клеймилъ все то, что опрокидываетъ. Онъ заставилъ людей смѣяться надъ ними самими, онъ ихъ унижилъ для того, чтобы возвысить; онъ выставилъ предъ ними всѣ предразсудки, всѣ заблужденія, всѣ несправедливости, всѣ преступленія невѣжества; онъ побудилъ людей къ возмущенію противъ идей, считавшихся освященными, но не путемъ энтузіазма къ будущему, а посредствомъ презрѣнія къ прошлому. Судьба дала ему 80 лѣтъ жизни, чтобы медленно разложить дряхлый вѣкъ; онъ имѣлъ время сразиться противъ своего времени и палъ только побѣдителемъ. Его ученики наполняли дворы, академіи и залы; ученики Руссо предавались своимъ мечтаніямъ и озлобленію въ болѣе низкихъ слояхъ общества. Первый былъ счастливымъ и изящнымъ адвокатомъ аристократіи; второй — тайнымъ утѣшителемъ и любимымъ мстителемъ демо-

кратіи. Книга Руссо была книгою угнетенныхъ людей и чувствительныхъ душъ. Самъ онъ, человѣкъ несчастный и религіозный, поставилъ Бога на ряду съ народомъ; его доктрины освящали разумъ, возстановляя сердце. Въ его выраженіяхъ звучало мщеніе, но тамъ было мѣсто и для милосердія; послѣдователи Вольтера способны были низвергать алтари; послѣдователи Руссо могли поднимать ихъ; одинъ могъ обойтись безъ добродѣтели и поладить съ тронами, другой чувствовалъ потребность въ Богѣ и могъ основывать только республики.

Многочисленные ученики Вольтера и Руссо продолжали ихъ дѣло, располагая всѣми органами общественной мысли; философія XVIII вѣка завоевывала и измѣняла все, отъ геометріи до священной кафедры. Д'Аламберъ, Дидро, Райналь, Бюффонъ, Кондорсе, Бернардень де Сень-Пьеръ, Гельвеційсъ, Сень-Ламберъ, Лагарпъ составляли какъ бы церковь новаго вѣка. Эти, столь различные, умы были одушевлены одною мыслію,—обновленіемъ человѣческой мысли. Цифры, точныя науки, исторія, экономія, политика, театръ, нравственность, поэзія,—все служило проводникомъ новой философіи. Она текла во всѣхъ жилахъ того времени, завербовала себѣ всѣ таланты, говорила всѣми языками. Случай или providѣніе хотѣли, чтобы этотъ вѣкъ, почти безплодный въ другихъ странахъ, былъ вѣкомъ Франціи. Отъ конца царствованія Людовика XIV до начала царствованія Людовика XVI природа была щедра на людей; свѣтъ, поддерживаемый такимъ числомъ геніевъ первой величины,—отъ Корнеля до Вольтера, отъ Боссюэта до Руссо, отъ Фенелона до Бернардена Сень-Пьера, приучилъ другіе народы смотрѣть на Францію. Очагъ міровыхъ идей распространялъ изъ нея ослѣпительный блескъ. Нравственный авторитетъ человѣческаго разума находился уже не въ Римѣ; шумъ, свѣтъ, направленіе исходили изъ Парижа; мыслящая Европа была французскою. Во французскомъ геніи всегда было и будетъ нѣчто болѣе могучее, чѣмъ самое его могущество, болѣе свѣтлое, чѣмъ самый его блескъ: это его жаръ, его поразительная общительность,—притяженіе, которое онъ оказываетъ на Европу. Геній Испаніи Карль V гордъ и предприимчивъ; геній Германіи глубокъ и мраченъ; геній Англіи отличается искусствомъ и гордостью; геній Франціи исключительно любящій, и въ этомъ его сила. Легко увлекающійся самъ, онъ столь же легко увлекаетъ народы.

Свойство общительности, находящееся въ характерѣ французской расы, было тогда предвѣстіемъ наступившаго вѣка. Вниманіе всей Европы инстинктивно обращалось къ Франціи, какъ бы вслѣдствіе сознанія, что движеніе и свѣтъ могли исходить только оттуда. Единственный звучный пунктъ на материкѣ былъ Парижъ. Самые малые предметы, исходя изъ него, производили много волненія. Литература была проводникомъ французскаго вліянія; монархія мысли, прежде чѣмъ имѣть героевъ, имѣла уже свои книги, свой театръ, свои письмена. Она дѣлала завоеванія путемъ разума, и типографія была ея арміей.

9.

Партіи, раздѣлявшія Францію послѣ смерти Мирабо, располагались слѣдующимъ образомъ: въ собраніи—дворъ и якобинцы; въ собраніи—правая и лѣвая стороны, одна фанатикъ нововведеній, другая—фанатикъ сопротивленія;

между этими двумя крайними партіями еще находилась средняя партія. Ее составляли люди крайних партій, желавшіе странѣ блага и мира; ихъ мягкія и нерѣшительныя мнѣнія, стоявшія между революціей и консерватизмомъ, желали, чтобы первая побѣдила безъ насилія, а второй уступилъ безъ злобы. Это были философы революціи. Но теперь было время не философіи, а побѣды; двѣ противоположныя идеи, ставшія лицомъ къ лицу, желали борцовъ, а не судей; своимъ столкновеніемъ они раздавили этихъ людей. Назовемъ главныхъ вождей этихъ различныхъ партій и ознакомимся съ ними прежде чѣмъ увидимъ, какъ они дѣйствовали.

Королю Людовику XVI было только 37 лѣтъ; онъ имѣлъ фамиліиыя черты лица, съ нѣсколько тяжелымъ оттѣнкомъ, слѣдствіемъ нѣмецкой крови его матери,—принцессы саксонскаго дома. Прекрасныя, широко раскрытыя голубые глаза,—больше свѣтлыя, чѣмъ ослѣпительныя, округленный, убѣгающій назадъ лобъ,—римскій носъ, мягкое очертаніе ноздрей котораго нѣсколько измѣняло энергію, свойственную орлиному носу,—ротъ улыбающійся и граціозный при произнесеніи словъ, губы толстыя, но хорошо очерченныя, тонкая кожа, съ живымъ, хотя немного слабымъ отливомъ, короткій ростъ, толстое тѣло, боязливая поза, невѣрная походка; при спокойномъ состояніи, тревожное покачиваніе тѣла попеременно то на одну, то на другую сторону, безъ передвиженія его; быть можетъ, оно въ немъ обуславливалось привычною нетерпѣливостью, свойственною государямъ, которые должны давать длинныя аудіенціи, а быть можетъ, это было и физическимъ выраженіемъ постоянного колебанія нерѣшительнаго ума; во всей фигурѣ выраженіе благодушія, не совсѣмъ королевскаго, которое при первомъ взглядѣ располагало сколько къ насмѣшкѣ, столько же и къ уваженію, и его врагами было умышленно перетолковано такъ, чтобы показать народу въ самыхъ чертахъ государя отраженіе тѣхъ пороковъ, которые предстояло истребить въ королевствѣ; въ цѣломъ, нѣкоторое сходство съ фізіономіей послѣднихъ цезарей, въ эпоху упадка попятій и расъ: кротость Антонина въ дородности Веспасіана. Таковъ человѣкъ!

10.

Этотъ принцъ былъ воспитанъ въ полномъ удаленіи отъ двора своего дѣда. Атмосфера, заражавшая весь вѣкъ Людовика XV, не коснулась его преемника. Пока Людовикъ XV изъ своего двора дѣлалъ вертепъ, наполненный подозрительными людьми, его внукъ, воспитанный въ глуши Медонскаго дворца просвѣщенными и религіозными наставниками, выросалъ въ уваженіи къ своему сану, въ страхѣ предъ трономъ и въ религіозной любви къ народу, которымъ былъ призванъ править. Казалось духъ Фенелона пережилъ два поколѣнія королей, въ этомъ дворцѣ, гдѣ онъ воспиталъ герцога Бургонскаго, чтобы руководить еще воспитаніемъ его потомка. Существо, самое близкое къ коронованному пороку, сидѣвшему на тронѣ, было, быть можетъ, самымъ чистымъ въ цѣлой Франціи. Если бы и весь тогдашній духъ времени не былъ столь же развратенъ, какъ король, онъ обратилъ бы сюда свою любовь. Напротивъ, испорченность дошла до тѣхъ предѣловъ, когда чистота кажется смѣшною и когда къ стыдливости относятся съ презрѣніемъ.

Вступивъ 16 лѣтъ отъ рожденія въ бракъ съ дочерью Маріи - Терезіи, молодой принцъ, до самаго вступленія своего на тронъ, продолжалъ вести жизнь, посвященную семейному уединенію и ученію. Постыдный миръ усыплялъ Европу. Война,—это упражненіе принцевъ, не могла подготовить Людовика къ отношеніямъ съ людьми и приучить къ командѣ. Поля сраженія, служащія театромъ для великихъ актеровъ, никогда не показывали принца взорамъ его народа. На немъ не блистало никакого обаянія, кромѣ даннаго рожденіемъ. Единственною его популярностью было отвращеніе, внушаемое его дѣдомъ. Людовикъ XVI пользовался уваженіемъ своего народа, но никогда не имѣлъ его расположенія. Честный и просвѣщенный, онъ призвалъ съ собою честность и просвѣщеніе въ лицѣ Тюрго. Но, обладая философскимъ сознаніемъ необходимости реформъ, принцъ былъ реформаторомъ только въ душѣ: онъ не имѣлъ для этого ни генія, ни смѣлости. Его государственные люди не болѣе самого короля располагали этими качествами. Они поднимали всѣ вопросы, не двигая ихъ съ мѣста; они накопляли бури, не давая имъ должнаго направленія. Эти бури должны были, въ концѣ концовъ, обратиться противъ нихъ самихъ. Людовикъ XVI обращался отъ Морепа къ Тюрго, отъ Тюрго къ де Калонну, отъ де Калонна къ Неккеру, отъ Неккера къ Мальзербу, переходилъ отъ интригана къ честному человѣку, отъ банкира къ философу; духъ системы и шарлатанства худо помогали духу правительства. Это царствованіе, обладавшее такими громкими именами, не имѣло ни одного государственнаго человѣка; все были только обфщанія и обманъ. Дворъ предавался воплямъ, націю охватывало нетерпѣніе, движеніе становилось судорожнымъ: собраніе нотаблей, генеральные штаты, національное собраніе, все это прогремѣло между рукъ короля; изъ его добрыхъ намѣреній вышла революція болѣе пламенная и разъяренная, чѣмъ могла бы выйти изъ его пороковъ. Теперь король стоялъ лицомъ къ лицу съ революціей, въ національномъ собраніи; въ совѣтахъ королевскихъ не было ни одного человѣка, способнаго, не только сопротивляться ей, но даже понять ее. Люди дѣйствительно сильные предпочитали быть популярными слугами націи, чѣмъ щитовосцами короля въ то время, о которомъ мы говоримъ.

11.

Г. Монморенъ былъ преданъ королю, но не имѣлъ значенія въ глазахъ націи. Министерство не обладало ни инициативой, ни силой сопротивленія: инициатива принадлежала якобинцамъ, исполнительная власть терялась среди революціонныхъ движеній. Королю, лишенному правительственныхъ органовъ и атрибутовъ, не имѣвшему силы, оставалась только тягостная отвѣтственность за анархію. Онъ былъ цѣлью, въ которую всѣ партіи направляли ненависть и ярость народа. Онъ имѣлъ привиллегію всевозможныхъ обвиненій.

Когда съ высоты трибуны Мирабо, Барнавъ, Петъонъ, Ламетъ, Робеспьеръ краснорѣчиво угрожали трону, въ то же время безчестные памфлеты, приникнутые духомъ возмущенія журналы изображали короля тираномъ, недостаточно обузданнымъ, который поглупѣлъ отъ вина, подчинялся капризамъ безстыдной женщины и въ глубинѣ своего дворца стоваривался съ врагами націи. Стоическая добродѣтель этого государя, въ злобѣщемъ предчувствіи его скорого паденія, была

достаточна для спокойствія его совѣсти, но не для принятія хорошихъ рѣшеній. Выходя изъ совѣта министровъ, гдѣ честно исполнялъ свои конституціонныя обязанности, король искалъ болѣе непосредственнаго вдохновенія то въ дружбѣ преданныхъ ему слугъ, то даже въ лицѣ своихъ враговъ, боязливо удостоенныхъ королевскаго довѣрія. Одни совѣты смѣнялись другими, взаимно себѣ противорѣча въ ушахъ короля, а результаты ихъ также противорѣчили себѣ въ его дѣйствіяхъ. Враги короля внушали ему о необходимости уступокъ и обѣщали популярность, которая ускользала изъ ихъ рукъ, какъ только они хотѣли ее ему доставить. Дворъ говорилъ королю о силѣ, которая была лишь въ области мечтаній; королева о мужествѣ, которое она чувствовала въ своей душѣ; интриганы—о подкупѣ; трусы—о бѣгствѣ; поочередно и заразъ онъ перепробовалъ всѣ эти средства. Ни одно изъ нихъ не было дѣйствительно: время полезныхъ рѣшеній уже прошло. Кризисъ былъ неизлѣчимъ. Нужно было выбирать между жизнью и трономъ. Попытка сохранить жизнь и тронъ должна была погубить то и другое.

Если занять мысленно положеніе Людовика XVI и спросить себя, какіе совѣты могли бы его спасти,—отвѣтъ будетъ затруднителенъ. Бываютъ обстоятельства, обставляющія всѣ движенія человѣка такими западнями, что какое бы направленіе онъ ни принималъ, все-таки упадетъ въ роковую пропасть своихъ ошибокъ или даже своихъ добродѣтелей. Людовикъ XVI былъ именно въ такомъ положеніи. Вся непопулярность королевской власти во Франціи, всѣ ошибки прежнихъ царствованій, всѣ пороки королей, всѣ скандалы двора, всѣ страданія народа, такъ сказать, скопились надъ его головой и указали его невинное чело для искупленія неправдъ нѣсколькихъ вѣковъ. Эпохи, какъ и религіи, имѣютъ свои жертвы. Когда онѣ хотятъ обновить учрежденіе, сдѣлавшееся непригоднымъ, то громоздятъ надъ человѣкомъ, въ которомъ олицетворяется это учрежденіе, всю ненависть и всѣ проклятія, свойственныя самому учрежденію; изъ этого человѣка онѣ дѣлаютъ жертву, которую приносятъ своему времени: Людовикъ XVI былъ такою жертвою,—невиною, но обремененною всѣми неправдами прежнихъ троновъ,—жертвою, которую должно было принести въ искупленіе оскверненнаго королевскаго сана. Таковъ король.

12.

Королева, казалось, была создана природою въ контрастъ королю, какъ бы для того, чтобы навсегда привлечь интересъ и состраданіе вѣковъ на одну изъ тѣхъ государственныхъ драмъ, которыя остаются неполны, если ихъ не закончило несчастье женщины. Дочь Маріи-Терезіи начала жизнь среди бурь австрійской монархіи. Она была сестрою тѣхъ дѣтей, которыхъ эта императрица держала за руки, явившись съ мольбою о помощи къ преданнымъ венгерцамъ, встрѣтившимъ ее криками „умремъ за нашего короля, Марію-Терезію!“ Дочь ея также обладала королевскимъ духомъ. Когда она прибыла во Францію, красота принцессы освѣтила королевство; эта красота была тогда въ полномъ блескѣ. Марія-Антуанетта была высока, стройна, гибка: настоящая дочь Тироля. Двое дѣтей, принесенныхъ ею трону, не только не заставили увянуть красоту королевы, но еще прибавили къ ея выраженію характеръ материнскаго величія,

который такъ умѣстенъ у матери цѣлой націи. Только предчувствіе несчастій, воспоминаніе о трагическихъ сценахъ въ Версали, ежедневное безпокойство, нѣсколько уменьшили прежнюю свѣжесть королевы. Природное достоинство ея осанки не уменьшало граціозности ея движенія; шея, хорошо разграниченная отъ плечъ, представляла тѣ прелестныя очертанія, которыя придаютъ такую выразительность позамъ женщины. Въ королевѣ видна была женщина,—подъ величіемъ сана сквозила нѣжность сердца. Вѣлокурые, съ пепельнымъ оттѣнкомъ волосы королевы были длинны и шелковисты; лобъ высокій и нѣсколько выпуклый, соединялся съ висками—кривою линіей, которая придаетъ выраженіе нѣжности и чувствительности этому сѣдалищу мысли; глаза свѣтло-голубого цвѣта, напоминающаго небо сѣвера или воду Дуная;—орлиный носъ, съ хорошо открытыми и нѣсколько раздувающимися ноздрями, гдѣ трепетали душевныя потрясенія, признакъ мужества; большой ротъ, съ блестящими зубами,—австрійскія, т. е. выдающіяся, и какъ бы вырѣзанныя губы, овальный обликъ,—подвижная, выразительная, страстная фizioномія; въ цѣломъ лицѣ тотъ блескъ, котораго описать невозможно, который сверкаетъ во взглядѣ, въ тѣняхъ, въ отраженіи лица и покрываетъ его сіяніемъ подобнымъ горячему цвѣтистому пару, среди котораго плаваютъ предметы, освѣщенные солнцемъ; это крайнее выраженіе красоты, сообщаемое идеаломъ, который дѣлаетъ ее живою и видоизмѣняетъ ея прелести. При всей этой привлекательности, душа, проникнутая привязанностію,—сердце, склонное къ волненію, но требующее только сосредоточенности,—улыбка задумчивая и разумная, которая не имѣла въ себѣ ничего банальнаго, не допускала мысли объ интимности или о какомъ-нибудь особомъ предпочтеніи, потому что сознавала себя достойною дружбы. Такова Марія-Антуанетта, какъ женщина.

13.

Этого было довольно, чтобы составить счастье челоѣка и украшеніе двора. Но чтобы вдохновить нерѣшительнаго короля и спасти государство въ трудныхъ обстоятельствахъ, нужно было нѣчто большее: нуженъ былъ правительственный талантъ; королева его не имѣла. Ничто не могло ее приготовить къ управленію беспорядочными силами, которыя волновались подлѣ нея; несчастіе не оставило ей времени на размышленія. Принятая съ увлеченіемъ развратнымъ дворомъ и пламенной націей, она должна была вѣрить въ постоянство подобныхъ чувствъ. Ее усыпили праздники Трианона. Она слышала первый ропотъ бури, но не вѣрила опасности; она полагалась на любовь, которую внушала другимъ и сама чувствовала въ сердцѣ. Между тѣмъ дворъ дѣлался требовательнымъ, нація враждебной. Служа орудіемъ придворныхъ интригъ на сердце короля, Марія-Антуанетта сначала благопріятствовала, потомъ сопротивлялась всѣмъ реформамъ, которыя могли предупредить или отсрочить кризисъ. Политика королевы состояла лишь въ предубѣжденіи, ея система—только въ попережѣнной надеждѣ на тѣхъ, которые обѣщали ей спасти короля. Графъ Артуа, принцъ молодой и рыцарскій по наружности, овладѣлъ ея умомъ. Онъ полагался на дворянство, говорилъ о своей шпигѣ, смѣялся надъ кризисомъ. Онъ презиралъ этотъ шумъ на словахъ, составлялъ заговоры противъ мини-

Мирабо.

стерствъ, отзывался дурно о переговорахъ. Королева, упоенная лестью окружающихъ, побуждала короля брать назадъ по утру уступки, сдѣланныя накануне. Во всѣхъ судорожныхъ движеніяхъ правительства замѣтна была ея рука. Комнаты королевы служили очагомъ постоянного заговора противъ новыхъ стремленій; нація наконецъ это поняла и стала ее ненавидѣть. Имя королевы сдѣлалось для народа призракомъ контръ-революціи. Кого бояться, на того охотно клеветуютъ. Въ гнусныхъ памфлетахъ королеву изображали Мессалиной. Пущены были въ ходъ слухи самые безчестные; распространялись анекдоты самые лживые. Ее можно было обвинить въ нѣжности, но въ развратѣ никогда. Она была молода и прекрасна, ей поклонялись; если ея сердце и не оставалось нечувствительнымъ, то по крайней мѣрѣ ея чувства никогда не проявлялись въ чемъ-нибудь скандальномъ. Сердце женщины, хотя бы она была королевой, имѣетъ свою неприкосновенность. Чувства дѣлаются достоинствомъ исторіи только тогда, когда проявляются публично.

14.

Въ теченіе знаменитыхъ дней 5 и 6 октября королева замѣтила, хотя слишкомъ поздно, ненависть къ себѣ народа; непріязнь должна была наполнить и ея сердце. Началась эмиграція; королева отнеслась къ ней благосклонно. Всѣ ея друзья были въ Кобленцѣ; ее считали соучастницей въ ихъ дѣлахъ; это соучастіе дѣйствительно существовало. Басни объ австрійскомъ комитетѣ расходились въ народѣ. Марію Антуанету обвиняли въ заговорѣ на гибель націи, которая каждую минуту требовала ея головы. Возбужденный народъ нуждается въ ненависти къ кому-нибудь; ему указали на королеву. Ея имя было воспріято въ народномъ гнѣвѣ. Женщина была избрана врагомъ всей націи. Гордость королевы пренебрегала раскрытіемъ заблужденія. Она затворилась въ чувствахъ вражды и ужаса; заключенная въ Тюльерійскомъ дворцѣ, она не могла высунуть голову въ окно, чтобъ не вызвать обиды и не услышать оскорбленія. Всякій городской шумъ заставлялъ ее бояться возстанія. Дни ея были угрюмы, ночи полны волненія; казнь ея продолжалась каждый часъ въ теченіе двухъ лѣтъ; мученія королевы увеличивались любовью къ дѣтямъ и безпокойствомъ за короля. Дворъ ея былъ пустъ, она видѣла возлѣ себя только подозрительныхъ властей, надменныхъ министровъ и Лафайета, предъ которымъ вынуждена была придавать даже своему лицу притворное выраженіе. Комнаты королевы таили въ себѣ доносы; слуги были ея шпіонами. Нужно было ихъ обманывать, чтобъ имѣть возможность совѣщаться съ немногими друзьями, которые еще оставались у нея. Потайныя лѣстницы, темные коридоры проводили ночью на вершину замка тайныхъ совѣтниковъ, которыхъ она къ себѣ призывала, эти совѣщанія походили на заговоры; королева выходила изъ нихъ постоянно съ разнородными мыслями и ими наполняла душу короля, поведеніе котораго, благодаря этому, отличалось несвязностью, свойственною растерянной женщинѣ.

Насильственные мѣры, попытки подкупить собраніе, искреннее признаніе конституціи, попытки сопротивленія, сознаніе королевскаго достоинства, раскаяніе, слабость, ужасъ и бѣгство, все это задумывали, пытались исполнить,

приготавливали, останавливали и прекращали въ одинъ и тотъ же день. Женщины, столь возвышенныя, когда нужна преданность, рѣдко бываютъ способны къ послѣдовательности и невозмутимости, необходимыми для политическаго плана. Ихъ политика находится въ сердцахъ; страсть у нихъ слишкомъ близка къ разуму, изъ всѣхъ добродѣтелей трона онѣ имѣютъ только мужество; героями онѣ бываютъ часто, государственными людьми рѣдко. Королева представила еще одинъ примѣръ этого; она сдѣлала королю много зла. Одаренная большимъ умомъ, лучшею душою, сильнѣйшимъ характеромъ, чѣмъ онъ, она употребила свое превосходство только на то, чтобъ внушить ему довѣріе къ гибельнымъ совѣтамъ. Въ одно и то же время она была и утѣшеніемъ въ его несчастіяхъ и гениемъ его гибели; она свела его шагъ за шагомъ на эшафотъ, но и сама взошла туда вмѣстѣ съ нимъ.

15.

Правая сторона національнаго собранія состояла изъ естественныхъ враговъ движенія — изъ дворянства и высшаго духовенства. Но это были враги не одинаковой степени и не одного вида. Мятежъ рождается внизу, революція на верху; мятежи ничто иное, какъ народный гнѣвъ, революціи же — идеи эпохи. Идеи зарождаются въ головахъ націй. Французская революція была великодушною мыслью аристократіи. Эта мысль попала въ руки народа, который сдѣлалъ изъ нея оружіе противъ дворянства, трона и религіи. Въ залахъ она была философіей, на улицахъ возстаніемъ. Между тѣмъ всѣ крупныя фамиліи королевства сдѣлали свой вкладъ въ ряды провозвѣстниковъ первыхъ догматовъ революціи; генеральные штаты, древняя арена значенія и триумфовъ высшаго дворянства соблазнили честолюбіе его потомковъ: они стояли во главѣ реформаторовъ. Сословный духъ не могъ ихъ удержать, когда вопросъ состоялъ въ соединеніи съ третьимъ сословіемъ. Фамиліи Монморанси, Ноайль, Ларошфуко, Клермонъ-Тоннерръ, Лалли-Толландаль, Виріе, д'Эгильонъ, Лозенъ, Монтескье, Ламетъ, Мирабо, герцогъ Орлеанскій, первый принцъ крови, графъ Прованскій, братъ короля, впоследствии самъ король подъ именемъ Людовика XVIII, дали толчокъ самымъ смѣлымъ нововведеніямъ. Каждый изъ нихъ сообщалъ свое мимолетное значеніе принципамъ, которые легче было поставить, чѣмъ удержать въ предѣлахъ; большею частію, это значеніе уже исчезло. Когда эти теоретики умозрительной революціи замѣтили, что потокъ уноситъ ихъ, они пытались остановить теченіе или удалялись; одни снова сгруппировались вокругъ трона, другіе эмигрировали послѣ дней 5 и 6 октября. Нѣкоторые, самые твердые, остались на своихъ мѣстахъ въ національномъ собраніи; они сражались за потерянное дѣло безъ надежды, но со славой; они старались, по крайней мѣрѣ, поддержать монархическую власть и оставляли народу безъ спора, остатки дворянства и церкви. Къ числу такихъ принадлежали: Казалесь, аббатъ Мори, Малуэ и Клермонъ-Тоннерръ. Это были люди замѣчательные среди своей умиравшей партіи.

Клермонъ-Тоннерръ и Малуэ были скорѣе государственными людьми, чѣмъ ораторами; ихъ твердыя и обдуманная слова носили на себѣ отпечатокъ разсудка. Они искали равновѣсія между свободой и монархіей и думали, что

нашли его въ англійской системѣ двухъ палатъ. Люди умѣренные той и другой партіи слушали ихъ голосъ съ уваженіемъ; подобно всѣмъ полупартіямъ и полу-талантамъ, эти люди не возбуждали ни ненависти, ни гнѣва; но событія ихъ не слушали и, удаляя ихъ, шли къ болѣе полнымъ результатамъ. Мори и Казалесъ, менѣе философы, были атлетами правой стороны; натуры ихъ были различны, но ораторское могущество почти равное. Мори представлялъ собою духовенство, котораго былъ членомъ, Казалесъ—дворянство, къ которому принадлежалъ. Мори, рано привыкшій къ борьбѣ религіозной полемики, отточилъ и выполировалъ на кафедрахъ свое краснорѣчіе, которое долженъ былъ перенести на трибуну. Выйдя изъ низшихъ рядовъ народа, онъ принадлежалъ къ старому порядку только по платью; онъ защищалъ религію и монархію, подобно двумъ текстамъ, вложеннымъ въ его рѣчи. Его убѣжденіе было только ролью: всякая другая роль столь же хорошо шла бы къ нему. Но ту роль, которую указывало положеніе, Мори выдерживалъ съ изумительнымъ мужествомъ и съ прекрасною выдержкою. Выросшій на серьезномъ ученіи, одаренный обильнымъ, живымъ и цвѣтистымъ краснорѣчіемъ, онъ произносилъ рѣчи, которыя были цѣлыми трактатами по обсуждаемому предмету. Мори, единственному сопернику Мирабо, чтобы сравняться съ этимъ послѣднимъ, недоставало только дѣла, болѣе національнаго и болѣе справедливаго; софизмы злоупотребленій стараго порядка не могли облечься красками правдоподобіе тѣхъ, которыми Мори описалъ этотъ порядокъ. Историческая и религіозная ученость доставили ему аргументы. Свѣлость его характера и языка давали ему такіа слова, которыя мстятъ даже за поражение. Красивая осанка, звучный голосъ, повелительный жестъ, безпечность и веселость, съ которыми онъ относился къ трибунамъ, часто вызывали рукоплесканія даже у его враговъ. Народъ, который чувствовалъ свою неодолимую силу, забавлялся безсильнымъ сопротивленіемъ. Мори для народа былъ въ родѣ тѣхъ гладіаторовъ, на борьбу которыхъ смотреть не безъ удовольствія, хотя и знаютъ, что они должны умереть. Одного только недоставало аббату Мори: нравственнаго авторитета въ словахъ. Ни его рожденіе, ни вѣра, ни нравъ не внушали уваженія слушателямъ. Въ человѣкѣ замѣтенъ былъ актеръ, въ защитѣ дѣла — только адвокатъ; ораторъ и произносимыя имъ слова не составляли одного цѣлаго. Снимите съ аббата Мори платье, свойственное его сану, онъ переѣмился бы и самъ безъ особыхъ усилій и занялъ бы мѣсто среди реформаторовъ. Подобные ораторы могутъ украшать свою партію, но не спасаютъ ее.

16.

Казалесъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые сами себя не знаютъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не откроютъ ихъ таланта, указавъ имъ на обязанности. Онъ былъ незамѣтнымъ офицеромъ въ рядахъ арміи, и только случай, бросившій его на трибуну, открылъ Казалесу, что онъ ораторъ. Ему не нужно было искать—какое дѣло слѣдуетъ защищать: дворянинъ долженъ защищать дворянство, роялистъ—короля, подданный—тронъ. Положеніе составляло доктрину Казалеса. Онъ принесть въ національное собраніе характеръ и добродѣтели своего мундира. Слово было для него только лишней шагай;

онъ обратилъ его, съ рыцарскою преданностью, на защиту монархіи. Казалесъ былъ лѣнивъ и малоучень, но тонкій здравый смыслъ замѣнилъ ему ученіе. Его монархическія вѣрованія вовсе не были фанатизмомъ прошлаго: они допускали измѣненія, принятые самимъ королемъ и совмѣстныя съ неприкосновенностью трона и дѣйствіями исполнительной власти. Между Казалесомъ и Мирабо разстояніе было не велико по отношенію къ догмату; но одинъ хотѣлъ свободы, какъ аристократъ, другой — какъ демократъ. Одинъ бросился въ среду народа, другой привязалъ себя къ ступенькамъ трона. Самый характеръ краснорѣчія Казалеса показывалъ, что оно посвящено безнадежному дѣлу. Онъ больше протестовалъ, чѣмъ разсуждалъ; бурнымъ триумфамъ лѣвой стороны онъ противопоставлялъ ироническіе вызовы, горькое негодованіе, которое на минуту возбуждало удивленіе, но не вело за собою побѣды. Дворянство ему обязано тѣмъ, что пало не безъ славы, а тронъ не безъ величія; краснорѣчіе Казалеса имѣло отбѣнокъ героизма.

Позади этихъ двухъ людей не было ничего болѣе, кромѣ партіи, ожесточенной несчастіемъ, деморализованной своимъ уединеніемъ среди націи, — ненавистной народу, бесполезной трону, питавшейся напрасными иллюзіями и сохранившей отъ своего павшаго могущества только мщеніе за обиды и наглость, которыя вызывали новыя униженія. Надежды этой партіи вполнѣ покоились на вмѣшательствѣ арміи иностранныхъ державъ. Людовикъ XVI былъ въ ея глазахъ плѣнникомъ-королемъ, котораго Европа явится освободить. Патріотизмъ и честь для этихъ людей находились въ Кобленцѣ. Побѣжденная численностью, лишенная искусныхъ вождей, которые умѣютъ обезсмертить самое отступленіе, безсильная противъ духа времени и несогласная на примиреніе, правая сторона могла только взывать къ мщенію; политика ея состояла только въ проклятіяхъ.

Лѣвая сторона потеряла въ лицѣ Мирабо и вождя и регулятора. Человѣка цѣлой націи болѣе не было; оставались люди партіи: такими были Барнавъ и два Ламетта. Эти люди, униженные перевѣсомъ Мирабо, пытались за долго до его смерти уравновѣсить господство его генія, возвышая тонъ своихъ теорій и рѣчей. Мирабо былъ апостоломъ своего времени; эти же люди стремились только къ мятежу; завидуя Мирабо, они думали заслонить его талантъ превосходствомъ своей популярности. Посредственности думаютъ сравняться съ геніемъ, переходя границы разума. На лѣвой сторонѣ образовалось отдѣленіе отъ 30 до 40 голосовъ. Барнавъ и Ламеттъ вдохновляли ихъ. Внѣ собранія имъ соответствовали клубъ друзей конституціи, сдѣлавшійся клубомъ якобинцевъ. Ими было поднято народное движеніе, сдерживаемое Мирабо, который соединилъ противъ этихъ людей лѣвую сторону, центръ и разсудительныхъ людей правой стороны. Они гораздо больше умѣли производить интриги, заговоры, возбуждать разногласія, — чѣмъ господствовать въ собраніи. Смерть Мирабо очистила имъ мѣсто.

Ламетты, люди придворные, воспитанные добротой королевской фамиліи, осыпанные милостями и пенсіями короля, имѣли за собою такое же рѣзкое отступничество, какъ и Мирабо, не имѣя, подобно ему, оправданія въ жалобахъ на монархію; отступничество было однимъ изъ ихъ дипломовъ на народ-

ную благосклонность. Люди ловкіе, они перенесли въ національное дѣло пріемы двора, при которомъ были вскормлены. Тѣмъ не менѣ любовь ихъ къ революціи была безкорыстна и искренна, хотя замѣтные таланты этихъ людей не равнялись съ ихъ честолюбіемъ. Подавленные Мирабо, они возбуждали противъ него всѣхъ тѣхъ, которыхъ тѣмъ этого великаго человѣка заслоняла вмѣстѣ съ ними. Они искали ему соперника, а находили только завистниковъ. Явился Барнавъ; они окружили его, рукоплескали ему, опьянили собственнымъ его значеніемъ. Они убѣдили его на минуту, что фразы составляютъ политику, а риторъ—то же, что государственныи человѣкъ.

Мирабо былъ настолько великъ, чтобы не бояться ихъ, и настолько справедливы, чтобы не презирать. Барнавъ, молодой адвокатъ изъ Дофине, дебютировалъ блестящимъ образомъ въ столкновѣніяхъ между парламентомъ и трономъ, волновавшихъ эту провинцію, и испыталъ на небольшой аренѣ свое адвокатское краснорѣчіе. Посланный 30 лѣтъ отъ роду въ генеральныя штаты съ Мунье, своимъ патрономъ и учителемъ, онъ скоро оставилъ его и монархическую партію, чтобы отличиться въ партіи демократической. Зловѣщее слово, соскользнувшее не изъ сердца, но съ губъ Барнава, лежало тяжестію на его совѣсти. „Чиста ли кровь, которая течетъ?“ воскликнулъ онъ при первомъ смертоубійствѣ, совершенномъ революціей. Эти слова положили на него знакъ товарищества съ крайнею партіей. Барнавъ, однакожъ, не совѣтъ принадлежалъ къ ней или лишь настолько, сколько требовалось для успѣха его рѣчей. Крайнимъ въ немъ былъ только ораторъ, человѣкъ — не былъ такимъ, а жестокимъ — еще менѣ. Ученый, но лишенный идеи, обладавшій даромъ слова, но не имѣвшій одушевленія, Барнавъ былъ умомъ средней руки, честной душой, колеблющейся волей, прямымъ сердцемъ. Талантъ его, который раздували до сравненія съ Мирабо, былъ лишь искусствомъ ловко нанизывать общеизвѣстныя соображенія. Привычка къ адвокатству давала ему кажущееся превосходство въ импровизаціи, исчезающее при размышленіи. Враги Мирабо соорудили Барнаву пьедесталъ изъ своей ненависти и возвысили его, чтобы была возможность сравненія. Но когда онъ былъ низведенъ до своего настоящаго роста, тогда сдѣлалась очевидною вся разница, какая существовала между человѣкомъ націи и человѣкомъ адвокатской трибуны. Барнавъ имѣлъ несчастіе быть великимъ человѣкомъ въ посредственной партіи и героемъ въ партіи завистливой; онъ заслуживалъ лучшей доли и потомъ приобрѣлъ ее.

17.

Между тѣмъ, въ тѣни, позади вождей національнаго собранія, начиналъ заявлять себя человѣкъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстный, волнуемый безпокойною мыслью, которая, повидимому, не допускала его молчать и не давала покоя; онъ при всякомъ случаѣ старался говорить и нападалъ безразлично на всѣхъ ораторовъ, даже на Мирабо. Столкнутый съ трибуны, онъ на слѣдующій день опять входилъ на нее; унижаемый сарказмами, заглушаемый ропотомъ, не признаваемый ни одной партіей, исчезая среди атлетовъ, которые привлекали общественное вниманіе, онъ безпрерывно терпѣлъ пораженія, но никогда не былъ ими утомленъ. Можно бы сказать, что внутренній, про-

роческій геній открывалъ этому человѣку заранѣ пустоту всѣхъ окружающихъ талантовъ и всемогущество воли и терпѣнія; голосъ, слышный только ему, какъ бы говорилъ: „эти люди тебя презираютъ, но они принадлежать тебѣ; всѣ извороты этой революціи, которая не хочетъ тебя видѣть, все-таки дойдутъ до тебя потому, что ты всталъ на ея дорогѣ, какъ неизбежная крайность, которая должна закончить собою всякое порывистое движеніе!“ Этотъ человѣкъ былъ Робеспьеръ.

Бываютъ пропасти, которыхъ люди не смѣютъ изслѣдовать, и характеры, въ которые не хотятъ углубляться, боясь встрѣтить тамъ слишкомъ много мрака и ужаса; но исторія, обладающая безпристрастнымъ взглядомъ, не должна останавливаться при видѣ этихъ ужасовъ; она должна понять то, что берется рассказывать.

Максимиліанъ Робеспьеръ родился въ Аррасѣ, въ бѣдномъ, честномъ и уважаемомъ семействѣ; отецъ его, умершій въ Германіи, по происхожденію былъ англичанинъ. Этимъ объясняется нѣкоторый пуританизмъ натуры Робеспьера. Аррасскій епископъ принялъ на себя расходы по его воспитанію. Находясь въ коллегіи Людовика Великаго, молодой Робеспьеръ отличался трудолюбіею жизнью и суровымъ нравомъ.

Письма и адвокатура дѣлили его время. Философія Жанъ-Жака Руссо глубоко проникла въ его умъ; эта философія, попавъ на дѣятельную волю, не осталась мертвою буквою: она сдѣлалась въ душѣ Робеспьера догматомъ, вѣрованіемъ, фанатизмомъ. Въ сильной душѣ сектатора всякое убѣжденіе становится ученіемъ его секты. Робеспьеръ былъ Кальвиномъ политики; онъ питалъ во мракѣ смутную мысль обновленія какъ соціальнаго, такъ и политическаго міра; эта мысль была мечтой, бесплодно наполнявшей его юность, до тѣхъ поръ, пока революція представила ему то, что судьба всегда доставляетъ людямъ, которые слѣдятъ за ея путями, — случай. Онъ за него ухватился. Онъ былъ выбранъ депутатомъ третьяго сословія въ генеральные штаты. Изъ всѣхъ людей, открывавшихъ въ Версали первую сцену этой громадной драмы, быть можетъ, только онъ предвидѣлъ развязку. Мысль цѣлаго народа покоится иногда на самомъ неизвѣстномъ человѣкѣ изъ всей обширной толпы. Ни въ рожденіи Робеспьера, ни въ его талантахъ, ни во внѣшности не было ничего такого, что могло бы привлечь на него общественное вниманіе. Онъ не прославился ровно ничѣмъ; его блѣдный талантъ проявлялся только въ судебныхъ мѣстахъ или въ провинціальныхъ академіяхъ; нѣсколько многословныхъ рѣчей, наполненныхъ неосознательно, почти пастушескою философіей, — нѣсколько холодныхъ и напыщенныхъ поэтическихъ опытовъ бесплодно соединялись съ его именемъ въ общемъ ничтожествѣ литературныхъ сборниковъ того времени; Робеспьеръ былъ болѣе, чѣмъ неизвѣстенъ, онъ слылъ человекомъ посредственнымъ, его презирали. Въ его чертахъ не было ничего такого, что останавливаетъ на себѣ взглядъ, скользящій по большому собранію; на этой внутренней силѣ не было ничего написано физическими чертами: онъ былъ послѣднимъ словомъ революціи, но никто не могъ его прочитать.

Робеспьеръ былъ малъ ростомъ, — съ худощавыми и угловатыми членами нервной походкой, искусственными позами, некрасивыми и неграціозными же-

стами; голосъ его, нѣсколько крикливый, искалъ ораторскихъ оттѣнковъ, но находилъ только утомленіе и монотонность; довольно красивый, маленькій лобъ надъ висками имѣлъ выпуклость, какъ будто бы былъ съ трудомъ раздвинутъ массою туго двигавшихся мыслей; глаза, густо закрытые рѣсницами и очень проницательные на оконечностяхъ, глубоко вдавались во впадины орбитъ; они издавали голубоватый блескъ, довольно мягкій, но неопредѣленный и скользящій подобно отраженію стали, на которую упалъ свѣтъ; прямой и маленькій носъ рѣзко заканчивался высокими и очень открытыми ноздрями; ко всему этому большой ротъ, — тонкія и непріятно сжатые на углахъ губы, — короткий, остро-конечный подбородокъ, — цвѣтъ лица багрово-желтый, какъ у больного или у челоуѣка, преданнаго бессонницѣ и размышленіямъ. Обычнымъ выраженіемъ этого лица была наружная ясность на подкладкѣ серьезности и неопредѣленная улыбка, колеблющаяся между сарказмомъ и граціей. Лицо это обладало кротостью, но зловѣщею. Въ цѣлой фізіономіи господствовало изумительное и постоянное напряженіе лба, глазъ, рта, всѣхъ лицевыхъ мускуловъ. Наблюдая надъ этимъ челоуѣкомъ, можно было замѣтить, что всѣ черты его лица, какъ и вся его душевная работа, неуклонно сходились на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, — и притомъ съ такою силою, которая не оставляла мѣста ни малѣйшему колебанію воли; казалось, онъ заранѣе уже видѣлъ то, что хотѣлъ совершить, заранѣе имѣлъ это будущее дѣйствіе передъ глазами, перешедшимъ въ жизнь.

Таковъ былъ тогда этотъ челоуѣкъ, которому предстояло сосредоточить въ себѣ всѣхъ окружающихъ и, обративъ ихъ въ свои орудія, сдѣлать потомъ изъ нихъ же свои жертвы. Онъ не принадлежалъ ни къ одной партіи, а скорѣе ко всѣмъ, которыя поочередно служили созданному имъ идеалу революціи. Въ этомъ и была его сила, потому что партіи останавливались на извѣстныхъ пунктахъ, онъ же не останавливался. Свой идеалъ Робеспьеръ ставилъ, подобно цѣли, впереди каждаго революціоннаго движенія; онъ шелъ вмѣстѣ съ тѣми, которые хотѣли ея достигнуть; потомъ, когда эту цѣль миновали, онъ становился далѣе ея, и шелъ туда уже съ другими людьми, — продолжая дѣйствовать такимъ образомъ безъ малѣйшаго уклоненія, безъ остановки, безъ отступленія. Революція неизбѣжно должна была когда-нибудь дойти до своего послѣдняго слова. Этимъ словомъ онъ и хотѣлъ быть. Онъ воплотилъ въ себя всю революцію, съ ея принципами, мыслями, страстями, гнѣвомъ, заставляя этимъ и ее воплотиться въ немъ когда-нибудь. Но день этотъ былъ еще не близокъ.

18.

Робеспьеръ, часто нападавшій на Мирабо вмѣстѣ съ Дюпоромъ, Ламетами и Барнавомъ, началъ отдѣляться отъ послѣднихъ, какъ только они стали господствовать въ собраніи. Соединившись съ Петіономъ и нѣсколькими неизвѣстными лицами, онъ составилъ маленькую группу радикально-демократической оппозиціи, которая ободряла якобинцевъ внѣ собранія и угрожала Барнаву и Ламетамъ каждый разъ, когда тѣ пытались остановиться. Петіонъ и Робеспьеръ въ собраніи, Бриссо и Дантонъ въ клубѣ якобинцевъ составляли зародышъ

новой партіи, которой предстояло ускорить движеніе и повести его къ потрясеніямъ и катастрофамъ.

Цѣлью Петіона была популярность; онъ достигъ ея скорѣе Робеспьера. Адвокатъ безъ таланта, но честный, — заимствовавшій изъ философіи только софизмы общественнаго договора, — молодой, красавецъ, патриотъ, онъ долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ пріятныхъ кумировъ, изъ которыхъ народъ дѣлаетъ все, что хочетъ, кромѣ чловѣка. Значеніе Петіона на улицѣ и у якобинцевъ давало ему нѣкоторый авторитетъ въ собраніи; его слушали, какъ выразительное эхо воли, находившейся внѣ собранія. Робеспьеръ дѣлалъ видъ, что уважаетъ его.

19.

Начертаніе конституціи кончалось: королевская власть оставалась тамъ только по имени; король былъ простымъ исполнителемъ приказаній народныхъ представителей; министры его были отвѣтственными заложниками въ рукахъ собранія. Прежде чѣмъ конституція была кончена, недостатки ея уже давали себя знать. Признанная подъ вліяніемъ вражды партій, она собственно не была конституціей, но скорѣе мщеніемъ народа противъ монархіи; тронъ существовалъ только въ качествѣ замѣстителя той единственной власти, которую учреждали повсюду, хотя еще не осмѣливались назвать прямо. Народъ, партіи трепетали, боясь уничтоженіемъ трона открыть пропасть, которая могла поглотить націю; послѣдовало молчаливое соглашеніе уважать его для формы, лишая власти и подвергая каждодневнымъ униженіямъ несчастнаго монарха, который былъ съ нимъ связанъ. Дѣла достигли такого положенія, при которомъ единственную развязку составляетъ паденіе. Армія, лишенная дисциплины, прибавляла только лишній элементъ къ народному броженію; оставленная офицерами, которые эмигрировали массами, она управлялась унтеръ-офицерами, которые распространили демократію въ ея рядахъ; соединенные, во всѣхъ гарнизонахъ, съ якобинскимъ клубомъ, они заимствовали отсюда свой лозунгъ и сдѣлали изъ войска солдатъ анархіи и соучастниковъ мятежей. Народъ, которому бросили въ добычу феодальныя права дворянства и десятинные сборы духовенства, боялся, что у него вырвутъ эти пріобрѣтенія, которыми онъ овладѣлъ съ тревогой; видя повсюду заговоры, онъ предупреждалъ ихъ преступленіями. Внезапное наступленіе свободнаго режима, къ которому народъ не былъ приготовленъ, волновало его, нисколько не укрѣпляя. Онъ выказывалъ всѣ пороки вольноотпущенныхъ, не имѣя еще добродѣтелей людей свободныхъ. Цѣлая Франція была однимъ большимъ мятежемъ, анархія господствовала; чтобы управляться сама собою, она создала себѣ правительство въ такомъ числѣ клубовъ, сколько было въ королевствѣ крупныхъ муниципалитетовъ.

Господствующимъ былъ клубъ якобинцевъ; здѣсь находилась централизація анархіи. Какъ скоро нація приведена въ движеніе могучею и страшною волею, эта общая воля сближаетъ людей; тогда индивидуализмъ прекращается, и народная страсть организуется въ ассоціаціи какъ легальныя, такъ и не легальныя. Народныя общества образовались слѣдующимъ путемъ: при первыхъ угрозахъ двора противъ генеральныхъ штатовъ, нѣсколько бретонскихъ депутатовъ соеди-

нились въ Версали и составили общество, имѣвшее цѣлью обнаруживать заговоры и обезпечивать побѣду свободы; основателями этого общества были Сийесъ, Шапелье, Барнавъ, Ламетъ. Послѣ дней 5 и 6 октября бретонскій клубъ, перенесенный въ Парижъ, вслѣдъ за національнымъ собраніемъ, принялъ тамъ имя болѣе энергическое „Общество друзей конституціи“; онъ засѣдалъ въ старинномъ монастырѣ якобинцевъ Сентъ-Оноре, не далеко отъ манежа, гдѣ находилось національное собраніе. Депутаты, основавшіе этотъ клубъ въ началѣ только для себя, потомъ открыли его двери журналистамъ, революціоннымъ писателямъ и, наконецъ, всѣмъ гражданамъ. Единственными условіями прінятія были—представленіе принимаемаго двумя членами общества и открытая баллотировка о его нравственности; публика допускалась къ засѣданіямъ особыми цензорами, которые осматривали входный билетъ; уставъ, бюро, президентъ, переписка, секретари, порядокъ текущихъ дѣлъ, трибуна, ораторы, — все это сообщало клубу формы совѣщательныхъ собраній; это были чисто народныя собранія, съ исключеніемъ только выборовъ и ответственности; для полномочія достаточно было страстности; вмѣсто составленія законовъ, собранія эти формировали общественное мнѣніе.

Засѣданія происходили вечеромъ, чтобы дневныя работы не мѣшали народу присутствовать тамъ; предметами преній служили дѣйствія національнаго собранія, текущія событія, разсмотрѣніе общественныхъ вопросовъ, а чаще всего обвиненія противъ короля, министровъ, правой стороны. Изъ всѣхъ народныхъ страстей здѣсь больше другихъ ласкали ненависть; чтобъ обратить эту ненависть въ свою пользу, старались сдѣлать народъ недовѣрчивымъ. Убѣжденный, что все было противъ него въ заговорѣ,—король, королева, дворъ, министры, власть, иностранныя державы,—народъ съ отчаяніемъ бросался въ руки своихъ защитниковъ. Самымъ краснорѣчивымъ въ глазахъ народа былъ тотъ, кто больше другихъ поражалъ его боязнью; народъ жаждалъ обвиненій, и ихъ ему расточали. Такимъ то путемъ приобрѣли авторитетъ у народа Барнавъ, Ламетъ, а потомъ Дантонъ, Мара, Бриссо, Камиллъ Демуленъ, Петіонъ, Робеспьеръ. Эти имена шли одно за другимъ по мѣрѣ возрастанія народнаго гнѣва; они поддерживали этотъ гнѣвъ, чтобъ сохранить свое величіе. Ночныя засѣданія якобинцевъ и кордельеровъ часто заглушали эхо засѣданій національнаго собранія; меньшинство, побѣжденное въ этомъ послѣднемъ, шло для протеста, обвиненія и угрозъ къ якобинцамъ.

Самъ Мирабо, обвиненный Ламетомъ по поводу закона объ эмиграціи, пришелъ сюда за нѣсколько дней до смерти, выслушать лицомъ къ лицу брань своего обвинителя; и онъ не пренебрегъ оправданіемъ. Клубы были виѣшною силою, гдѣ вожди собранія искали опоры своему имени, чтобъ запугать національное представительство. Это послѣднее имѣло у себя только законы; клубъ имѣлъ за собой народъ, партію и даже армію.

Общественное мнѣніе, организованное такимъ образомъ въ постоянную ассоціацію на всѣхъ пунктахъ страны, давало электрическій толчекъ, которому ничто не могло противиться. Движеніе, сдѣланное въ Парижѣ, отражалось изъ

одного клуба въ другой до крайнихъ окончностей провинціи. Одна и та же искра воспламеняла одновременно одну и ту же страсть въ миллионѣхъ людей. Всѣ общества переписывались и между собою и съ главнымъ обществомъ. Толчекъ былъ сообщенъ, и отраженіе его чувствовалось каждый день; это было правительство партій, обвивавшее своими сѣтями правительство закона; но законъ былъ нѣмъ и невидимъ; партіи краснорѣчивы и у всѣхъ на виду.

Представьте себѣ одно изъ такихъ засѣданій, въ которомъ граждане, уже взволнованные бурнымъ воздухомъ эпохи, занимали мѣста, съ наступленіемъ ночи, въ одномъ изъ церковныхъ помѣщеній, недавно отнятомъ у богослуженія. Нѣсколько свѣчей, принесенныхъ членами общества, тускло освѣщали мрачные своды; голыя стѣны, деревянные скамьи, трибуна на мѣстѣ алтаря. Вокругъ этой трибуны нѣсколько ораторовъ, любимыхъ народомъ, тѣснились, чтобъ получить слово. Толпа гражданъ всѣхъ классовъ, всѣхъ костюмовъ, богатые, бѣдные, солдаты, работники, женщины, приносящія съ собою всюду страсть, энтузіазмъ, умиленіе, слезы; на рукахъ ихъ дѣти, какъ бы для того, чтобы заблаговременно сообщить имъ чувства раздраженнаго народа; угрюмое молчаніе, прерываемое только взрывами криковъ, рукоплесканіями или свистками, смотря потому — любятъ или ненавидятъ оратора, который хочетъ говорить, потомъ идутъ пламенные, волнующія до глубины души сужденія, соединенныя съ магическими словами, — страсти толпы, для которой еще новы впечатлѣнія слова; энтузіазмъ у однихъ искренній, у другихъ притворный; пламенные предложенія, патріотическія приношенія, увѣнчаніе гражданскихъ доблестей, возвеличеніе бюстовъ знаменитыхъ республиканцевъ; сожженіе символовъ христіанства и аристократіи, провозглашеніе хоромъ демагогическихъ пѣсень въ началѣ и въ концѣ каждого засѣданія: какой народъ, даже въ спокойное время могъ противиться волненію этой лихорадки, возобновлявшейся періодически, съ конца 1790 г., во всѣхъ городахъ королевства? Это было господство фанатизма, предвѣстникъ господства террора. Такова была организція клуба якобинцевъ.

21.

Клубъ кордельеровъ, который иногда смѣшивался съ клубомъ якобинцевъ, превосходилъ этотъ послѣдній по шуму и демагогіи. Тамъ господствовали Мара и Дантонъ.

Умѣренная конституціонная партія также пыталась образовать собранія. Но оборонительнымъ собраніямъ не достаесть страстности; только наступательное положеніе группируетъ партіи; такія собранія исчезли сами собой пока не былъ основанъ клубъ фельяновъ. Народъ, бросая камни, разсѣялъ первыя собранія депутатовъ у Клермонъ-Тоннерра. Барнавъ, голосомъ, возбуждавшимъ и соединявшимъ «друзей конституціи», поносилъ на трибунѣ своихъ сотоварищей и предалъ ихъ публичному поруганію. Свобода была еще только оружіемъ одной партіи, и въ рукахъ враговъ ее разбивали безъ всякаго стыда.

Что оставалось дѣлать королю, тѣснимому такимъ образомъ съ одной стороны національнымъ собраніемъ, присвоившимъ себѣ всѣ отправленія исполнительной власти, съ другой — этими клубами, собраніями партій, присвоившими

себѣ всѣ права представительства? Лишенный силы самъ и поставленный между этими двумя сильными взаимными соперниками, онъ только долженъ былъ принимать на себя удары въ этой борьбѣ, и каждый день приносился національнымъ собраніемъ въ жертву популярности. Одна только сила поддерживала еще тѣнь королевской власти и охраняла наружный порядокъ: это была парижская національная гвардія. Но она представляла нейтральную силу, которая получала приказанія только отъ общественнаго мнѣнія и, сама колеблясь между партіями и монархіей, была конечно въ силахъ поддержать безопасность въ общественномъ мѣстѣ, но не могла служить твердою и независимою опорою политической власти. Она сама была народомъ; всякое серьезное вмѣшательство вопреки народной волѣ показалось бы ей святотатствомъ. Это былъ отрядъ муниципальной полиціи, который не могъ еще служить армію трона или конституціи. Национальная гвардія образовалась сама собою, на другой день послѣ 14 іюля, на ступенькахъ ратуши; она получала приказанія только отъ муниципалитета, который назначилъ начальникомъ ея маркиза Лафайета; выборъ не могъ быть удачнѣе; честный, повинующійся своему инстинкту народъ не могъ указать человека, который бы служилъ болѣе вѣрнымъ его представителемъ.

22.

Маркизь Лафайетъ былъ патрицій, обладатель огромнаго состоянія и по женѣ своей, дочери герцога Айена, находился въ родствѣ съ самыми крупными придворными фаміліями. Онъ родился въ сентябрѣ 1757 г. въ Шаваньякѣ, въ Оверни, и 16 лѣтъ отъ роду женился; раннее влеченіе къ извѣстности побудило его въ 1777 г. оставить отечество. Это была эпоха войны за независимость Америки; имя Вашингтона гремѣло на двухъ материкахъ.

Среди наслажденій развратнаго двора Людовика XV былъ юноша, мечтавшій о такой же громкой судьбѣ и для себя; этотъ юноша былъ Лафайетъ. Онъ втайнѣ снарядилъ два корабля, снабдилъ ихъ оружіемъ и военными припасами для инсургентовъ и прибылъ въ Чарльстоунъ. Вашингтонъ принялъ его такъ, какъ принялъ бы открытую помощь Франціи. Это и была Франція, только безъ знамени. Лафайетъ и сопровождавшіе его молодые офицеры засвидѣтельствовали тайное сочувствіе великаго народа къ независимости новаго свѣта. Американскій полководецъ пользовался содѣйствіемъ Лафайета въ этой продолжительной войнѣ, самыя малыя стычки которой, при переходѣ черезъ океанъ, получали значеніе большихъ сраженій. Американская война, болѣе замѣчательная по результатамъ, чѣмъ по сраженіямъ, могла скорѣе сформировать республиканцевъ, чѣмъ солдатъ. Лафайетъ предался ей съ героизмомъ и любовью. Онъ приобрѣлъ дружбу Вашингтона, французское имя было имъ вписано въ актъ рожденія заатлантической націи. Это имя вернулось во Францію зломъ свободы и славы. Популярность, окружающая всякій блескъ, окружила и Лафайета по возвращеніи его на родину; она опьянила молодого героя. Общественное мнѣніе приняло его, въ оперѣ ему рукоплескали, актрисы увѣнчали цвѣтами, королева улыбнулась ему, король сдѣлалъ его генераломъ, Франклинъ назвалъ гражданиномъ, національный энтузіазмъ сдѣлалъ изъ Лафайета своего кумира. Это упоеніе общественною благосклонностью рѣшило

его жизнь; Лафайетъ такъ полюбилъ популярность, что не согласился потерять ее. Но рукоплесканія еще не составляютъ славы. Позже онъ вполне достойно заслужилъ и эту послѣднюю. Онъ далъ демократіи свой характеръ, свою честность.

Во время шествія къ ратушѣ, Лафайетъ былъ совершенно готовъ очутиться поднятымъ на щитъ парижской буржуазіи. Фрондеръ двора, революціонеръ изъ хорошей фамиліи, аристократъ по рожденію, демократъ по принципамъ, обладающій военною извѣстностью, пріобрѣтенною въ дальней странѣ, онъ соединялъ въ себѣ много условій, нужныхъ для гражданской милиціи и для того, чтобы сдѣлаться, послѣ смотра на Марсовомъ полѣ, естественнымъ начальникомъ арміи гражданъ; пріобрѣтенная Лафайетомъ въ Америкѣ слава отражалась въ Парижѣ. Обаяніе увеличивается благодаря разстоянію. Обаяніе Лафайета было громадно. Это имя выражало и заслоняло собою все. Предъ нимъ поблѣднѣли Неккеръ, Мирабо, герцогъ Орлеанскій, три человѣка, обладавшіе сильною популярностью. Имя Лафайета было на устахъ націи въ теченіе 3 лѣтъ. Онъ вносилъ въ національное собраніе свой авторитетъ начальника національной гвардіи, а этой послѣдней давалъ свой авторитетъ, какъ вліятельнаго члена собранія. Соединеніемъ этихъ двухъ титуловъ Лафайетъ составилъ себѣ настоящую диктатуру надъ общественнымъ мнѣніемъ. Какъ ораторъ, онъ имѣлъ мало значенія; его слова, хотя остроумныя и тонкія, но слабыя не имѣли въ себѣ того твердаго, электрическаго свойства, которое поражаетъ умъ, потрясаетъ сердце и отражается на всѣхъ присутствующихъ въ собраніи. Рѣчь Лафайета была изящна, какъ салонный разговоръ, и обильна околичностями, какъ произведеніе дипломата; онъ говорилъ о свободѣ языкомъ двора. Единственнымъ парламентскимъ дѣйствіемъ Лафайета было провозглашеніе „правъ человѣка“, которое онъ заставилъ принять національное собраніе. Этотъ символъ человѣка свободнаго, обновленнаго въ лѣсахъ Америки, содержалъ въ себѣ больше отвлеченныхъ фразъ, чѣмъ политической истины. Онъ столь же худо прилагался къ старому обществу, какъ нагота дикаря къ сложнымъ потребностямъ человѣка образованнаго. Но онъ имѣлъ то достоинство, что на минуту показалъ человѣка, какъ онъ есть, и указавъ, что составляло собственно человѣка и что были побочныя приставки, заставилъ искать истиннаго идеала человѣческихъ обязанностей и правъ. Это былъ крикъ природы о возстаніи противъ всѣхъ видовъ тиранніи. Этотъ крикъ долженъ былъ сокрушить старое общество, одряхлѣвшее отъ рабства, и дать жизнь новому. Заслуга Лафайета—въ томъ, что онъ способствовалъ этому.

Союзъ 1790 г. былъ апогеемъ Лафайета; въ этотъ день онъ заслонилъ и короля и собраніе. Вооруженная и мыслящая нація была тогда на лицо, и онъ ею начальствовалъ: онъ могъ сдѣлать все, но не дѣлалъ попытокъ ни къ чему. Несчастьемъ этого человѣка было его положеніе. Лафайетъ былъ человѣкомъ переходнаго времени; его жизнь посвящена была двумъ идеямъ; еслибы это была одна идея, то судьбы страны были бы въ его власти. Какъ неограниченная монархія такъ и республика равно находились въ его рукахъ; ему оставалось только выпустить ту или другую, но вопли; онъ же остановился только на половинѣ дороги, и изъ этого вышла только полусвобода.

Возбуждая въ своемъ отечествѣ республиканскія страсти, онъ защищалъ монархическую конституцію и тронъ. Принципы и дѣйствія Лафайета находились въ видимомъ противорѣчїи между собою; самъ онъ поступалъ честно, а казалось, что измѣняетъ. Сражаясь съ сожалѣніемъ и по обязанности за монархію, онъ въ душѣ стоялъ за республику. Защитникъ трона, онъ былъ въ то же время его страхомъ. Для жизни нужно только одно дѣло. И монархія и республика связали съ памятью Лафайета какъ уваженіе такъ и непрїязнь; той и другой Лафайетъ и служилъ и вредилъ. Онъ умеръ, не увидавъ торжества ни одного изъ этихъ двухъ принциповъ, но умеръ человѣкомъ добродѣтельнымъ и популярнымъ. Кромѣ частныхъ добродѣтелей, онъ имѣлъ еще добродѣтель общественную, которая обезпечить ему прощеніе ошибокъ и безсмертіе его имени: прежде, послѣ и больше всѣхъ онъ представлялъ собою чувство, постоянное и умѣренность революціи.

Таковъ былъ человѣкъ и такова армія, на которыхъ опирались исполнительная власть, безопасность Парижа, конституціонный тронъ и жизнь короля.

23.

Въ такомъ положенїи были къ 1 іюня 1791 г. партїи, люди и обстоятельства, среди которыхъ двигался, посредствомъ тайнаго и непрерывнаго напора, неотразимый духъ великаго соціальнаго обновленія. Что могло произойти изъ подобныхъ элементовъ, какъ не борьба, анархія, преступленіе и смерть? Ни одна партія не обладала разсудкомъ, ни одинъ умъ не былъ геніемъ, ни одна душа не была доблестна, ни одна рука не имѣла такой энергіи, чтобы восторжествовать надъ этимъ хаосомъ и извлечь изъ него правосудіе, истину и силу. Предметы могутъ производить только то, что въ нихъ заключается. Людовикъ XVI былъ честенъ и преданъ благу страны, но съ самыхъ первыхъ порывовъ революціи онъ не понималъ, что для главы народа возможна только одна роль—встать во главѣ новой идеи, дать сраженіе прошлому и соединить, такимъ образомъ, въ своемъ лицѣ двойную власть—вождя націи и вождя партїи. Роль примирителя возможна только подъ условіемъ полнаго довѣрія той партїи, которую хотятъ умирить. Генрихъ IV принялъ на себя такую роль, но это было послѣ побѣды; попытавшись сдѣлать тоже до Иври, онъ потерялъ бы не только Францію но и Наварру.

Эгоистическій и развратный дворъ защищалъ, въ лицѣ короля, лишь источникъ своей суетности и своихъ доходовъ. Духовенство, обладая христіанскими добродѣтелями, не имѣло никакихъ добродѣтелей общественныхъ. Составляя государство въ государствѣ, оно вело жизнь, отдѣльную отъ жизни націи; церковное устройство казалось духовенству независимымъ отъ устройства монархическаго. Къ угрожаемой монархіи оно присоединилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло опасность для своихъ имѣній; тогда, чтобы предохранить свои богатства, оно сдѣлало воззваніе къ народной вѣрѣ: но народъ уже видѣлъ въ монахахъ только нищихъ, въ епископахъ лихоимцевъ. Дворянство, разслабленное продолжительнымъ миромъ, эмигрировало массами, покидая короля на жертву опасности и вѣры въ скорое рѣшительное вмѣшательство иностранныхъ державъ. Среднее сословіе, жадное и завистливое, насильно требовало себѣ

мѣста и правъ у привилегированныхъ сословій: правосудіе этого класса было похоже на ненависть. Національное собраніе выражало собою всѣ эти слабости, всѣ самолюбія, всѣ пороки: Мирабо былъ продаженъ, Барнавъ завистливъ, Робеспьеръ фанатикъ, клубъ якобинцевъ жестокъ, національная гвардія эгоистична, Лафайетъ нерѣшителенъ, правительство ничтожно. Каждый хотѣлъ революціи только для себя и только по своей мѣркѣ; она бы тысячу разъ разбилась обо всѣ эти утесы если бы въ человѣческихъ дѣлахъ не было чего-то болѣе сильнаго, чѣмъ люди, которые повидимому управляютъ кризисами, воли самихъ обстоятельствъ.

Революція въ полномъ своемъ объемѣ въ то время еще не была понята никѣмъ, кромѣ, быть можетъ, Робеспьера и чистыхъ демократовъ. Король видѣлъ въ ней только крупную реформу, герцогъ Орлеанскій—крупный мятежъ, Мирабо видѣлъ только ея политическую сторону, Лафайетъ—сторону конституціонную, якобинцы—мщеніе, народъ—приниженіе великихъ міра сего, нація—свой патріотизмъ. Никто еще не осмѣливался видѣть конечную цѣль революціи.

Такимъ образомъ, все тогда находилось въ ослѣпленіи, кромѣ самой революціи. Достоинство революціи заключалось въ идеѣ, которая заставляла этихъ людей дѣйствовать, а не въ тѣхъ, кто осуществлялъ ее. Всѣ орудія революціи были порочны, развратны или эгоистичны, но самая идея оставалась чистою, неоскверненною и святою. Пороки, раздраженіе, эгоизмъ людей неизбежно должны были повести во время кризиса къ ударамъ, къ потрясеніямъ, несчастію и преступленію, которые относятся къ человѣческимъ страстямъ, какъ слѣдствія къ причинамъ.

Если бы каждая изъ партій и каждый изъ людей, замѣшанныхъ въ эти великія событія съ перваго дня, взяли руководителемъ въ своихъ дѣйствіяхъ добродѣтель, а не страсти, то всѣ несчастія, поразившія ихъ, миновали бы какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ отечество. Если бы король былъ твердъ и разуменъ, если бы духовенство не было заинтересовано въ дѣлахъ мірскихъ, еслибы аристократія была справедлива, народъ умѣренъ, Мирабо неподкупенъ, Лафайетъ рѣшителенъ, Робеспьеръ челоуколюбивъ, то революція явилась бы во Франціи, а изъ нея и въ Европѣ величественная и спокойная, подобно божественной мысли; она вошла бы, какъ философія, въ дѣла, законы и обряды.

Должно было случиться иначе. Мысль самая святая, самая справедливая и самая набожная, пройдя чрезъ несовершенное челоуѣчество, является въ лохмотьяхъ и въ крови. Даже тѣ, которые произвели эту мысль, не узнаютъ ее болѣе и отворачиваются отъ нея. Но преступленію не дано унижать истину; она переживаетъ все, даже свои жертвы. Кровь, обгадяющая людей, не пачкаетъ идею и несмотря на эгоизмъ унижающій ее,—несмотря на подлости, спутывающія ее, и на преступления, которыя ее безчестятъ, оскверненная революція очищается, приходитъ къ самосознанію, торжествуетъ и будетъ торжествовать.

II.

Національное собраніе намѣрено разойтись.—Журналы размножаются.—Переговоры братьевъ короля за границей.—Проекты бѣгства короля и его семейства.—Отъѣздъ короля.—Онъ узнанъ въ Шалонъ и Сентъ-Менегу.—Онъ арестованъ въ Вареннѣ.—Онъ привезенъ въ Парижъ.—Король плѣнникъ въ Тюльери.

1.

Національное собраніе, утомленное двухлѣтнимъ существованіемъ, замедлило свое законодательное движеніе: какъ скоро разрушать было нечего—собраніе не знало что дѣлать. Якобинцы относились къ собранію съ недоувѣріемъ, популярность отъ него ускользала, печать далеко оставила его за собою, клубы его оскорбляли; поддержанное орудіе народной побѣды, національное собраніе видѣло, что народъ низвергнетъ его если оно само не разойдется. Засѣданія собранія были безжизненны; оно кончало составленіе конституціи. Это была обязательная работа, и притомъ такая, которая еще до своего выполненія уже влекла за собою разочарованіе. Собраніе не вѣрило въ прочность того, что само провозглашало недоступнымъ гибели. Великіе голоса, которые долго потрясали Францію, были заглушены смертью или замолкли подъ вліяніемъ равнодушія. Мори, Казалесъ, Клермонъ-Тоннерръ, казалось, не интересовались болѣе борьбою, въ которой честь была спасена, а побѣда уже невозможна. Только отъ времени до времени какой нибудь крупный взрывъ вражды между партіями прерывалъ обычное однообразіе теоретическихъ разсужденій собранія. Такова была борьба 10 іюня между Казалесомъ и Робеспьеромъ по поводу распушенія офицеровъ арміи: „зачѣмъ предлагаютъ намъ комитеты“, вскричалъ Робеспьеръ: „полагаться на присягу, на честь офицеровъ въ защитѣ конституціи, которую они презираютъ? О какой чести хотятъ говорить намъ? Какая это можетъ быть честь, которая стоить выше добродѣтели и любви къ своей странѣ? Я горжусь тѣмъ, что не вѣрю въ подобную честь“. Казалесъ, самъ офицеръ, воскликнулъ въ негодованіи: „я не буду безнаказанно слушать такіа низкія клеветы“. При этихъ словахъ, на лѣвой сторонѣ поднялся сильный ропотъ; ряды друзей революціи огласились криками (къ порядку! въ аббатство!). Роялистскій ораторъ продолжалъ: „я довольно уже сдерживалъ свое негодованіе, слыша обвиненія противъ двухъ тысячъ гражданъ, которые во всѣхъ современныхъ кризисахъ подавали примѣръ самаго геройскаго терпѣнія! Я слушалъ предъ-

идущаго оратора потому, что, повторяю, я сторонникъ самой безграничной свободы мнѣній; но нѣтъ такой власти, которая бы мнѣ запретила относиться къ этимъ діатрибамъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ. Если вы примете мѣру, которую вамъ предлагаютъ, то у васъ больше не останется арміи, наши границы будутъ преданы непріятельскому нашествію, а внутренность страны своеволью и грабежу необузданныхъ солдатъ!“ Эти энергичныя слова были похоронною рѣчью прежней арміи, и проектъ комитета былъ принятъ.

Пренія объ уничтоженіи смертной казни доставили Адріану Дюпору случай произнести въ защиту этой мѣры одну изъ такихъ рѣчей, которыя переживаютъ свое время и во имя разума и философій—протестуютъ противъ ослѣпленія и жестокости уголовного законодательства. Путемъ глубокой логики онъ показалъ, что общество, сохраняя за собою право челоуѣкоубійства, тѣмъ до извѣстной степени оправдываетъ обыкновенное убійство и что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ опозорить и предупредить это послѣднее будетъ выказать отвращеніе къ насильственному лишенію жизни вообще. Робеспьеръ (которому впослѣдствіи предстояло все принести въ жертву смерти) требовалъ, чтобы у общества было отнято право наказывать смертью. Если бы предразсудки юристовъ не одержали верхъ надъ здравымъ ученіемъ нравственной философіи, кто знаетъ, отъ какого бы кровопролитія избавилась Франція?

Но эти пренія, происходившія въ стѣнахъ собранія, гораздо меньше обращали на себя общественное вниманіе, чѣмъ страстныя схватки періодической печати. Журнализмъ, этотъ всеобщій и ежедневный форумъ народныхъ страстей,—открылся вмѣстѣ съ свободой. Всѣ пламенные умы бросились на это поприще; самъ Мирабо подаль этому примѣръ, сходя съ трибуны. Онъ писалъ письма къ своимъ избирателямъ или „*Courrier de Provence*“, Камилль Демуленъ, молодой челоуѣкъ съ большимъ талантомъ, но съ ограниченнымъ умомъ, отражалъ въ своихъ листахъ лихорадочное волненіе, владѣвшее его мыслями. Бриссо, Горза, Кара, Приюдомъ, Флеронъ, Дантонъ, Фоме, Кондорсе редактировали демократическіе журналы, въ нихъ начинали требовать уничтоженія королевскаго достоинства, „величайшаго бича, — говорилъ „*Révolutions de Paris*“, — какой когда-нибудь позорилъ родъ челоуѣчскій“. Мара, казалось, соединилъ въ себѣ всю ненависть, какая бродила въ разлагавшемся обществѣ; онъ сдѣлалъ себя постояннымъ выраженіемъ народнаго гнѣва. Притворяясь, что самъ проникнуть этимъ гнѣвомъ, онъ этимъ его поддерживалъ; онъ писалъ желчью и кровью. Мара сдѣлался циникомъ, чтобы глубже проникнуть въ массы. Онъ изобрѣлъ языкъ людей, одержимыхъ бѣшенствомъ. Подобно первому Бруту, онъ поддѣлывалъ себѣ видъ безумца, но не для спасенія отечества, а для того, чтобы побудить его ко всякимъ крайностямъ и тиранизировать его собственнымъ безуміемъ. Всѣ эти памфлеты, эхо якобинцевъ или кордельеровъ, постоянно поддерживали въ народѣ безпокойство, подозрѣнія, ужась.

„Граждане“, говорилось тамъ, „наблюдайте за этимъ дворцомъ, неприкосновеннымъ уѣжищемъ всѣхъ заговоровъ противъ націи; тамъ развратная королева фанатизируетъ глупаго короля, тамъ она воспитываетъ волчатъ тираніи. Неприсяжные священники благословляютъ тамъ оружіе для возстанія противъ народа. Тамъ готовится Варооломеевская ночь противъ патріотовъ. Австрій-

скій духъ таится въ комитетахъ, гдѣ предсѣдательствуетъ Антуанетта; тамъ подаютъ знакъ иностранцамъ, имъ тайно передаютъ золото и оружіе Франціи, чтобы тираны, которые собираютъ войска на вашихъ границахъ, нашли васъ голодными и безоружными. Эмигранты, Артуа, Конде получаютъ тамъ лозунгъ для будущей мѣсти деспотизма. Чужеземная стража изъ швейцарскихъ наемниковъ не достаточна для свободобуйственныхъ проектовъ Капета. Каждую ночь добрые граждане, которые ходятъ вокругъ этого логовища, видятъ, какъ туда тайкомъ входятъ старые дворяне, скрывая подъ платьемъ оружіе. Эти кавалеры кинжала, что они такое, какъ не завербованные убійцы народа? Что дѣлаетъ Лафайетъ? Обмануть онъ или соучастникъ? почему онъ оставляетъ свободными входы въ этотъ дворецъ, которые откроются только для мщенія или для бѣгства? Зачѣмъ мы останавливаемся въ довершеніи революціи и даемъ этимъ возможность выждать своему коронованному врагу, среди насъ, удобную минуту, чтобы захватить врасплохъ и уничтожить революцію? Развѣ вы не видите, что звонкая монета исчезаетъ, а довѣріе къ ассигнаціямъ падаетъ? Что значить накопленіе на вашихъ границахъ эмигрантовъ и собраніе армій, которыя идутъ, чтобы задушить васъ желѣзнымъ кольцомъ. Что же дѣлаютъ ваши министры? Почему имущество эмигрантовъ не конфисковано, дома ихъ не сожжены, головы ихъ не отсѣнены? Въ чьихъ рукахъ оружіе? Въ рукахъ измѣнниковъ! Кто командуетъ вашими войсками? Измѣнники! У кого ключи вашихъ крѣпостей? У измѣнниковъ,—измѣнники вездѣ! въ этомъ дворцѣ предательства находится король измѣнниковъ, измѣнникъ неприкосновенный и коронованный, король! Вамъ говорятъ, что онъ выказываетъ любовь къ конституціи? Это засада! онъ приходитъ въ національное собраніе? это хитрость, чтобы лучше прикрыть его бѣгство! смотрите! страшный ударъ готовится и скоро разразится; если вы его не предупредите скорѣйшимъ и еще болѣе страшнымъ ударомъ, то съ народомъ и свободой будетъ покончено“.

2.

Подобные возгласы не совсѣмъ были лишены основанія. Честный и добрый король не злоумышлялъ противъ своего народа; королева не думала продавать австрійскому дому корону своего мужа и сына. Если конституція, которую кончали, могла доставить порядокъ странѣ и безопасность трону, то Людовикъ XVI согласился бы на всякое пожертвованіе своею властью. Никогда еще государь въ самомъ своемъ характерѣ не находилъ лучшихъ условій для умѣренности; пассивное положеніе, свойственное конституціоннымъ государямъ, было его добродѣтелью. Онъ не стремился ни къ мщенію, ни къ завоеванію потерянныхъ правъ. Все желаніе короля состояло въ томъ, чтобы его искренность была наконецъ отсѣнена народомъ, чтобы внутри государства установился порядокъ, а за предѣлами страны—миръ и чтобы собраніе, оставивъ захваты, сдѣланные у исполнительной власти, пересмотрѣло конституцію, опредѣлило ея недостатки и возвратило королевскому сану ту степень власти, какая необходима для блага королевства.

Сама королева, хотя и обладала болѣе сильнымъ и самостоятельнымъ характеромъ, была, однакожъ, побѣждена необходимостью и присоединилась къ

намѣреніямъ короля; но король, обладая только одною волею, имѣлъ, однакожъ, два министерства и двѣ политики: одну во Франціи съ конституціонными министрами, другую—внѣ ея, съ королевскими братьями и съ агентами при иностранныхъ дворахъ. Баронъ де-Бретель и де-Калоннъ, соперники другъ съ другомъ по интригѣ, говорили и дѣйствовали отъ имени короля. Король ихъ отвергалъ въ своихъ официальныхъ письмахъ къ посланникамъ, иногда искренно, иногда не искренно: послѣднее все-таки не было лицемѣріемъ, но только слабостью; плѣннаго короля можно извинить если онъ говоритъ громко съ своими тюремщиками и тихо съ друзьями. Этотъ двойной языкъ, не всегда вѣрный себѣ, придавалъ Людовику XVI видъ предательства и измѣны. Но король не измѣнялъ, онъ только колебался. Братья короля, особенно графъ Артуа, внѣ предѣловъ Франціи, дѣлали насиліе его волѣ и произвольно истолковывали его молчаніе. Этотъ молодой принцъ ѣздилъ отъ одного двора къ другому просить отъ имени своего брата о коалиціи монархическихъ державъ противъ революціоннаго ученія, угрожавшаго уже всѣмъ тронамъ. Принятый во Флоренціи императоромъ австрійскимъ, Леопольдомъ, братомъ королевы, онъ получилъ отъ него чрезъ нѣсколько дней, въ Мантуѣ, обѣщаніе выставить 35 тысячное войско. Король прусскій, Испанія, король Сардинскій, Неаполь и Швейцарія обѣщали дать соотвѣтственныя силы. Людовикъ XVI то хватался за эту надежду на европейское вмѣшательство, какъ средство запугать національное собраніе и побудить его къ соглашенію, то отвергалъ такое вмѣшательство, какъ преступленіе. Его настроеніе въ этомъ отношеніи зависѣло отъ состоянія королевства; оно мѣнялось сообразно приливу и отливу внутреннихъ событій. Какъ только хорошій декретъ, примиреніе съ собраніемъ, одобреніе народа облегчали печаль короля, онъ начиналъ надѣяться и писалъ своимъ агентамъ, чтобы распустили враждебныя націи сборища въ Кобленцѣ. Если новое народное волненіе осаждало дворецъ, если собраніе унижало королевскую власть какимъ-нибудь оскорбленіемъ, онъ снова отчаявался въ конституціи и старался вооружиться противъ нея. Нескладица въ мысляхъ короля была скорѣе виною его положенія, чѣмъ его собственною; однакожъ, она компрометировала его дѣло одновременно и внутри и внѣ Франціи. Всякая мысль, неимѣющая единства, разрушается сама собою; мысль короля, хотя въ сущности прямая, такъ колебалась, что не могла не разнорѣчить съ обстоятельствами, а обстоятельства направлялись только къ одному: къ разрушенію монархіи.

3.

Между тѣмъ, среди этихъ поворотовъ въ королевской волѣ, исторія не можетъ оставить безъ вниманія еще и то, что съ ноября 1790 г. король неопредѣленно задумывалъ планъ бѣгства изъ Парижа, составленный по соглашенію съ императоромъ. Отъ этого государя Людовикъ XVI получилъ обѣщаніе, что въ указанное время на границу Франціи двинется корпусъ войскъ, но имѣлъ ли король намѣреніе, по выходѣ изъ королевства, опять вступить въ него во главѣ чужеземныхъ войскъ или просто собрать вокругъ своей особы часть собственной арміи въ какомъ-нибудь пограничномъ мѣстечкѣ и оттуда договариваться съ національнымъ собраніемъ? Послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно.

Людовикъ XVI много читалъ исторію и особенно исторію Англіи; какъ всѣ несчастные, онъ искалъ въ несчастіяхъ другихъ сверженныхъ государей аналогіи со своимъ собственнымъ положеніемъ. Онъ былъ пораженъ двумя обстоятельствами: тѣмъ, что Іаковъ II-й потерялъ корону за оставленіе своего королевства, и тѣмъ, что Карлъ I-й былъ казненъ за войну съ парламентомъ и со своимъ народомъ. Эти размышленія внушили Людовику инстинктивное отвращеніе отъ выѣзда изъ Франціи и отъ предположенія броситься въ объятія арміи. Для того, чтобы король принялъ которое-нибудь изъ этихъ двухъ крайнихъ рѣшеній, нужно было уже, чтобы его умственная свобода была совершенно подавлена неизбѣжною грозящихъ опасностей,—нужно было, чтобы ужасъ, который днемъ и ночью господствовалъ въ Тюльери, вошелъ въ глубину души короля и королевы.

Жестокія угрозы, которыя сыпались на нихъ, какъ только они показывались у оконъ своего жилища, оскорбленія журналистовъ, восклицанія якобинцевъ, волненія и убійства, повторявшіяся въ столицѣ и въ провинціяхъ,—сильныя препятствія, какія ставились отъѣзду короля и королевы въ Сень-Клу,—наконецъ, воспоминаніе о кинжалахъ, пронзившихъ даже постель королевы въ дни 5 и 6 октября,—все это наполняло жизнь несчастныхъ непрерывнымъ ужасомъ. Они начинали думать, что ненасытная революція раздражается именно уступками, которыя ей дѣлаются,—что слѣпая ярость партій, которая не остановилась передъ королевскимъ величествомъ, окруженнымъ дворцовой гвардіей, не остановится предъ призрачною неприкосновенностью, установленною въ конституціи, и что для жизни самой королевской четы, ея дѣтей и остальныхъ членовъ королевской фамиліи можно найти безопасность только въ бѣгствѣ.

Бѣгство было рѣшено; оно часто обсуждалось уже и до того времени, когда король на него согласился. Самъ Мирабо, купленный дворомъ, предлагалъ это средство въ своихъ тайныхъ свиданіяхъ съ королевой. Одинъ изъ его плановъ, представленныхъ королю, состоялъ въ томъ, чтобы бѣжать изъ Парижа, удалиться въ какой-нибудь лагерь или пограничный городъ, и оттуда вступить въ переговоры съ уstraшеннымъ національнымъ собраніемъ. Мирабо, оставаясь въ Парижѣ и управляя общественнымъ настроеніемъ, привелъ бы, какъ предполагалось, дѣла къ соглашенію и къ добровольному восстановленію королевской власти. Мирабо унесъ свои надежды въ могилу. Самъ король въ тайной корреспонденціи выказываетъ нежеланіе ввѣрять свою участь первому и самому могущественному изъ мятежниковъ. Кромѣ того, другое безпокойство волновало умъ короля и еще глубже смущало сердце королевы; имъ было не безызвѣстно, что частію въ Кобленцѣ, частію въ совѣтахъ Леопольда и короля прусскаго возникалъ вопросъ о томъ, чтобы объявить французскій тронъ на дѣлѣ вакантнымъ, за неимѣніемъ у короля свободы, и признать регентомъ королевства одного изъ эмигрировавшихъ принцевъ, чтобы, имѣя за собою хотя кажущуюся законность, призвать къ повиновенію ему всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ и тѣмъ дать иностраннымъ войскамъ неоспоримое право вмѣшательства. Тронъ, хотя бы даже готовый рухнуть, не хотѣлъ подвергаться раздѣленію.

Въ этомъ дворцѣ, гдѣ возстаніе произвело уже столько брешей, среди множества другихъ ужасовъ находила мѣсто еще мучительная зависть. „Итакъ, графъ Артуа будетъ героемъ!“ иронически говорила королева, которая съ этихъ поръ уже ненавидѣла молодого принца. Король съ своей стороны боялся того нравственнаго паденія, какимъ ему угрожали подъ предлогомъ освобожденія монархіи. Онъ не зналъ, кого больше долженъ бояться, друзей или враговъ. Одно только бѣгство въ среду вѣрной арміи могло его избавить и отъ тѣхъ и отъ другихъ; но бѣгство само по себѣ уже было опасностью. Еслибы оно удалось, то могло бы произвести междоусобную войну, и на королѣ лежала бы кровь, пролитая за его дѣло; въ случаѣ же неудачи, оно ему будетъ вѣнено въ преступленіе, а кто можетъ сказать, гдѣ остановится ярость націи? Низложеніе, плѣнь и смерть могли быть слѣдствіемъ малѣйшей случайности или ничтожной нескромности. Король въ такомъ случаѣ повѣсилъ бы на непрочную нить свой тронъ, свою свободу, свою жизнь и, кромѣ того, жизнь несравненно болѣе дорогихъ для него существъ,—жены, двухъ дѣтей и сестры.

Терзанія короля были продолжительны и ужасны; они длились восемь мѣсяцевъ и были повѣрены только королевѣ, принцессѣ Елизаветѣ, нѣсколькимъ вѣрнымъ дворцовымъ служителямъ, а внѣ дворца—маркизу де-Булье.

4.

Маркизъ де-Булье, двоюродный братъ Лафайета, былъ личностью, совершенно противоположною герою Парижа. Это былъ суровый, мужественный воинъ, преданный монархіи по принципу, королю по религіозной привязанности; уваженіе къ королевскимъ приказаніямъ не допустило его эмигрировать; онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ, любимыхъ войсками, вышихъ офицеровъ, которые остались на своемъ постѣ въ теченіе всѣхъ бурь послѣднихъ двухъ лѣтъ, и, не становясь ни за нововведенія, ни противъ нихъ, старались сохранить своей странѣ послѣднюю силу, которая переживаетъ всѣ другія и иногда одна дополняетъ ихъ: дисциплину въ арміи. Онъ съ большимъ отличіемъ служилъ въ Америкѣ, во французскихъ колоніяхъ, въ Индіи; авторитетъ его характера и имени среди солдатъ сохранился. Геройское усмиреніе знаменитаго возмущенія войскъ въ Нанси, въ предъидущемъ августѣ мѣсяцѣ, закрѣпило за нимъ этотъ авторитетъ; одинъ изъ всѣхъ французскихъ генераловъ, онъ сумѣлъ возстановить дисциплину и усмирить безпорядки. Національное собраніе, встревоженное среди своихъ триумфовъ военнымъ мятежемъ, изъявило Булье признательность, какъ спасителю королевства. Лафайетъ, подъ командою котораго находились только граждане, боялся этого соперника, который командовалъ батальонами. Онъ наблюдалъ за Булье, ласкалъ его и непрерывно предлагалъ ему составить коалицію штыковъ подъ ихъ общимъ начальствомъ, чтобы это соглашеніе обезпечило въ одно и то же время и революцію и монархію.

Булье, которому роялизмъ Лафайета казался подозрительнымъ, отвѣчалъ ему съ холодною и ироническою вѣжливостью, худо скрывавшею подозрѣнія. Эти два характера были несовмѣстимы одинъ съ другимъ: одинъ служилъ представителемъ молодого патріотизма, другой старинной чести. Соединиться они не могли.

Маркизь де-Булье командовалъ войсками Лотарингіи, Эльзаса, Франшъ-Конте и Шампани; власть его простиралась отъ Швейцаріи до Самбры. Въ его распоряженіи находилось не менѣе 90 батальоновъ и 104 эскадроновъ. Но изъ этого числа генераль могъ имѣть довѣріе только къ 20 батальонамъ нѣмецкихъ войскъ и къ нѣсколькимъ полкамъ кавалеріи; остальные были пропитаны революціонными стремленіями; духъ клубовъ производилъ среди нихъ нарушенія дисциплины и пренебреженіе къ королевскимъ приказаніямъ; полки повиновались больше муниципальнымъ властямъ, чѣмъ генераламъ.

5.

Съ февраля 1791 г. король, вполнѣ полагавшійся на Булье, писалъ этому генералу, что вскорѣ сообщить ему нѣкоторыя открытія, по соглашенію съ Мирабо и при посредничествѣ графа Ламарка, иностраннаго вельможи, друга и повѣреннаго Мирабо. „Хотя эти люди вовсе не заслуживаютъ уваженія“, писалъ король въ своемъ письмѣ, „и хотя я заплатилъ Мирабо очень дорого, однакожъ, я думаю, что онъ можетъ мнѣ оказать услугу. Слушайте, но не слишкомъ довѣряйтесь“. Дѣйствительно вскорѣ послѣ этого въ Мецъ прибылъ графъ Ламаркъ и сообщилъ Булье цѣль своего посольства. Онъ признался при этомъ, что король недавно далъ 600,000 франковъ Мирабо и что, кромѣ того, онъ платилъ ему по 50,000 франковъ въ мѣсяцъ. Ламаркъ открылъ Булье планъ анти-революціоннаго заговора, первымъ актомъ котораго былъ предполажавшійся адресъ Парижа и департаментовъ съ требованіемъ свободы королю. Въ этомъ планѣ все основывалось на могуществѣ слова Мирабо. Опыаненный своимъ краснорѣчіемъ, этотъ купленный ораторъ не зналъ, что слово, составляющее большую силу въ смыслѣ орудія агитаціи, вовсе лишено ея какъ средство успокоенія.

Слова могутъ возбудить народъ своею силою, но останавливаютъ его одни лишь штыки. Булье, человекъ военный, улыбнулся, слушая эти химеры человека трибуны. Однакожъ, онъ не разочаровалъ послѣдняго относительно этихъ проектовъ и обѣщалъ свое содѣйствіе. Булье писалъ королю, что нужно покрыть золотомъ отступничество Мирабо, „этого ловкаго негодяя, жадность котораго, быть можетъ, исправить зло, причиненное его мстительностью“, но не совѣтовалъ полагаться на Лафайета, „химерическаго энтузіаста, опыаненнаго народною благосклонностью,—способнаго, быть можетъ, сдѣлаться главою партіи, но не способнаго быть опорой монархіи“.

6.

Послѣ смерти Мирабо, король все-таки держался за мысль о бѣгствѣ, только немного видоизмѣнилъ ее; въ концѣ апрѣля онъ написалъ маркизу Булье шифрованное письмо съ извѣщеніемъ, что немедленно уѣдетъ со всѣмъ семействомъ въ одномъ экипажѣ, тайно заказанномъ для этой цѣли; онъ приказывалъ Булье разставить цѣпь постовъ отъ Шалона до Монмеди, куда хотѣлъ отправиться. Самая близкая дорога отъ Парижа къ Монмеди проходила чрезъ Реймсъ, но король, который тамъ былъ коронованъ, боялся, что его узнаютъ

въ Реймсѣ и, несмотря на возраженія Булье, предпочесть проѣхать чрезъ Вареннѣ. Вареннская дорога была неудобна тѣмъ, что по ней не вездѣ находились почтовые станціи. Надо было посылать туда запасныхъ лошадей подъ различными предлогами; присутствіе этихъ лошадей могло возбудить подозрѣнія въ жителяхъ придорожныхъ маленькихъ городковъ. Ту же опасность представляло присутствіе военныхъ отрядовъ на дорогѣ, которую войска обыкновенно не посѣщали. Булье хотѣлъ отговорить короля отъ этого пути. Отвѣчая королю, Булье объяснялъ ему, что если отряды будутъ велики, то встревожатъ мѣстные муниципальныя власти и возбудятъ ихъ наблюдательность,—если слабы, то не будутъ въ состояніи его защитить. Булье совѣтовалъ также не брать особую, замѣтную по формѣ карету (берлинъ), но уместиться въ двухъ англійскихъ дилижансахъ, легкихъ и болѣе употребительныхъ въ то время экипажахъ; въ особенности онъ настаивалъ на необходимости взять съ собою челоуѣка благонадежнаго, твердаго, рѣшительнаго, чтобъ помогать королю совѣтомъ и сопровождать его во всѣхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, какія могли встрѣтиться при подобномъ путешествіи, и указалъ для этой цѣли на маркиза д'Агу, майора французской гвардіи; наконецъ, онъ просилъ короля пригласить императора произвести движеніе австрійскихъ войскъ, которое было бы кажу- щеюся угрозою французскимъ границамъ со стороны Монмеди, чтобы возбужденная этимъ тревога населенія могла служить предлогомъ и оправданіемъ движенію военныхъ отрядовъ и сбору французской кавалеріи около этого города.

Король согласился на этотъ поступокъ и обѣщалъ взять съ собою маркиза д'Агу, но отказалъ во всемъ остальномъ. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ переслалъ къ Булье миллионъ ассигнаціями для секретной закупки корма солдатамъ и лошадямъ въ преданныхъ войскахъ, которыя должны были помогать задуманному плану. Когда эти распоряженія были сдѣланы, Булье послалъ надежнаго офицера изъ своего главнаго штаба, г. Гогела, для полнаго ознакомленія съ положеніемъ дороги и страны между Шалонемъ и Монмеди и для представленія королю точнаго и подробнаго отчета по этому предмету. Посланный офицеръ видѣлъ короля и передалъ его приказанія г. Булье.

Этотъ послѣдній, въ ожиданіи, приготовился исполнить все, что было условлено: онъ удалилъ патріотическія войска и сосредоточилъ на назначенныхъ мѣстахъ 12 иностранныхъ баталіоновъ, въ которыхъ былъ увѣренъ. Обозъ артиллеріи съ 16 пушками тянулся къ Монмеди. Полкъ *Royal Allemand* входилъ въ Стенэ, эскадронъ гусаръ находился въ Дюнѣ, другой эскадронъ, въ Вареннѣ, два эскадрона драгунъ должны были занимать Клермонъ во время проѣзда чрезъ него короля; ими командовать ловкій и предприимчивый офицеръ, графъ Шарль-де-Дама. Онъ имѣлъ приказаніе отдѣлить оттуда одинъ отрядъ къ Сентъ-Менегу; болѣе 40 гусаръ, высланныхъ изъ Варенна, должны были отправиться въ Понъ-Соммвель, между Шалонемъ и Сентъ-Менегу, подъ предлогомъ прикрытія казенныхъ денегъ, которыя везутъ изъ Парижа для жалованья войскамъ. Такимъ образомъ, миновавъ Шалонъ, экипажъ короля долженъ былъ отъ станціи до станціи находиться подъ охраною вѣрныхъ войскъ. Во время перемѣны лошадей командиръ этихъ отрядовъ долженъ былъ

подойти къ дверцамъ экипажа и принять приказанія, какія король сочтетъ нужнымъ ему дать.

Если бы король пожелалъ продолжать путь не будучи узнаннымъ, то эти офицеры должны были ограничиться устраненіемъ всякихъ препятствій при проѣздѣ его чрезъ станціи, и медленно слѣдовать позади его по той же дорогѣ. Если бы король желалъ, чтобъ его сопровождали, то ихъ драгуны сажались бы на лошадей и служили ему конвоемъ. Нельзя было ничего придумать благоразумнѣе. Самая полная таинственность прикрывала всѣ эти предположенія.

27 мая король написалъ, что побѣдетъ 19 числа слѣдующаго мѣсяца, между полночью и часомъ утра,—что изъ Парижа выѣдетъ въ обыкновенномъ буржуазномъ экипажѣ, а свой берлинъ возьметъ въ Бонди, первой станціи отъ Парижа, гдѣ короля будетъ ждать одинъ изъ тѣлохранителей, назначенный служить ему курьеромъ;—что если бы король не пріѣхалъ туда въ два часа, это значило бы, что его остановили, что въ этомъ случаѣ тотъ же курьеръ отправится одинъ до Понъ-Соммвелъ объявить г. Булье, что планъ не удался и предупредить его, чтобы позаботился о безопасности своей собственной и замѣшанныхъ въ это дѣло офицеровъ.

7.

По полученіи этихъ послѣднихъ инструкцій, Булье поручилъ герцогу Шуазелью отправиться въ Парижъ, ожидать тамъ отъ короля приказаній и выѣхать за 12 часовъ до королевскаго отъѣзда. Шуазель долженъ былъ приказывать своимъ людямъ быть 18 числа въ Вареннѣ съ его собственными лошадьми, которыя предназначались для королевскаго экипажа. Мѣсто, назначенное для этого въ Вареннѣ, нужно было точно объяснить королю, чтобъ перемѣна лошадей могла совершиться безъ недоразумѣній и безъ потери времени. Шуазель имѣлъ приказаніе принять на обратномъ пути начальство надъ гусарами, расположенными въ Понъ-Соммвелѣ, ожидать тамъ короля, конвоировать его своимъ отрядомъ до Сентъ-Менегу, гдѣ и разставить всадниковъ съ порученіемъ не пропускать никого по дорогѣ изъ Парижа въ Вареннѣ и Вердюнъ въ теченіе 24 часовъ послѣ проѣзда короля. Шуазель получилъ изъ рукъ Булье предписанія, подписанныя самимъ королемъ, въ которыхъ разрѣшалось ему, какъ и другимъ начальникамъ отрядовъ, употребить, въ случаѣ надобности, силу для безопасности и охраненія его величества и королевскаго семейства, а также чтобы исторгнуть особу короля изъ рукъ народа, если бы послѣдній овладѣлъ ею. Въ случаѣ, если бы экипажъ былъ остановленъ въ Шалонѣ, Шуазель обязывался увѣдомить о томъ генерала, собрать всѣ отряды и идти выручать короля; онъ получилъ 600 ливровъ, для распредѣленія между солдатами, чтобъ возбудить ихъ преданность къ королю въ то время, когда онъ покажется и будетъ узнанъ.

Гогела въ то же время поѣхалъ въ Парижъ, чтобы во второй разъ осмотрѣть мѣстность, проѣздомъ чрезъ Стенэ, Дюнъ, Вареннѣ и Сентъ-Менегу, и чтобы лучше запечатлѣть топографію ея въ памяти короля; возвратясь въ Монмеди другою дорогою, онъ долженъ былъ привезти Булье послѣднія инструкціи. Самъ маркизъ Булье поѣхалъ въ Мецъ подъ предлогомъ осмотра

мѣсть своего управленія. Онъ приблизился къ Монмеди, — 15 числа былъ въ Лонгви и получилъ тамъ отъ короля сообщеніе, что отъѣздъ отсроченъ на 24 часа, вслѣдствіе необходимости скрыть приготовленія къ нему отъ горничной дофина, фанатической демократки, которая способна донести на нихъ, но срокъ услуженія которой кончается только 19 числа. Король прибавлялъ, что не возьметъ съ собою маркиза д'Агу потому, что г-жа де-Турзель, наставница дѣтей Франціи, настаиваетъ на своихъ правахъ заботиться надъ ними и хочетъ ихъ сопровождать.

Такое промедленіе вызывало необходимость новыхъ распоряженій, весьма неудобныхъ для дѣла; все распредѣленіе времени и мѣста приходилось отгнать; случайные, повидимому, переходы войскъ обращались въ продолжительныя дневки на мѣстахъ; приготовленные уже смѣны лошадей могли удалиться; однакожь, Булье примѣнился, сколько отъ него зависѣло, къ этимъ неудобствамъ, послалъ другія приказанія начальникамъ отрядовъ и самъ прибылъ 20 числа въ Стенэ, гдѣ нашелъ нѣмецкій полкъ, на который могъ положиться. 21 числа онъ собралъ подчиненныхъ ему генераловъ и объявилъ имъ, что ночью король пройдетъ къ Стенэ, а на слѣдующее утро будетъ въ Монмеди; онъ поручилъ генералу Клинглину заготовить подъ пушками этой крѣпости лагерь изъ 12 батальоновъ и 24 эскадроновъ. Для помѣщенія короля предназначался замокъ, находящійся позади лагера; этотъ замокъ могъ служить и главною квартирою. Королю было приличнѣе и безопаснѣе быть среди своей арміи, чѣмъ въ укрѣпленномъ городѣ. Генералы не выказали ни малѣйшаго колебанія. Булье оставилъ въ Стенэ генерала Гофелицъ съ нѣмецкимъ полкомъ и поручилъ ему, при наступленіи ночи, распорядиться осѣдлать лошадей этого полка, съ разсвѣтомъ посадить полкъ верхомъ, и прислать къ 10 часамъ вечера отрядъ изъ 50 всадниковъ между Стенэ и Дюнъ, чтобъ ожидать короля и сопровождать его до Стенэ.

Ночью Булье самъ выѣхалъ изъ Стенэ съ нѣсколькими офицерами и доѣхалъ до самыхъ воротъ Дюна, но не хотѣлъ туда въѣзжать, боясь, что его присутствіе взволнуетъ народъ. Тамъ, въ безмолвіи и во мракѣ, онъ ожидалъ прибытія курьера, который долженъ былъ явиться за часъ до экипажей. Судьбы монархіи, тронъ династіи, жизнь всей королевской фамиліи, короля, королевы, принцессы, дѣтей, все это лежало на душѣ маркиза Булье, эта ночь показалась ему цѣлымъ вѣкомъ, и между тѣмъ она миновала, а галопъ лошади по дорогѣ не возвѣстилъ группѣ людей, скрывавшихся подъ деревьями, ни о спасеніи, ни о гибели короля Франціи.

8.

Что же происходило въ Тюльери въ эти рѣшительные часы? Тайна задуманнаго отъѣзда свято хранилась между королемъ, королевой, принцессой Елизаветой, нѣсколькими преданными слугами и графомъ Ферзеномъ, шведскимъ дворяниномъ, на котораго были возложены внѣшнія приготовленія. Правда, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней въ народѣ распространилась неопредѣленная молва о побѣгѣ короля, какъ бы предчувствіе, опережающее событія; но эта молва была скорѣе слѣдствіемъ тревожнаго настроенія умовъ, чѣмъ какого-

нибудь положительнаго открытія со стороны соучастниковъ бѣгства. Однакожъ, эти слухи, непрерывно доходившіе до Лафайета и его главнаго штаба, заставили удвоить надзоръ за дворцомъ и даже за внутренними комнатами короля. Съ 5 и 6 октября роты тѣлохранителей, гдѣ каждый солдатъ былъ дворяниномъ, и гдѣ честь, происхожденіе, кровь, преданіе, корпоративный духъ обезпечивали непоколебимую вѣрность королю, болѣе не существовали. Почтительное охраненіе, составлявшее для этихъ людей какъ бы культъ ихъ службы при особахъ королевскаго семейства, было замѣнено недоувѣрчивымъ надзоромъ національной гвардіи, которая больше стерегла короля, чѣмъ охраняла монарха. Швейцарская стража, правда, окружала еще Тюльери, но швейцарцы занимали только наружные посты. Внутренность замка, лѣстницы, сообщенія между комнатами находились подъ надзоромъ національной гвардіи. Лафайетъ приходилъ туда каждый часъ; его офицеры ходили ночью около всѣхъ дворцовыхъ выходовъ; они имѣли полномочіе, хотя и не письменное, безмолвное, препятствовать самому королю выйти изъ дворца послѣ полуночи.

Къ этому официальному надзору присоединялось тайное и болѣе интимное шпіонство со стороны многочисленной дворцовой прислуги, среди которой революціонный духъ поощрялъ невѣрность и освящалъ неблагодарность. Здѣсь какъ и въ болѣе высокихъ сферахъ, доносъ назывался добродѣтелью, а измѣна — патриотизмомъ. Въ стѣнахъ дворца своихъ предковъ король могъ вполнѣ положиться только на сердце королевы, на свою сестру и на нѣсколько придворныхъ, которые остались вѣрными несчастію, и которыхъ даже всѣ движенія сообщались Лафайету. Этотъ генераль насильственнымъ и несправедливымъ путемъ прогналъ изъ дворца вѣрныхъ дворянъ, которые въ день Венсенскаго бунта, явились для подкрѣпленія дворцовой стражи. Король долженъ былъ, со слезами на глазахъ, смотрѣть, какъ его официальный покровитель постыдно выгонялъ изъ королевскаго жилища самыхъ преданныхъ друзей короля и предавалъ ихъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ черни. Такимъ образомъ, внутри дворца королевская фамилія не могла найти никого, кто бы благопріятствовалъ ея побѣгу.

9.

Графъ Ферзенъ былъ главнымъ повѣреннымъ и почти единственнымъ двигателемъ этого рискованнаго предпріятія. Молодой, преданный красавецъ, онъ въ счастливые дни Маріи-Антуанетты былъ близко принятъ въ Трианонѣ. Говорятъ, что съ этого времени его привязывало къ королевѣ рыцарское поклоненіе, которому только уваженіе мѣшало называться любовью. Это поклоненіе красотѣ сдѣлалось въ душѣ шведскаго графа страстною преданностью несчастію. Инстинктъ королевы не обманулъ ее, когда она стала искать мысленно, кому бы ввѣрить спасеніе короля и собственныхъ дѣтей; мысли ея остановились на Ферзенѣ; онъ прибылъ изъ Стокгольма по первому знаку, увидался съ королемъ и королевой и взялъ на себя притворить экипажъ, который долженъ былъ ожидать въ Бонди королевское семейство. Званіе иностранца служило покровомъ его дѣйствіямъ; Ферзена сопровождало счастье, равное только его преданности. Трое изъ прежнихъ королевскихъ тѣлохранителей, Вазоръ, Мутье

и Мальданъ, были имъ посвящены въ тайну и приготовлены къ принятію той обязанности, къ которой избрало ихъ королевское довѣріе; они должны были переодѣться слугами, сѣсть на козла экипажей и охранять королевское семейство противъ всѣхъ дорожныхъ случайностей. Эти три неизвѣстныхъ имени провинціальныхъ дворянъ заслонили собою въ этотъ день имена придворныхъ. Въ случаѣ ареста короля они предвидѣли свою участь; но для того, чтобъ спасти своего государя, они мужественно вызвались сдѣлаться жертвами народа.

10.

Королеву долгое время занимала мысль объ этомъ бѣгствѣ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ она поручила одной изъ своихъ женщинъ отправить въ Брюссель полный комплектъ платья для королевской принцессы и платье дофина; свои вещи, необходимыя для дороги, она также переслала своей сестрѣ, эрцгерцогинѣ Христинѣ, правительницѣ Нидерландовъ, подъ видомъ подарка послѣдней; брильянты и драгоценности королевы были ввѣрены ея парикмахеру, Леонару, который выѣхалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Шуазелемъ. Эти мелкіе признаки задуманнаго бѣгства не могли вполнѣ ускользнуть отъ вѣроломной бдительности женщины, состоявшей при королевѣ для прислугъ; эта женщина замѣтила шопотъ и жесты, — замѣтила раскрытые портфели на столахъ, замѣтила, что въ гардеробѣ недостаетъ нѣкоторыхъ нарядовъ. Она донесла объ этомъ адъютанту Лафайета, Гувіону, съ которымъ была въ близкихъ отношеніяхъ. Гувіонъ сообщилъ объ этомъ мэру Парижа и своему генералу. Но подобные доносы возобновлялись такъ часто, съ различныхъ сторонъ, они были такъ часто опровергаемы фактами, что, наконецъ, имъ стали придавать мало значенія. Однакожъ, именно въ этотъ день, доносъ женщины заставилъ удвоить ночной надзоръ вокругъ дворца. Гувіонъ удержалъ при себѣ, во дворцѣ, подъ разными предлогами, нѣсколько офицеровъ національной гвардіи; онъ разставилъ ихъ при всѣхъ выходахъ, а самъ, съ пятью начальниками баталіоновъ, провелъ первую часть ночи у воротъ бывшаго помѣщенія герцога Вилькье, которое поручено было его особому надзору. Ему сказали (и это была правда), что королева имѣла сообщеніе изъ своихъ комнатъ, посредствомъ потайного корридора, съ этимъ помѣщеніемъ, которое прежде занималъ первый камергеръ короля, — и что король, свѣдущій, какъ извѣстно, въ слесарной работѣ, досталъ себѣ поддѣльные ключи, открывавшіе эти двери.

Наконецъ, молва о побѣгѣ короля, изъ національной гвардіи проникнувшая въ клубы, сдѣлала въ эту ночь каждого патріота тюремщикомъ короля. Въ журналѣ Камилла Демулена, отъ 20 іюня 1791 г., съ изумленіемъ читали слѣдующія слова:

„Вечеръ былъ очень спокоенъ въ Парижѣ. Въ 11 часовъ я возвращался изъ клуба якобинцевъ съ Дантономъ и другими патріотами; въ теченіе всей дороги мы видѣли только одинъ патруль. Парижъ въ эту ночь показался мнѣ такимъ покинутымъ, что я не могъ не обратить на это вниманія. Одинъ изъ насъ, Фреронъ, въ карманѣ котораго было письмо съ предупрежденіемъ, что король намѣренъ въ эту ночь уѣхать, хотѣлъ наблюдать за дворцомъ. Онъ видѣлъ, какъ въ 11 часовъ вошелъ туда Лафайетъ“. Тотъ же Камилль Де-

мулень сообщаетъ дѣтѣ объ инстинктивномъ безпокойствѣ народа въ эту роковую ночь. „Въ ту ночь“, продолжаетъ онъ, „когда семейство Капетовъ бѣжало, господинъ Бюзеби, парикмахеръ въ улицѣ Бурбонъ, пришелъ къ господину Гюше, булочнику и саперу батальона Театинцевъ, и сообщилъ ему свои опасенія по поводу дошедшихъ до него извѣстій о планахъ бѣгства короля. Они оба немедленно будятъ своихъ сосѣдей и, собравшись въ числѣ 30 человѣкъ, отправляются къ Лафайету, объявляя ему, что король уѣзжаетъ; они приглашаютъ его принять безотлагательныя мѣры, чтобъ этому воспротивиться. Лафайетъ засмѣялся и попросилъ ихъ вернуться спокойно домой. Чтобы не быть арестованными на обратномъ пути, они спрашиваютъ у него пароль: онъ имъ даетъ его. Имѣя пароль, они отправляются къ Тюльери, гдѣ не замѣчаютъ ни малѣйшаго движенія, если не считать большого числа кучеровъ съ фіаками, распивающихъ около маленькихъ переносныхъ лавочекъ, которыя находятся близъ Карусельскихъ воротъ. Пройдя до дверей помѣщенія національнаго собранія, они не замѣчаютъ ничего подозрительнаго; но при возвращеніи, къ удивленію, уже не находятъ на мѣстѣ ни одного фіака, которые все исчезли. Это внушило солдатамъ предположеніе, что нѣкоторые изъ тѣхъ экипажей служили лицамъ, которые должны были сопровождать безчестную семью“.

По этому глухому движенію умовъ въ обществѣ и по строгости заключенія короля можно судить, какъ трудно было одновременное бѣгство такого числа лицъ. При всемъ томъ, частію благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ вѣрныхъ людей изъ національной гвардіи, которые на этотъ день испросили себѣ внутренніе посты во дворцѣ и старались не видѣть нарушенія приказовъ,—частію благодаря искуснымъ мѣрамъ, принятымъ издали графомъ Ферзенемъ,—частію, наконецъ, потому, что Провидѣніе хотѣло дать послѣдній лучъ надежды и спасенія тѣмъ, которыхъ ему вскорѣ предстояло поразить тяжкими несчастіями,—вся зоркость стражей была обманута, и революція на минуту выпустила свою добычу.

11.

Король и королева, по обыкновенію, передъ сномъ принимали лицъ, которыя всегда бывали у нихъ въ этотъ часъ. Слугъ они отпустили не раньше, какъ и въ другіе дни. Но оставшись одни, они сейчасъ же одѣлись снова. Они наѣли дорожные костюмы, очень простые и соответственные той роли, которую взялъ на себя каждый изъ бѣглецовъ. Потомъ они сошлись въ комнатѣ королевы съ принцессой Елизаветой и дѣтми; оттуда, секретнымъ проходомъ, достигли комнатъ герцога Вилькье, и вышли изъ дворца отдѣльными группами, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени одни за другими, чтобы не привлечь вниманія дворцовой стражи одновременнымъ собраніемъ такого числа людей. Благодаря движенію пѣшкомъ и въ экипажахъ людей, которые выходили въ это время изъ дворца, послѣ отхода короля ко сну, — движенію, которое Ферзенъ, безъ сомнѣнія, постарался увеличить и запутать, они достигли незамѣченными до Карусели. Королева дала руку одному изъ тѣлохранителей и вела принцессу. Проходя Карусель, она встрѣтила Лафайета,

который, въ сопровожденіи одного или двухъ офицеровъ своего генеральнаго штаба, шелъ въ Тюльери, чтобъ лично удостовѣриться въ исполненіи распоряженій, вызванныхъ открытіями послѣдняго дня. Королева задрожала, увидѣвъ челоѡка, который въ ея глазахъ былъ представителемъ мятежа и неволи; ускользнувъ отъ его взгляда, она подумала, что вырвалась отъ самой націи и улыбнулась при мысли, что обманула своего стража, который на другой день не будетъ въ состояніи выдать несчастныхъ плѣнниковъ народу. Принцесса Елизавета, опираясь также на руку одного изъ стражей, слѣдовала за ними въ нѣкоторомъ разстояніи. Король хотѣлъ выйти послѣдній вмѣстѣ съ 7-ми лѣтнимъ дофиномъ. Графъ Ферзенъ, переодѣтый кучеромъ, шелъ немного поодаль передъ королемъ и служилъ ему проводникомъ. Королевская семья должна была сойтись на углу улицы Echelle, между улицею Saint-Honore и Тюльери, гдѣ буржуазный экипажъ ожидалъ путниковъ. Маркиза де-Турзель тамъ опередила ихъ.

Въ смущеніи, порожденномъ такимъ опаснымъ и сложнымъ побѣгомъ, королева и ея спутникъ прошли королевскій мостъ и вступили-было въ улицу Бакъ. Замѣтивъ свою ошибку, королева встревожилась и поспѣшно вернулась назадъ. Король и сынъ его, вынужденные придти къ назначенному мѣсту окольными улицами и черезъ другой мостъ, опоздали на полчаса. Эти полчаса показалиcя цѣлымъ вѣкомъ для его жены и сестры. Наконецъ, они пришли и бросились въ экипажъ; графъ Ферзенъ сѣлъ на козлы, взялъ возжи и самъ провезъ королевскую семью до заставы Сень-Мартенъ. Тамъ, благодаря стараніямъ графа, уже находился сдѣланный для короля берлинъ, запряженный 4 лошадьми, принадлежавшими Ферзену, и управляемый его кучеромъ, переодѣтымъ въ почталюпа. Король, королева, дофинъ, королевская принцесса, принцесса Елизавета, маркиза де-Турзель помѣстились въ берлинъ. Двое переодѣтыхъ тѣлохранителей сѣли одинъ спереди, другой сзади. Графъ Ферзенъ, помѣстившись на козлахъ рядомъ съ ними, проводилъ экипажъ до Бонди, гдѣ заготовлены были почтовые лошади; тамъ онъ поцѣловалъ руки королю и королевѣ, ввѣрилъ ихъ Провидѣнію и возвратился въ Парижъ, откуда въ ту же ночь, по другой дорогѣ выѣхалъ въ Брюссель, чтобъ потомъ встрѣтиться съ королевскимъ семействомъ. Въ тотъ же часъ братъ короля, графъ Прованскій, выѣхалъ изъ Люксембургскаго дворца въ Брюссель, куда и прибылъ незамѣченнымъ.

12.

Королевскіе экипажи катились по дорогѣ въ Шалонъ: перемѣны по восьми лошадей были назначены на всѣхъ станціяхъ заранее. Такое количество лошадей, величина и замѣчательная форма берлина, число путешественниковъ, занимавшихъ его внутренность, тѣлохранители, надѣтая которыми ливрея худо шла къ ихъ благороднымъ фizioноміямъ и военной осанкѣ,—наконецъ, сидящая въ глубинѣ экипажа бурбонская фигура Людовика XVI, совершенно непохожая на лакея, которымъ переодѣлся король,—всѣ эти обстоятельства способны были возбудить по пути подозрѣнія и повредить спасенію королевской семьи. Но паспортъ министра иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ за все. Паспортъ этотъ гласилъ слѣдующее: „Во имя короля, приказываемъ пропустить госпожу баронессу Корфъ, ѣдущую во Франкфуртъ съ двумя дѣтьми, женщиной,

лакеемъ, и тремя слугами“, ниже было подписано: „министръ иностранныхъ дѣлъ Монморень“. Это иностранное имя, титулъ нѣмецкой баронессы, вошедшее въ пословицу богатство франкфуртскихъ банкировъ, которымъ народъ обыкновенно дѣлалъ причудливые и пышные экипажи,—все это было хорошо рассчитано графомъ Ферзеномъ, чтобы прикрыть то, что казалось слишкомъ подозрительнымъ и необыкновеннымъ въ королевскомъ поѣздѣ. Дѣйствительно, ничто не возбудило общественнаго вниманія и не замедлило поѣздки до Монмираля, маленькаго городка между Мо и Шалономъ. Здѣсь, отъѣздъ короля замедлился на цѣлый часъ изъ-за починки, которую понабилось сдѣлать въ берлинѣ. Эта часовая задержка, въ теченіе которой бѣгство монарха могло быть открыто въ Тюльери и могла быть послана погоня, сильно встревожила бѣглецовъ. Когда экипажъ былъ наскоро поправленъ, путники отправились дальше, не подозрѣвая, что этотъ потерянный часъ, быть можетъ, стоилъ свободы и жизни четыремъ изъ пяти лицъ, составлявшихъ королевское семейство.

Путники были исполнены довѣрія и спокойствія. Успѣхъ побѣга изъ дворца, выѣздъ изъ Парижа, аккуратность до сихъ поръ въ смѣнѣ почтовыхъ лошадей, пустынность дорогъ, невнимательность городовъ и деревень, чрезъ которые имъ приходилось проѣзжать, столько опасностей, уже миновавшихъ, близость спасенія,—приближеніе, съ каждымъ оборотомъ колеса, къ Булье и къ вѣрнымъ войскамъ, которыхъ онъ разставилъ по дорогѣ для принятія короля,—наконецъ прелесть природы, столь пріятная тѣмъ, которые, въ теченіе двухъ лѣтъ, видѣли только мятежныя толпы въ Тюльери и лѣсъ штыковъ вооруженнаго народа подъ окнами, все это облегчало сердце путниковъ, все заставляло ихъ вѣрить, что, наконецъ. Провидѣніе взяло ихъ сторону и что горячія и чистыя молитвы дѣтей, сидѣвшихъ на ихъ колѣнахъ, и ангела, который сопровождалъ ихъ въ лицѣ принцессы Елизаветы, одержали верхъ надъ упорнымъ несчастіемъ ихъ судьбы. Подъ этими счастливыми предзнаменованіями путники прибыли въ Шалонъ. Это былъ единственный большой городъ, который имъ пришлось проѣзжать. Было около половины четвертаго часа по полудни. Нѣсколько праздныхъ людей толпилось около экипажей пока перемѣняли лошадей. Король не совсѣмъ благоразумно показался у дворецъ; онъ былъ узнанъ почтмейстеромъ. Но этотъ почтенный человѣкъ зналъ, что жизнь его государя зависѣла отъ изумленнаго взгляда или жеста. Почтмейстеръ скрылъ свое изумленіе, постарался отвлечь вниманіе толпы, самъ помогалъ запрягать лошадей въ экипажъ и торопилъ почтальоновъ ѣхать. Кровь короля не запятнала одного этого человѣка среди всего народа.

Экипажъ выѣхалъ изъ Шалона. Король, королева, принцесса Елизавета сказали въ одинъ голосъ: „мы спасены!“ Дѣйствительно, послѣ Шалона, спасеніе короля зависѣло уже не отъ случая, но отъ благоразумія и силы. Первая станція была въ Понтъ-Соммвель. Мы видѣли, что согласно распоряженіямъ Булье, Шуазель и Гогела, во главѣ отряда изъ 40 гусаръ, должны были тамъ находиться для защиты короля, въ случаѣ надобности, и чтобы слѣдовать позади его; кромѣ того, замѣтивъ экипажи, они должны были послать одного гусара въ Сентъ-Менегу, а оттуда въ Клермонъ, съ увѣдомленіемъ о близкомъ поѣздѣ королевскаго семейства. Король былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ пре-

данных и вооруженных друзей; онъ не нашелъ никого. Шуазель, Гогела и 40 гусаровъ уѣхали отсюда полчаса назадъ. Народъ казался безпокойнымъ и взволнованнымъ и бродилъ съ ропотомъ вокругъ экипажей, подозрительно разсматривая путешественниковъ. Несмотря на то, никто не посмѣлъ задерживать поѣздъ, и король прибылъ въ Сентъ-Менегу въ половинѣ восьмого вечера. Въ это время года въ восьмомъ часу бываетъ еще совершенно свѣтло. Встревоженный, что уже на двухъ станціяхъ не оказалось условленного конвоя, король, повинаясь совершенно естественному движенію, высунулъ голову въ дверцы экипажа, чтобъ поискать въ толпѣ разумнаго взгляда или надежнаго офицера, который открылъ бы ему причину такого отсутствія отрядовъ. Это движеніе погубило его. Сынъ почтмейстера, Друэ, никогда не выдавши короля, узналъ его по сходству съ изображеніемъ Людовика XVI на монетахъ.

Несмотря на то, такъ какъ лошади были уже запряжены, почталыоны на лошадяхъ, а городъ былъ занятъ отрядомъ драгунъ, которые могли проложить путь экипажамъ силою, то этотъ молодой человѣкъ не рѣшился на попытку остановить самому экипажи въ этомъ мѣстечкѣ.

13.

Начальникъ отряда драгунъ, который прохаживался тутъ же для наблюденія, также узналъ королевскіе экипажи по описанію, которое ему доставили. Онъ хотѣлъ посадить свой отрядъ на лошадей, чтобъ слѣдовать за королемъ, но національные гвардейцы Сентъ-Менегу, до которыхъ дошла глухая молва о сходствѣ путниковъ съ портретами королевской фамиліи, окружили казарму, заперли двери конюшенъ и воспротивились отъѣзду драгунъ. Пока совершалось это быстрое, инстинктивное народное движеніе, сынъ почтмейстера осѣдлалъ свою лучшую лошадь и во всю прыть поскакалъ въ Вареннъ, чтобъ предупредить королевскій поѣздъ, заявить свои подозрѣнія муниципальнымъ властямъ этого города и побудить патріотовъ арестовать монарха. Пока этотъ человѣкъ скакалъ въ Вареннъ, король, участь котораго отъ него зависѣла, продолжалъ путь, ничего не подозрѣвая, къ тому же самому городу. Друэ былъ увѣренъ, что опередить короля, потому что большая дорога изъ Сентъ-Менегу въ Вареннъ описываетъ значительный уголъ, проходя черезъ Клермонъ, гдѣ находится промежуточная станція, тогда какъ болѣе прямой путь, назначенный только для пешеходовъ и всадниковъ, минуя Клермонъ, ведетъ прямо въ Вареннъ и сокращается, такимъ образомъ, на 4 мили разстояніе между этимъ городомъ и Сентъ-Менегу. Поэтому, Друэ имѣлъ въ запасѣ цѣлые часы; гибель шла быстрѣе спасенія. Между тѣмъ, по странной прихоти судьбы, смерть мчалась по пятамъ самого Друэ и, безъ вѣдома его, угрожала его жизни пока онъ самъ угрожалъ, неожиданно для короля, жизни своего государя.

Квартирмейстеръ драгунъ, запертыхъ въ казармѣ Сентъ - Менегу, одинъ только нашелъ возможность сѣсть на лошадь и ускользнуть отъ бдительности народа. Узнавъ отъ своего начальника о поспѣшномъ отъѣздѣ Друэ и подозрѣвая причину этого, онъ бросился преслѣдовать его по Вареннской дорогѣ; увѣренный, что настигнетъ молодого человѣка, онъ рѣшился убить его. Дѣйствительно, квартирмейстеръ держался въ виду Друэ, но постоянно на нѣкото-

ромъ разстояніи, чтобъ не возбудить подозрѣній, незамѣтно приблизиться и наконецъ догнать его въ благоприятную минуту, въ какомъ-нибудь уединенномъ пунктѣ дороги. Другъ, который нѣсколько разъ оборачивался, чтобъ убѣдиться, нѣтъ-ли погони, замѣтилъ всадника и понялъ его замыселъ; уроженецъ края, зная всѣ мѣстныя тропинки, онъ вдругъ бросился съ дороги по полямъ и, въѣхавъ въ лѣсъ, исчезъ изъ виду квартирмейстера, а потомъ продолжалъ во весь опоръ свой путь въ Вареннъ.

Прибывъ въ Клермонъ, король былъ узнавъ графомъ Дама, который ожидалъ его съ двумя эскадронами драгунъ.

Клермонскія муниципальныя власти, не препятствуя отъѣзду экипажей, но волнуемая неопредѣленными подозрѣніями вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія этихъ войскъ, приказали драгунамъ остаться, тѣ повиновались народу, а графъ Дама, оставленный своими солдатами, нашель возможность ускользнуть съ однимъ унтеръ-офицеромъ и только съ двумя драгунами и поскакалъ въ Вареннъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ короля: помощь слишкомъ слабая и слишкомъ поздняя.

Королевское семейство, запершись въ берлинѣ и видя, что никто не противится ихъ проѣзду, не знало этихъ зловѣщихъ признаковъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи экипажи достигли первыхъ домовъ маленькаго городка Варенна. Все спало или казалось спящимъ, все было пустынно и безмолвно. Припомнимъ, что мѣнять почтовыхъ лошадей въ Вареннѣ не слѣдовало, такъ какъ этотъ городъ не находится на почтовой дорогѣ между Шалономъ и Монмеди. Между королемъ и Булье было условлено, что лошади Шуазеля будутъ заранѣе помѣщены въ Вареннѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ и отвезутъ королевскіе экипажи въ Дюнъ и Стенэ, гдѣ Булье ожидалъ короля. Мы видѣли также, что Шуазель и Гогела, которые, по инструкціямъ Булье, должны были ожидать короля въ Понъ-Соммвелѣ съ отрядомъ изъ 40 гусаръ и потомъ слѣдовать за королемъ, не подождали и не сопровождали его. Въмѣсто того, чтобъ быть въ Вареннѣ въ одно время съ королемъ, эти офицеры, оставивъ Понъ-Соммвелъ, направились со своими отрядами по дорогѣ, которая обходитъ Сентъ-Менегу и на нѣсколько миль удлинняетъ разстояніе между Понъ-Соммвелемъ и Варенномъ. Эта перемѣна дороги имѣла цѣлью миновать Сентъ-Менегу, гдѣ проѣздъ гусаровъ наканунѣ возбудилъ нѣкоторое волненіе. Вслѣдствіе этого, ни Гогела, ни Шуазель,—эти повѣренные и руководители побѣга, не были въ Вареннѣ во время прибытія туда короля. Они явились туда уже часъ спустя послѣ его проѣзда. Экипажи остановились при въѣздѣ въ Вареннъ. Король, удивленный, что не видитъ ни Шуазеля, ни Гогела, ни конвоя, ни лошадей, тревожно ждалъ, что свистъ почтальонскихъ бичей извѣститъ, наконецъ, о приближеніи лошадей, которыя были необходимы, чтобъ продолжать путь. Тѣлохранители вышли изъ экипажа и старались узнать, на какомъ мѣстѣ находятся лошади. Никто не могъ дать имъ отвѣта.

Маленькій городокъ Вареннъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, верхняго города и нижняго города, раздѣленныхъ рѣкою и мостомъ; Гогела по-

мѣстилъ лошадей въ нижнемъ городѣ, по другую сторону моста. Мѣра эта сама по себѣ была благоразумна потому, что дѣлала необходимымъ для экипажей проѣхать узкій мостъ на надежныхъ клермонскихъ лошадяхъ, и что, въ случаѣ движенія въ народѣ, перемѣна лошадей и выѣздъ датѣ были удобнѣе послѣ переѣзда черезъ мостъ. Но о томъ слѣдовало увѣдомить короля; этого не было сдѣлано. Король и королева, сильно встревоженные, сами выходятъ изъ экипажа и съ полчаса блуждаютъ по пустыннымъ улицамъ верхняго города, стараясь найти заготовленныхъ лошадей. Они стучатся въ двери домовъ, гдѣ еще виднѣн свѣтъ, и спрашиваютъ: ихъ не понимаютъ. Наконецъ, они въ отчаяніи возвращаются въ экипажи, изъ которыхъ, между тѣмъ, нетерпѣливые почталыоны угрожаютъ распречь лошадей и уѣхать. Посредствомъ просьбъ, золота и обѣщаній, — бѣглецы склоняють этихъ людей переѣхать на другую сторону. Экипажи двигаются. Путники успокоиваются, они приписываютъ этотъ случай недоразумѣнію и надѣются, черезъ нѣсколько минутъ, быть уже среди солдатъ Булье. Верхній городъ проѣхали безпрепятственно. Запертые дома погружены въ кажущееся спокойствіе. Не спятъ только нѣсколько человѣкъ; эти люди скрыты и безмолвны.

Между верхнею и нижнею частями города, у входа на раздѣляющій ихъ мостъ, возвышается башня; эта башня опирается на массивный, мрачный и узкій сводъ, гдѣ экипажи должны проѣхать шагомъ и гдѣ достаточно самаго малаго препятствія, чтобы загородить проѣздъ. Это былъ остатокъ феодализма, мрачная западня, гдѣ когда-то дворянство хватало народъ и гдѣ, по странной случайности, народу предстояло захватить всю монархію. Какъ только экипажи вступили въ мракъ этого свода, какъ лошади, испуганные опрокинутою телѣжкой и преградами, брошенными на пути, останавливаются, а изъ мрака выходятъ 5 или 6 человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ, бросаются къ лошадямъ, на козлы и къ дверцамъ экипажей, приказываютъ путешественникамъ сойти и явиться въ муниципалитетъ для предьявленія паспортовъ. Человѣкъ, который приказывалъ такимъ образомъ своему королю, былъ Друэ. Только-что прискакавъ изъ Сентъ-Менегу, онъ поднялъ съ перваго сна нѣсколько молодыхъ патріотовъ изъ своихъ друзей, сообщилъ имъ о своихъ догадкахъ и о безпокойствѣ, которое имъ овладѣло. Неувѣренные еще въ справедливости своихъ подозрѣній, а можетъ быть и желая сохранить для однихъ себя *славу* ареста короля Франціи, они не увѣдомили муниципальныхъ властей, не разбудили городъ, не взволновали народъ. Наружный видъ заговора болѣе льстилъ ихъ гордости; они считали себя цѣлою націей.

При этомъ неожиданномъ появленіи людей, слыша крики и видя блескъ сабель и штыковъ, королевскіе тѣлохранители поднимаются съ мѣстъ, берутся за спрятанное у нихъ оружіе и взглядомъ спрашиваютъ приказаній короля: король запрещаетъ имъ употреблять силу для проложенія ему пути. Поворачиваютъ лошадей и везутъ экипажи, подъ стражею Друэ и его друзей, къ дому торговца пряностями, Соссъ, который въ то же время былъ прокуроромъ-синдикомъ Вареннской общины. Тамъ короля и его семейство заставляютъ выйти, чтобъ осмотрѣть ихъ паспорта и удостовѣриться въ справедливости подозрѣній народа. Въ эту минуту товарищи Друэ бросаются съ крикомъ по всему городу,

стучать въ двери, забираются на колокольню, звонятъ въ набатъ. Жители въ испугѣ просыпаются; національные гвардейцы изъ города и сосѣднихъ деревень сходятся одинъ за другимъ, къ дверямъ Сосса; другіе направляются въ квартиру отряда, чтобъ увлечь съ собою войска или обезоружить ихъ. Напрасно король начинаетъ съ отрицанія своего сана: черты лица его и королевы обличаютъ истину; тогда король называетъ себя мэру и членамъ муниципалитета; онъ беретъ руку Сосса. „Да, я вашъ король“, говоритъ онъ, „и вѣряю вашей вѣрности свою участь, и участь жены, сестры и дѣтей моихъ! Наша жизнь, судьба государства, миръ королевства, самое спасеніе конституціи въ вашихъ рукахъ! Пропустите меня; я не бѣгу за границу, не выхожу изъ королевства, я иду встать среди части своей арміи, во французскій городъ, чтобы возвратить себѣ дѣйствительную свободу, которой въ Парижѣ мнѣ не даютъ мятежники, и чтобы оттуда вступить въ переговоры съ національнымъ собраніемъ, которое, подобно мнѣ, находится подъ страхомъ черни. Я иду не разрушать конституцію, но обезопасить и укрѣпить ее; если вы меня задержите, то будетъ все кончено и съ ней, и со мною, и быть можетъ съ цѣлой Франціей! Я заклинаю васъ, какъ человѣкъ, какъ мужъ, какъ отецъ, какъ гражданинъ! Пропустите насъ! черезъ часъ мы будемъ спасены! съ нами будетъ спасена и Франція! И если въ вашихъ сердцахъ сохранилась еще вѣрность, которую вы выражаете на словахъ, къ тому, кто былъ вашимъ государемъ, то я вамъ приказываю, какъ король“.

15.

Эти люди, растроганные, почтительные въ самомъ насиліи, колеблются и кажутся побѣжденными; по ихъ лицамъ, по ихъ слезамъ видно, что въ душѣ ихъ происходитъ борьба между естественнымъ состраданіемъ къ такому внезапному повороту судьбы и совѣстью ихъ, какъ патріотовъ. Видъ короля, который, умоляя, сжимаетъ ихъ руки,—королевы, которая, то сохраняя величіе, то преклоняя колѣна, то отчаяніемъ, то мольбою усиливается вызвать согласіе на отъѣздъ, колеблетъ этихъ людей. Они уступили бы, еслибы слушались только своего сердца, но они начинаютъ бояться отвѣтственности для себя самихъ за свою снисходительность. Народъ потребуетъ у нихъ отчета за своего короля, нація—за своего главу. Эгоизмъ дѣлаетъ ихъ черствыми. Жена Сосса, съ которою мужъ часто совѣтуется взглядомъ и къ сердцу которой королева надѣется найти болѣе достуша, оказывается самую нечувствительною изъ всѣхъ. Пока король уговариваетъ муниципальныхъ властей, королева, въ слезахъ, съ дѣтьми на колѣняхъ, сидя въ лавкѣ, между двумя тюками товаровъ, указываетъ г-жѣ Соссѣ на своихъ дѣтей: „Вы сами мать“, говоритъ она, „вы женщина; судьба женщины и матери въ вашихъ рукахъ. Подумайте, что я должна почувствовать за своихъ дѣтей, за мужа! Я буду вамъ ими обязана за одно слово! Королева Франціи вамъ будетъ обязана больше, чѣмъ королевствомъ,—больше, чѣмъ жизнью!“—„Сударыня“, сухо отвѣчаетъ ей жена торговца, съ тѣмъ тривіальнымъ здравымъ смысломъ, въ которомъ расчетъ заглушаетъ собою великодушіе, „я хотѣла бы быть вамъ полезна, но вы заботитесь о королѣ, я забочусь о г. Соссѣ. Жена должна думать о мужѣ“.

Вся надежда исчезла, если даже въ сердцѣ женщины нѣтъ болѣе состраданія. Королева въ негодованіи удаляется, съ принцессой Елизаветой и съ дѣтьми, въ двѣ маленькія комнатки на верху дома г. Сосса и заливается слезами. Король окруженный внизу муниципальными властями и національными гвардейцами, также отказался отъ надежды смягчить ихъ; онъ непрерывно всходитъ и спускается по деревянной лѣстницѣ жалкой лавченки; отъ королевы онъ идетъ къ своей сестрѣ, отъ сестры къ дѣтямъ. Чего онъ не получилъ отъ состраданія, онъ еще надѣется дожидаться отъ времени и отъ силы. Онъ не вѣритъ, чтобы эти люди, которые еще показываютъ ему сочувствіе и нѣкоторое почтеніе, стали въ самомъ дѣлѣ настаивать на задержкѣ его и дожидаться приказаній національнаго собранія. Во всякомъ случаѣ, онъ убѣжденъ, что прежде возвращенія посланныхъ въ Парижъ курьеровъ, будетъ вырученъ войсками Булье, которыя (онъ это знаетъ) окружаютъ его, о чемъ народу неизвѣстно; король удивленъ только тѣмъ, что помощь эта такъ медлитъ. Однакожъ, часъ проходилъ за часомъ, ночь кончалась, а помощь не являлась.

16.

Офицеръ, командовавшій отрядомъ гусаръ, расположеннымъ, по распоряженію Булье, въ Вареннѣ, не былъ совершенно посвященъ въ тайну. Ему сказали только, что здѣсь провезутъ казенныя деньги и что онъ долженъ ихъ конвоировать. Никакой курьеръ не явился впереди королевскаго экипажа, ни одинъ всадникъ не показывался изъ Сентъ-Менегу предупредить офицера, чтобъ тотъ собралъ войско; Гогела, которому слѣдовало быть въ Вареннѣ до пріѣзда короля и сообщить офицеру послѣднія секретныя приказанія относительно даннаго ему порученія, тамъ не былъ. Офицера предоставили самому себѣ. Два другихъ офицера, безъ войска, совершенно посвященные г. Булье въ тайну путешествія, были посланы генераломъ въ Вареннѣ, но остались въ нижнемъ городѣ, въ той же гостиницѣ, гдѣ были и лошади Шуазеля; они не знали, что происходитъ въ другой части города; сообразно даннымъ приказаніямъ, они ожидали появленія Гогела; ихъ пробудилъ только звукъ набата.

Между тѣмъ, Шуазель и Гогела, сопровождаемые своими гусарами, скакали къ Варенну; графъ Дама и его трое вѣрныхъ драгунъ, едва ускользнувшіе отъ возмущившихся клермонскихъ батальоновъ, присоединились къ нимъ; когда они прибыли къ городскимъ воротамъ, спустя $\frac{3}{4}$ часа послѣ ареста короля національная гвардія ихъ узнала, арестовала и, не давая дороги, заставила ихъ слабый отрядъ слѣзть съ коней. Они просятъ позволенія говорить съ королемъ; это имъ разрѣшается. Король запрещаетъ имъ прибѣгать къ насилію. Онъ ожидаетъ съ минуты на минуту прибытія превосходныхъ силъ г. Булье. Несмотря на это, Гогела выходитъ изъ дома, видитъ, что гусары смѣшались съ толпою, занимающею площадь, и хочетъ испытать ихъ вѣрность: „Гусары!“ не благодарно кричитъ онъ имъ, за націю вы или за короля?—„Да здравствуетъ нація!“ отвѣчаютъ солдаты, „мы стоимъ и всегда будемъ стоять за нее“. Народъ рукоплещетъ этому. Сержантъ національной гвардіи принимаетъ начальство надъ гусарами. Ихъ начальникъ убѣгаетъ. Онъ соединяется въ

нижнемъ городѣ съ двумя офицерами, которые оставались у лошадей Шуазеля, и всѣ трое выходятъ изъ города и отправляются въ Дюнъ увѣдомить обо всемъ своего генерала.

По этимъ двумъ офицерамъ стали стрѣлять, когда они, узнавъ объ арестованіи экипажей, попытались пройти къ королю. Цѣлая ночь прошла въ подобныхъ передрыгахъ. Уже въ Вареннѣ прибывали вооруженные національные гвардейцы изъ сосѣднихъ селеній,—строили тамъ преграды между верхнею и нижнею половинами города, а отправленные муниципалитетомъ гонцы спѣшили увѣдомить о происшедшемъ городскія начальства Меца и Вердюна, съ просьбою—сколько можно скорѣе прислать въ Вареннѣ войска и пушекъ, чтобы не допустить похитить короля войску г. Булье, который приближался.

Между тѣмъ, король, королева, принцесса Елизавета и дѣти нѣсколько минутъ отдохнули, одѣтые, въ комнатахъ дома г. Сосса, при грозномъ шумѣ шаговъ и голосовъ встревоженнаго народа, который каждую минуту накоплялся передъ ихъ окнами. Таково было положеніе дѣлъ въ Вареннѣ къ 7 часамъ утра. Королева не спала. Чувства женщины, матери, королевы,—негодованіе, ужасъ, отчаяніе—такъ нахлынули въ душу Маріи-Антуанетты, что ея волосы, еще наканунѣ бѣлокурые, на утро сдѣлались бѣлыми.

17.

Въ Парижѣ отъѣздъ короля скрывала глубокая тайна. Лафайетъ, приходившій въ Тюльери два раза, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ точномъ исполненіи своихъ распоряженій, вышелъ изъ дворца въ послѣдній разъ въ полночь, вполнѣ убѣжденный, что стѣны его вѣрно хранили народнаго заложника. Только въ 7 часовъ утра 21 іюня люди изъ дворцовой прислуги, войдя въ помѣщеніе короля и королевы, нашли постели нетронутыми, комнаты пустыми и произвели ужасъ и удивленіе среди дворцовой стражи. Бѣглецы были, такимъ образомъ, отъ 8 до 10 часовъ впереди тѣхъ, кто попытался бы ихъ преслѣдовать; если даже предположить, что дорога была бы угадана, все-таки бѣглецовъ могли настигнуть только гонцы. Но сопровождавшіе короля тѣлохранители легко бы могли арестовать самихъ гонцовъ. Наконецъ попытки къ серьезной борьбѣ и къ сопротивленію бѣглецамъ должно было ожидать только въ городахъ, гдѣ короля могли защитить отряды, разставленные по приказанію г. Булье.

Между тѣмъ Парижъ пробуждался. Молва, выйдя изъ дворца, распространилась въ смежныхъ кварталахъ и постепенно дошла до предмѣстій. Встрѣчныя начинали разговоръ зловѣщими словами: „король уѣхалъ“. Этому не хотѣли вѣрить. Толпа шла ко дворцу, чтобы удостовѣриться, спрашивала стражу, бранила измѣнниковъ, думала, что открыть заговоръ, готовый вспыхнуть. Имя Лафайета слышалось вездѣ съ проклятіями: „Что онъ глупецъ? Или измѣнникъ? Какъ могло, безъ потворства съ его стороны, совершиться бѣгство такого числа людей, при такомъ множествѣ предосторожностей, привратниковъ, стражи?“ Выломали двери, чтобы осмотрѣть комнаты. Народъ проникнулъ во всѣ тайники королевскаго помѣщенія. Переходя отъ изумленія къ раздраженію, онъ вымѣщалъ свой гнѣвъ на неодоушенныхъ предметахъ, представителяхъ

того почтенія, какое долгое время оказывалось этому жилищу. Отъ ярости народъ переходилъ къ насмѣшкамъ. Сняли изъ спальни портретъ короля и повѣсили его, какъ продающуюся мебель, на воротахъ дворца. Торговка плодами завладѣла постелью королевы и продавала тамъ вишни, говоря: „сегодня очередь націи повеселиться“. На молодую дѣвушку хотѣли надѣть шляпу королевы; она вскричала, что ея лобъ будетъ оскверненъ этимъ, и съ негодованіемъ растоптала шляпу ногами. Вошли въ учебный кабинетъ маленькаго дофина: здѣсь народъ былъ растроганъ и относился съ уваженіемъ къ книгамъ, картамъ, рабочимъ инструментамъ ребенка-короля. Улицы и площади были запружены толпою. Національная гвардія собиралась, барабанъ билъ сборъ, пушка каждую минуту возвѣщала тревогу. Люди съ пиками и въ шерстяныхъ шапкахъ (родоначальницахъ красныхъ шапокъ) показывались все въ большемъ и большемъ числѣ и заслоняли собою мундиры. Пивоваръ Сантерръ, агитаторъ предмѣстій, забралъ одному себѣ 2.000 пикъ. Гнѣвъ народа сталъ преобладать надъ страхомъ и выражался въ циническихъ словахъ и въ оскорбительныхъ дѣйствіяхъ противъ королевства. На Гревской площади безобразили бують Людовика XVI, поставленный подъ зловѣщимъ фонаремъ, который употреблялся при первыхъ преступленіяхъ революціи. „Когда же“, кричали демагоги, „народъ совершить правосудіе надъ всѣми этими бронзовыми и мраморными королями, постыдными памятниками его рабства и идолопоклонства?“ У продавцевъ вырывали королевскіе портреты: одни разрывали ихъ, другіе только придѣлывали на нихъ повязку къ глазамъ, въ знакъ ослѣпленія, приписываемаго королю. Со всѣхъ вывѣсокъ снимали имена короля, королевы, Бурбоновъ. Пале-Рояль утратилъ свое названіе и былъ наименованъ Пале-д’Орлеанъ. Клубы, наскоро собранные, оглашались бѣшенными предложеніями. Клубъ Кордельеровъ постановлялъ, что національное собраніе, провозгласивъ наслѣдственность короны, предало Францію рабству. Онъ требовалъ, чтобы королевскій санъ былъ уничтоженъ навсегда и чтобы королевство превратилось въ республику; Дантонъ сообщалъ этому клубу свою смѣлость, Мара—свое безуміе. Самые неимовѣрные слухи возникали и опровергали другъ друга. По однимъ, король отправился по дорогѣ въ Мецъ; по другимъ, королевское семейство спаслось, пройдя чрезъ сточныя трубы. Камилль Демуленъ возбуждалъ веселость народа, какъ самую оскорбительную форму его презрѣнія. Къ стѣнамъ Тюльери приклеивали афиши съ обѣщаніемъ умѣреннаго вознагражденія тому, кто приведетъ назадъ убѣжавшихъ оттуда зловредныхъ и не чистыхъ животныхъ. Въ саду, среди бѣлаго дня, слышались необыкновенныя предложенія. „Народъ“, говорили ораторы, взобравшись на стулья, „худо было бы, если этотъ вѣроломный король возвратился къ намъ; что мы съ нимъ стали бы дѣлать? Онъ, подобно Терситу, сталъ бы проливать тѣ вѣроломныя слезы, о которыхъ говоритъ Гомеръ, и мы бы растрогались. Если онъ возвратится, я предлагаю выставить его на 3 дня на общественное посмѣяніе, съ краснымъ платкомъ на головѣ; пусть его потомъ проводить, съ одного этана на другой, до границы; а тамъ пинками вытолкнуть изъ предѣловъ королевства“. Фреронъ продавалъ свои листки цѣлыми грудами. „Онъ уѣхалъ“, читали тамъ, „этотъ глупый, клятвопреступный король! Она уѣхала, преступная королева, соединяю-

щая въ себѣ распутство Мессалины съ жаждою крови, пожиравшею Медичи! Гнусная женщина! позоръ Франці! это ты была душою заговора!“ Народъ, повторяя эти слова, переносилъ изъ улицы въ улицу отвратительныя ругательства, которыя поддерживали его ненависть и распаляли его ярость.

18.

Только въ 10 часовъ правительство и муниципалитетъ тремя пушечными выстрѣлами возвѣстили народу событіе прошлой ночи. Національное собраніе уже было въ сборѣ; президентъ сообщилъ ему, со словъ мэра Парижа, Бальи, что король и его семейство ночью были похищены изъ Тюльери врагами народнаго дѣла. Собраніе, уже знавшее о томъ, что случилось, выслушиваетъ это сообщеніе среди внушительнаго молчанія. Въ эту торжественную минуту, серьезность народной опасности, повидимому, сообщаетъ ему величественное хладнокровіе, а мудрость великой націи проявляется вполне въ ея представителяхъ. Одна мысль господствуетъ въ словахъ, въ рѣшеніяхъ, въ поступкахъ. Охраненіе и защита конституціи, даже отсутствующаго короля и пораженнаго королевства; принятіе временнаго регенства надъ страной, созваніе министровъ, разсылка гонцовъ по всѣмъ дорогамъ,—арестованіе каждаго, кто выходитъ изъ предѣловъ королевства, осмотръ арсеналовъ, фабрикація оружія, назначеніе генераловъ на ихъ посты, движеніе войскъ къ границамъ: всѣ эти предложенія принимаются немедленно. Нѣтъ болѣе ни правой стороны, ни центра; лѣвая сторона соединяетъ въ себѣ все. Объявляютъ, что Ромефъ, одинъ изъ адъютантовъ Лафайета, посланный имъ подъ собственною отвѣтственностью, до полученія приказаній собранія, чтобъ арестовать короля, находится въ рукахъ народа, который обвиняетъ Лафайета и его штабъ въ измѣнѣ; посылаютъ комиссаровъ для защиты этого человѣка. Освобожденный Ромефъ входитъ въ залу и объявляетъ цѣль своего посольства. Собраніе даетъ ему новое приказаніе, утверждающее распоряженія Лафайета; Ромефъ уѣзжаетъ. Барнавъ, видя новую опасность въ раздраженіи народа противъ Лафайета, устремляется на трибуну; до тѣхъ поръ врагъ популярнаго генерала, онъ великодушно и искусно защищаетъ его противъ подозрѣній народа, готоваго покинуть своего любимца. Говорятъ, что нѣсколько дней назадъ Ламеты и Барнавъ, наслѣдовавшіе Мирабо въ собраніи, сознали, какъ и онъ, необходимость тайнаго соглашенія съ остатками монархіи. Говорятъ, что были тайныя сношенія Барнава съ королемъ, что отъѣздъ былъ условленъ, что принятые мѣры замаскированы; но эти слухи, принятые самимъ Лафайетомъ въ его мемуарахъ, тогда еще не возникали; еще и теперь они сомнительны. „Цѣль, къ которой мы должны стремиться“, сказалъ Барнавъ, „состоитъ въ возвращеніи народнаго довѣрія тому, кому оно принадлежитъ. Существуетъ человѣкъ, котораго народное движеніе хочетъ заклеить недовѣріемъ, по моему твердому убѣжденію, совершенно не заслуженнымъ. Встанемъ же между нимъ и народомъ. Намъ нужна центральная сила, нужна рука, чтобъ дѣйствовать, а голова для размышленія у насъ уже есть. Съ самаго начала революціи Лафайетъ проявилъ взгляды и поступки добраго гражданина; важно сохранить ему довѣріе у націи. Парижу нужна сила, но ему нужно и спокойствіе; направлять эту силу должны вы“.

Эти слова Барнава подвергнуты голосованію, какъ текстъ прокламаціи. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что ораторъ правой стороны, Казалесь, находится въ рукахъ народа и подвергается въ Тюльери большой опасности. Для защиты его назначено 6 комиссаровъ, которые приводятъ его съ собою. Казалесь всходитъ на трибуну, раздраженный и противъ народа, отъ котораго только-что вырвался, и противъ короля, который покинулъ своихъ приверженцевъ, не предупредивъ ихъ о томъ. „Я едва не былъ разорванъ на куски народомъ“, восклицаетъ онъ, „и безъ помощи парижской національной гвардіи, которая выказала мнѣ такое уваженіе...“ При этихъ словахъ, обнаруживающихъ въ ораторѣ-роялистѣ претензію на личную популярность, собраніе понимается, а лѣвая сторона раздражается ропотомъ. „Я говорю не о себѣ“, начинается Казалесь, „а въ общественномъ интересѣ. Я охотно принесъ бы въ жертву свое слабое существованіе, да эта жертва уже давно и принесена; но для цѣлаго государства важно, чтобы никакое бурное движеніе не смущало вашихъ засѣданій въ минуты кризиса, нами переживаемаго, и, вслѣдствіе этого, я поддерживаю всѣ мѣры порядка и силы, какія будутъ установлены“. Наконецъ, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, собраніе рѣшаетъ, что за отсутствіемъ короля оно принимаетъ въ свои руки всю власть, что его декреты будутъ немедленно приводимы въ исполненіе министрами, при чемъ уже нѣтъ никакой надобности ни въ санкціи, ни въ особомъ принятіи этихъ декретовъ. Національное собраніе съ твердостью и быстротою принимаетъ диктатуру и объявляетъ себя постояннымъ.

19.

Пока собраніе брало въ свои руки власть, по праву благоразумія и необходимости, Лафайетъ съ спокойною отвагою бросился въ толпы народа, чтобы возвратить себѣ ускользавшее довѣріе, хотя бы даже рискуя жизнью. Первымъ побужденіемъ народа было—умертвить вѣроломнаго генерала, который отвѣчалъ за короля своею головою и допустилъ его бѣжать. Лафайетъ понялъ опасность и, рѣшившись идти на проломъ, успѣлъ отвратить ее. Узнавъ однимъ изъ первыхъ о бѣгствѣ короля отъ своихъ офицеровъ, онъ слѣшилъ въ Тюльери и тамъ встрѣчаетъ парижскаго мэра, Балли, и президента собранія Богарне. Балли и Богарне выражаютъ горестъ, что пропадетъ время для погони, пока соберется національное собраніе и пока декреты его получатъ исполнительную силу. „Думаете-ли вы“, говоритъ имъ Лафайетъ, „что арестъ короля и его семейства необходимъ для общественного блага и одинъ только можетъ отвратить междоусобную войну?“ „Да, безъ сомнѣнія“, отвѣчаютъ мэръ и президентъ. „Ну, въ такомъ случаѣ, я беру на себя отвѣтственность за этотъ арестъ“, говоритъ Лафайетъ и немедленно шлетъ всѣмъ національнымъ гвардейцамъ и гражданамъ приказаніе арестовать короля. Это была въ своемъ родѣ также диктатура, и притомъ самая произвольная, какая только возможна, и такую диктатуру бралъ на себя одинъ человѣкъ, становясь, такимъ образомъ, на мѣсто собранія и націи. Въ силу своего частнаго авторитета и права гражданской предусмотрительности, онъ посягалъ на свободу и, быть можетъ, на жизнь законнаго главы націи. Это распоряженіе повело Людовика XVI на эша-

фоть, потому что возвращало народу ускользнувшую отъ него жертву. „Къ счастью“, пишетъ Лафайетъ въ своихъ мемуарахъ, послѣ всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ надъ августѣйшими жертвами, „къ счастью, арестованіе короля произошло не по моему приказанію, но вслѣдствіе дурныхъ распоряженій и благодаря той случайности, что его узналъ почтмейстеръ“. Итакъ, гражданинъ приказывалъ сдѣлать то, что человѣкъ страшился видѣть исполненнымъ, и мягкосердечность Лафайета въслѣдствіи протестовала противъ его патриотизма.

Выйдя изъ Тюльери, Лафайетъ отправился пѣшкомъ въ ратушу. Толпа покрывала набережныя; гнѣвъ ея выражался бранью противъ народнаго любимца. Онъ спокойно выносилъ это. Придя почти одинокомъ на Гревскую площадь, Лафайетъ увидѣлъ, что герцогъ д'Омонъ, одинъ изъ его дивизіонныхъ начальниковъ, попалъ въ руки народа, готоваго его умертвить. Лафайетъ рванулся въ толпу, изумленную его смѣлостью, и освободилъ герцога. Лафайетъ возвратилъ себѣ силою власть, которую, вмѣстѣ съ жизнью, едва было не утратилъ вслѣдствіе колебанія. „О чемъ вы тревожитесь?“ сказалъ онъ толпѣ. „Развѣ каждый гражданинъ не сберегаетъ 20 су при упраздненіи *liste civile*? И если вы называете бѣгство короля несчастіемъ, то какимъ именемъ назовете контръ-революцію, которая лишила бы васъ свободы?“ Лафайетъ вышелъ изъ ратуши подъ конвоемъ и уже съ большимъ довѣріемъ отправился въ собраніе. При входѣ его въ залу, Камюсъ, подлѣ котораго онъ сѣлъ, всталъ съ негодованіемъ, вскричавъ: „прочь мундиры! въ этихъ стѣнахъ мы не должны видѣть ни мундировъ ни оружія!“ Нѣсколько членовъ лѣвой стороны, вмѣстѣ съ Камюсомъ, поднимаются со своихъ мѣстъ и кричатъ Лафайету: „вонъ изъ залы!“ и движеніями рукъ высылаютъ испуганнаго генерала. Другіе члены, друзья Лафайета, бросаются къ нему и угрожающимъ возгласамъ Камюса противопоставляютъ требованіе молчанія. Лафайетъ получаетъ слово. Онъ произноситъ нѣсколько обычныхъ фразъ о свободѣ и народѣ и предлагаетъ собранію выслушать своего помощника, Гувіона, которому была ввѣрена стража Тюльери. „Я ручаюсь за этого офицера“, говоритъ онъ, „и беру отвѣтственность на себя“. Слушаютъ Гувіона. Онъ утверждаетъ, что всѣ дворцовые выходы были подъ строгимъ надзоромъ, и что король не могъ бѣжать ни въ одну дверь. Бальи, мэръ Парижа, подтверждаетъ это. Завѣдывающій *liste civile*, Лапортъ, представляетъ собранію манифестъ къ народу, оставленный королемъ. „Какъ вы его получили?“ говорятъ ему. „Король“, отвѣчаетъ Лапортъ, „оставилъ его запечатаннымъ, вмѣстѣ съ запиской ко мнѣ“. Читайте записку, говоритъ одинъ изъ членовъ. „Нѣтъ, нѣтъ“ восклицаетъ собраніе подъ влияніемъ единодушнаго порыва; „это частная записка; мы не имѣемъ права ее читать“. Точно также не дозволяется распечатать письмо къ королевѣ, найденное на столѣ ея. Великодушный характеръ націи еще господствуетъ надъ минутнымъ раздраженіемъ.

Манифестъ короля читается среди смѣха и ропота.

„Французы“, говоритъ король въ этомъ обращеніи къ своему народу, „пока я надѣялся увидѣть возрожденіе порядка и общественнаго благосостоянія посредствомъ мѣръ, условленныхъ между мною и собраніемъ, я не останавливался ни передъ чѣмъ. Клеветы, обиды, оскорбленія, самое лишеніе свободы,—

я все перенесъ безъ жалобъ. Но нынѣ, когда я вижу королевство раззореннымъ, собственность пограбленную, личную безопасность поколебленную, когда я вижу полную анархію во всѣхъ частяхъ государства, я считаю себя обязаннымъ отдать отчетъ моимъ подданнымъ въ побудительныхъ причинахъ моего поведенія. Въ іюлѣ 1789 г. я не боялся вѣрнуться парижанамъ. Въ памятные дни 5 и 6 октября, оскорбленный въ своемъ дворцѣ, свидѣтель всевозможныхъ преступленій, совершавшихся безнаказанно, я не хотѣлъ покидать Францію, боясь возбудить междоусобную войну. Лишенный самыхъ простыхъ удобствъ жизни, я остался въ Тюльери. У меня отняли моихъ тѣлохранителей. Нѣкоторые изъ этихъ вѣрныхъ дворянъ были даже убиты на моихъ глазахъ. Оскорбляли самыми безчестными клеветами мою вѣрную и преданную супругу, которая раздѣляетъ мою любовь къ народу и великодушно принимала участіе во всѣхъ жертвахъ, какія я ему приносилъ: созваніе генеральныхъ штатовъ, двойное представительство, пожалованное третьему сословію, соединеніе сословій, жертва 20 іюня; все это я сдѣлалъ для націи, и всѣ эти жертвы оказались напрасны, были не признаны, обращены противъ меня. Меня держали плѣнникомъ въ моемъ собственномъ дворцѣ,—ко мнѣ приставили тюремщиковъ, а не гвардію, меня сдѣлали отвѣтственнымъ за правленіе, которое вырвали изъ моихъ рукъ. Я обязанъ былъ поддерживать достоинство Франціи по отношенію къ иностраннымъ державамъ, а у меня отняли право мира и войны. Ваша конституція—составляетъ постоянное противорѣчіе между титулами, которые мнѣ даетъ, и правами, въ которыхъ мнѣ отказываетъ. Я—не болѣе, какъ отвѣтственный глава анархіи, а мятежная сила клубовъ вырываетъ у васъ самихъ власть, которую вы отняли у меня. Французы, неужели отъ этого вы ждете своего возрожденія? Любовь къ королю когда-то считалась въ числѣ вашихъ добродѣтелей. Эта любовь превратилась въ ненависть, а почести въ оскорбленія. Начиная съ Неккера и кончая послѣднимъ мятежникомъ, всѣ были королями, кромѣ самого короля. У короля грозили отнять даже этотъ пустой титулъ, а королевѣ запретить въ монастырь. Въ октябрскія ночи, когда собранію было предложено прикрыть короля своимъ присутствіемъ, оно объявило, что идти къ королю было бы несомнѣнно съ достоинствомъ собранія. Тетокъ короля арестовали, когда онѣ, для дѣла религіи, хотѣли переехать въ Римъ. Дѣлали насиліе даже моей совѣсти. Присвоили себѣ право повелѣвать даже моимъ религіознымъ вѣрованіемъ, когда я хотѣлъ, послѣ болѣзни, отправиться въ Сень-Клу, для окончательнаго выздоровленія; боялись, что, уѣхавъ туда, я буду отправлять свои религіозныя обязанности со священниками, не принявшими присяги. Моихъ лошадей распрягли, меня принудили возвратиться въ Тюльери. Самъ Лафайетъ не могъ обезпечить ни повиновенія закону, ни уваженія свободѣ короля. Меня принудили удалиться къ священнику моей капеллы, къ повѣренному моей совѣсти. Въ такомъ положеніи мнѣ остается только воззвать къ правосудію и къ любви моего народа, и бѣжать изъ предѣловъ дѣйствій мятежниковъ и притѣсненій собранія и клубовъ, въ какой-нибудь городъ моего королевства, и тамъ, пользуясь полной свободой, подумать о тѣхъ измѣненіяхъ, какихъ требуетъ конституція, о возстановленіи нашей святой религіи, объ укрѣпленіи королевской власти и объ утвержденіи истинной свободы“.

ЛЮДОВИКЪ ХУІ.

3

Собрание нѣсколько разъ прерывало чтеніе этого манифеста взрывами смѣха и негодованія, потомъ презрительно перешло къ очередному порядку и приняло присягу генераловъ, находившихся на службѣ въ Парижѣ. Многочисленные депутаціи изъ Парижа и изъ сосѣднихъ департаментовъ являлись одна за другою съ увѣреніемъ, что національное собрание считается центромъ соединенія всѣхъ добрыхъ гражданъ.

Вечеромъ клубы кордельеровъ и якобинцевъ вывѣсили предложенія о низложеніи короля. Клубъ кордельеровъ въ одной изъ своихъ афишъ объявляетъ, что каждый изъ гражданъ, его составляющихъ, поклялся лично заколоть тирановъ. Одинъ изъ членовъ этого клуба, Мара, издаетъ пламенный манифестъ и распространяетъ его по Парижу. „Народъ“, говоритъ онъ, „вотъ каковы вѣрность, честь, религія королей. Вспомните Генриха III и герцога Гиза. Генрихъ причащается вмѣстѣ со своимъ врагомъ и клянется ему предъ алтаремъ въ вѣчной дружбѣ. Но только что выйдя изъ храма, онъ уже раздаетъ своимъ любимцамъ кинжалы, призываетъ герцога въ свой кабинетъ и приказываетъ поразить его тысячею ударовъ. Полагайтесь на королевскую присягу. Утромъ 19 іюня Людовикъ XVI смѣлся надъ своимъ народомъ и заранѣе наслаждался ужасомъ, который внушитъ вамъ его бѣгство. Австрійка соблазнила Лафайета въ прошлую ночь; Людовикъ XVI въ монашескомъ платьѣ ускользнулъ вмѣстѣ съ дофиномъ, женой, братомъ, со всѣмъ семействомъ. Теперь онъ смѣется надъ глупостью парижанъ и вскорѣ будетъ плавать въ ихъ крови. Граждане, это бѣгство приготовлялось издавна измѣнниками національнаго собранія. Вы близитесь къ гибели. Поспѣшите подумать о своемъ спасеніи. Выберите немедленно диктатора, и пусть вашъ выборъ упадетъ на гражданина, который до сихъ поръ проявилъ больше разума, рвенія и вѣрности. Дѣлайте все, что онъ вамъ скажетъ, чтобъ поразить враговъ. Вотъ удобная минута снять головы Бальи, Лафайета, всѣхъ злодѣевъ главнаго штаба, всѣхъ измѣнниковъ собранія. Нуженъ трибунъ, военный трибунъ, или вы погибли безвозвратно. До сихъ поръ я сдѣлалъ для вашего спасенія все, что во власти человѣка. Если вы пренебрежете этимъ послѣднимъ совѣтомъ, мнѣ нечего больше сказать вамъ, я прощаюсь съ вами навсегда. Людовикъ XVI во главѣ своихъ приверженцевъ придетъ и запретъ васъ въ Парижѣ; другъ народа найдетъ себѣ могилу въ огненной печи, но послѣдній вздохъ его будетъ за отечество, за свободу и за васъ“.

20.

Люди конституціонной партіи сочли своею обязанностью отправиться, 22 числа, въ собраніе якобинцевъ, чтобы сдержать ихъ порывы. Барнавъ, Сийесъ, Лафайетъ явились туда и принесли присягу въ вѣрности народу. Камилль-Демуленъ описываетъ это собраніе слѣдующимъ образомъ:

„Пока національное собрание издаетъ декреты, декреты и еще декреты, народъ дѣйствуетъ. Я отправляюсь къ якобинцамъ и встрѣчаю Лафайета на набережной Вольтера. Голосъ Барнава уже успокоилъ умы. Начинаютъ кричать: „да здравствуетъ Лафайетъ!“ Онъ дѣлаетъ смотръ батальонамъ, расположеннымъ на набережной. Убѣжденный въ необходимости соединиться около одного главы, я уступаю движенію, увлекающему меня къ бѣлой лошади. „Г. Лафайетъ,

говорю ему я среди толпы, въ теченіе этого года я говорилъ о васъ много дурного, вотъ случай показать, что я говорилъ ложь. Докажите, что я клеветникъ, осыпьте меня проклятіями, покройте позоромъ и спасите общее дѣло“. Я говорилъ съ чрезвычайнымъ жаромъ. Онъ сжимаетъ мою руку. „Я всегда васъ зналъ за хорошаго гражданина, говоритъ онъ; вы видите, что васъ обманули. Наша общая присяга—жить свободными или умереть. Все идетъ хорошо; въ національномъ собраніи господствуетъ единодушіе; партіи тамъ соединились подъ вліяніемъ общей опасности“. „Но почему, возразилъ я, ваше собраніе во всѣхъ своихъ декретахъ говоритъ о *похищеніи* короля, когда самъ король пишетъ, что бѣжалъ добровольно? Какая подлость или измѣна со стороны собранія говоритъ такъ, когда вокругъ него 3 милліона штыковъ!“ „Слово *похищеніе*—ошибка изложенія, которую собраніе поправитъ“, отвѣчалъ Лафайетъ. Потомъ онъ прибавилъ: „какое позорное дѣло—этотъ поступокъ короля!“ Лафайетъ повторилъ это слово нѣсколько разъ, очень горячо пожимая мнѣ руку. Я оставилъ этого человѣка, думая, что, быть можетъ, необъятный горизонтъ, открытый его честолюбію бѣгствомъ короля, возвратитъ Лафайета народной партіи. Я пришелъ къ якобинцамъ, стараясь убѣдиться его увѣреніями въ патріотизмъ и дружбу, и съ своей стороны проникнутъ довѣренностью, которая однакожъ, несмотря на мои усилія, ускользала отъ меня путемъ тысячи воспоминаній“.

Когда Камилль-Демулень вошелъ въ клубъ якобинцевъ, на трибунѣ былъ Робеспьеръ. Огромный вѣсъ въ глазахъ народа, доставленный этому молодому оратору его настойчивостью и неподкупностью, заставлялъ ночную аудиторію тѣсниться вокругъ него. „Я не назову“, говорилъ Робеспьеръ, „это событіе несчастіемъ. Это лучший день революціи, если вы сумѣете овладѣть и воспользоваться имъ. Король, чтобъ дезертировать со своего поста, выбралъ такую минуту, когда намъ угрожаютъ и внутреннія и внѣшнія опасности: собраніе лишено значенія; умы взволнованы предстоящими выборами, эмигранты въ Кобленцѣ, императоръ и король шведскій въ Брюсселѣ; наша жатва созрѣла для прокормленія ихъ армій; но во Франціи встали на ноги 3 милліона людей и европейская лига будетъ легко побѣждена. Я не боюсь ни Леопольда, ни короля шведскаго; меня страшитъ только то, что, повидимому, успокаиваетъ всѣхъ другихъ, именно, что съ нынѣшняго утра всѣ наши враги заговорили одинаковымъ съ нами языкомъ. Всѣ соединились; всѣ усвоили себѣ одинаковую наружность. Однакожъ, не всѣ могутъ испытывать одинаковую радость при бѣгствѣ короля, который имѣлъ 40 милліоновъ дохода, располагалъ всѣми мѣстами и передавалъ ихъ своимъ повѣреннымъ и нашимъ врагамъ. Значитъ, между нами есть измѣнники; значитъ, ведутся сношенія между бѣглымъ королемъ и этими измѣнниками, остающимися въ Парижѣ. Прочтите королевскій манифестъ, и весь заговоръ предъ вами обнаружится. Король, императоръ, король шведскій, д'Артуа, Конде, всѣ бѣглецы, всѣ разбойники идутъ на насъ. Появится отеческій манифестъ; король будетъ въ немъ говорить намъ о своей любви, о мирѣ, даже о свободѣ; въ то же время измѣнники въ столицѣ и въ департаментахъ со своей стороны опишутъ васъ, какъ людей междоусобія. Потомъ вступать въ переговоры, и революція будетъ задушена въ этихъ вѣро-

ломныхъ объятіяхъ лицемѣрнаго деспотизма и запуганной умѣренности. Посмотрите на собраніе! оно сегодня въ двадцати декретахъ называетъ бѣгство короля похищеніемъ. Кому вѣбряетъ оно спасеніе народа? Министру иностранныхъ дѣлъ, подъ надзоромъ дипломатическаго комитета. Кто-же этотъ министр? Измѣнникъ, котораго я не переставалъ обвинять предъ вами, гонитель солдатъ—патріотовъ, опора офицеровъ—аристократовъ. Какой это комитетъ? Комитетъ измѣнниковъ, состоящій изъ всѣхъ нашихъ враговъ, переряженныхъ въ патріотовъ. Но кто министръ иностранныхъ дѣлъ? Предатель Монморенъ, который, еще только мѣсяцъ назадъ, выказывалъ предъ вами вѣроломное поклоненіе конституціи. А кто такой Делессаръ? Измѣнникъ, которому Неккеръ оставилъ свой плащъ лицемѣрія, чтобъ прикрывать заговоры! Развѣ вы не видите коалиціи всѣхъ этихъ людей съ королемъ и союза короля съ европейской лигой? она задушить насъ! сію минуту вы увидите, какъ въ нашу залу войдутъ всѣ эти люди 1789 года, мэръ, генераль, министры, ораторы! Какъ вы убѣдите отъ нихъ? Антоній, (продолжалъ Робеспьеръ, дѣлая намекъ на Лафайета), Антоній командуетъ легіонами, которые идутъ отомстить за цезаря, а племянникъ Цезаря, Октавіанъ, командуетъ легіонами республики. Можетъ-ли республика не погибнуть? Намъ говорить о необходимости единства! Но когда Антоній вѣталъ лагеремъ подлѣ Лепида, и когда всѣ измѣнники свободы соединились съ тѣми, которые называли себя ея защитниками, Бруту и Кассію оставалось только предать себя смерти! Вотъ куда ведетъ насъ это притворное единодушіе, это вѣроломное примиреніе патріотовъ! Да, вотъ что вамъ готовится! Я знаю, что, осмѣливаясь раскрывать эти заговоры, я оттачиваю противъ себя тысячи кинжаловъ! я знаю участь, которая меня ждетъ! Но если уже въ то время, когда я былъ едва замѣтенъ въ національномъ собраніи между первыми апостолами свободы, я жертвовалъ своею жизнью правдѣ, челоуѣколюбію, отечеству, то теперь, когда за эту жертву мнѣ заплачено общоу благосклонностью, многими доказательствами уваженія и привязанности, теперь я приму смерть, какъ благодареніе, которое не допускаетъ меня быть свидѣтелемъ такихъ несчастій“.

21.

Эти слова, искусно разсчитанныя на то, чтобъ бросить сѣмя подозрѣнія въ сердца слушателей, были приняты, какъ предсмертное завѣщаніе мученика свободы. Слезы орошали глаза присутствующихъ. „Мы всѣ умремъ съ тобой!“ кричалъ Камилль-Демулень, протягивая къ Робеспьеру руки, какъ бы для объятій. Этотъ легкоподающійся, подвижной челоуѣкъ увлекался каждымъ дуновеніемъ энтузіазма. Изъ объятій Лафайета онъ переходилъ въ объятія Робеспьера, подобно куртизанкѣ, жадной до сильныхъ ощущеній. 800 челоуѣкъ встали и своими позами, движеніями, внезапнымъ и единодушнымъ вдохновеніемъ представили одну изъ самыхъ величественныхъ картинъ могучаго вліянія слова, страсти и обстановки на народное собраніе. Когда каждый изъ членовъ общества поклялся защищать жизнь Робеспьера, возвѣстили приходъ министровъ и членовъ національнаго собранія, которые явились брататься съ якобинцами въ минуту опасности отечества.

„Г. президент“, вскричал Дантонъ, „если измѣнники осмѣлятся предстать предъ нами, то я принимаю торжественное обязательство или положить свою голову на эшафотъ, или доказать, что ихъ головы должны скатиться къ ногамъ націи, которую они предали“.

Депутаты входятъ. Дантонъ, узнавъ въ числѣ ихъ Лафайета, устремляется на трибуну и, вызывая генерала, кричитъ: „я долженъ и буду говорить такъ, какъ будто бы гравировалъ исторію для будущихъ столѣтій. Какъ вы, г. Лафайетъ, осмѣливаетесь являться для присоединенія къ друзьямъ конституціи, — вы, поборникъ и ходатай системы двухъ палатъ, избобрѣнной священникомъ Сіисомъ, — системы, разрушающей конституцію и свободу? Не вы ли сказали мнѣ самому, что проектъ Мунье слишкомъ гнусенъ для осуществленія, но что можно предложить собранію другой, ему равносильный? Вызываю васъ, чтобы вы отвергли этотъ подавляющій васъ фактъ. Отчего это происходитъ, что король въ своей прокламации употребляетъ тотъ же языкъ, что и вы? Какъ осмѣлились вы, въ своемъ дневномъ приказѣ, посягнуть на свободу обращенія всего, написаннаго защитниками народа, тогда какъ низкимъ писакамъ, врагамъ конституціи, вы даете покровительство своихъ штыковъ? Зачѣмъ вы привели плѣнными, даже съ триумфомъ, жителей Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, которые хотѣли разрушить послѣднее логовище тиранніи въ Венсенѣ? Зачѣмъ, въ тотъ же вечеръ, послѣ этой Венсенской экспедиціи, въ Тюльери вы оказали покровительство убійцамъ, вооруженнымъ кинжалами, чтобы благопріятствовать бѣгству короля? Объясните мнѣ эту случайность, что 21 іюня на стражѣ въ Тюльери была поставлена та же самая рота гренадеръ, которую вы наказали 18 апрѣля за сопротивленіе отъѣзду короля? не будемъ увлекаться иллюзіями. Бѣгство короля — результатъ заговора; тутъ были недозволенные сношенія, и вамъ, господинъ Лафайетъ, — вамъ, который еще недавно отвѣчалъ за особу короля своей головой, явиться въ наше собраніе — не значить ли искать здѣсь осужденія? Народу нужно мщеніе. Онъ утомленъ постоянною смѣною насилій и измѣнъ; если мой голосъ будетъ здѣсь заглушенъ, — если наши распоряженія, всегда слишкомъ слабыя для враговъ отечества, постоянно подвергаютъ его опасности, то я зываю къ суду потомства; оно разсудитъ между вами и мною“.

Лафайетъ, вызванный на объясненіе, не отвѣчалъ на эти тяжелые запросы: онъ сказалъ только, что пришелъ присоединиться къ обществу якобинцевъ потому, что туда добрые граждане должны обращаться въ смутное время, и вышелъ изъ собранія. На слѣдующій день собраніе постановило приказать генералу явиться для оправданія, но онъ написалъ, что придетъ потомъ. Онъ не явился вовсе. Однакожъ предложенія Робеспьера и Дантона не повредили его значенію въ глазахъ національной гвардіи. Дантонъ заплатилъ за свою дерзость. У Лафайета были наготовѣ доказательства продажности этого оратора, который получилъ отъ Монморена 100.000 франковъ. Дантонъ зналъ, что Лафайету было извѣстно объ этой сдѣлкѣ; но онъ зналъ также, что Лафайетъ не могъ обвинить его, не погубивъ Монморена и не рискуя самъ быть обвиненнымъ въ соучастіи въ этой торговлѣ политическими ролями, которую поддерживали фонды королевскаго содержанія. Эти два секрета запугивали другъ друга, и принудили трибуна и генерала къ умолчаніямъ, которыя ослабили

схватку. Ламетъ отвѣчалъ Дантону, выражаясь въ примирительномъ смыслѣ. Крайнія рѣшенія, предложенныя Робеспьеромъ и Дантономъ, не одержали верхъ въ этотъ день въ клубѣ якобинцевъ. Опасность сообщила народу благоразуміе, инстинктъ запрещалъ ему раздѣлять свои силы въ виду неизвѣстности.

22.

Вечеромъ, національное собраніе обсудило и приняло проектъ адреса къ французамъ слѣдующаго содержанія: „совершилось великое преступленіе; король и его семейство похищены“. (При возобновленіи фикціи *похищенія*, слышится ропотъ, но благоразуміе собранія заглушаетъ его). „Но ваши представители восторжествуютъ надъ всѣми препятствіями. Франція хочетъ быть и будетъ свободною: революція не отступитъ со своего пути. Сначала мы спасли законъ, постановивъ, что наши декреты будутъ имѣть силу закона. Мы спасаемъ націю, посылая въ армію подкрѣпленіе въ 300.000 человекъ. Мы спасаемъ порядокъ, ставя его подъ охрану рвенія и патріотизма вооруженныхъ гражданъ. Въ этомъ положеніи мы ждемъ враговъ... Въ обращеніи, продиктованномъ королемъ людьми, сдѣлавшими насиліе его любви, васъ обвиняютъ, обвиняютъ конституцію, обвиняютъ законъ о безнаказанности 6 октября! Нація справедливѣе: она не обвиняетъ короля за преступленія его предковъ (рукоплесканія). Но король присягалъ 14 іюля этой конституціи; неужели онъ согласился на клятвопреступленіе? Перемены, сдѣланныя въ конституціи королевства, сваливаютъ на такъ называемыхъ мятежниковъ. Нѣсколько мятежниковъ! этого недостаточно: насъ 26 милліоновъ мятежниковъ (новыя рукоплесканія). Мы пересоздали всѣ власти; мы сохранили монархію потому, что считаемъ ее полезною для Франціи. Конечно, мы ее преобразовали, но лишь для избавленія ея отъ злоупотребленій и излишествъ. Мы оставили 50 милліоновъ въ годъ для сохраненія законнаго блеска трона. Мы удержали за собою право объявленія войны, не желая, чтобъ кровь народа принадлежала министрамъ. Французы! всѣ власти организованы. Всѣ на своихъ мѣстахъ. Національное собраніе бодрствуетъ. Не бойтесь ничего, кромѣ самихъ себя, въ случаѣ если бы справедливое волненіе повело васъ къ безпорядку. Народъ, который хочетъ быть свободнымъ, долженъ оставаться спокойнымъ въ минуты великихъ кризисовъ. Взгляните на Парижъ! подражайте столицѣ! Тамъ все идетъ обычнымъ порядкомъ.

„Тираны обманутся. Чтобы наложить на Францію иго, нужно было бы уничтожить цѣлую націю. Если деспотизмъ осмѣлится сдѣлать такую попытку, онъ будетъ побѣжденъ, а если восторжествуетъ, то только на развалинахъ“. Чтеніе этихъ словъ сопровождается единодушными и продолжительными рукоплесканіями.

Засѣданіе, прерванное на часъ времени, возобновляется въ 9^{1/2} ч. Сильное волненіе обнаруживается во всѣхъ концахъ залы. „Онъ арестованъ! онъ арестованъ!“ Эти слова распространяются по всѣмъ скамейкамъ, и изъ залы проникаютъ въ трибуны. Президентъ объявляетъ, что получилъ пакетъ съ нѣсколькими бумагами, которыя намѣренъ прочесть. Онъ приглашаетъ воздержаться отъ всякихъ знаковъ одобренія или неодобренія. Раскрывъ пакетъ, онъ читаетъ, среди глубокаго молчанія, письма муниципалитетовъ Варенна и Сентъ-

Менегу, доставленныя Манженомъ, Варенскимъ лекаремъ. Собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ комиссаровъ, которыхъ посылаетъ охранять возвращеніе короля въ Парижъ. Эти три комиссара — Барнавъ, Петіонъ и Лагуръ-Мобуръ. Они немедленно уѣзжаютъ для выполненія возложеннаго на нихъ порученія. Но оставимъ пока Парижъ среди ощущеній удивленія, радости и гнѣва, вызванныхъ тамъ бѣгствомъ и арестованіемъ короля.

23.

Въ Вареннѣ ночь прошла какъ для короля, такъ и для народа среди волненій надежды и страха. Пока дѣти спали, усталые отъ долгой дороги и жаркаго дня, безъ заботы о своей участи, король и королева, которыхъ не выпускала изъ глазъ Вареннская муниципальная стража, тихо разговаривали о своемъ ужасномъ положеніи. Ихъ набожная сестра, принцесса Елизавета, молилась подлѣ нихъ. Ея королевство было на небесахъ. Только изъ преданности къ брату она оставалась при дворѣ, которому была чужда своею набожностью и отчужденіемъ отъ всѣхъ удовольствій. Она принимала участіе только въ слезахъ и скорбяхъ трона.

Плѣнники были еще далеки отъ отчаянія. Они не сомнѣвались, что Булье, безъ сомнѣнія, предувѣдомленный нѣкоторыми изъ офицеровъ, расположенныхъ по пути королевскаго поѣзда, шель всю ночь къ нимъ на помощь. Замедленіе его плѣнники приписывали необходимости собрать достаточныя силы, чтобы разсѣять національныхъ гвардейцевъ, созданныхъ въ Вареннѣ звукомъ набата; они ожидали каждую минуту появленія Булье, и малѣйшее движеніе народа, малѣйшій стукъ оружія на улицѣ Варенна казались имъ вѣстью объ его прибытіи. Курьеръ, посланный Варенскимъ муниципалитетомъ въ Парижъ, за приказаніями національнаго собранія, уѣхалъ только въ 3 часа утра. Чтобъ доѣхать до Парижа, ему нужно было 20 часовъ и столько же для возвращенія. На созваніе національнаго собранія и на разсужденія нужно было еще не менѣе 3 или 4 часовъ. Такимъ образомъ, Булье, до полученія приказаній изъ Парижа, имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 48 часовъ.

Притомъ, въ какомъ еще положеніи былъ Парижъ? что тамъ произошло при неожиданномъ извѣстіи о бѣгствѣ короля? Не овладѣли ли умами страхъ или раскаяніе? Не опрокинула ли анархія тѣ слабыя плотины, какія старались ей противопоставить собраніе, само страдавшее отъ анархіи? Крикъ „измѣна!“ не служилъ ли первымъ набатомъ народа? Не умертвили-ли Лафайета, какъ измѣнника? Не уничтожена ли организація національной гвардіи? Не одержали ли верхъ добрые граждане, пользуясь внезапной тревогой мятежниковъ? Кто отдаетъ теперь приказанія? Кто ихъ исполняетъ? Нація, обезоруженная и трепещущая, быть можетъ, упадетъ къ ногамъ своего короля? Таковы были химеры, послѣднія оболоченія королевскаго несчастія, которыми еще ласкали себя, въ эту роковую ночь, въ узкой и душной комнатѣ, гдѣ тѣснилась вся королевская фамилія.

Король могъ свободно сноситься съ нѣкоторыми офицерами отрядовъ. Гогеда, Дама, Шуазель получили къ нему доступъ. Прокуроръ-синдикъ и муниципальныя власти Варенна выказывали къ королю почтеніе и состраданіе даже

при исполненіи того, что считали своею обязанностью. Народъ не переходитъ внезапно отъ почтенія къ оскорбленіямъ. Въ каждомъ святотатствѣ бываетъ минута нерѣшимости, когда все еще проявляется уваженіе къ тому, что готовы профанировать. Вареннскій муниципалитетъ и г. Соссъ, думая спасти націю, были далеки отъ желанія оскорблять плѣннаго короля. Они его стерегли не только какъ плѣнника, но и какъ государя. Эти отгѣнки въ обращеніи не ускользнули отъ короля; онъ льстилъ себя надеждою, что по первому приглашенію Булье почтеніе возьметъ верхъ надъ патріотизмомъ и что его выпустятъ на свободу. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ и офицерамъ.

Одинъ изъ нихъ, Делонъ, командовавшій эскадрономъ гусаръ, расположеннымъ въ Дюнѣ между Варенномъ и Стенэ, получилъ увѣдомленіе объ арестѣ короля, въ 3 часа утра, отъ начальника Вареннскаго отряда, бѣжавшаго изъ города. Делонъ, не ожидая приказаній отъ своего генерала и предупреждая ихъ здравымъ смысломъ и энергіей, велѣлъ своимъ гусарамъ садиться на лошадей и понесся въ галопъ къ Варенну, чтобъ отнять короля силою. Прибывъ къ воротамъ города, онъ нашелъ ихъ баррикадованными и защищенными огромными массами національныхъ гвардейцевъ. Гусары не были пропущены въ Вареннъ. Делонъ, оставивъ свой эскадронъ за воротами и сойдя съ лошади, просилъ, чтобъ его провели къ королю. На это послѣдовало согласіе. Цѣлью его было увѣдомить короля, что Булье былъ предупрежденъ и всталъ во главѣ полка *Royal allemand*. Была и другая цѣль: Делонъ хотѣлъ убѣдиться собственными глазами, не было ли возможности его эскадрону преодолѣть препятствія, проникнуть въ верхній городъ и увести короля. Баррикады показались ему непреступными для кавалеріи. Онъ вошелъ къ королю и спрашивалъ его приказаній. „Скажите г. Булье“, отвѣчалъ король, „что я въ плѣну и не могу давать приказаній,—боюсь даже, что онъ уже ничего не можетъ для меня сдѣлать, но все-таки прошу его сдѣлать то, что можетъ“. Делонъ, который былъ родомъ изъ Эльзаса и говорилъ по-нѣмецки, хотѣлъ сказать на этомъ языкѣ нѣсколько словъ королевѣ, и испросить ея приказаній такъ, чтобъ ихъ не могли понять посторонніе. „Говорите по французски, сударь“, сказала ему королева, „насъ слышатъ“. Делонъ замолчалъ и съ отчаяніемъ удалился, оставшись съ гусарами у воротъ Варенна, въ ожиданіи превосходныхъ силъ Булье.

24.

Адъютантъ Лафайета, Ромефъ, посланный этимъ генераломъ съ приказаніями собранія, прибылъ въ Вареннъ въ половинѣ восьмого. Королева, которая его знала, осыпала Ромефа самыми патетическими упреками за преступное порученіе, возложенное на него генераломъ. Ромефъ напрасно старался успокоить ея раздраженіе всѣми проявленіями уваженія и преданности, какія только были совмѣстны со строгостью данныхъ ему приказаній. Королева въ негодованіи перешла отъ упрековъ къ слезамъ и дала свободу своему отчаянію. Король принялъ изъ рукъ Ромефа письменное приказаніе національнаго собранія и положилъ его на постель, гдѣ спалъ дофинъ. Королева въ гнѣвѣ взяла это приказаніе, бросила на полъ и топтала ногами, говоря, что подоб-

ная бумага оскверняет постель ея сына. „Во имя вашего спасенія и вашей славы, сударыня“, сказала ей молодой офицеръ, „сдержите вашу горестъ. Неужели вы хотите, чтобъ не я, а другой былъ свидѣтелемъ подобныхъ взрывовъ отчаянія?“

Торопили приготовленіями къ отъѣзду, боясь, чтобы войска Булье не завладѣли городомъ или не перерѣзали дорогу. Король медлилъ сколько могъ. Каждая минута, отнятая у возвращенія, давала ему лишній шансъ на спасеніе: онъ оттягивалъ у своихъ стражей одну минуту за другою. Когда уже сажались въ экипажъ, одна изъ женщинъ, сопровождавшихъ королеву, притворилась, что внезапно и серьезно заболѣла. Королева безъ этой женщины не хотѣла ѣхать. Она уступила только угрозамъ насилія и нетерпѣливымъ крикамъ народа. Королева не хотѣла, чтобъ наложили руки на ея сына. Она заключила его въ свои объятія, сѣла въ экипажъ и королевскій поѣздъ, подъ конвоемъ 3 или 4 тысячъ національныхъ гвардейцевъ, медленно направилась къ Парижу.

25.

Что же дѣлалъ, между тѣмъ, въ продолженіе этой долгой агоніи короля, маркизъ де-Булье? Мы видѣли, что онъ провелъ ночь у воротъ Дюна, ожидая гонцовъ съ извѣщеніемъ о приближеніи экипажей. Въ 3 часа утра, боясь быть открытымъ и недождавшись никого, онъ возвратился въ Стенэ, чтобъ имѣть возможность отдать приказанія своимъ войскамъ, въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ королемъ. Въ половинѣ пятого онъ былъ у воротъ Стенэ, когда два офицера, поставленные имъ наканунѣ въ Вареннѣ, и начальникъ эскадрона, покинутый своими войсками, явились къ нему и сообщили, что король арестованъ съ 11 часовъ вечера. Пораженный изумленіемъ, при такомъ извѣстіи, удивленный и столь позднимъ извѣщеніемъ, Булье немедленно отдаетъ приказаніе полку *royal allemand*, который былъ въ Стенэ, сѣсть на лошадей и слѣдовать за нимъ. Полковникъ этого полка еще наканунѣ получилъ приказаніе держать лошадей осѣдланными. Это приказаніе не было исполнено. Полкъ потерялъ $\frac{3}{4}$ часа на приготовленія, несмотря на непрерывныя понужденія Булье, который даже собственнаго сына послалъ въ казармы. Безъ этого полка генераль не могъ ничего сдѣлать. Какъ только полкъ въ боевомъ порядкѣ выступилъ изъ города, Булье самъ присоединился къ нему и хотѣлъ лично разъяснить свои распоряженія. „Вашъ король, который отдался подъ вашу защиту, находится въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда“, сказалъ онъ имъ; „жители Веренна его арестовали. Неужели вы оставите его, среди оскорбленій, въ плѣну, въ рукахъ городскихъ властей? Вотъ его приказанія, онъ васъ ожидаетъ, онъ считаетъ минуты. Идемъ въ Вареннѣ! Устремимся на освобожденіе короля и возвратимъ его націи и свободѣ! Я иду съ вами; слѣдуйте за мною!“ Эти слова были приняты съ шумнымъ одобреніемъ. Булье роздалъ всадникамъ 500 или 600 лудировъ, и полкъ выступилъ.

Отъ Стенэ до Варенна девять миль по гористой и трудной дорогѣ. Булье спѣшилъ сколько было возможно. Въ небольшомъ разстояніи отъ Варенна онъ встрѣтилъ первый отрядъ солдатъ изъ числа *royal allemand*, остановленныхъ

при входѣ въ лѣсъ національными гвардейцами, которые стрѣляли въ солдатъ. Онъ велѣлъ напасть на этихъ стрѣлковъ и, принявъ самъ начальство надъ авангардомъ, прибылъ въ 9^{1/4} часовъ къ Варенну. Полкъ слѣдовалъ за нимъ. Булье, разсматривая городъ для атаки, замѣтилъ, вѣдъ его, отрядъ гусаровъ, который, повидимому, также наблюдалъ за городомъ. Это былъ Дюнскій эскадронъ, командуемый Делонемъ, который цѣлую ночь ожидалъ подкрѣпленій. Делонъ, побѣждавъ къ генералу, сообщилъ ему, что король уѣхалъ съ часъ назадъ. Онъ прибавилъ, что городской мостъ былъ сломанъ, а улицы заграждены баррикадами, что Клермонскіе драгуны и Вареннскіе гусары братались съ народомъ, и что начальники различныхъ отрядовъ, Шуазель, Дама и Гогела—были въ илѣну. Булье, при всемъ своемъ отчаяніи не потерявшій мужества, рѣшилъ слѣдовать за королемъ, обойти Вареннъ, и вырвать плѣнника изъ рукъ національных гвардейцевъ. Онъ послалъ поискать брода, чтобы солдаты могли перейти рѣку: брода не нашли, хотя онъ и былъ. Между тѣмъ, Булье узналъ, что гарнизоны Вердюна и Меца выступили съ пушками для вооруженной помощи народу. Деревня покрылась національными гвардейцами и войсками; всадники выказывали колебаніе; лошади, утомленные девятью милями дороги, не могли вынести быстрого бѣга, необходимаго, чтобы опередить короля до Сентъ-Менегу. Вся энергія исчезла вмѣстѣ со всякой надеждой. Полкъ повернуть назадъ. Булье безмольно привелъ его къ воротамъ Стенэ. Въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ, наиболѣе скомпрометированныхъ офицеровъ, онъ бросился по направленію къ Люксембургу и перешелъ границу среди ружейныхъ выстрѣловъ; онъ желалъ смерти тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ ему не избѣжать было казни.

26.

Между тѣмъ, королевскіе экипажи возвращались къ Шалону въ сопровожденіи національных гвардейцевъ, которые чередовались для конвоя. Все окрестное населеніе тѣснилось по окраинамъ дороги, стараясь видѣть плѣннаго короля, торжественно возвращаемаго назадъ народомъ, который думалъ, что открылъ измѣну. Штыки и пики національных гвардейцевъ едва могли проложить путь чрезъ толпу, которая безпрестанно увеличивалась и возобновлялась. Яростные крики и движенія, насмѣшки и оскорбленія не прекращались. Экипажи подвигались среди цѣлаго ряда проклятій. Народный вопль замолкать и начинался сызнова при каждомъ оборотѣ колеса. Это была Голгофа, растянутая на 60 миль, и каждый шагъ на пути ея былъ казнью. Старинный дворянинъ, г. Дампьеръ, привыкшій къ поклоненію своимъ королямъ, хотѣлъ приблизиться къ экипажу и подать примѣръ почтительнаго участія къ своему государю, но нашелъ смерть подъ колесами экипажа. Королевское семейство едва не переѣхало чрезъ этотъ окровавленный трупъ. Вѣрность была единственнымъ непростительнымъ преступленіемъ въ глазахъ бѣшеной толпы. Король и королева, жизнь которыхъ была отдана на жертву, призвали къ себѣ, для встрѣчи смерти, все свое достоинство и все мужество. Пассивное мужество было добродѣтелью Людовика XVI, точно будто бы небо, которое предназначало его къ мученичеству, заранѣе снабдило несчастнаго государя этимъ героическимъ даромъ, обла-

дая которымъ человѣкъ не умѣеть сражаться, но умѣеть умереть. Королева въ своей крови и въ своей гордости находила достаточное мщеніе противъ народа и внутреннимъ презрѣніемъ воздавала за причиняемыя ей обиды. Принцесса Елизавета тихо молилась о помощи свыше. Двое дѣтей удивлялись этой ненависти народа, которого имъ велѣли любить и котораго они видѣли не иначе, какъ въ припадкахъ ярости. Августѣйшее семейство никакъ не добѣхало бы живымъ до Парижа, если бы комиссары собранія, присутствіе которыхъ внушало почтеніе народу, не прибыли во время, чтобы утѣшить этотъ возрождавшійся мятежъ и управлять движеніемъ.

Комиссары встрѣтили королевскіе экипажи между Дормансомъ и Эперне. Они прочли королю и народу приказанія національнаго собранія, которыя давали имъ неограниченную команду надъ войсками и національной гвардіей на всемъ пути и которыми поручалось комиссарамъ заботиться не только о безопасности короля, но и о поддержаніи уваженія, подобающаго въ лицѣ его королевскому сану. Барнавъ и Петіонъ поспѣшили сѣсть въ экипажъ короля, чтобы раздѣлить съ нимъ опасность и прикрыть его собою. Имъ удалось предохранить его отъ смерти, но не отъ оскорбленій. Ярость народа, удаленная отъ экипажей, проявлялась далѣе по дорогѣ. Всѣ, заподозрѣнные въ сожалѣніи короля, подвергались самымъ гнуснымъ оскорбленіямъ. Священникъ, который, приблизившись къ экипажу, выразилъ на лицѣ знаки уваженія и горести, былъ схваченъ народомъ, брошенъ подъ ноги лошадей и убитъ на глазахъ королевы. Барнавъ, побуждаемый высокимъ душевнымъ движеніемъ, выскочилъ изъ дверецъ кареты и вскричалъ: „Французы, нація храбрыхъ, неужели вы хотите сдѣлаться народомъ убійцъ?“ Принцесса Елизавета, удивленная мужественнымъ поступкомъ Барнава и боясь, чтобы онъ не бросился на толпу и не былъ убитъ самъ, удерживала его за платье, пока онъ говорилъ къ разъяренному народу. Съ этой минуты набожная принцесса, королева, самъ король — стали питать къ Барнаву тайное уваженіе. Великодушіе, выраженное среди такихъ жестокостей, побудило ихъ къ нѣкоторому довѣрію относительно этого молодого депутата. Они знали его только по репутаціи агитатора, знали, что и его голосъ раздавался въ ихъ несчастіяхъ; они были удивлены, найдя почтительнаго покровителя въ человѣкѣ, котораго считали за наглаго врага.

Барнавъ обладалъ мужественною, но граціозною и открытою наружностью; его движенія были вѣжливы, языкъ приличенъ, осанка печальна, особенно когда онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ величіемъ и несчастіемъ! Король, въ спокойныя и безмолвныя минуты, часто обращался къ нему и говорилъ о событіяхъ. Барнавъ отвѣчалъ языкомъ человѣка, который преданъ свободѣ, но вѣренъ трону, а въ своихъ планахъ никогда не раздѣляетъ возрожденія націи отъ королевской власти. Полный вниманія къ королевѣ, къ принцессѣ Елизаветѣ, къ королевскимъ дѣтямъ, онъ старался скрывать отъ нихъ опасности и униженія этой дороги. Онъ, безъ сомнѣнія, стѣснялся присутствіемъ своего товарища, Петіона, и если не выразилъ вслухъ всю увлекательность чувствъ состраданія, удивленія и уваженія, которыя побѣдили его во время пути, то все-таки увлеченіе сказывалось въ его дѣйствіяхъ, и соглашеніе съ плѣнниками было заключено во взглядахъ. Королевская семья поняла, что среди гибели

всѣхъ своихъ надеждъ побѣдила Барнава. Все послѣдующее поведеніе Барнава, начиная съ этого дня, оправдывало такое довѣріе королевы. Дерзкій передъ силой, онъ былъ безсиленъ предъ слабостью, красотой и несчастіемъ. Это погубило его жизнь, но возвысило его память. До сихъ поръ Барнавъ былъ только краснорѣчивъ; теперь онъ показалъ, что умѣетъ быть мягкосердечнымъ. Напротивъ, Петіонъ оставался холоденъ какъ сектантъ и грубъ какъ рагвену: въ обращеніи съ королевскимъ семействомъ онъ выказывалъ грубую фамиллярность; онъ ѣлъ передъ королевой и выбрасывалъ корки плодовъ въ дверцы кареты, едва не задѣвая ими лицо короля; когда принцесса Елизавета налила ему вина, онъ, не благодаря ее, поднималъ свой стаканъ, когда нужно было показать, что довольно. Когда Людовикъ XVI спросилъ у Петіона, предпочитаетъ ли онъ систему двухъ палатъ или республику, онъ отвѣчалъ: „я буду за республику, если увижу, что мое отечество достаточно созрѣло для этой формы правленія“. Король, оскорбленный этимъ, не отвѣтилъ ему и не произнесъ больше ни одного слова до Парижа. Комиссары написали собранію изъ Дорманса, сообщая маршрутъ короля и предупреждая о днѣ и минутѣ своего пріѣзда. При приближеніи къ Парижу, опасность увеличилась отъ массы и ярости народа, чрезъ толпы котораго поѣзду должно было пробѣжать. Собраніе удвоило мѣры энергіи и благоразумія, чтобы обезпечить неприкосновенность особы короля. Самъ народъ держалъ себя уже съ достоинствомъ: въ виду подобнаго огромнаго удовлетворенія, какое посылала ему судьба, онъ не хотѣлъ опозорить свой собственный триумфъ. Вывѣшено было множество надписей слѣдующаго содержанія: „кто станетъ рукоплескать королю,—будетъ битъ; кто оскорбитъ короля—тотъ будетъ повѣшенъ“. Король провелъ ночь въ Мо. Комиссары просили собраніе не расходиться, чтобы приготовиться къ непредвидѣннымъ событіямъ, какія могли случиться при вступленіи поѣзда въ Парижъ. Собраніе не отступило отъ своей обязанности. Герой дня, истинный виновникъ арестованія короля, Друэ, сынъ почтмейстера въ Сентъ-Менегу, явился въ собраніе и былъ выслушанъ имъ: „я бывший драгунъ изъ полка Конде“, сказалъ онъ; „мой товарищъ Гильомъ—бывшій драгунъ королевы. 21 числа, въ 7½ часовъ вечера, 2 экипажа и 11 лошадей мѣнялись въ Сентъ-Менегу. Я узналъ королеву и короля. Я боялся ошибиться и рѣшился удостовѣриться въ истинѣ, опередивъ экипажи въ Вареннѣ окольной дорогой. Въ Вареннѣ я пріѣхалъ въ 11 часовъ. Было темно, все спало. Экипажи пріѣхали туда и были задержаны споромъ между курьерами и почтальонами, которые отказывались ѣхать дальше. Я сказалъ своему товарищу: „Гильомъ, ты добрый патріотъ?“—„Не сомнѣвайся въ этомъ“, отвѣчалъ Гильомъ. „Ну, такъ вотъ что: король здѣсь: арестуемъ его“. Мы опрокинули подъ сводами моста экипажъ, наполненный мебелью; насъ собралось по доброй волѣ 8 человекъ и, когда экипажъ показался, мы потребовали паспорта. „Мы спѣшимъ, господа!“ сказала намъ королева, а мы все-таки настаивали и заставили путешественниковъ сойти въ домъ прокурора общины. Тогда Людовикъ XVI самъ сказалъ: „Вотъ вашъ король! Вотъ ваша королева! вотъ мои дѣти! Обращайтесь съ нами съ тѣмъ почтеніемъ, какое французы всегда оказывали своимъ государямъ“. Но мы его удержали въ плѣну. Сбѣжались національные гвардейцы. Пришли гусары, а мы, исполнивъ

свой долгъ, возвратились домой среди поздравленій согражданъ. Теперь мы являемся въ національное собраніе, чтобы передать ему всю честь нашихъ заслугъ“.

Друзъ и Гильомъ были осыпаны рукоплесканіями. Собраніе постановило, что немедленно по прибытіи Людовика XVI въ Тюльери къ нему должна быть представлена стража, которая, подъ начальствомъ Лафайета, будетъ отвѣчать за особу короля. Малуэ былъ единственнымъ ораторомъ, который осмѣлился протестовать противъ такого заключенія короля. „Это уничтожить одновременно и неприкосновенность короля и самую конституцію. Власти законодательная и исполнительная сливаются въ одно“. Александръ Ламетъ опровергалъ предложеніе Малуэ и объявилъ, что собраніе, впредь до окончанія конституціи, должно было взять и сохранить диктатуру, данную ему силою обстоятельствъ, но что такъ какъ монархія была необходимою формою для централизаціи силъ такого великаго народа, то собраніе сейчасъ же послѣ этого займется раздѣленіемъ властей и положеніемъ монархіи.

27.

Въ эту минуту плѣнный король вѣзжалъ въ Парижъ.

Это было 25 іюня въ 7 часовъ вечера. Отъ самого Мо до предмѣстій толпа безпрестанно увеличивалась на пути короля. Политическія страсти города, національнаго собранія, печати и клубовъ кипѣли съ большою силою въ населеніи окрестностей Парижа. Эти страсти, написанныя на всѣхъ лицахъ, сдерживались именно вслѣдствіе своей силы. Оскорбленія разражались только глухими голосами. Народъ казался зловѣщимъ, но не яростнымъ. Милліоны взглядовъ бросали смерть въ экипажи, но ни одинъ голосъ не произнесъ ее.

Это хладнокровіе ненависти не ускользнуло отъ короля. День былъ жаркій. Жгучее солнце, отражавшееся на мостовой и на штыкахъ, какъ бы пожирало берлинъ, гдѣ тѣнилось 8 человѣкъ. Волны пыли, поднятой ногами двухъ или трехъ сотъ тысячъ зрителей, были единственнымъ покрываломъ, которое отъ времени до времени скрывало униженіе короля и королевы отъ народной радости. Испарина лошадей, лихорадочное дыханіе стисканной, страстной толпы разбѣжали и портили воздухъ. Для дыханія путниковъ не доставало воздуха. На лицахъ двухъ дѣтей струился потъ. Королева, дрожа за нихъ, быстро опустила стору экипажа и, обращаясь къ толпѣ, сказала, чтобы смягчить ее: „посмотрите, господа, въ какомъ положеніи мои бѣдныя дѣти! мы задыхаемся!“— „Мы тебя задушимъ другимъ способомъ“, отвѣчали ей въ полголоса эти бѣшенные люди.

По временамъ, сильный натискъ толпы прорывалъ ряды, сдвигалъ лошадей, толпа доходила до дверей, взбиралась на подножку экипажа. Мрачные люди, безмолвно смотрѣвшіе на короля, королеву, дофина, казалось, соображали значеніе послѣднихъ преступленій и наслаждались униженіемъ королевскаго сана. Приклады жандармовъ на минуту возстановляли порядокъ. Поѣздъ двигался далѣе среди стука сабель и вопля людей, опрокинутыхъ подъ ноги лошадей. Лафайетъ, который страшился покушенія на жизнь короля или засады на парижскихъ улицахъ, предупредилъ генерала Дюма, командовавшаго конвоемъ,

чтобы не ѣхали чрезъ самый городъ. Онъ разставилъ войска, густыми рядами на бульварѣ, отъ заставы Звѣзды до Тюльери. Національная гвардія стояла по краямъ рядовъ. Швейцарская стража была тутъ же, но ея знамя уже не прикрывало болѣе короля. Главному начальнику арміи не воздавалось никакихъ военныхъ почестей. Національные гвардейцы, опершись на свои ружья, не салютовали королю; они смотрѣли на этотъ побѣздъ равнодушно и презрительно, съ сознаніемъ своей силы.

28.

Экипажи вѣхали въ Тюльерійскій садъ по подъемному мосту. Лафайетъ, верхомъ во главѣ своего главнаго штаба, находился впереди шествія. Во время его отсутствія громадная толпа наполнила садъ, террасы и заградила дверь замка. Конвой съ трудомъ разсѣкалъ эти бурныя волны. Всѣхъ заставляли надѣвать шляпы. Гильерми, членъ собранія, одинъ оставался непокрытымъ, несмотря на угрозы и оскорбленія, навлеченныя на него этимъ знакомъ почтительности. Видя, что хотятъ употребить силу, чтобы принудить его подражать общей наглости, Гильерми бросилъ свою шляпу далеко въ толпу, чтобы принести ее обратно было нельзя. Тогда королева, замѣтивъ Лафайета и боясь за жизнь вѣрныхъ своихъ тѣлохранителей, которые сидѣли на козлахъ экипажа и должны были выносить угрожающія движенія толпы, вскричала: „г. Лафайетъ, спасите нашихъ тѣлохранителей“.

Королевская фамилія вышла изъ экипажа внизу террасы. Лафайетъ принялъ плѣнниковъ изъ рукъ Барнава и Петіона. Дѣтей унесли на рукахъ національные гвардейцы. Одинъ изъ членовъ лѣвой стороны собранія, виконтъ Деноайль, поспѣшно приблизился къ королевѣ и предложилъ ей руку. Королева, въ негодованіи, съ досадою во взорѣ, отвергла покровительство либеральнаго вельможи; замѣтивъ депутата правой стороны, она попросила его подать ей руку. Униженіе могло ее убить, но не побѣдить. Достоинство власти вполне выразалось въ движеніяхъ и сердцѣ женщины.

Продолжительные крики толпы, при входѣ короля въ Тюльери, возвѣщаютъ собранію объ его торжествѣ. Волненіе прервало засѣданія на полчаса. Одинъ депутатъ, бросившись въ залу, сообщаетъ, что трое королевскихъ тѣлохранителей находятся въ рукахъ народа, который хотѣлъ разорвать ихъ на куски. 20 комиссаровъ немедленно отправились спасать этихъ людей. Чрезъ нѣсколько минутъ они возвратились. Волненіе было умирено уже раньше ихъ. Они сообщили, что видѣли, какъ Петіонъ покрылъ своимъ тѣломъ дверцу королевскаго экипажа. Барнавъ взошелъ на трибуну, весь покрытый дорожною пылью. „Мы выполнили наше порученіе,—сказалъ онъ,—къ чести Франціи и Національнаго собранія. Мы предохранили общественное спокойствіе и безопасность короля. Король сказалъ намъ, что никогда не имѣлъ намѣренія перейти границы королевства (ропотъ). Долго мы ѣхали быстро, чтобы избѣгнуть погони войскъ Булье. Національная гвардія и войска исполнили свой долгъ. Король въ Тюльери“. Петіонъ прибавилъ, желая польстить общественному мнѣнію, что при выходѣ изъ экипажа народъ хотѣлъ, правда, овладѣть тѣлохранителями, что даже самъ онъ былъ взятъ за воротникъ и сдвинутъ съ мѣста подлѣ дверецъ экипажа,

но что это народное движеніе, по мысли, было справедливо и имѣло цѣлью только обезпечить исполненіе закона, который повелѣвалъ арестовать сообщниковъ двора. Собраніе постановило, что судамъ того округа, гдѣ находился Тюльери, будетъ произведено дознаніе о бѣгствѣ короля и что три комиссара, назначенные собраніемъ, примутъ объясненія отъ короля и королевы. „Что значитъ это уклончивое исключеніе?“ вскричалъ Робеспьеръ. „Или вы боитесь унижить королевскій санъ, предавъ короля и королеву обыкновеннымъ судамъ? Гражданинъ, гражданка, каждый человѣкъ, какимъ бы достоинствомъ ни былъ облеченъ, никогда не можетъ считаться униженнымъ подчиненіемъ закону“. Бюзо поддерживалъ это мнѣніе. Дюпортъ опровергалъ его. Уваженіе взяло верхъ надъ оскорбленіемъ. Комиссарами избраны были Тронше, де-Андре и Дюпортъ.

29.

Возвратясь въ свои комнаты, Людовикъ XVI измѣрилъ взглядомъ всю глубину своего паденія. Лафайетъ явился къ королю съ наружнымъ выраженіемъ уваженія и участія, но—въ дѣйствительности съ приказаніями. „Ваше Величество“, сказалъ онъ, „знаете мою привязанность къ вамъ; но я отъ васъ не скрывать, что если вы отдѣлите свое дѣло отъ народнаго, то я останусь на сторонѣ народа“.—„Это правда“, отвѣчалъ король. „Вы слѣдуете своимъ принципамъ. Это дѣло мнѣнія; говорю вамъ откровенно, что до послѣдняго времени я считалъ, что вы, съ людьми вашихъ мнѣній, окружали меня подѣльными бурями, вводя въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго мнѣнія Франціи. Во время этого путешествія я видѣлъ, что ошибался и что такова общая воля“.—„Нѣтъ ли у Вашего Величества какихъ-нибудь приказаній для меня?“ спросилъ Лафайетъ,—„Мнѣ кажется, —возразилъ король, улыбаясь,— что скорѣе я долженъ ожидать вашихъ приказаній, чѣмъ вы—моихъ“.

Королева выказала всю горечь сдерживаемой досады. Она хотѣла заставить Лафайета взять ключи отъ шкатулокъ, находившихся въ экипажахъ. Онъ отказался. Она настаивала и, такъ какъ онъ все-таки не хотѣлъ брать этихъ ключей, то она сама положила ихъ на его шляпу. „Пусть Ваше Величество потрудится взять ихъ“, сказалъ Лафайетъ, „потому что я къ нимъ не прикоснусь“. „Въ такомъ случаѣ, колко возразила королева, я найду людей менѣе деликатныхъ!“ Король вошелъ въ свой кабинетъ, написалъ нѣсколько писемъ и передалъ ихъ коменданту, который принесъ письма на просмотръ къ Лафайету. Генеральъ выразилъ негодованіе, что на него налагають такое постыдное подсматриванье за дѣйствіями короля. Онъ хотѣлъ, чтобъ этотъ плѣнъ имѣлъ всю внѣшность свободы.

Дворцовая служба шла обычнымъ порядкомъ, но пароль давалъ Лафайетъ, не получая его отъ короля. Рѣшетки дворовъ и сада были заперты. Королевское семейство передало Лафайету списокъ лицъ, которыхъ желало принять. Часовые были разставлены во всѣхъ залахъ, при всѣхъ выходахъ въ коридорахъ, раздѣлявшихъ комнаты короля и королевы. Двери этихъ комнатъ должны были оставаться открытыми. Самая постель королевы подвергалась осмотру. Каждое мѣсто въ комнатахъ, даже самое секретное, не было свободно

отъ подозрѣній. Стыдливость женщины не уважалась. Движенія, взгляды, слова, обмѣненныя между королемъ и королевой, все было замѣчено, подкараулено, записано. Если имъ удавалось нѣсколько боязливыхъ разговоровъ, то этимъ они обязаны были только особой снисходительности. Каждый 24 часа офицеръ національной гвардіи проходилъ по темному коридору, который находился позади комнатъ королевы. Этотъ коридоръ какъ сводъ тюрьмы освѣщался только одною лампою. Дворцовые офицеры боялись этого поста; но нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые преданностью къ плѣнникамъ, сами его помогали. Наружнымъ рвеніемъ къ своему дѣлу они прикрывали уваженіе къ королю. Сень-При, знаменитый актеръ „Французскаго театра“, часто занималъ этотъ постъ, онъ способствовалъ короткимъ свиданіямъ между королемъ, его женой и сестрой.

Вечеромъ, женщина, прислуживавшая королевѣ, постилала себѣ постель между постелью своей госпожи и открытою дверью комнаты; такимъ образомъ, она собою заслоняла королеву отъ глазъ часовыхъ.

Въ одну ночь начальникъ батальона, который находился на стражѣ между королевскими комнатами, видя, что эта женщина заснула, а королева не спитъ, позволилъ себѣ подойти къ постели королевы и давалъ ей тихимъ голосомъ предостереженія и совѣты относительно ея положенія. Разговоръ разбудилъ заснувшую женщину. Изумленная при видѣ человѣка въ мундирѣ у постели королевы, она хотѣла закричать, но королева, напомнивъ ей о молчаніи, сказала: „успокойтесь, этотъ человѣкъ добрый французъ, обманутый относительно намѣреній короля и моихъ, но, судя по разговору, человѣкъ, искренно преданный своему государю“. Такимъ образомъ, Провидѣніе употребляло самихъ преслѣдователей, чтобы доставить нѣкоторое облегченіе жертвамъ. Король, вообще покорный и безстрастный, согнулся на минуту подъ тяжестью столькихъ горестей и униженій. Углубившись въ свои мысли, онъ цѣлые 10 дней не сказалъ ни слова даже своему семейству. Последняя борьба съ несчастіемъ, казалось, истощила его силы. Онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ и какъ-бы хотѣлъ умереть заранѣе. Королева, бросившись къ его ногамъ и показывая ему дѣтей, наконецъ, прервала это молчаніе: „сбережемъ“, сказала она ему, „всѣ наши силы, чтобы выиграть эту продолжительную борьбу съ судьбой. Если даже гибель и неизбежна, то все-таки возможенъ выборъ положенія, въ которомъ лучше погибнуть. Погибнемъ же, какъ должно королямъ, и не будемъ безъ сопротивленія и незлобиво ждать, чтобы пришли насъ задушить на паркетѣ нашихъ комнатъ“. Королева обладала сердцемъ героя, Людовикъ XVI имѣлъ душу мудреца, но обоимъ недоставало генія, который соединяетъ мудрость съ храбростью. Одна умѣла сражаться, другой умѣлъ подчиняться; но ни который не умѣлъ царствовать.

30.

Таковъ былъ этотъ побѣгъ, который, въ случаѣ удачи, перемѣнилъ бы всѣ фазисы революціи. Въмѣсто того, чтобы имѣть орудіе и жертву въ лицѣ короля, плѣннаго въ Парижѣ, революція получила бы врага или примирителя въ королѣ свободномъ; вмѣсто анархіи, она имѣла бы междоусобную войну; вмѣсто убійства,

она совершала бы побѣды; революція восторжествовала бы оружіемъ, а не эшафотомъ.

Никогда участь такого числа людей и идей не зависѣла болѣе очевидно отъ случая, который, однакожъ, нельзя назвать вполне слѣпымъ. Друзь былъ орудіемъ гибели короля; если бы онъ не узналъ Людовика XVI по сходству съ изображеніями короля на монетахъ,—если бы онъ не поскакалъ во всю прыть и не опередилъ экипажей въ Вареннѣ, то чрезъ два часа король и его семейство были бы спасены. Друзь, человѣкъ неизвѣстный, сынъ почтмейстера, праздно шатаясь вечеромъ у воротъ деревни, рѣшаетъ судьбу монархіи. Онъ не совѣтуется ни съ кѣмъ, кромѣ самого себя, и ѣдетъ, говоря: „я арестую короля“. Но Друзь не могъ бы обладать такимъ инстинктомъ рѣшительности, если бы, такъ сказать, не олицетворялъ въ себѣ въ эту минуту волненіе и подозрѣнія, которыя господствовали въ народѣ. Фанатическая любовь къ отечеству побуждаетъ Друзя, безъ вѣдома кого бы то ни было, скакать въ Вареннѣ и предавать на жертву все несчастное семейство бѣглецовъ тому, что онъ считаетъ спасеніемъ націи. Друзь ни отъ кого не получилъ условнаго знака; арестъ и, слѣдовательно, смерть короля онъ принялъ на себя одного. Преданность Друзя отечеству была жестокостью. Молчаніе и состраданіе съ его стороны повлекли бы за собою менѣе бѣдствій.

Что касается до самого короля, то это бѣгство было для него, по меньшей мѣрѣ, ошибкой. Оно было совершено или слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Слишкомъ поздно потому, что король уже очень далеко зашелъ въ своей санкціи революціи, чтобы внезапный поворотъ противъ нея не могъ показаться измѣною дѣлу и противорѣчіемъ самому себѣ. Слишкомъ рано потому, что конституція, надъ которою работало національное собраніе, не была еще окончена, правительство не было увѣрено въ своемъ безсиліи, и жизнь короля и его семейства не подвергалась еще слишкомъ очевиднымъ угрозамъ, чтобы заботы о личной безопасности человѣка могли одержать верхъ надъ обязанностями короля. Въ случаѣ удачи, Людовикъ XVI могъ рассчитывать только на иностранныя войска для возвращенія себѣ королевства; въ случаѣ ареста, онъ могъ найти въ своемъ дворцѣ только тюрьму. Съ какой стороны ни разсматривать это бѣгство, оно было во всякомъ случаѣ гибельно. Оно было или путемъ къ позору или дорогою на эшафотъ. Чтобы сбѣжать съ трона, когда не хотятъ умереть на немъ, существуетъ только одинъ путь—отреченіе. По возвращеніи изъ Варенна, король долженъ былъ отречься отъ престола. Революція усыновила бы его сына и воспитала бы его по своему образцу. Король не отрекся. Онъ согласился принять прощеніе отъ своего народа. Онъ поклялся соблюдать конституцію, отъ которой сбѣжалъ. Это былъ помилованный король. Европа видѣла въ немъ человѣка сбѣжавшаго отъ трона и пойманнаго для казни, народъ—измѣнника, а революція—игрушку.

III.

Положеніе, занятое національнымъ собраніемъ.—Барнавъ присоединяется къ монархической партіи, вмѣстѣ съ Дюпоромъ и Ламетами. — Правая сторона принимаетъ рѣшеніе воздерживаться отъ участія въ преніяхъ собранія. — Собраніе обсуждаетъ бѣгство короля въ Вареннъ. — Неприкосновенность короля признана. — Клубы и печать ускоряютъ ходъ революціи. — Вліятельные люди журналистики: Лутало, Камилль Демулень, Мара, Бриссо. — Народъ начинаетъ требовать низложенія короля и учрежденія республики. — Петиція подписанная на Марсовомъ полѣ. — Лафайетъ и Бальи подавляютъ возстаніе вооруженною силою. — Слабость собранія. — Личности Кондорсе, Дантона и Бриссо.

1.

Народы, какъ и отдѣльныя лица, обладаютъ инстинктомъ самосохраненія, который, даже среди господства самыхъ необузданныхъ страстей, указываетъ имъ опасность и останавливаетъ предъ пропастью, въ которую они бываютъ готовы низвергнуться. При видѣ пропасти, къ которой народъ уже стремился, онъ вдругъ отступаетъ. Этотъ раздыхъ человѣческихъ страстей бываетъ непродолжителенъ и боязливъ, но все-таки даетъ время событіямъ возобновить правильный ходъ—предоставляетъ благоразумію возможность обдумать положеніе дѣла, а государственнымъ людямъ—уловить давно желанный случай. Они подстерегаютъ такіе моменты, чтобы овладѣть колеблющимися и испуганными умами народа, возбудить въ нихъ реакцію противъ крайностей и повести ихъ назадъ, давъ противоположное направленіе тѣмъ самымъ страстямъ, которыя завлекли народъ слишкомъ далеко. На другой день послѣ 25 іюня 1791 г. для Франціи наступилъ одинъ изъ такихъ моментовъ раскаянія, которые спасаютъ народы. Ей не доставало только государственнаго челоуѣка.

Никогда еще національное собраніе не представляло такого величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойнаго вида, какъ въ теченіе пяти дней послѣ отѣзда короля. Можно было подумать, что оно чувствовало все бремя власти, лежавшей на немъ нераздѣльно, и старалось укрѣпить свое положеніе, чтобы достойно нести это бремя. Собраніе приняло власть, не желая ни узурпировать ее, ни даже удерживать ее за собою. Оно покрыло побѣгъ короля почтительной фикціей, назвало бѣгство похищеніемъ, искало виновныхъ кругомъ трона, а на самомъ тронѣ видѣло лицо неприкосновенное. Въ Людовикѣ XVI челоуѣкъ исчезъ для собранія, оставался только неотвѣтственный глава государства. Эти три мѣсяца можно считать междоцарствіемъ, въ теченіе котораго

народный разумъ самъ для себя служилъ конституціей. Нѣтъ болѣе короля, потому что онъ въ плѣну и лишень своей санкціи; нѣтъ закона, такъ какъ конституція еще не составлена; нѣтъ болѣе министровъ, такъ какъ исполнительная власть запрещена, и между тѣмъ власть существуетъ, дѣйствуетъ, организуется, защищается, охраняетъ себя. Что еще изумительнѣе — она руководствуется умѣренностью. Эта власть хранить во дворцѣ главную основу конституціи, королевскую особу, и когда дѣло будетъ совершено, та же власть поставить короля на назначенное мѣсто и скажетъ: „будь свободенъ и царствуй“.

2.

Одно только позорить это величественное междуцарствіе націи: это временный плѣнъ короля и его семейства. Должно сознаться, впрочемъ, что нація имѣла полное право сказать своему вождю: „если ты хочешь царствовать надъ нами, ты не выйдешь изъ королевства, не понесешь королевскій санъ Франціи къ ея врагамъ“. Должно замѣтить еще, относительно формы заключенія короля въ Тюльери, что національное собраніе ее вовсе не устанавливало, что оно даже выказало негодованіе при словѣ „заключеніе“, что оно указало только политическую резиденцію короля и ничего болѣе, и что грубость и жестокость надзора происходили скорѣе отъ недовѣрчивой отвѣтственности національной гвардіи, чѣмъ отъ неуваженія къ королю со стороны собранія. Лафайетъ, въ особѣ короля, охранялъ династію, свою собственную голову и конституцію. Въ его рукахъ находился заложникъ королевства и вмѣстѣ съ тѣмъ — республики. Завѣдывая дворцомъ, Лафайетъ, чрезъ присутствіе тамъ слабого и униженнаго короля, пугалъ и упавшихъ духомъ роялистовъ и сдержанныхъ республиканцевъ. Людовикъ XVI былъ у него въ залогѣ.

Барнавъ и Ламеты въ національномъ собраніи держались роли Лафайета. Они нуждались въ королѣ для защиты отъ своихъ враговъ. Пока между ними и трономъ стоялъ человѣкъ (Мирабо), они заигрывали съ республикой и подкапывались подъ тронъ, чтобы поразить своего соперника. Но когда Мирабо умеръ и тронъ пошатнулся, эти люди чувствовали себя слабыми противъ движенія, которое сами же прежде возбуждали. Они поддерживали развалину монархіи для того, чтобы въ свою очередь самимъ найти въ ней поддержку. Основатели якобинцевъ, они трепетали предъ ихъ дѣломъ, прятались за конституціей, которую сами же поколебали; отъ роли разрушителей они перешли къ роли государственныхъ людей. Но для первой изъ этихъ ролей нужно только насиліе, для второй — нуженъ гений. Барнавъ обладалъ только талантомъ. Онъ имѣлъ нѣчто еще большее — душу и былъ честнымъ человѣкомъ. Первые излишества его слова были не болѣе, какъ опьяненіемъ трибуны. Онъ хотѣлъ узнать вкусъ народныхъ рукоплесканій. Ихъ расточали Барнаву далеко больше его дѣйствительныхъ достоинствъ. Съ этихъ поръ ему предстояло мѣряться уже не съ Мирабо, но съ революціей въ полной ея силѣ. Зависть отнимала у Барнава пьедесталъ, который она уже ему соорудила. Онъ долженъ былъ выказаться въ свою настоящую величину.

3.

Но присоединиться къ монархической партіи Барнава побуждало чувство болѣе высокое, чѣмъ интересъ личной безопасности. Его сердце, опередивъ честолюбіе, перешло на сторону слабости, красоты и несчастья. Нѣтъ ничего опаснѣе для мягкосердечнаго человѣка, какъ знать тѣхъ, противъ которыхъ онъ сражается. Ненависть къ дѣлу противниковъ падаетъ предъ симпатіей къ ихъ личности. Человѣкъ безсознательно становится пристрастнымъ. Состраданіе обезоруживаетъ собою разумъ; человѣкъ умиляется вмѣсто того, чтобы разсуждать; чувство растроганнаго человѣка вскорѣ становится его политикой.

Вотъ что происходило въ душѣ Барнава на обратномъ пути изъ Варенна. Участіе, внушенное ему королевой, обратило этого молодого республиканца къ монархіи. До тѣхъ поръ Барнавъ зналъ королеву только сквозь туманъ предубѣждений, которыми партіи окружаютъ тѣхъ, кого хотятъ ненавидѣть. Внезапное сближеніе сбросило эту условную атмосферу. Барнавъ восторгался вблизи тѣмъ, на что клеветаль издали. Данная ему судьбой роль въ судьбѣ этой женщины заключала въ себѣ нѣчто неожиданное и романическое, способное ослѣпить горделивое воображеніе Барнава и растрогать его великодушіе. Человѣкъ молодой, неизвѣстный еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ,—а теперь знаменитый, популярный, сильный, поставленный, во имя державнаго собранія, между народомъ и королемъ, онъ становился покровителемъ тѣхъ, кого былъ врагомъ. Королевскія руки съ мольбою прикасались къ его плебейскимъ рукамъ. Съ королевскою кровью Бурбоновъ онъ сопоставлялъ царственную популярность таланта и краснорѣчія. Онъ своимъ тѣломъ прикрывалъ жизнь людей, которые были его государями. Самая преданность Барнава была триумфомъ; предметомъ этой преданности была его королева. Эта королева,—молодая, прекрасная, величественная,—превращалась въ простую смертную отъ страха за мужа и за дѣтей. Ея плачущія глаза умоляли глаза Барнава о спасеніи. Онъ былъ первымъ ораторомъ этого собранія, державшаго участь монархіи нерѣшенною. Онъ былъ любимцемъ народа, которымъ могъ управлять посредствомъ одного своего движенія и ярость котораго укрощалъ въ теченіе долгаго пути королевской семьи между трономъ и смертью. Эта женщина положила своего сына, молодого дофина, на его колѣни. Пальцы Барнава играли бѣлокурыми кудрями ребенка. Король, королева, принцесса Елизавета съ большимъ тактомъ отличили Барнава отъ непоколебимаго, угрюмаго Петіона. Они говорили съ нимъ о своемъ положеніи, — жаловались, что были введены въ заблужденіе относительно народнаго настроенія во Франціи, обнаруживали раскаяніе и конституціонныя наклонности. Такіе разговоры, стѣсняемые въ экипажѣ присутствіемъ другихъ комиссаровъ и взорами народа, возобновлялись, хотя боязливо, но болѣе интимно, на свиданіяхъ, которыя королевское семейство имѣло каждую ночь. Условились вести тайную политическую переписку и назначать секретныя свиданія въ Тюльери. Непреклонный Барнавъ возвратился въ Парижъ преданнымъ. Ночныя политическія совѣщанія Мирабо съ королевой въ паркѣ Сентъ-Клу стали цѣлью честолюбія его соперника. Но Мирабо

продался, а Барнавъ отдался. Кучи золота купили человѣка геніальнаго; одинъ взглядъ соблазнилъ человѣка мягкосердечнаго.

4.

Барнавъ нашелъ своихъ друзей, Дюпора и Ламетовъ, въ самомъ монархическомъ настроеніи, хотя и по другимъ причинамъ, чѣмъ самъ. Этотъ триумфаторъ вступилъ въ сношенія съ Тюльери. Ламеты и Дюпоръ видѣли короля. Барнавъ, который сначала не осмѣлился приходить во дворецъ, потомъ тайно явился туда. Самыя пугливыя предосторожности прикрывали эти свиданія. Король и королева ожидали иногда по цѣлымъ часамъ молодого оратора въ маленькой комнатѣ на чердакѣ дворца, положивъ руку на замочную скважину, чтобы открыть дверь, какъ только заслышать его шаги. Когда эти свиданія сдѣлались невозможны, Барнавъ писалъ королевѣ. Онъ предполагалъ, что въ собраніи большія силы принадлежатъ къ его партіи, потому что измѣрять могущество политическихъ мнѣній по талантамъ, которые въ нихъ проявлялись. Королева сомнѣвалась въ этомъ. „Успокойтесь“, писалъ ей Барнавъ, „правда, что наше знамя разорвано, но на немъ еще читается слово *конституція*. Это слово опять получить силу и обаяніе, если только король искренно ему отдается. Друзья этой конституціи, отказавшись отъ своихъ заблужденій, могутъ еще поднять и укрѣпить ее. Якобинцы пугаютъ народный разумъ, эмигранты угрожаютъ національности. Не бойтесь якобинцевъ, не вѣрьтесь эмигрантамъ. Бросьтесь въ объятія національной партіи, которая еще существуетъ. Развѣ Генрихъ IV не вступилъ на тронъ католической націи, находясь во главѣ протестантской партіи?“ Королева искренно слѣдовала этимъ позднимъ совѣтамъ и совѣщалась съ Барнавомъ о всѣхъ своихъ поступкахъ, о всей заграничной перепискѣ. Она не хотѣла дѣлать и говорить ничего такого, что противорѣчило бы задуманному имъ плану возстановленія королевской власти. „Чувство законной гордости“, говорила о немъ королева, „чувство, котораго нельзя порицать въ талантливомъ молодомъ человѣкѣ, рожденномъ въ мракѣ третьяго сословія, внушило ему стремленіе къ революціи, которая проложила бы ему дорогу къ славѣ и могуществу. Но сердце его полно вѣрности, и если когда нибудь власть возвратится въ наши руки, то прошеніе Барнава уже ранѣе написано въ нашихъ сердцахъ“. Принцесса Елизавета раздѣляла симпатію короля и королевы къ Барнаву. Постоянно побѣждаемые, они дошли до увѣренности, что способностью возстановить монархію обладаютъ только тѣ люди, которые ее ниспровергли. Это былъ предразсудокъ и притомъ роковой. Несчастные пытались поклоняться той самой революціонной силѣ, которую не могли покорить.

5.

Первыя дѣйствія короля носили слишкомъ сильный для его достоинства отпечатокъ этихъ внушеній Ламетовъ и Барнава. Онъ передалъ комиссарамъ собранія, на которыхъ было возложено допросить его о событіяхъ 21 іюня, слѣдующій отвѣтъ, который вызывалъ у враговъ короля скорѣе улыбку, чѣмъ участіе. „Когда мы вошли въ комнату короля и остались съ нимъ наединѣ“,

говорили комиссары собранія, „король сдѣлалъ намъ слѣдующее сообщеніе: причиною моего отпѣзда — несправедливости и оскорбленія, сдѣланныя мнѣ 18 апрѣля, когда я хотѣлъ отправиться въ Сень-Клу. Такъ какъ эти оскорбленія остались безнаказанными, то я думалъ, что оставаться долѣе въ Парижѣ будетъ несогласно ни съ моею безопасностью, ни съ моимъ достоинствомъ. Не имѣя возможности сдѣлать этого открыто, я рѣшился уѣхать ночью и безъ свиты. Отпѣздъ изъ королевства никогда не входилъ въ мои планы. У меня не было никакихъ соглашеній ни съ иностранными державами, ни съ принцами-эмигрантами изъ моего семейства. Помѣщеніе для меня было приготовлено въ Монмеди. Я избралъ это мѣсто потому, что оно укрѣплено; притомъ, находясь близъ границы, я имѣлъ болѣе возможности противиться всякаго рода нападеніямъ. Въ теченіе этого путешествія я убѣдился, что общественное мнѣніе рѣшительно въ пользу конституціи. Какъ только я узналъ общую волю, я оставилъ всякое колебаніе, потому что вообще никогда не колебался жертвовать своими личными правами для общаго блага“.

„Если король“, прибавила королева въ своей деклараціи, „желалъ уѣхать вмѣстѣ со своими дѣтьми, то я объявляю, что ничто на свѣтѣ не помѣшало бы мнѣ за нимъ послѣдовать. Въ теченіе двухъ лѣтъ, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ я уже достаточно доказала, что не оставляю его никогда“.

Не довольствуясь этимъ розыскомъ о побужденіяхъ и обстоятельствахъ бѣгства короля, раздраженное общественное мнѣніе требовало, чтобы нація наложила руку даже на отеческія права и чтобы собраніе избрало гувернера для дофина. 92 имени, почти всѣ неизвѣстныя, были вынуты по этому предмету изъ урны. Они были выслушаны съ общимъ смѣхомъ. Это новое оскорбленіе королю и отцу, однакоже, отсрочили. Избранный потомъ Людовикомъ XVI гувернеръ, г. де-Флеръё, никогда не приступалъ къ своимъ обязанностямъ. Впослѣдствіи гувернеромъ наслѣдника трона былъ тюремщикъ тюрьмы преступниковъ.

Маркизь де-Булье отправилъ изъ Люксембурга угрожающее письмо собранію, чтобы отвратить отъ короля народный гнѣвъ и взять на себя одного замыселъ и выполненіе королевскаго отпѣзда. „Если упадетъ волосъ съ головы Людовика XVI“, говорилъ онъ, „то въ Парижѣ не останется камня на камнѣ. Я знаю дороги, я проведу чужеземныя арміи“. Смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Собраніе было настолько благоразумно, что не нуждалось въ совѣтахъ г. Булье и настолько сильно, что могло презирать угрозы изгнанника.

Казалось подаль въ отставку, чтобы „идти сражаться“. Наиболѣе замѣтные члены правой стороны, въ числѣ которыхъ отличались Мори, Монлозьё, аббатъ Монтескьё, аббатъ Прадтъ, Вирье и другіе, въ числѣ 290, приняли гибельное рѣшеніе, которое, уничтожая всякій противовѣсъ крайней революціонной партіи, ускорило паденіе трона и погубило короля подъ предлогомъ священнаго поклоненія королевскому сану. Эти люди остались въ собраніи, но значеніе ихъ уничтожилось; они желали считаться только живымъ протестомъ противъ насилій свободѣ и авторитету короля. Собраніе отказалось выслушать ихъ протестъ, который самъ по себѣ былъ нарушеніемъ ихъ полномочій. Они его публиковали и распространили въ большомъ количествѣ по всему королевству.

„Декреты собранія“, говорилось въ этомъ протестѣ, „всѣмъ поглотили королевскую власть. Государственная печать на столѣ. Королевская санкція уничтожена. Изъ присяги, приносимой закону, вычеркнули имя короля. Комиссары разносятъ прямо въ арміи приказанія комитетовъ. Король въ плѣну. Временная республика занимаетъ междупарствіе. Мы далеки отъ содѣйствія подобнымъ поступкамъ. Мы не согласились бы даже быть ихъ свидѣтелями, если бы на насъ не лежала обязанность заботиться о сохраненіи особы короля. Кромѣ этого единственнаго интереса, мы заключимся въ полнѣйшее молчаніе. Это молчаніе будетъ единственнымъ выраженіемъ нашего постоянного сопротивленія всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ!“

Эти слова были отреченіемъ цѣлой партіи отъ своихъ правъ. Партія, которая воздерживается отъ дѣйствій, тѣмъ самымъ отрекается отъ нихъ. Это былъ день эмиграціи въ средѣ собранія. Эта ложная вѣрность, которая стоитъ, вмѣсто того, чтобы сражаться, заслужила одобреніе дворянства и духовенства, но заслужила также и порицаніе людей съ политическимъ смысломъ. Покинувъ Барнава и конституціонныхъ монархистовъ въ борьбѣ съ якобинцами, она дала побѣду Робеспьеру, а, обезпечивъ большинство предложенію о невыборѣ членовъ національнаго собранія въ законодательное собраніе, она сдѣлала возможнымъ конвентъ. Роялисты сняли съ вѣсовъ всю тяжесть собственныхъ мнѣній, и перевѣсъ склонился въ сторону послѣднихъ безпорядковъ, унеся и голову короля и головы этихъ людей. Крупное политическое мнѣніе не можетъ себя обезоружить безнаказанно для своей страны.

6.

Якобинцы поняли эту ошибку и порадовались ей. Видя, какъ многочисленныя опоры монархической конституціи сами собою исчезаютъ съ поля сраженія, якобинцы уже тогда видѣли на что могутъ рискнуть, и они рискнули. Засѣданія якобинцевъ становились тѣмъ многозначительнѣе, чѣмъ блѣднѣе и боязливѣе дѣлались засѣданія національнаго собранія. Слова „низложеніе“ и „республика“ впервые были провозглашены тамъ. Отвергнутые съ перваго раза, они были потомъ повторены. Признанные сначала богохульствомъ, они не замедлили сдѣлаться догматомъ. Политическія партіи сначала сами не сознаютъ всего, чего хотятъ: только успѣхъ открываетъ имъ это. Смѣльчаки бросаютъ впередъ мысль, повидимому, безнадежную: если она отвергнута, люди ловкіе отъ нея отворачиваются; если принята,—вожди партіи за нее хватаются. Въ борьбѣ мнѣній дѣлаются рекогносцировки, какъ и въ военныхъ кампаніяхъ. Якобинцы были аванпостомъ революціи; они развѣдывали степень стойкости монархическаго духа.

Клубъ кордельеровъ прислалъ якобинцамъ проектъ адреса національному собранію, въ которомъ надменно требовалось низверженіе королевскаго достоинства. „Мы теперь свободны и безъ короля“, говорили кордельеры, „какъ было на другой день послѣ взятія Бастиліи; остается знать, выгодно ли избирать другого. Мы думаемъ, что нація должна дѣлать все сама или чрезъ посредство агентовъ, смѣняемыхъ и выбираемыхъ ею; по нашему мнѣнію, чѣмъ важнѣе должность, тѣмъ короче должна быть продолжительность ея власти.

Мы думаемъ, что королевское достоинство, и въ особенности наслѣдственное, несовмѣстно со свободой. Мы предвидимъ, что такое предложеніе вызоветъ тучу противорѣчій, но развѣ не вызывала ихъ и декларація правъ? Король фактически отрекся отъ престола, бѣжавъ со своего поста. Воспользуемся нашимъ правомъ и случаемъ. Поклянемся, что Франція—республика!“

Этотъ адресъ, прочитанный въ клубѣ якобинцевъ 22 іюня, возбудилъ сначала общее негодованіе. На слѣдующій день Дантонъ, взойдя на трибуну, требовалъ низложенія короля и учрежденія совѣта регенства. „Вашъ король“, говорилъ онъ, „или глупъ или преступенъ. Ужасное зрѣлище представилось бы міру, еслибы, имѣя возможность объявить короля преступнымъ или безумнымъ вы не предпочли это послѣднее“. 27 числа Жиро-Дюпре, молодой писатель, будущій жирондистъ, побуждалъ судить Людовика XVI. „Мы можемъ наказать клятвoprеступнаго короля. Мы должны сдѣлать это“. Таковъ былъ текстъ его рѣчи. Бриссо поставилъ вопросъ такъ, какъ Петіонъ въ предыдущее засѣданіе: „можно-ли судить клятвoprеступнаго короля?“ „Зачѣмъ“, сказалъ Бриссо, „намъ раздѣляться изъ-за названій? Мы все согласны. Чего хотятъ тѣ, которые возстаютъ здѣсь противъ республиканцевъ? Они ненавидятъ бурныя демократіи Аѳинъ и Рима, они боятся раздѣленія Франціи на взаимно отчужденныя федераціи. Они не хотятъ ничего, кромѣ представительной конституціи и они правы. Чего хотятъ съ своей стороны тѣ, которыхъ называютъ республиканцами? Они боятся, они страшатся также бурной демократіи Аѳинъ и Рима; они точно также страшатся и федеративныхъ республикъ. Они хотятъ только представительной конституціи; итакъ, мы согласны. Глава исполнительной власти измѣнилъ своей присягѣ; должно-ли его судить? Вотъ только что насъ раздѣляетъ. Неприкосновенность сдѣлалась бы только безнаказанностью всевозможныхъ преступленій, поощреніемъ всякаго рода измѣнъ; здравый смыслъ требуетъ, чтобы за преступленіемъ слѣдовала кара. Въ неприкосновенномъ чловѣкѣ, который управляетъ народомъ, я вижу только бога и 25 милліоновъ *скотовъ*. Если бы король вступилъ во Францію во главѣ иностранныхъ войскъ, если бы онъ опустошилъ лучшія наши области и если бы, остановивъ войска, вы его арестовали, чтобы вы тогда съ нимъ сдѣлали? Опять сослались бы на неприкосновенность королевской особы для того, чтобы его отпустить?... Васъ пугаютъ иностранными державами, не бойтесь ихъ; Европа безсильна противъ народа, который хочетъ быть свободнымъ“.

Въ національномъ собраніи Мюге, отъ имени соединенныхъ комитетовъ, представилъ докладъ о побѣгѣ короля; онъ заключилъ указаніемъ на неприкосновенность Людовика XVI и обвиненіемъ сообщниковъ. Робеспьеръ опровергалъ неприкосновенность: отнявъ у своихъ словъ гнѣвный оттѣнокъ, онъ старался прикрыть свои выводы наружнымъ видомъ кротости и гуманности: „я не буду разсматривать“, сказалъ онъ, „добровольно ли бѣжалъ король, или съ границъ какой-нибудь гражданинъ похитилъ его силою своихъ совѣтовъ; я не буду разсматривать, не составляетъ ли эта ошибка заговора противъ народной свободы: я буду говорить о королѣ, какъ о государѣ воображаемомъ, и о неприкосновенности, какъ о принципѣ“. Опровергнувъ принципъ неприкосновенности тѣми же самыми аргументами, которыми вооружались Жиро-Дюпре

и Бриссо, Робеспьеръ заключилъ такъ: „Мѣры, которыя вамъ предлагаютъ, могутъ только васъ обезчестить; если вы ихъ примете, я потребую права объявить себя адвокатомъ всѣхъ обвиненныхъ. Я хочу быть защитникомъ трехъ тѣлохранителей, гувернантки дофина, самого Булье. Въ принципѣ вашихъ комитетовъ значится, что преступленія нѣтъ, но гдѣ нѣтъ преступленія, тамъ нѣтъ и сообщниковъ. Господа, если щадить виновнаго составляетъ слабость, то жертвовать слабымъ преступникомъ, щадя сильнаго, это уже низость. Надобно или признать всѣхъ виновными или произнести общее оправданіе“. Грегуаръ также поддерживалъ обвиненіе. Салль защищалъ мнѣніе комитетовъ.

Наконецъ заговорилъ Барнавъ въ подкрѣпленіе мнѣнія Салля: „французская нація“, сказалъ онъ, „испытала сильное потрясеніе; но, если вѣрить всѣмъ признакамъ, какіе обнаруживаются, это послѣднее событіе, какъ и всѣ предыдущія, послужить только къ тому, чтобы ускорить срокъ, обезпечить прочность совершенной нами революціи. Я не буду распространяться о преимуществѣ монархическаго правленія: вы уже высказали свое убѣжденіе, установивъ это правленіе въ своемъ отечествѣ; я скажу только, что всякое правительство, чтобы быть хорошимъ, должно заключать въ себѣ условія прочности: иначе, вмѣсто счастья, оно представитъ только перспективу постоянныхъ перемѣнъ. Нѣсколько людей, намѣренія которыхъ я не хочу винить, ища для насъ примѣровъ, видѣли въ Америкѣ народъ, занимающій обширную территорию съ рѣдкимъ населеніемъ, — народъ у котораго нѣтъ могущественныхъ сосѣдей, границы котораго состоятъ изъ лѣсовъ, — привычки котораго соотвѣтствуютъ впечатлѣніямъ новаго народа и далеки отъ мятежныхъ страстей, производящихъ перевороты; эти люди видѣли, что на такой территоріи учреждено республиканское правительство и изъ этого заключили, что такой же образъ правленія будетъ годиться и для насъ. Это тѣ же самые люди, которые теперь опровергаютъ принципъ неприкосновенности короля. Но если справедливо, что на нашей землѣ находится огромное населеніе; если правда, что на ней есть много людей, исключительно преданныхъ той работѣ разума, которая внушаетъ честолюбіе и любовь къ славѣ, если правда, что сильные сосѣди заставляютъ насъ сплотиться въ одну массу, чтобы быть въ силахъ сопротивляться имъ; если правда, что все это—обстоятельства, отъ насъ независяція, такъ безспорно и то, что лекарство противъ такихъ золъ заключается только въ монархическомъ правленіи. Если страна тѣсно населена и обширна по пространству, то—какъ доказала политическая наука—существуютъ только два способа дать ей прочное и истоянное существованіе. Или организовать отдѣльно части этого цѣлаго, вложить въ каждую часть государства частицу правительства и установить, такимъ образомъ, прочность на счетъ единства, силы и всѣхъ преимуществъ, составляющихъ результатъ большаго однороднаго общества;—или, если вы допустите существованіе національнаго единства, то будете обязаны помѣстить въ центрѣ неизмѣнную власть, которая по закону никогда бы не возобновлялась, представляла бы постоянную преграду честолюбію и могла успѣшно сопротивляться потрясеніямъ, соперничеству, волненіямъ огромнаго населенія, волнуемаго всѣми страстями, какія поражаются въ старомъ обществѣ. Эти мысли опредѣляютъ наше положеніе. Мы не можемъ пріобрѣсти

прочности иначе, какъ въ правительствѣ федеративномъ, котораго до сихъ поръ никто не имѣлъ безумія здѣсь предложить, или въ монархическомъ, которое вы учредили, т. е. въ передачу исполнительной власти въ одну фамилію по праву наслѣдованія. Вы оставили неприкосновенному королю исключительное право назначать агентовъ его власти, но опредѣлили ихъ отвѣтственность. Чтобы быть независимымъ, король долженъ остаться неприкосновеннымъ; не будемъ удаляться отъ этого принципа; мы не переставали слѣдовать ему относительно частныхъ лицъ, станемъ же соблюдать его и по отношенію къ монарху. Наше убѣжденіе, конституція, законъ объявляютъ, что онъ не низложенъ; итакъ намъ должно выбирать между привязанностью къ конституціи и непріязнью къ человѣку. Такъ я же спрошу того изъ васъ, который питаетъ противъ главы исполнительной власти всевозможныя предубѣжденія и непріязнь, — я попрошу такого человѣка сказать намъ, неужели раздраженіе противъ короля въ немъ сильнѣе привязанности къ отечеству. Тѣмъ, которые задыхаются отъ ярости противъ согрѣшившаго человѣка, я сказалъ бы: „значитъ, если бы вы были имъ довольны, то пали бы къ его ногамъ?“ (продолжительныя рукоплесканія). Люди, которые хотятъ, такимъ образомъ, жертвовать конституціей своей враждѣ къ человѣку, кажутся мнѣ слишкомъ склонными пожертвовать свободой изъ-за энтузіазма къ другому человѣку, а такъ какъ они любятъ республику, то сегодня очень кстати сказать имъ: какъ вы хотите республики у подобной націи? Какъ вы не боитесь, что эта самая народная подвижность, которая проявляется теперь ненавистью, не выразится когда нибудь энтузіазмомъ къ великому человѣку? Энтузіазмъ еще опаснѣе ненависти, потому что французская нація — вы это знаете — умѣетъ больше любить, чѣмъ ненавидѣть. Я не боюсь, какъ уже сказалъ, нападенія ни иностранцевъ, ни эмигрантовъ, но сегодня съ тою же искренностью говорю, что боюсь продолженія смутъ, волненій, которыя не перестанутъ тревожить насъ, пока революція не достигнетъ полного и мирнаго конца. Извинѣ намъ не могутъ сдѣлать никакого зла, но намъ причиняютъ сильное зло внутри, когда тревожатъ насъ пагубными мыслями, когда химерическія опасности, создаваемые вокругъ насъ, даютъ прочное положеніе и нѣкоторый вѣсъ въ глазахъ народа людямъ, которые пользуются этимъ для постоянной поддержки волненій; намъ дѣлаютъ большое зло, когда стараются продлить революціонное движеніе, которое разрушило все, что можно было разрушить, и привело насъ на такой пунктъ, гдѣ нужно, наконецъ, остановиться. Если революція сдѣлаетъ еще шагъ, то этотъ шагъ будетъ уже не безопасенъ. На пути къ свободѣ первымъ дѣйствіемъ, какое теперь предстоитъ, было бы уничтоженіе королевскаго достоинства; на пути къ равенству, первымъ дѣломъ было бы посягательство на собственность. Путемъ отвлеченныхъ афоризмовъ не дѣлаютъ революцій; заблуждающейся толпѣ надобно дать реальную добычу. Итакъ, время кончить революцію. Она должна остановиться въ тотъ моментъ, когда нація сдѣлалась свободною, а всѣ французы — равными. Если она будетъ продолжаться среди смутъ, то покроетъ позоромъ себя и насъ. Да, всѣ должны сознать, что для общаго интереса революціи нужно остановиться. Тѣ, которые потеряли, должны видѣть, что невозможно заставить ее идти назадъ. Тѣ, которые ее вызвали, должны замѣтить,

что она достигла послѣдняго періода. Даже короли, если когда-нибудь глубокія истины могутъ проникнуть въ совѣты королевъ,—если когда нибудь окружающіе ихъ предразсудки могутъ пропустить здравые взгляды великой и философской политики,—сами короли должны замѣтить, что отъ примѣра великой реформы въ правительствѣ до примѣра уничтоженія королевскаго сана еще далеко, что, если мы остановимся здѣсь, они все еще останутся королями! но, каковъ бы ни былъ ихъ образъ дѣйствій, пусть же ошибка будетъ сдѣлана съ ихъ стороны, а не съ нашей. Обновители государства, слѣдуйте неуклонно по вашему пути; вы выказали мужество и силу, покажите же теперь мудрость и умѣренность. Вотъ гдѣ будетъ апогей вашей славы. Удалившись къ своимъ очагамъ, вы, если не получите всеобщихъ благословеній, то, по крайней мѣрѣ, заставите замолчать клевету...”

Эта рѣчь лучшая изъ рѣчей Барнава, ниспровергла на нѣсколько дней попытки провозгласить республику и низложеніе въ клубахъ кордельеровъ и якобинцевъ. Неприкосновенность короля, признаваемая въ принципѣ, была признана на дѣлѣ. Булье, его соучастники и сообщники были переданы верховному національному суду въ Орлеанѣ.

7.

Пока эти люди, исключительно политическіе дѣятели, слѣдя, каждый по своему пониманію, за ходомъ революціи, мужественно хотѣли остановить ее тамъ, гдѣ останавливались ихъ взгляды, революція продолжала свой путь. Ея идея была слишкомъ велика, чтобъ умѣститься въ головѣ публициста, оратора или государственнаго человѣка. Дыханіе революціи было слишкомъ могуче, чтобы какая нибудь грудь могла вдохнуть его въ себя всецѣло. Стремленія революціи были слишкомъ неопредѣленны, чтобы она могла удовлетвориться какою-нибудь изъ тѣхъ цѣлей, которыя одну за другой предлагали ей честолюбіе партій или теоріи нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Барнавъ, Ламеты и Лафайетъ,—подобно Мирабо и Неккеру, тщетно пытались обратить противъ революціи силу, которую они у нея заимствовали. Революція, прежде чѣмъ затихнуть и замедлить свой натискъ, должна была разочаровать много другихъ системъ, изнурить много другихъ людей и оставить за собою много другихъ цѣлей.

Независимо отъ національныхъ собраній, которыя революція сдѣлала своимъ правительствомъ и въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивались политическія орудія ея движенія, она создала себѣ два рычага, еще болѣе могучіе и болѣе страшные, служившіе ей для того, чтобы шевелить и встряхивать эти политическія тѣла, если бы они вздумали остановиться, когда она хотѣла продолжать свой ходъ. Этими двумя рычагами были печать и клубы. Клубы и печать относились къ легальнымъ собраніямъ какъ чистый воздухъ относится къ спертому. Тогда какъ въ этихъ собраніяхъ воздухъ заражался и и истощался въ замкнутомъ пространствѣ установленнаго правительства, сфера журналистики и народныхъ обществъ постоянно питалась и волновалась неистощимымъ началомъ жизненности и движенія. Внутри все видѣли застой, свободное теченіе было снаружи.

Въ теченіе полувѣка передъ революціей печать была громкимъ и звучнымъ эхомъ мысли мудрецовъ и реформаторовъ. Какъ только революція разразилась, печать сдѣлалась бурнымъ и часто циническимъ отголоскомъ народныхъ страстей. Она сама преобразовала процессъ сообщенія мыслей; книгъ болѣе не издавалось, къ этому не было времени; пресса проявлялась сначала въ видѣ брошюръ, а потомъ во множествѣ летучихъ ежедневныхъ листковъ, которые, распространяясь въ народѣ по дешевой цѣнѣ или даже бесплатно, наклеиваемые на стѣны общественныхъ мѣстъ, вызывали толпу къ чтенію и къ обсужденію. Сокровище національной мысли, золотые слитки котораго были слишкомъ чисты или слишкомъ тяжелы для народнаго употребленія, обратилось, такъ сказать, въ груды мѣдныхъ денегъ, на которыхъ отпечатывались страсти минуты и которыя часто были запачканы самими отвратительными примѣсами. Журнализмъ, какъ неизбѣжный элементъ въ жизни народа, объятаго революціей, самъ себя очистилъ мѣсто, не слушая закона, который пытался его остановить.

Мирабо, которому было нужно, чтобы слово раздавалось въ департаментахъ, несмотря на постановленія правительства, создалъ этотъ рупоръ революціи, въ „Письмахъ къ избирателямъ“ и въ „*Courrier de Provence*“. Съ открытіемъ генеральныхъ штатовъ и со взятіемъ Бастиліи появились и другіе журналы. Каждому новому проявленію революціи соотвѣтствовало рожденіе новыхъ журналовъ. Главнымъ органомъ народной агитаціи было тогда изданіе „*Les révolutions de Paris*“, подъ редакцію Лутало, еженедѣльный журналъ, выходившій въ 200,000 экземпляровъ. Его направленіе выражалось въ слѣдующемъ эпиграфѣ: „великіе люди только потому намъ кажутся великими, что мы стоимъ на колѣняхъ; встанемъ же!“ Журналъ „Разговоры фонаря съ парижанами“, преобразованный потомъ въ „Революціи Франціи и Брабанта“, былъ дѣломъ Камилла Демулена. Этотъ молодой студентъ, который экспромтомъ обратился въ публициста, на стулѣ Палерояльскаго сада, при первыхъ народныхъ движеніяхъ въ іюлѣ 1789 г., сохранилъ въ своемъ слогѣ, нерѣдко прелестномъ, кое-что изъ своей прежней роли. Это былъ саркастическій умъ Вольтера, сошедшій изъ залъ на подмостки. Никто лучше Камилла Демулена не олицетворялъ въ себѣ толпу. Это была сама толпа съ ея неожиданными и бурными движеніями, съ ея подвижностью, непослѣдовательностью, яростью, прерываемою смѣхомъ, или внезапно переходившею въ нѣжность и состраданіе даже къ тѣмъ самымъ жертвамъ, которыхъ она убивала. Человѣкъ въ одно и то же время столь пылкій и столь легкомысленный, тривиальный и вдохновенный, колеблющийся между кровью и слезами, готовый распинать то, что самъ недавно обоготворялъ въ порывѣ энтузіама, долженъ былъ имѣть надъ революціоннымъ народомъ тѣмъ большую власть, что очень походило на него. Роль этого человѣка была его натурой. Онъ былъ не только знаменіемъ народа, онъ былъ самимъ народомъ. Его журналъ разносившійся по вечерамъ въ общественныхъ мѣстахъ и выкрикиваемый съ сарказмами по улицамъ, не исчезъ вмѣстѣ съ другою современною дрянью. Онъ остался и останется, какъ сатира Мениппея, обогрѣнная кровью. Это былъ народный пригвѣзъ, который водилъ народъ къ самымъ великимъ движеніямъ и нерѣдко затихалъ среди свиста фонарной веревки или стука топора гильотины. Камиллъ Демуленъ былъ жесто-

кимъ чадомъ революціи. Марать былъ ея яростью; въ его идеяхъ слышались скачки дикаго звѣря, а въ слогѣ—скрежетъ зубовъ. Его журналъ „Другъ народа“ обливался кровью на каждой строкѣ.

8.

Марать родился въ Швейцаріи. Писатель безъ таланта, ученый безъ имени страстно желая славы, но не получивъ ни отъ общества, ни отъ природы средствъ прославиться, онъ мстилъ всему великому не только въ обществѣ, но и въ природѣ. Геній былъ для Марата ненавистенъ не менѣе аристократіи. Марать его преслѣдовалъ какъ своего личнаго врага, вездѣ, гдѣ находилъ что-нибудь возвышенное, какой нибудь блескъ. Онъ хотѣлъ бы нивелировать весь свѣтъ. Равенство было его маніей потому, что чье-нибудь превосходство было ему мученіемъ. Марать любилъ революцію потому, что она понижала все до его уровня; онъ любилъ ее въ крови потому, что кровь смывала оскорбительность его долгой неизвѣстности; онъ сдѣлался доносчикомъ во имя народа, зная, что доносъ—не что другое, какъ лестъ тѣмъ, кто самъ трепещетъ. Народъ трепеталъ всегда. Истинный пророкъ демагоговъ, вдохновляемыхъ безуміемъ, Марать выдавалъ свои ночныя грезы за дневные заговоры. Сеидъ народа, онъ его занималъ своею преданностью его интересамъ. Онъ прикрывался таинственностью, какъ всѣ оракулы. Онъ жилъ во мракѣ, выходилъ только ночью, входилъ въ сношеніе съ людьми только послѣ зловѣщихъ предосторожностей. Подземелье служило ему жилищемъ. Онъ скрывался тамъ, невидимый ни кинжалу, ни яду. Журналъ его представлялъ воображенію нѣчто сверхъестественное. Марать облекъ себя настоящимъ фанатизмомъ. Довѣріе, которое имѣли къ нему, походило на поклоненіе. Дымъ крови, которой онъ безпрестанно требовалъ, бросался ему въ голову. Это былъ бредъ революціи, выразившійся въ чловѣкѣ, который былъ самъ живымъ бредомъ!

9.

Бриссо, еще неизвѣстный, писалъ „Le patriote français“. Политикъ, чловѣкъ, стремившійся играть крупную роль, онъ возбуждалъ революціонныя страсти лишь въ той мѣрѣ, насколько надѣялся ими управлять. Сначала конституціонистъ, другъ Неккера и Мирабо,—наемникъ прежде, чѣмъ сдѣлался доктринеромъ, онъ видѣлъ въ народѣ только властелина, самаго близкаго къ власти. Республика была для Бриссо восходящимъ солнцемъ. Онъ шелъ къ ней, какъ къ своему счастью, но, не теряя благоразумія, нерѣдко оглядывался назадъ, чтобы видѣть, слѣдуетъ ли за нимъ общественное мнѣніе.

Кондорсее, аристократъ по рожденію, но аристократъ умный, сдѣлался демократомъ вслѣдствіе философскихъ убѣжденій. Его страстью было преобразование чловѣческаго разума. Онъ писалъ „Парижскую хронику“.

Карра, темный демагогъ, составилъ себѣ страшное имя своими „Annales patriotiques“. Феронъ, въ своемъ „Orateur du peuple“, соперничалъ съ Маратомъ. Фоме, въ „Bouche de fer“, поднималъ демократію на высоту религіозной философіи.

Наконецъ, Лакло, артиллерійскій офицеръ, авторъ непристойнаго романа и повѣренный герцога Орлеанскаго, редактировалъ „Le journal des jacobins“

и раздувалъ по цѣлой Франціи пожаръ идей и словъ, очагомъ которыхъ были клубы.

Всѣ эти люди усиливались побудить народъ идти далѣе тѣхъ предѣловъ, которые Барнавъ ставилъ событію 21 іюня. Они хотѣли воспользоваться минутою, пока тронъ былъ пустъ, чтобы изгладить его изъ конституціи. Они осыпали короля презрѣніемъ и оскорбленіями для того, чтобы никто не осмѣлился поставить во главѣ учрежденій государя, такимъ образомъ униженнаго. Они требовали допроса, суда, низложенія, отреченія, заточенія; они надѣялись, унижая короля, унизить навсегда королевскій санъ. Республика въ первый разъ видѣла наступленіе своего часа. Она боялась, чтобы не упустить его. Всѣ эти руки вмѣстѣ побуждали умы народа къ рѣшительному движенію. Статьи вызывали предложенія, за предложеніями слѣдовали петиціи, за петиціями—уличныя волненія. Алтарь отечества на Марсовомъ полѣ, оставленный для торжества новой федераціи, былъ мѣстомъ, заранѣе назначеннымъ для собраній народа. Это была Авентинская гора, куда онъ долженъ былъ удалиться, чтобы повелѣвать испуганному и продажному сенату.

„Нѣтъ больше короля, будемъ республиканцами“, писалъ Бриссо въ своемъ „Патріотѣ“.—„Таковъ крикъ Палерояля. Этого мало: пожалуй, скажутъ, что это богохульство. Нежеланіе называть по имени состояніе, въ которомъ мы находимся, изумительно для глазъ философа! — Прочь короля! прочь протектора! прочь регента! Покончимъ съ людоедами всѣхъ породъ!“ повторялъ „la Bouche de fer“. „Пусть 83 департамента соединятся и объявятъ, что имъ не нужно больше ни тирановъ, ни монарховъ, ни покровителей! Если изберутъ регента, то вскорѣ послѣ этого будутъ сражаться за выборъ государя. Мы же будемъ сражаться только за свободу“.

Вызванный намеками на регентство, герцогъ Орлеанскій написалъ въ журналы, что готовъ служить отечеству на морѣ и на сушѣ, но что, если возникаетъ вопросъ о регентствѣ, то онъ съ этой минуты отказывается навсегда отъ правъ, которыя давала ему конституція на такой титулъ: „Послѣ столькихъ жертвъ народному дѣлу“, говорилъ онъ, „мнѣ уже не позволительно выходить изъ званія простого гражданина. Честолюбіе было бы во мнѣ непростительною непослѣдовательностью“. Потерявъ уже довѣріе у всѣхъ партій, этотъ принцъ, неспособный болѣе для службы трону, былъ неспособенъ также и для службы республикѣ. Ненавистный роялистамъ, устраняемый демагогами, подозрительный конституціоналистамъ, онъ не видѣлъ передъ собою ничего болѣе, кромѣ того стоицизма, къ которому прибѣгалъ. Онъ отрекся отъ своего сана, отрекся отъ своей собственной партіи, отрекся отъ милости народа, ему оставалась только жизнь.

Въ то же время Камилль Демуленъ поражающаго перваго идола революціи, Лафайета, слѣдующими циническими словами: „Освободитель двухъ частей свѣта, цвѣтъ янычаровъ, фениксъ алыгвазиловъ, Донъ-Кихоть Капета и двухъ палатъ, созвѣздіе бѣлой лошади, мой голосъ слишкомъ слабъ, чтобы заглушить вопли вашихъ тридцати тысячъ сычиковъ и такого же числа вашихъ тѣлохранителей, — чтобы заглушить громъ вашихъ четырехъ сотъ барабановъ и вашихъ пушекъ, заряженныхъ виноградомъ. До сихъ поръ я злословилъ вашу

евѣтлость, которая выше королевской, по словамъ Барнава, Ламета и Дюпора. Это съ ихъ словъ я васъ обвинялъ передъ 83 департаментами, какъ честолюбца, который хочетъ только парадировать, какъ невольника двора, подобнаго тѣмъ маршаламъ лиги, которымъ возстаніе дало жезлъ и которые, считая себя незаконнорожденными, хотѣли быть узаконены. Но вдругъ вы все обнимаетесь и провозглашаете себя взаимно отцами отечества! Вы говорите націи: „положись на насъ. Мы Цинциннаты, Вашингтоны, Аристиды“. Которому же изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ вѣрить? Глупый народъ! Парижане напоминаютъ афинянъ, которымъ Демосфенъ говорилъ: „Неужели вы всегда будете похожи на тѣхъ атлетовъ, которые, получивъ ударъ, подносятъ руку къ пораженному мѣсту,—послѣ новаго удара въ другое мѣсто,—переносятъ руку туда и, такимъ образомъ, постоянно занятые получаемыми ударами, не умѣютъ ни сами поражать противника, ни предохранить себя?“ Они начинаютъ подозрѣвать, что Людовикъ XVI могъ быть въ самомъ дѣлѣ клятвопреступникомъ, когда уѣхалъ въ Вареннъ! Мнѣ кажется, я уже вижу ихъ широко раскрытые глаза, когда они увидятъ, что Лафайетъ открылъ ворота столицы деспотизму и аристократіи. О, если бы я ошибался въ своихъ предположеніяхъ! я удаляюсь изъ Парижа, какъ Камиллъ, мой патронъ, удалился изъ неблагодарнаго отечества, желая ему всякаго счастья. Мнѣ нѣтъ надобности быть императоромъ, подобно Діоклетіану, чтобы узнать, что прекрасный салернскій латукъ, который былъ лучше цѣлой восточной имперіи, стоитъ муниципальнаго шарфа и тѣхъ тревогъ, съ которыми якобинскій журналистъ возвращается вечеромъ домой, постоянно боясь попасть въ засаду разбойниковъ генерала. Что касается до меня, то я первый надѣлъ трехцвѣтную кокарду вовсе не для учрежденія двухъ палатъ!“

10.

Таковъ былъ общій тонъ печати; таковъ былъ тотъ неистощимый смѣхъ, который распространялъ, подобно Аристофану, этотъ молодой человекъ въ раздраженномъ народѣ. Онъ приучалъ его осмѣивать даже величіе, несчастіе, красоту. Но насталъ день и для Демулена, когда ему нужно было состраданіе, разрушенное въ народѣ имъ самимъ,—нужно было для себя и для своей жены, молодой прелестной женщины, которую онъ обожалъ. Тогда онъ также встрѣтилъ только скотскій смѣхъ толпы и умеръ печальный,—въ первый разъ.

Народъ, у котораго вся политика состоитъ въ чувствѣ, ничего не понималъ въ отвлеченныхъ сужденіяхъ государственныхъ людей собранія, которые, изъ уваженія къ понятію о королевскомъ санѣ, навязывали ему бѣглаго короля. Умѣренность Барнава и Ламетовъ, въ глазахъ народа, была сообщничествомъ. Во всѣхъ народныхъ собраніяхъ слышались крики объ измѣнѣ. Декретъ собранія послужилъ сигналомъ возрастающаго броженія, которое съ 13 іюля выразилось въ сборищахъ, проклятіяхъ и угрозахъ. Массы рабочихъ, выйдя изъ мастерскихъ, наполнили городскія площади и требовали хлѣба отъ муниципальных властей. Чтобы ихъ успокоить, община рѣшила выдать имъ хлѣба и денежныя субсидіи. Бабли, мэръ Парижа, увѣщевалъ этихъ людей и открылъ для нихъ особые

работы. Они не надолго пошли туда, но очень скоро бросили ихъ, привлекаемые шумомъ, увеличившимся отъ криковъ о голодѣ.

Толпа направлялась изъ ратуши въ клубъ якобинцевъ, изъ клуба въ національное собраніе, требуя низложенія и республики. У этой толпы не было другого вождя, кромѣ тревоги, которая ее волновала. Внезапный и единодушный инстинктъ подсказывалъ ей, что собранію недоставало силы воли на большія рѣшенія. Толпа хотѣла принудить его къ такимъ рѣшеніямъ. Воля ея была тѣмъ могущественнѣе, что она была анонимна. Не было вождя, который бы давалъ толпѣ видимое возбужденіе. Она шла сама собой, говорила сама, сама писала на улицахъ свои угрожающія петиціи. Первая изъ такихъ петицій, представленная народомъ собранію 14 числа и сопровождаемая 4000 просителей, носила на себѣ подпись: *народъ*. Собраніе, твердое и безстрастное, просто перешло къ очередному порядку.

Выйдя изъ собранія, толпа направилась на Марсово поле. Она подписала, въ еще большемъ числѣ, вторую петицію въ выраженіяхъ, болѣе повелительныхъ: „уполномоченные свободнаго народа, неужели вы разрушите дѣло, которое мы сдѣлали? Неужели вы замѣните свободу царствомъ тиранніи? Если это такъ, то знайте, что французскій народъ, завоевавшій себѣ права, не хочетъ болѣе ихъ терять“. Оставивъ Марсово поле, народъ толпился вокругъ Тюльери, Національнаго Собранія, Палерояля. По собственному побужденію, онъ велѣлъ закрыть театры и провозгласилъ прекращеніе общественныхъ увеселеній до тѣхъ поръ, пока народу не будетъ оказано удовлетвореніе. Вечеромъ, до 4000 человекъ сошлось въ клубъ якобинцевъ, какъ бы признавая тѣмъ въ собиравшихся тамъ агитаторахъ истинныхъ представителей народа. Тамъ находились люди, наиболѣе обладавшіе его довѣріемъ. Трибуна была занята членомъ, который обвинилъ предъ обществомъ гражданина за внесеніе предложенія, оскорбительнаго для Робеспьера. Обвиненный оправдывается; его выгоняютъ насильственнымъ образомъ изъ собранія. Въ эту минуту появляется Робеспьеръ и проситъ прошенія гражданину, который его оскорбилъ. Рукоплесканія покрываютъ его великодушное вмѣшательство. Энтузіазмъ къ Робеспьеру достигаетъ своего апогея. „Священные своды клуба якобинцевъ“, говорилось въ адресѣ департаментовъ, „вы намъ отвѣчаете за Робеспьера и Дантона, этихъ двухъ кумировъ патріотизма!“ Лакло предложилъ петицію. Она будетъ отпралена въ департаменты и покрыта десятью милліонами подписей. Одинъ изъ членовъ возражаетъ противъ этой мѣры изъ любви къ порядку и къ миру. Поднимается Дантонъ: „я также люблю миръ, но не миръ рабства. Если у насъ есть энергія, покажемъ ее. Пусть тѣ, которые не чувствуютъ въ себѣ мужества взглянуть въ лицо тиранніи, не трудятся подписывать нашу петицію. Намъ не нужно лучшаго испытанія, чтобы узнать самихъ себя. Оно передъ нами“. Затѣмъ говорилъ Робеспьеръ. Онъ указалъ народу, что Барнавъ и Ламеты играли такую же роль, какъ Мирабо. „Они дѣйствуютъ по соглашенію съ нашими врагами, а насъ называютъ мятежниками!“ Болѣе осторожный, чѣмъ Лакло и Дантонъ, онъ не высказался о петиціи. Человекъ скорѣе расчетливый, чѣмъ страстный, онъ предвидѣлъ, что беспорядочное движеніе потерпитъ неудачу отъ организованнаго сопротивленія буржуазіи. Онъ приготовлялъ

возможность отступленія путемъ легальности. Лакло настаивалъ. Народъ одержалъ верхъ. Розошлись въ полночь, согласившись подписать петицію на другой день на Марсовомъ полѣ.

Слѣдующій день былъ потерянъ для возстанія въ распряхъ между клубами относительно выраженій петиціи. Республиканцы вели переговоры съ Лафайетомъ, которому предлагалось президентство въ американскомъ правительствѣ. Робеспьеръ и Дантонъ, ненавидѣвшіе Лафайета, — Лакло, тянувшій къ герцогу Орлеанскому, ослабили добровольно возбужденіе, начатое кордельерами, преданными Дантону. Между тѣмъ, собраніе со вниманіемъ, Бальи съ готовностью, Лафайетъ съ рѣшимостью, — согласились наблюдать за подавленіемъ всякаго движенія. 16-го числа Собраніе пригласило къ себѣ муниципальныя власти и министровъ, возложивъ на нихъ отвѣтственность за общественный порядокъ. Оно составило адресъ къ французамъ, чтобы соединить ихъ вокругъ конституціи. Вечеромъ Бальи распорядился опубликовать прокламацію противъ агитаторовъ. Якобинцы въ нерѣшимости сами постановили подчиниться распоряженіямъ Собранія. Въ минуту борьбы вожди предполагаемаго движенія ступали. Ночь прошла среди военныхъ приготовленій противъ утренняго соборща.

11.

17-го числа, рано утромъ, народъ безъ всякихъ предводителей началъ собираться на Марсово поле и окружать алтарь отечества, воздвигнутый среди большой площади федераціи. Странный и несчастный случай открылъ собою сцены убійствъ, совершившихся въ этотъ день. Когда толпа возбуждена, все служить ей поводомъ къ преступленіямъ. Молодой живописецъ, который, ранѣе времени, назначеннаго для собранія, списывалъ патріотическія надписи, сдѣланныя на бокахъ алтаря, услышалъ легкій шумъ подъ своими ногами. Взглянувъ, онъ съ изумленіемъ увидалъ остріе бурава, которымъ люди, спрятанные подъ ступеньками алтаря, пробивали доски пьедестала. Онъ бѣжитъ къ первому же военному посту. Солдаты слѣдуютъ за нимъ. Приподнявъ одну изъ ступенекъ, находятъ двухъ инвалидовъ, которые ночью забрались подъ алтарь, безъ всякаго другого намѣренія, какъ сами сознались, кромѣ дѣтскаго и неумѣстнаго любопытства. Немедленно распространяется молва, что подъ алтарь отечества были подведены мины, чтобы взорвать народъ на воздухъ, — что подлѣ заговорщиковъ найденъ былъ боченокъ съ порохомъ, — что инвалиды, захваченные среди приготовленій къ преступленію, были извѣстными наемниками аристократіи, — что они сознались въ своемъ роковомъ намѣреніи и въ томъ, что имъ обѣщана была награда въ случаѣ успѣха злодѣйства. Разъяренная и обманутая толпа окружаетъ постъ Gros-Caillon. Инвалидовъ допрашиваютъ. Какъ только послѣдніе вышли изъ поста, чтобы быть отведенными въ ратушу, толпа на нихъ бросается, вырываетъ ихъ изъ подъ конвоя солдатъ, — инвалиды убиты и ихъ головы на концахъ пикъ разносятся по окрестностямъ Палерояля.

Извѣстіе объ этихъ убійствахъ, смутно распространившееся и различно истолкованное въ городѣ, въ собраніи, въ политическихъ группахъ, вызвало тамъ разнородныя чувства, смотря по тому, кто видѣлъ въ этомъ дѣлѣ преступленіе народа,—кто преступленіе его враговъ. Истина обнаружилась позже. Волненіе увеличилось отъ негодованія однихъ, отъ подозрѣнія другихъ. Бальи, узнавъ обо всемъ, послалъ на Марсово поле трехъ комиссаровъ съ однимъ батальономъ. Другіе комиссары обходили кварталы столицы, читая народу прокламацію правительства и воззваніе національнаго собранія.

Площадь Бастиліи была занята національной гвардіей и патриотическими обществами, которыя должны были оттуда отправиться на поле федераціи.

Дантонъ, Камилль Демуленъ, Фреронъ, Бриссо и главные вожди народа исчезли: по словамъ однихъ, чтобы условиться о приготовленіяхъ къ возстанію у Лежандра въ деревнѣ, по другимъ, — чтобы избѣгнуть ответственности за этотъ день. Впослѣдствіи это послѣднее объясненіе было усвоено ненавистью Робеспьера къ Дантону, которому Сень-Жюстъ сказалъ въ своемъ обвинительномъ актѣ: „Мирабо, замышлявшій перемѣну династіи, понялъ цѣну твоей смѣлости; онъ ухватился за нее. Ты удалился отъ законовъ, отъ строгихъ принциповъ. О тебѣ больше не было слышно до самыхъ убійствъ на Марсовомъ полѣ. Ты поддерживалъ этотъ ложный шагъ народа и предложеніе закона, которое имѣло цѣлью только служить предлогомъ къ тому, чтобы распустить красное знамя и сдѣлать попытку тиранніи! Патриоты, несвященные въ этотъ разговоръ, возставали противъ твоего вѣроломнаго предложенія. Выѣхавъ съ Бриссо ты былъ избранъ редакторомъ петиціи. Вы ускользнули отъ неистовства Лафайета, который велѣлъ умертвить десять тысячъ патриотовъ. Бриссо спокойно остался въ Парижѣ, а ты, ты проводилъ безмятежные дни въ Арсисъ-сюръ-Обѣ. Вполнѣ ли понятно спокойствіе твоего убѣжища въ Арсисѣ, спокойствіе одного изъ авторовъ петиціи, тогда какъ подписавшіе ее были закованы въ цѣпи или перерѣзаны? Бриссо и ты, вы были достойны признательности со стороны тиранніи, потому что вы уже не были для нее предметомъ ненависти?“

Камилль Демуленъ также оправдываетъ отсутствіе Дантона, свое и Фрерона, рассказывая, что Дантонъ скрылся отъ осужденія и убійствъ въ домѣ своего тестя, въ Фонтенѣ, въ прошлую ночь, и что тамъ онъ былъ окруженъ шайкою шпионовъ Лафайета, — что Фреронъ, проходя по Новому мосту, подвергся нападенію, былъ сбитъ съ ногъ, раненъ четырнадцатью наемными бандитами, — и что самъ Камилль, обреченный кинжалу, избѣгнулъ его только по причинѣ ошибочнаго описанія его примѣтъ. Исторія не повѣрила мнимымъ убійствамъ, совершеннымъ Лафайетомъ. Камилль, невидимый днемъ, явился вечеромъ къ якобинцамъ.

Между тѣмъ, толпа начала приливать на Марсово поле чрезъ всѣ входы. Она была взволнована, но не имѣла угрожающаго вида. Национальная гвардія, всѣ батальоны которой были поставлены Лафайетомъ на ноги, находилась подъ

ружьемъ. Одинъ изъ ея отрядовъ, прибывшій утромъ на Марсово поле съ пушками, удалился по набережнымъ. Не хотѣли раздражать народъ безъ надобности видомъ вооруженной силы. Въ полдень люди, собравшіеся вокругъ алтаря отечества, видя, что не является никто изъ якобинскихъ комиссаровъ, которые обѣщали принести петицію для подписи, избрали изъ своей среды четырехъ комиссаровъ для составленія петиціи. Одинъ изъ этихъ комиссаровъ взялъ перо. Граждане столпились вокругъ него, и онъ писалъ. Вотъ главные черты этой петиціи: „На алтарѣ отечества, 15 іюля 3-го года. Представители націи! Вы достигаете конца своихъ трудовъ. Великое преступленіе совершается; Людовикъ бѣжитъ; онъ постыдно оставилъ свой постъ. Государство на волосъ отъ анархіи. Бѣглеца арестуютъ; онъ возвращенъ въ Парижъ; требуютъ суда надъ нимъ. Вы объявляете, что онъ будетъ королемъ... Не таково желаніе народа! Декретъ объ этомъ лишень силы. Онъ былъ вырванъ у васъ этими 292 аристократами, которые сами объявили, что не имѣютъ голоса въ національномъ собраніи. Декретъ ничтоженъ, потому что противенъ желанію народа, истиннаго вашего государя. Уничтожьте этотъ декретъ. Король отрекся отъ престола самымъ своимъ преступленіемъ. Примите его отреченіе, созовите новую учредительную власть, укажите виновнаго и организуйте другую власть исполнительную“.

Эта петиція была положена на алтарь отечества и тетради бумаги, положенныя на четырехъ углахъ алтаря, покрылись 4000 подписей.

Эта петиція, хранящаяся до сихъ поръ въ муниципальных архивахъ, носитъ во всемъ отпечатокъ руки народа. На ней видны уже кое-гдѣ зловѣщія имена, которыя въ первый разъ выходятъ изъ неизвѣстности и служатъ какъ бы іероглифами своего времени.

Имена, еще неизвѣстныя, людей, получившихъ извѣстность впослѣдствіи, даютъ этимъ подписямъ любопытное обратное значеніе. Насъ не могутъ не интересоватъ эти буквы, которыя, повидимому, въ нѣсколькихъ знакахъ содержатъ тайну цѣлой жизни и ужасы цѣлой эпохи. Вотъ Шометтъ, тогда студентъ медицины, улица Мазарини, № 9. Тамъ: Мальяръ, президентъ сентябрьскихъ убійствъ. Далѣе Геберъ; внизу Генрію, генералъ казенныхъ во время террора. Тонкая, нитеобразная подпись Гебера, который впослѣдствіи извѣстенъ былъ подъ названіемъ „отца Дюшена“, или „народа въ гнѣвѣ“, имѣетъ форму паука, распростирающаго свои лапы на добычу. Сантерръ подписался ниже. Это послѣднее имя человѣка извѣстнаго. Остальные означаютъ только толпу. Видно, что множество сѣбшившихъ и трепещущихъ рукъ явились, чтобы безпорядочно перенести на бумагу свое невѣжество или свою ярость. Многія изъ этихъ рукъ не умѣли даже писать. Чернильный кругъ съ крестомъ по срединѣ свидѣтельствуетъ о ихъ безымянной волѣ. Видно нѣсколько женскихъ именъ. Можно узнать много именъ дѣтей по невѣрному почерку, руководимому посторонней рукой. Эти бѣдныя дѣти исповѣдывали вѣру своихъ родителей, не понимая ее, и давали свою подпись народнымъ страстямъ, не умѣя еще лепетать на языкѣ взрослыхъ.

Муниципальное управленіе въ два часа получило извѣстіе объ убійствахъ, совершенныхъ на Марсовомъ полѣ, и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ націо-

нальной гвардіи, которая была послана разсѣять сборище. Самъ Лафайетъ, который предводительствовалъ этими первыми отрядами, былъ задѣтъ нѣсколькими камнями, брошенными изъ толпы. Носился даже слухъ, что человѣкъ, въ одеждѣ національнаго гвардейца, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, — что этотъ человѣкъ, арестованный конвоемъ генерала и приведенный къ нему, былъ имъ великодушно прощенъ и отпущенъ: этотъ слухъ, ходившій въ народѣ, бросилъ геройскій свѣтъ на Лафайета и одушевилъ новымъ жаромъ преданную ему національную гвардію. Узнавъ объ этомъ, Балли не поколебался провозгласить военный законъ и развернуть красное знамя, послѣдній аргументъ противъ возстанія. Съ своей стороны инсургенты, встревоженные при видѣ краснаго знамени, которое развѣвалось въ окнахъ ратуши, послали изъ среды себя 12 депутатовъ къ муниципалитету. Эти депутаты достигли пріемной залы, пройдя чрезъ цѣлый лѣсъ штыковъ. Они заявляютъ требованіе освобожденія и выдачи трехъ арестованныхъ гражданъ. Ихъ не слушаютъ. Принято рѣшеніе сражаться. Мэръ и муниципальный совѣтъ, со словами угрозы, сходятъ съ лѣстницы ратуши. Вся площадь покрыта національными гвардейцами и буржуазіей. При видѣ Балли, съ краснымъ знаменемъ впереди, крикъ энтузіазма вырывается изъ всѣхъ рядовъ. Національные гвардейцы внезапно поднимаютъ свои ружья и стучатъ прикладами о мостовую. Народная сила, возбужденная негодованіемъ противъ клубовъ, выразилась въ одномъ изъ тѣхъ нервныхъ потрясеній, которая охватываютъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя собранія. Общественное настроеніе было возбуждено. Ударъ могъ произойти самъ собой.

Лафайетъ, Балли, муниципальныя власти выступили въ походъ, съ краснымъ знаменемъ впереди, въ сопровожденіи 10,000 національныхъ гвардейцевъ; батальоны гренадеровъ составляли авангардъ этой арміи гражданъ. Громадная толпа народа, по естественному влеченію, слѣдовала за этими волнами штыковъ, которая медленно направлялась къ Марсову полю чрезъ набережныя и улицы Gros-Caillon. Во время этого шествія, другая народная толпа, собравшись съ утра около алтаря отечества, продолжала мирно подписывать петицію. Она знала, что войско будетъ собрано, но не вѣрила въ возможность насилія. Спокойное и легальное положеніе, занятое этой толпой, и продолжительная, двухлѣтняя безнаказанность народныхъ волненій вселяли въ нее увѣренность въ безнаказанности. Красное знамя въ ея глазахъ было только новымъ закономъ, къ которому слѣдуетъ относиться съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ и къ другимъ.

Достигнувъ наружныхъ гласисовъ Марсова поля, Лафайетъ раздѣлилъ свою армію на три колонны. Первая изъ нихъ прошла улицей военной школы, вторая и третья прошли чрезъ два прохода, которые перерѣзываютъ гласисъ въ направленіи отъ военной школы къ Сенъ. Балли, Лафайетъ, муниципальныя власти, красное знамя находились во главѣ средней колонны. Громъ 400 барабановъ и стукъ пушекъ по мостовой возвѣщали издали о національной гвардіи. Этотъ шумъ заставилъ смолкнуть на минуту глухой ропотъ и безпорядочные крики 50,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые занимали средину Марсова поля или тѣснились на его высотахъ. Въ ту минуту, когда Балли проходилъ

между гласисами, народъ, который покрывалъ ихъ и, находясь на значительной высотѣ, видѣлъ шествіе мэра, штыковъ и пушекъ, разразился неистовыми криками и угрожающими жестами противъ національной гвардіи: „долой красное знамя! Позоръ Бали! Смерть Лафайету!“ Народъ, толпившійся на Марсовомъ полѣ, отвѣчалъ на эти крики единодушными проклятіями. Глыбы растворенной дождемъ земли, — единственное оружіе толпы, — полетѣли въ національную гвардію, и задѣли лошадь Лафайета, красное знамя и самого Бали. Говорятъ, что издали по нимъ сдѣлано было нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ; но это вовсе не доказано. Народъ совсѣмъ не думалъ сражаться, онъ хотѣлъ только запугать. Бали велѣлъ сдѣлать предписанный закономъ увѣщаніа. На нихъ отвѣтили воплями. Сохраняя безстрастное достоинство своего сана и серьезно-грустное настроеніе, Бали отдалъ приказаніе разсѣять народъ силою. Лафайетъ велѣлъ сначала выстрѣлить на воздухъ, но народъ, ободренный пустыми угрозами первыхъ зарядовъ, которые никого не ранили, снова сплотился передъ національной гвардіей; тогда смертоносный залпъ разразился по цѣлой линіи, умертвилъ, ранилъ, опрокинулъ 500 или 600 человекъ, а по словамъ республиканцевъ, даже до 10.000. Въ ту же минуту колонны поколебались, кавалерія двинулась, артиллеристы приготовились открыть пушечный огонь. Картечь въ этой густой толпѣ разнесла бы на куски массы людей. Лафайетъ, не видя возможности сдержать раздраженныхъ артиллеристовъ своимъ голосомъ, подскакалъ къ самому жерлу пушки и этимъ геройскимъ движеніемъ спасъ тысячи жертвъ.

Марсово поле въ минуту опустѣло; тамъ остались только трупы женщинъ и дѣтей, опрокинутыхъ или бѣжавшихъ передъ кавалеріей, и нѣсколько храбрецовъ, которые, стоя на ступенькахъ алтаря отечества, среди ужаснаго огня, подъ пушечными выстрѣлами, собирали и дѣлили между собой тетради петицій, стараясь спасти эти драгоценныя листки, какъ свидѣтельство воли народа или какъ кровавый залогъ будущаго народнаго мщенія. Эти люди удалились только взявъ съ собою листки петицій. Колонны національной гвардіи и особенно кавалерія преслѣдовали бѣглецовъ до сосѣднихъ полей военной школы и взяли въ плѣнъ нѣсколько сотъ человекъ. Со стороны національной гвардіи никто не погибъ; со стороны народа истинное число жертвъ осталось неизвѣстнымъ. Одни его уменьшали, стараясь уменьшить гнусное значеніе насилія безъ борьбы, другіе раздували его, чтобъ увеличить народное мщеніе. Въ теченіе ночи, которая уже наступила, площадь очистили отъ труповъ; Сена унесла ихъ въ океанъ. Относительно подробностей этого событія мнѣнія раздѣлялись: одни называли его преступленіемъ, другіе — суровою необходимостью, но народъ далъ свое, особое названіе этому дню убійства безоружныхъ людей: народъ сталъ называть это событіе — „рѣзней на Марсовомъ полѣ“.

15.

Национальная гвардія, подъ начальствомъ Лафайета, возвратилась въ стѣны Парижа побѣдоносною, но печальною. По самому ея положенію видно было, что она колебалась между славой и стыдомъ, сама не вполнѣ сознавая, что сдѣлала. Среди нѣсколькихъ одобрительныхъ криковъ на пути ея слышались

произносимыя въ полголоса проклятія. Словамъ о гражданскомъ долгѣ и преданности закону отвѣчали другія—объ убійствѣ и мщеніи. Національная гвардія безмолвно и угрюмо прошла передъ стѣнами собранія, которое она защищала,—еще безмолвнѣе и угрюмѣе шла она мимо оконъ дворца монархіи, принципъ которой поддерживала болѣе, чѣмъ особу короля. Балли, холодный и безстрастный, какъ законъ, — Лафайетъ, рѣшительный какъ сама система, не умѣли вдохнуть въ національную гвардію ничего болѣе точнаго исполненія долга. Она свернула красное знамя, впервые обогренное кровью, и—одинъ батальонъ за другимъ разсѣялись по мрачнымъ улицамъ Парижа,—больше похожіе на жандармовъ, возвратившихся съ казни, чѣмъ на армію послѣ побѣды.

Таковъ былъ этотъ день Марсова поля, который далъ учредительному собранію три мѣсяца, не послужившіе ему на пользу, устрасили на нѣсколько дней клубы, но не принесли пролитой кровью добра ни монархіи, ни порядку. Быть можетъ, въ этотъ день въ рукахъ Лафайета находились и республика и монархія: онъ сумѣлъ выбрать только порядокъ.

16.

На слѣдующій день Балли явился въ собраніе отдать отчетъ въ торжествѣ закона. Онъ выразилъ всю горестъ, какая была въ его душѣ, и суровую энергію, на которую указывалъ ему долгъ. „Составлялись заговоры“, сказалъ онъ, „сила была необходима. Кара породила преступленіе“. Президентъ отъ имени собранія одобрилъ поведеніе мэра, и Барнавъ въ холодныхъ, робкихъ словахъ благодарилъ національную гвардію. Похвалы его почти походили на извиненія. Полетъ побѣдителей уже кончался. Петіонъ понялъ это и, поднявшись съ мѣста, сказалъ нѣсколько словъ о проектѣ декрета противъ подстрекателей къ сборищамъ. Эти слова, сказанныя Петіономъ, извѣстнымъ дружескими отношеніями къ Бриссо и заговорщикамъ, были сначала приняты сарказмами правой стороны, но потомъ покрыты рукоплесканіями лѣвой и трибунъ. Барнавъ умолкнулъ. Побѣда на Марсовомъ полѣ уже встрѣтила протесты въ собраніи. Вечеромъ открылись клубы. Робеспьеръ, Бриссо, Дантонъ, Камилль Демуленъ, Мара, которые исчезали на нѣсколько дней, появились опять, и смѣлость къ нимъ возвратилась. Колебаніе враговъ успокоило ихъ. Нападая каждый день на законъ, который ограничивался защитой, партіи не могли не утомить его. Изъ обвиненныхъ они сдѣлались обвинителями. Листки ихъ, на минуту покинутые, оживились на всю сумму страха, испытаннаго ихъ редакторами. Они покрыли проклятіями имена Балли и Лафайета. Они посѣяли мщеніе въ сердцахъ народа, безпрестанно приводя ему на глаза кровь Марсова поля. Красное знамя сдѣлалось эмблемою правительства, гробомъ свободы. Заговорщики гримировались жертвами; они запугивали народное воображеніе вымышленными разсказами о самыхъ гнусныхъ преслѣдованіяхъ.

17.

„Взгляните“, писалъ Демуленъ, „взгляните на послѣдователей Лафайета, которые въ ярости выходятъ изъ своихъ казармъ или—лучше сказать—изъ своихъ кабаковъ. Они собираются, заряжаютъ свои пушки передъ народомъ.

Батальоны аристократовъ устремляются къ рѣзнь. Въ кавалеріи особенно замѣтна жажда крови, распаляемая двойнымъ опьяненіемъ—отъ вина и отъ мщенія. Эта армія палачей больше всего посягала на женщинъ и дѣтей. Алтарь отечества покрытъ трупами. Вотъ какъ Лафайетъ обогрѣетъ въ крови гражданъ свои руки, на которыхъ мои глаза всегда будутъ видѣть капли невинной крови. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ поднималъ къ небу съ клятвою защищать отечество!.. Съ этой минуты лучшіе граждане подвергаются осужденіямъ, ихъ арестуютъ въ постели, захватываютъ ихъ бумаги, разбиваютъ печатные станки, изготовляютъ списки осужденнымъ. Умѣренные публикуютъ, эти списки и подписываютъ ихъ. Надобно очистить общество, говорятъ они отъ Бриссо, Карра, Петіоновъ, Бонивиллей, Фрероновъ, Дантоновъ, Камилловъ! Дантонъ и я могли спастись отъ убійцъ только бѣгствомъ! Патріоты сдѣлались мятежниками!“

„И онъ находитъ людей“, прибавлялъ Фреронъ, „которые оправдываютъ эти низкія убійства, эти доносы, заточенія, захватъ бумагъ, конфискацію прессы; и цѣлые 8 дней развѣшиваютъ на балконѣ ратуши это зловѣщее знамя цвѣта крови, какъ нѣкогда помѣщали подъ своды соборныхъ храмовъ знамена, добытыя среди труповъ побѣжденных непріятелей!“ „Говорятъ, что захватили печатные станки типографіи Мара. Имя автора должно было сдѣлать безопаснымъ типографщика. Типографія должна быть священной, какъ колыбель новорожденного, которую нѣкогда повелѣвалось уважать даже агентамъ фиска! Гробовое молчаніе царствуетъ въ городѣ; общественныя мѣста пустыни, театры оглашаются лишь холопскими рукоплесканіями выраженіямъ роялизма, торжествующаго на сценѣ, какъ и на улицахъ!“ „Вамъ хотѣлось, Бальи, и измѣнникъ Лафайетъ, пустить въ ходъ страшное оружіе военного закона. Нѣтъ, нѣтъ, ничто не смоетъ болѣе неизгладимаго пятна крови вашихъ братьевъ, обогрившей ваши шарфы, ваши мундиры. Она пала на ваши сердца. Это медленный ядъ, который истребитъ васъ всѣхъ до послѣдняго!“

Пока революціонная пресса раздувала, подобнымъ образомъ, въ умахъ огонь мщенія, клубы, успокоенные мягкостью собранія и мелочною легальностью Лафайета, легко вынесли ударъ, нанесенный побѣдою на Марсовомъ полѣ. Въ обществѣ якобинцевъ происходилъ расколъ между его крайними членами и первыми основателями, Барнавомъ, Дюпоромъ и Ламетами. Сущностью этого раскола былъ великій вопросъ о неизбѣжности членовъ національнаго собранія въ законодательное собраніе, которое вскорѣ должно было ему наследовать. Чистые якобинцы, съ Робеспьеромъ, хотѣли, чтобы національное собраніе принесло отреченіе цѣлой массой и само себя осудило на политическій остракизмъ, чтобы дать мѣсто людямъ новымъ и болѣе закаленнымъ духомъ времени. Умѣренные и конституціонные якобинцы считали это отреченіе гибельнымъ для монархіи и роковымъ для своего честолюбія. Они хотѣли сами овладѣть силою, которую основали. Они считали однихъ себя способными умѣрить движеніе, которое сами возбудили. Они хотѣли управлять во имя законовъ, ими самими созданныхъ.

Напротивъ, Робеспьеръ, который сознавалъ свою слабость среди собранія, составленнаго изъ такихъ элементовъ, хотѣлъ, чтобы эти элементы были исключены изъ новаго собранія. Онъ самъ подчинялся тому закону, на который

указывать своимъ товарищамъ. Но, господствуя почти неограниченно въ клубѣ якобинцевъ, онъ въ лицѣ ихъ имѣлъ для себя тоже самое собраніе. Инстинктъ или расчетъ говорили ему, что якобинцы возмуть верхъ въ новомъ собраніи, еще неопредѣлившемся, составленномъ изъ людей, имена которыхъ будутъ неизвѣстны націи. Какъ человекъ партіи, онъ довольствовался господствомъ партій. Орудіе, какое онъ себѣ сдѣлалъ въ лицѣ клуба якобинцевъ, а также громадная популярность внушали Робеспьеру увѣренность въ томъ, что онъ самъ будетъ управлять партіями.

Въ минуты событій на Марсовомъ полѣ этотъ вопросъ уже волновалъ собою якобинцевъ и грозилъ разрушеніемъ ихъ клуба. Соперникъ его, клубъ фельяновъ, составленный, большею частію, изъ конституціоналистовъ и членовъ національнаго собранія, занялъ положеніе болѣе легальное и монархическое. Раздраженіе противъ народныхъ излишествъ и ненависть къ Робеспьеру и Бриссо побуждали первоначальныхъ основателей якобинскаго клуба соединиться съ фельянами. Якобинцы трепетали при видѣ того, какъ господство надъ партіями отъ нихъ ускользало и ослаблялось вслѣдствіе раздѣленія. „Это дворъ“, говорилъ Демулень, другъ Робеспьера, „дворъ съѣтъ между нами такой расколъ и изобрѣтаетъ подобное вѣроломное средство погубить народную партію; онъ хорошо знаетъ Ламетовъ, Лафайетовъ, Барнавовъ, Дюпоровъ и другихъ первыхъ фигурантовъ якобинскаго общества. Чего хотѣли всѣ эти люди? говорить дворъ. Они хотѣли только попасть на крупныя мѣста, благодаря народнымъ волнамъ и вѣтру популярности; они добивались только власти, министерскихъ мѣстъ и особенно золота. Милость двора, которой имъ не доставало, служить парусомъ ихъ честолюбію; за недостаткомъ этого паруса они берутся за весла народа. Покажемъ Ламетамъ и Барнавамъ, что они не будутъ вновь избраны, что имъ не достигнуть никакого важнаго поста ранѣе 4 лѣтъ. Они будутъ въ ярости и возвратятся къ намъ. Я видѣлъ Александра и Теодора Ламетовъ наканунѣ того дня, когда Робеспьеръ настоялъ на неизбираемости. Ламеты были еще патріотами. Но на другой день они сдѣлались уже не тѣ. „Этого нельзя держаться“, сказали они вмѣстѣ съ Дюпоромъ, „надобно оставить Францію. Какъ! тѣ, которые составили конституцію, будутъ имѣть досаду видѣть, быть можетъ, разрушеніе своего дѣла будущимъ законодательствомъ! Мы должны будемъ на галереяхъ собранія слушать, какъ какой-нибудь глупецъ станетъ опровергать наши лучшія учрежденія, и у насъ не будетъ возможности защитить ихъ! О, дай Богъ, чтобъ они оставили Францію! Не должно ли глубоко презирать и собраніе и парижскій народъ, зная пружины всего этого дѣла, а именно, боязнь, что власть ускользнетъ отъ Ламетовъ и Лафайета, и что Дюпоръ и Барнавъ не будутъ вновь избраны!“

Петіонъ, опечаленный этими признаками раздора, говорилъ съ трибуны якобинцевъ въ примирительномъ духѣ. „Вы погибли“, сказалъ онъ, „если члены собранія удалятся отъ васъ и массою перейдутъ къ фельянамъ. Господство надъ общественнымъ мнѣніемъ ускользнетъ отъ васъ, и тѣ многочисленныя общества, усыновленные вами, которыми вашъ духъ управляетъ по дѣлой Франціи, порвутъ связь, соединяющую ихъ съ вами. Предупредите удары враговъ. Обратитесь съ адресомъ къ соединеннымъ обществамъ и успокойте ихъ

относительно ваших конституционных намерений. Скажите имъ, что васъ оклеветали, что вы не мятежники. Скажите имъ, что вы далеки отъ желанія смутить общественный миръ и что цѣль всѣхъ вашихъ усилій состоитъ въ предупрежденіи смутъ, которыми угрожаетъ намъ бѣгство короля. Скажите имъ, что мы обращаемся къ импонирующему вліянію общественнаго мнѣнія. Уваженіе къ собранію, вѣрность конституціи, преданность отечеству и свобода: вотъ наши принципы!“ Этотъ адресъ, продиктованный лицемѣріемъ страха, былъ принятъ и разосланъ во всѣ общества, какія были въ королевствѣ. Эта мѣра сопровождалась очищеніемъ клуба якобинцевъ. Въ немъ осталось только первоначальное ядро, которое преобразовало все остальное посредствомъ баллотировки. Петіонъ былъ президентомъ при этой операціи.

Фельяны со своей стороны написали патріотическимъ обществамъ департаментовъ. Наступила минута междупарствія среди партій. Но вскорѣ департаментскія общества всею массою, съ революціоннымъ пыломъ, почти единодушно высказались въ пользу якобинцевъ. „Чистое и простое единеніе съ нашими парижскими братьями“ таковъ былъ общій лозунгъ всѣхъ клубовъ. 600 клубовъ прислали письменные акты соединенія своего съ якобинцами. Только 18 высказались за фельяновъ. Партіи, какъ и сама нація, чувствовали потребность въ единствѣ. Расколъ въ мнѣніяхъ былъ подавленъ энтузіазмомъ къ величію самаго дѣла. Петіонъ въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, которое произвело громаднй эффектъ, отдалъ отчетъ объ этихъ неудавшихся попыткахъ къ раздѣленію патріотовъ и обвинялъ виновниковъ раздора. „Я трепещу за отечество“, говорилъ онъ: „Партія умѣренныхъ замышляетъ уже преобразовать конституцію и возвратить королю власть, только что добытую народомъ. Потрясенный этими мрачными мыслями, я прихожу въ отчаяніе: я готовъ покинуть постъ, на который возвело меня ваше довѣріе! О мое отечество! будь спасено и тогда я готовъ мирно испустить послѣднее дыханіе!“

Такъ говорилъ Петіонъ, который уже тогда начиналъ становиться идоломъ народа. Онъ не обладалъ ни смѣлостью, ни талантомъ Робеспьера, но имѣлъ болѣе, чѣмъ послѣдній, притворства, этого постыднаго покрывала двусмысленныхъ положеній. Народъ считалъ его честнымъ и слово Петіона пользовалось среди массъ такимъ же авторитетомъ, какъ и его имя.

18.

Коалиція которую онъ обвинялъ передъ народомъ, дѣйствительно существовала. Варнавъ велъ переговоры съ дворомъ. Малуэ, краснорѣчивый и ловкій членъ правой стороны, велъ переговоры съ Варнавомъ. Планъ преобразованія конституціи былъ условленъ между этими двумя людьми, вчера еще врагами, сегодня союзниками. Наступила минута соединить въ одно цѣлое всѣ отрывочные законы, вотированные въ теченіе 30 мѣсячной революціи. При этомъ обзорѣ дѣйствій собранія, раздѣляя органическое отъ неорганическаго, могли найти случай обратиться ко всѣмъ главамъ конституціи. Реакціей, которую произвела побѣда Лафайета, можно было воспользоваться для исправленія ихъ въ болѣе монархическомъ смыслѣ. Разумъ и размышленіе могли возвратить правамъ короны тотъ излишекъ, который раздраженіе и страсти у нея отняли.

Тѣ же самые люди, которые доставили исполнительную власть собранію, надѣялись вырвать ее у него. Они считали все возможнымъ для своего краснорѣчія и своей популярности. Подобно всѣмъ, которые легко шли по теченію революціи, они думали, что столь же легко будетъ и подняться противъ него. Они не замѣчали, что силы, которыми они такъ гордились, были не въ нихъ самихъ, но въ этомъ теченіи, которое ихъ уносило. Событія должны были научить этихъ людей, что нѣтъ такой силы, которая бы могла справиться со страстями, если разъ сдѣлали имъ уступку. Сила государственнаго человѣка заключается въ его характерѣ. Какая-нибудь единственная слабость по отношенію къ партіямъ неизбежно превратится въ обязательство по отношенію къ нимъ. Если дано согласіе служить имъ орудіемъ, то можно сдѣлаться ихъ идоломъ или жертвою, но никакъ не властелиномъ. Барнаву предстояло убѣдиться въ этомъ, хотя и слишкомъ поздно; вмѣстѣ съ нимъ должны были убѣдиться въ томъ и жирондисты.

Малуэ сообщилъ главнымъ участникамъ роялистской партіи планъ, составленный по совѣщаніи съ Барнавомъ. Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ планъ: Малуэ долженъ былъ взойти на трибуну и въ сильной, логической рѣчи напасть на всѣ недостатки конституціи; онъ долженъ былъ указать, что если эти недостатки не будутъ исправлены собраніемъ прежде представленія конституціи королю и народу для присяги, то присягать будутъ анархія. 300 членовъ правой стороны должны были рукоплесканіями поддержать нападеніе своего оратора. Тогда Барнавъ, попросивъ позволенія отвѣчать, произнесъ бы наружно-раздраженную рѣчь, въ которой отомстилъ бы за конституцію, возразивъ на нападки Малуэ, но признавъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта конституція, импровизованная подъ вліяніемъ пламеннаго революціоннаго энтузіазма и при чрезвычайно смутныхъ обстоятельствахъ, могла представлять несовершенства въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, что размысленіе и мудрость собранія могутъ исправить эти недостатки прежде, чѣмъ разойтись, и что, въ числѣ другихъ улучшеній, желательныхъ для конституціи, не худо коснуться двухъ или трехъ параграфовъ, неудовлетворительно опредѣляющихъ принадлежности исполнительной и законодательной властей; поправки возвратили бы исполнительной власти независимость и дѣятельность, необходимыя для ея существованія. Друзья Барнава, Ламета и Дюпора, а также всѣ члены лѣвой стороны, за исключеніемъ Робеспьера, Петіона, Бюзю и республиканцевъ, шумно одобрили бы оратора. Немедленно была бы назначена особая коммисія для пересмотра названныхъ параграфовъ. Эта коммисія представила бы свой докладъ прежде конца законодательнаго періода, и 300 голосовъ Малуэ, соединившись съ конституціонными голосами Барнава, обезпечили бы большинство монархическимъ поправкамъ, которыя должны были возстановить королевскій санъ.

19.

Но члены правой стороны единодушно отказали въ своемъ содѣйствіи этому плану. „Исправлять конституцію—это значило давать санкцію мятежу. Присоединяться къ мятежникамъ—значило самимъ сдѣлаться мятежниками. Возста-

новлять королевское достоинство руками какого-нибудь Барнава значило унижить короля до признательности къ мятежникамъ. Надежды роялистовъ еще не такъ низко пали, чтобъ имъ оставалось только принять роль въ комедіи устранныхъ революціонеровъ. Надежды роялистовъ состояли не въ нѣкоторомъ улучшеніи зла; онѣ основывались именно на его ухудшеніи. Избытокъ безпорядка послужить наказаніемъ самому безпорядку. Король находился въ Тюльери, но королевскаго достоинства тамъ не было: оно было въ Кобленцѣ, оно было на всѣхъ европейскихъ тронахъ. Монархіи солидарны между собою: онѣ сѣмбуютъ возстановить французскую монархію и безъ соглашенія съ людьми, которые ее ниспровергли“.

Такъ разсуждали члены правой стороны. Злоба и мщеніе закрывали доступъ совѣтамъ умѣренности и благоразумія, и монархія не могла быть подвинута къ катастрофѣ съ большею систематичностью руками своихъ враговъ, чѣмъ друзьями. Планъ не удался.

Пока плѣнный король велъ двойные переговоры: со своими братьями-эмигрантами, чтобы освѣдомиться о степени энергичности иностранныхъ державъ, и съ Барнавомъ—о попыткахъ одолѣть собраніе,—это послѣднее само теряло свою власть; революціонный духъ, выйдя изъ стѣнъ учредительнаго собранія, гдѣ ему не на что было надѣяться, одушевилъ клубы, муниципалитеты и вѣялъ надъ выборами. Оно совершило ошибку, объявивъ своихъ членовъ неизбираемыми въ предстоящее законодательное собраніе.

Этотъ актъ самоотреченія, казавшійся безкорыстнымъ геройствомъ, въ дѣйствительности былъ принесеніемъ отечества въ жертву; онъ былъ остракизмомъ всего выдающагося и обеспеченнаго триумфомъ посредственности. Какъ бы ни была нація богата талантами и добродѣтелями, она все-таки не обладаетъ безграничнымъ числомъ великихъ гражданъ. Природа скупа на великое. Соціальныя условія, необходимыя для сформированія общественнаго дѣятеля, не легко встрѣчаются. Умъ, просвѣщеніе, добродѣтель, характеръ, независимость, досугъ, состояніе, общее уваженіе и преданность,—все это рѣдко соединяется въ одномъ человѣкѣ. Нельзя безнаказанно лишать общество умныхъ головъ. Націи подобны почвѣ: если принять удобную для произростанія землю, то останется безплодный камень. Учредительное собраніе забыло эту истину и отреченіе его было даже похоже на месть. Роялистская партія стояла за неизбираемость для того, чтобы революція, ускользнувъ изъ рукъ Барнава, пала въслѣдствіе демоagogическихъ излишествъ. Республиканская партія вотировала въ томъ же смыслѣ, чтобы уничтожить конституціонистовъ. Послѣдніе подали голосъ за неизбираемость въ наказаніе за неблагодарность народа и чтобы заставить жалѣть о себѣ при своихъ недостойныхъ преемникахъ. Это была подача голосовъ разнородныхъ страстей, одинаково дурныхъ, и могла причинить лишь гибель всѣмъ партіямъ. Одинъ только король не желалъ подобной мѣры, онъ видѣлъ признаки раскаянія въ національномъ собраніи, велъ переговоры съ главными его членами; въ его рукахъ находился ключъ не одной совѣсти. Новая, неизвѣстная, нетерпѣливая нація должна была предстать предъ нимъ въ другомъ собраніи. Шумъ, происходившій въ печати, въ клубахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, служилъ королю достаточнымъ указаніемъ того, ка-

кимъ людямъ взволнованный народъ вручить свое довѣріе. Король предпочиталъ враговъ уже извѣстныхъ, утомленныхъ, достигшихъ цѣли, — врагамъ новымъ, пылкимъ, которые, безъ сомнѣнія, захотятъ превзойти въ требовательности тѣхъ, чье мѣсто заступали. Тогда имъ оставалось только ниспровергнуть его тронъ, а ему оставалось только отдать свою жизнь.

20.

Главные изъ именъ, о которыхъ въ то время говорилось въ публичныхъ листкахъ, были: въ Парижѣ Кондорсе, Бриссо, Дантонъ; въ департаментахъ Верньо, Гаде, д'Инаръ, Луве, Жансоне, которые потомъ были жирондистами, и Тюріо, Мерленъ, Карно, Кутонъ, Дантонъ, Сень-Жюстъ, которые соединившись съ Робеспьеромъ, были поочередно то его орудіями то жертвами.

Кондорсе былъ политикъ, столь же неустрашимый въ дѣйствіяхъ, какъ смѣлый въ области мышленія. Политика Кондорсе происходила изъ его философіи. Онъ вѣрилъ въ божественность разума и во всемогущество человѣческаго ума, подкрѣпляемаго свободой. Небо, пребываніе всѣхъ идеальныхъ совершенствъ, куда человѣкъ устремляетъ свои лучшія мечты, Кондорсе переселилъ на землю. Наука была его добродѣтелью, человѣческій разумъ — его божествомъ. Разумъ, оплодотворенный наукою и умноженный временемъ, казалось ему, долженъ былъ восторжествовать надъ всякимъ сопротивленіемъ матеріи, открыть всѣ творческія силы природы и обновить лицо творенія. Изъ этой системы онъ составилъ свою политику, первымъ догматомъ которой было обожаніе будущаго и отвращеніе къ прошедшему. Кондорсе обладалъ холоднымъ фанатизмомъ логики и обдуманномъ пыломъ убѣжденія. Ученикъ Вольтера, д'Аламбера и Гельвеціяса, онъ, какъ и Балби, принадлежалъ къ тому переходному поколѣнію, чрезъ которое философія входила въ революцію. Болѣе честолюбивый, чѣмъ Балби, Кондорсе не имѣлъ его безстрашнаго спокойствія. Аристократъ по рожденію, онъ, какъ и Мирабо, перешелъ на сторону народа. Презираемый дворянствомъ, онъ его ненавидѣлъ всею ненавистью отступниковъ. Онъ сдѣлался частью народа, чтобъ сдѣлать изъ народа армію философіи. Онъ желалъ республики лишь настолько, сколько было нужно для ниспроверженія предрасудковъ. Если бы разъ идеи Кондорсе восторжествовали, онъ охотно ввѣрилъ бы управленіе ими конституціонной монархіи. Это былъ скорѣе человѣкъ борьбы, чѣмъ анархія. Аристократы приносятъ собою въ народную партію чувство порядка и повинненія, они хотятъ регулировать безпорядокъ и управлять даже бурями. Настоящіе анархисты — тѣ, которые всегда нетерпѣливо повинуются и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ себя неспособными начальствовать. Кондорсе съ 1789 г. былъ редакторомъ *Chronique de Paris*, журнала, посвященнаго конституціоннымъ идеямъ, но въ которомъ изъ-за холодной и сдержанной руки философа виднѣлся былъ трепетъ гнѣва. Если бы Кондорсе былъ одаренъ жаромъ и цвѣтистымъ языкомъ, онъ могъ бы сдѣлаться новымъ Мирабо въ новомъ собраніи. Онъ обладалъ убѣжденіемъ и постоянствомъ, но не имѣлъ того звучаго голоса, который заставляетъ откликаться другихъ на вашъ призывъ. Клубъ парижскихъ избирателей, собиравшійся въ *Sainte Chapelle*, избралъ Кондорсе депутатомъ. Тотъ же клубъ выбралъ Дантона.

Дантонъ, котораго революція застала темнымъ адвокатомъ, выросъ вмѣстѣ съ нею. Впрочемъ онъ обладалъ уже тою извѣстностью, какую толпа легко даетъ людямъ, которыхъ вездѣ видить и постоянно слышать. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, такъ сказать, рождаются среди кипѣнія революцій и носятся среди бури, пока она не поглотитъ ихъ самихъ. Въ Дантонѣ все было атлетично, грубо и вульгарно, какъ народныя массы. Онъ долженъ былъ имъ нравиться потому, что походилъ на нихъ. Его краснорѣчіе было подражаніемъ волямъ толпы, звучный голосъ напоминалъ ревъ возстанія. Короткія и рѣшительныя фразы обладали воинскою точностью командующаго. Неотразимые жесты сообщали импульсъ слушателямъ его въ собраніяхъ. Честолюбіе составляло всю политику Дантона. Не имѣя опредѣленныхъ принциповъ, онъ любилъ въ демократіи только ея смуты, которыя сдѣлались какъ бы его элементомъ. Дантонъ погружался туда и искалъ не столько власти, сколько того чувственного наслажденія, которое человѣкъ находитъ, уносясь быстрымъ движеніемъ. Онъ опьянялся революціоннымъ вихремъ, какъ виномъ, и хорошо выносилъ это опьяненіе. Онъ умѣлъ сохранять спокойствіе среди смятенія, которое самъ же создавалъ, чтобы потомъ имъ завладѣть. Сохраняя хладнокровіе среди ярости и веселость среди увлеченія, онъ словами своими смѣшилъ клубы даже въ минуты бѣшенства. Дантонъ въ одно и то же время и забавлялъ народъ и возбуждалъ его страсти. Довольный этимъ двойнымъ вліяніемъ, онъ избавлялъ себя отъ уваженія къ народу; онъ не говорилъ ему ни о принципахъ, ни о добродѣтели, но лишь о силѣ. Самъ Дантонъ поклонялся силѣ. Для него всѣ средства были одинаковы. Это былъ политическій дѣятель, вызванный обстоятельствами,—который игралъ съ народнымъ движеніемъ, не имѣя другой цѣли, кромѣ этой страшной игры,—другой ставки, кромѣ своей жизни, и другой ответственности, кромѣ случая.

Такой человѣкъ долженъ былъ съ глубокимъ равнодушіемъ относиться и къ деспотизму и къ свободѣ. Презрѣніе къ народу должно было даже больше склонять Дантона на сторону тиранніи. Когда въ людяхъ не видятъ ничего божественнаго, то лучшее отношеніе къ нимъ—порабощеніе. Хорошо служатъ только тѣмъ, кого уважаютъ. Дантонъ былъ за народъ только потому, что самъ вышелъ изъ народа и что, повидимому, народъ одерживалъ верхъ. Онъ измѣнилъ бы народу точно такъ, какъ и служилъ ему, безъ малѣйшей совѣстливости. Дворъ зналъ тарифъ убѣжденій Дантона. Онъ грозилъ двору для того, чтобы послѣдній видѣлъ свой интересъ въ его подкутѣ: наиболѣе революціонныя предложенія Дантона были только аукціоннымъ возвышеніемъ цѣны за его совѣсть. Рука его участвовала во всѣхъ интригахъ; его честность не устрасила бы ни одно предложеніе подкупа. Дантона каждый день покупали, а на слѣдующій день онъ уже опять былъ готовъ на продажу. Мирабо, Лафайетъ, Монморенъ, Лапортъ, завѣдывавшій королевскимъ *liste civile*, герцогъ Орлеанскій, король имѣли секретъ его продажности. Деньги изъ всѣхъ этихъ нечистыхъ источниковъ текли къ нему, но тамъ не останавливались. Всякій другой постыдился бы встрѣтаться съ людьми и партіями, обладавшими секретомъ его слабости:

Дантонъ не стыдился, онъ смотрѣлъ имъ въ глаза, не краснѣя. Онъ служилъ образцомъ для всѣхъ тѣхъ людей, которые въ событіяхъ ищутъ только своего возвышенія. Но другіе обладали только низкой стороною порока; пороки Дантона имѣли геройскій оттѣнокъ. Его умъ граничилъ съ геніальностью. Онъ обладалъ чуткимъ пониманіемъ минуты. Невѣріе, которое составляло слабую сторону Дантона, было въ его глазахъ силою для честолюбія; онъ лелѣялъ его въ себѣ, какъ залогъ своего будущаго величія. Онъ относился съ состраданіемъ къ каждому, кто почиталъ что-нибудь. Такой человѣкъ долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на инстинкты массъ. Онъ ихъ волновалъ, кипятилъ ихъ поверхность, готовый плыть по всякому морю, хотя бы даже оно состояло изъ крови.

22.

Другимъ кандидатомъ въ депутаты Парижа былъ Бриссо де-Варвилль. Такъ какъ этотъ человѣкъ былъ основателемъ партіи жирондистовъ, первымъ апостоломъ и первымъ мученикомъ республики, то надобно ознакомиться съ нимъ ближе.

Бриссо былъ сынъ шартрекаго пирожника. Ученье свое онъ прошелъ въ этомъ городѣ вмѣстѣ съ Петіономъ, своимъ землякомъ. Авантюристъ литературы, онъ началъ носить присвоенное себѣ имя Варвилля, которое закрывало собою его собственное. Благородство плебея состоитъ въ томъ, чтобы не краснѣть имени своего отца. Бриссо не обладалъ этимъ качествомъ. Онъ началъ тѣмъ, что боязливо заимствовалъ одинъ изъ своихъ титуловъ у родовой аристократіи, противъ которой возбуждалъ равенство. Похожій на Руссо во всемъ, кромѣ генія, Бриссо вездѣ понемногу искалъ себѣ счастья и прежде чѣмъ достигнуть извѣстности, спустился еще ниже Руссо въ бѣдности и интригахъ. Людскіе характеры разлагаются и пачкаются отъ борьбы съ житейскими трудностями среди пѣны разврата большихъ городовъ. Руссо провелъ періодъ своей бѣдности и своихъ мечтаній на лонѣ природы, зрѣлище которой примиряетъ и очищаетъ все. Онъ вышелъ оттуда философомъ. Бриссо влачился съ своею бѣдностью и съ тщеславіемъ среди Парижа и Лондона, въ гнѣздахъ позора, гдѣ разводятся всякаго рода авантюристы и памфлетисты. Онъ вышелъ интриганомъ.

Но даже среди пороковъ, которые сдѣлали честность Бриссо сомнительною, а имя его подозрительнымъ, онъ въ глубинѣ души таилъ три добродѣтели, и благодаря имъ могъ подняться: постоянную любовь къ молодой женщинѣ, на которой онъ женился несмотря на несогласіе семейства, — охоту къ труду и мужество предъ житейскими трудностями, которое впоследствии ему пришлось проявить предъ лицомъ смерти. Его философія была философіей Руссо. Онъ вѣрилъ въ Бога. Онъ вѣрилъ въ свободу, въ истину, въ добродѣтель. Въ душѣ его была та безграничная преданность человѣчеству, которая составляетъ милосердіе философовъ. Бриссо ненавидѣлъ общество, въ которомъ не находилъ себѣ мѣста. Но въ особенности онъ ненавидѣлъ въ социальномъ строѣ его предразсудки и ложь. Бриссо желалъ бы его передѣлать не столько для себя, сколько для самого общества. Онъ соглашался быть раздавленнымъ подъ его

развалинами, лишь бы только онѣ расчистили мѣсто идеальному плану разумнаго правительства. Бриссо былъ сначала однимъ изъ тѣхъ наемныхъ талантовъ, которые пишутъ для всякаго, кто имъ заплатитъ. Онъ писалъ о всякихъ предметахъ, для всѣхъ министровъ, особенно для Тюрго. Перо его готово было для всего: для уголовныхъ законовъ, экономическихъ теорій, дипломатіи, литературы, философіи, даже пасквилей. Ища опоры сильныхъ или знаменитыхъ людей, онъ льстилъ всѣмъ имъ, начиная съ Вольтера и Франклина и кончая Мара. Извѣстный мадамъ Жанлисъ, онъ былъ обязанъ ей нѣкоторыми сношеніями съ герцогомъ Орлеанскимъ. Посланный министромъ въ Лондонъ съ однимъ изъ тѣхъ порученій, въ которыхъ обыкновенно не сознаются, Бриссо вступилъ тамъ въ сношенія съ редакторомъ *Courrier de l'Europe*, французскаго журнала, печатавшагося въ Англіи и тревожившаго тюльерійскій дворъ своею смѣлостью. Онъ поступилъ на жалованье къ Свинтону, редактору этого листка. У Свинтона онъ познакомился съ нѣсколькими памфлетистами, одинъ изъ которыхъ былъ Морандъ. Эти отверженные обществомъ писатели часто совершаютъ своимъ перомъ преступленія. Они содержатся лишь насчетъ скандальныхъ пороковъ и на уплату за шпіонство. Соприкосновеніе ихъ осквернило Бриссо. Онъ нѣсколько разъ былъ или казался ихъ сообщникомъ. На его жизни остались постыдныя пятна и память о нихъ безжалостно оживлялась врагами Бриссо, когда ему встрѣтилась надобность въ общественномъ уваженіи.

Возвратившись во Францію при первыхъ симптомахъ революціи, онъ сторожилъ ея послѣдовательные фазисы съ честолюбіемъ чловѣка нетерпѣливаго и съ нерѣшимостью проходимца, который чутьемъ старается угадать, куда дуетъ вѣтеръ. Бриссо обманулся нѣсколько разъ. Онъ скомпрометировалъ себя черезчуръ поспѣшнымъ заявленіемъ преданности нѣкоторымъ лицамъ, которыя, какъ одно время казалось, служили олицетвореніемъ силы революціи,—въ особенности Лафайету. Редактируя *Le patriote français*, онъ иногда заигрывалъ съ революціонными идеями и льстилъ будущему, заходя даже далѣе, чѣмъ шли партіи. Онъ вполне стоилъ быть отвергнутымъ со стороны Робеспьера.

„Когда я ограничивался, говорилъ о немъ Робеспьеръ, защитою принциповъ свободы, не трогая никакого посторонняго вопроса, что дѣлали въ то время вы, Бриссо и Кондорсе? извѣстные до тѣхъ поръ большою *умѣренностью* и сношеніями съ Лафайетомъ,—долгое время участники аристократическаго клуба 89 года, вы вдругъ произнесли слово „республика“. Вы стали распространять журналъ, озаглавленный „*республиканцемъ*!“ Тогда умы пришли въ броженіе. Одно только слово „республика“ производитъ раздоръ между патріотами и даетъ нашимъ врагамъ желанный предлогъ провозгласить, что во Франціи существуетъ партія, враждебная монархіи и конституціи. За это названіе насъ преслѣдуютъ, убиваютъ мирныхъ гражданъ на алтарѣ отечества! Изъ-за этого названія мы переодѣты въ мятежниковъ, республика отсрочена, быть можетъ, на полвѣка. Въ это самое время Бриссо явился къ якобинцамъ, гдѣ никогда не показывался, и предложилъ республику, о которой самое простое благоразуміе запрещало намъ говорить предъ національнымъ собраніемъ. По какой роковой случайности попалъ туда Бриссо? Я не хочу видѣть хитрости въ его поведеніи; я желаю видѣть въ немъ только неблагоразуміе и глупость.

Но теперь, когда его связи съ Лафайетомъ и Нарбонномъ ни для кого не тайна, когда Бриссо не скрываетъ болѣе плановъ опасныхъ нововведеній, пусть же онъ знаетъ, что нація въ одну минуту разорвала всякіе заговоры, замышлявшіеся въ теченіе столькихъ лѣтъ ничтожными интригами“.

Такъ выражался Робеспьеръ, заранѣе и не безъ основанія опасаясь кандидатуры Бриссо. Революція отталкивала этого послѣдняго, контръ-революція не менѣе его позорила. Прежніе лондонскіе друзья Бриссо, особенно Морандъ, возвратилась въ Парижъ, пользуясь безнаказанностью смутнаго времени, и разоблачили парижанамъ, въ „Аргусъ“ и афишахъ, тайныя интриги и скандалы литературной жизни своего стараго компаньона; они цитировали подлинныя письма, въ которыхъ Бриссо безстыдно лгалъ относительно своего имени, состоянія своего семейства, имущества своего отца, съ цѣлью овладѣть довѣріемъ Свинтона, придать себѣ значеніе и обмануть легковѣрныхъ въ Англіи. Доказательства были вполне убѣдительны: у нѣкоего Дефоржа была выманена денежная сумма подъ предлогомъ основанія лица въ Лондонѣ; эти деньги Бриссо издержалъ на свои личные расходы. Этого мало: Бриссо, уѣзжая изъ Англіи, оставилъ въ рукахъ того же Дефоржа 80 писемъ, вполне очевидно доказывавшихъ его соучастіе въ позорномъ торгѣ пасквилями, которымъ занимались его друзья. Было доказано, что Бриссо способствовалъ отсылкѣ во Францію и распространенію тамъ гнусныхъ памфлетовъ Моранда. Журналы, враждебныя его кандидатурѣ, ухватились за эти скандалезныя открытія и потрясали ими предъ общественнымъ мнѣніемъ. Сверхъ того, Бриссо былъ обвиненъ въ томъ, что, взявъ изъ кассы округа des Filles-Saint-Thomas, котораго былъ президентомъ, деньги, забытыя надолго въ его кошелькѣ. Оправданіе Бриссо было запутанно и туманно. Несмотря на то, клубъ улицы lè Michodiare счелъ такое оправданіе достаточнымъ для объявленія невинности и честности Бриссо.

Нѣсколько журналовъ, занятые исключительно политическою стороною его жизни, приняли на себя его защиту и ограничились воплями о клеветѣ. Манюэль, редакторъ циническаго журнала, другъ Бриссо, писалъ въ утѣшеніе ему, слѣдующее: „эти грязныя клеветы, распространяемыя во время баллотировки, непременно оставляютъ дурной оттѣнокъ на томъ, противъ кого бываютъ обращены. Но отталкивать человѣка, который безъ боязни съ ними борется, значило бы доставить торжество врагамъ народа. Даже мнѣ даютъ голоса, не смотря на мою болтовню и склонность къ бутылкѣ. Оставьте отца Дюшена и выбирайте Бриссо. Онъ будетъ лучше меня“. Мара въ своемъ „Ami du peuple“ говорилъ о Бриссо въ двусмысленныхъ выраженіяхъ. „Бриссо“, писалъ другъ народа, „въ моихъ глазахъ никогда не былъ искреннимъ патриотомъ. Частію изъ честолюбія, частію изъ низости, онъ до сихъ поръ измѣнялъ обязанностямъ добраго гражданина. Зачѣмъ онъ такъ поздно оставляетъ этого генерала-тартюфа? Бѣдный Бриссо, ты сдѣлался жертвою измѣны придворнаго холопа, низкаго лицебѣра! Зачѣмъ ты протянулъ руку Лафайету? Чего ты хочешь? Ты терпишь участь людей съ нерѣшительнымъ характеромъ. Ты не понравился никому. Тебѣ никогда не видать успѣха. Если у тебя еще осталось нѣкоторое чувство собственнаго достоинства, сгнѣши вычеркнуть свое имя изъ списка кандидатовъ на предстоящіе законодательные выборы“.

Такъ выступилъ въ первый разъ на сцену, среди воплей двухъ партій, этотъ человѣкъ, тщетно старавшійся ускользнуть отъ позора, связаннаго съ его именемъ вслѣдствіе ошибокъ юности, и серьезно принять на себя политическую роль, человѣкъ сложный, состоявшій на половину изъ интриги, на половину изъ добродѣтели. Бриссо, которому предстояло служить центромъ соединенія партій Жиронды, уже ранѣе носилъ въ своемъ характерѣ всѣ тѣ элементы интриги и патріотизма, мятежа и мученичества, какіе позже выказались въ судьбахъ его партіи.

Другими замѣтными парижскими кандидатами были: Пастора, уроженецъ юга, благоразумный и ловкій, какъ сѣверный житель, человѣкъ, который умѣлъ ладить съ партіями, который далъ революціи достаточные залоговъ, чтобы быть ею принятымъ, выказалъ двору достаточную преданность, чтобы сохранить его тайное довѣріе; попеременная благосклонность двухъ партій носила этого человѣка туда и сюда; онъ искалъ, при помощи своего таланта, счастья въ революціи, но притомъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ справедливости и честности; затѣмъ слѣдовали Ласепедъ, Черутти, Геро де-Сешель, Гувіонъ, адъютантъ Лафайета. Департаментскіе выборы привлекали мало вниманія. Національное собраніе исчерпало въ странѣ и характеры и таланты. Остракизмъ, который оно на себя наложило, предоставлялъ Францію людямъ съ второстепенными талантами; люди неизвѣстные не могли возбуждать большаго волненія. Общественное уваженіе обращалось больше на тѣ имена, которымъ слѣдовало сойти со сцены. Страна не можетъ одновременно имѣть разнородную славу: слава Франціи уходила вмѣстѣ съ членами распущеннаго собранія; другого рода Франція готова была возникнуть.

IV.

Депутація Жиронды.—Волненіе въ клубахъ.—Уличные ораторы.—Перенесеніе въ Пантеонъ бранныхъ останковъ Вольтера.—Оцѣнка его сочиненій и характера.—Пересмотръ конституціи національнымъ собраніемъ.—Король принимаетъ конституцію.

1.

Между тѣмъ, новое общественное настроеніе начинало заявлять себя съ юга. Въ Бордо проявилось броженіе. Департаментъ Жиронды наименовалъ сразу цѣлую политическую партію въ лицѣ 12 гражданъ, изъ которыхъ состояла депутація. Этотъ департаментъ, удаленный отъ центра страны, сразу приобрѣлъ власть, которую даютъ общественное мнѣніе и сила краснорѣчія. До тѣхъ поръ неизвѣстныя имена, Дюко, Гаде, Гранжневъ, Жансонне, Верньо должны были возвыситься по мѣрѣ увеличенія бурь и несчастій отечества. Имъ было суждено сообщить революціи новый толчокъ, предъ которымъ она все еще колебалась, и привести ее къ республикѣ. Но почему такой толчокъ долженъ былъ послѣдовать отъ департамента Жиронды, а не изъ Парижа? Относительно этого вопроса возможны только предположенія. Впрочемъ, республиканскій духъ долженъ былъ скорѣе вспыхнуть въ Бордо, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ присутствіе двора и его дѣйствія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ослабляли въ народѣ независимость характера и твердость принциповъ, которые служатъ основаніемъ гражданскихъ чувствъ. Представительство Лангедока, а также обычаи, всегда возникающіе въ провинціи, когда она управляется сама собою, должны были заранѣе расположить жителей Жиронды къ избирательному и федеративному образу правленія.

Бордо былъ парламентскимъ городомъ. Парламенты тамъ повсемѣстно воспитали духъ сопротивленія и нерѣдко порождали неповиновеніе королевской власти. Бордо былъ городомъ торговымъ. Торговля, которая сначала добивается свободы изъ-за интереса, кончается опаснымъ усвоеніемъ себѣ свободныхъ инстинктовъ. Бордо былъ городомъ колоніальнымъ, большою американскою пристанью во Франціи. Постоянныя сношенія съ американцами, слѣдствіе морской торговли, развили въ Жирондѣ энтузіазмъ къ свободнымъ учрежденіямъ. Наконецъ это была мѣстность, больше и лучше освѣщаемая лучами философіи, чѣмъ центральная Франція. Философія пустила здѣсь ростки ранѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Бордо былъ родиною Монтеня и Монтескье, двухъ великихъ

республиканцевъ французской мысли. Одинъ изъ нихъ свободно изслѣдовалъ религиозныя догматы, другой — политическія учрежденія. Президентъ Дюпати послѣ того возбудилъ тамъ энтузіазмъ къ новой философіи. Кромѣ того, Бордо былъ полу-римскимъ городомъ, гдѣ преданія свободы и *forum romanum* сохранились въ адвокатурѣ. Какое-то дыханіе древности воодушевляло тамъ умы и проникало собою слова людей. Бордо былъ республиканскимъ городомъ даже больше по красновѣчію, чѣмъ по настроенію своихъ жителей. Въ его патріотизмѣ слышался римскій *emphasis*. Республика должна была родиться въ колыбели Монтеня и Монтескье.

2.

Моментъ выборовъ послужилъ сигналомъ къ новой, еще болѣе ожесточенной борьбѣ періодической печати. Журналами уже не довольствовались. Политическія мнѣнія выкрикивались по улицамъ разнощиками; изобрѣтены были журналы-афиши, которыя наклеивались на стѣнахъ въ Парижѣ и привлекали къ себѣ народъ, толпившійся по угламъ улицъ, предъ этими трибунами перекрестковъ. Кочующіе ораторы, вдохновленные или купленные различными партіями, постоянно находились тамъ и громко комментировали эти бурныя писанія. Лутало — въ „Парижскихъ революціяхъ“, журналъ, основанномъ Прюдомомъ и находившемся по очереди подъ завѣдываніемъ Шометта и Фабръ д'Еглантина, Мара — въ „Публицистѣ“ и „Другѣ народа“, Бриссо — во „Французскомъ патріотѣ“, Горза — въ „Версальскомъ курьерѣ“, Кондорсе — въ „Парижской хроникѣ“, Черутти — въ „Деревенскомъ листкѣ“, Камилль Демуленъ — въ „Разговорахъ фонаря“ и въ „Брабантскихъ революціяхъ“, Фреронъ — въ „Народномъ ораторѣ“, Геберъ и Манюэль — въ листкѣ „Père Duchesne“, Карра — въ „Патріотическихъ лѣтописяхъ“, Флейдель — въ „Наблюдателѣ“, Лакло — въ „Журналѣ якобинцевъ“, Фоше — въ „Желѣзной пастѣ“, Ройсу — въ „Другѣ Короля“, Шансене, Ривароль — въ „Дѣйствіяхъ апостоловъ“, Сюло и Шенье — въ нѣсколькихъ роялистскихъ и умѣренныхъ листкахъ, — волновали народное настроеніе во всѣхъ направленіяхъ и оспаривали другъ у друга господство надъ нимъ. Это была древняя трибуна, перенесенная въ жилище каждаго гражданина и сообщавшая свой языкъ всѣмъ классамъ народа, даже самымъ невѣжественнымъ. Гнѣвъ, подозрительность, ненависть, зависть, фанатизмъ, легковѣріе, оскорбленія, жажда крови, внезапная паника, безуміе и разумъ, возмущеніе и вѣрность, краснорѣчіе и глупость имѣли свои органы въ этомъ концертѣ всѣхъ гражданскихъ страстей. Каждый вечеръ городъ опьянялся броженіемъ этихъ страстей. Всѣ работы были отложены, единственнымъ трудомъ было наблюденіе за трономъ, предупрежденіе дѣйствительныхъ или мнимыхъ заговоровъ аристократіи, спасеніе отечества. Возгласы разнощиковъ этихъ листовъ, патріотическія пѣсни якобинцевъ при выходѣ изъ клубовъ, шумныя сборища, призыванія къ патріотическимъ церемоніямъ, поддѣльный ужасъ по вопросу о существованіи народа, держали массы жителей города и предмѣстій въ постоянномъ напряженіи. Общественная мысль не давала никому покоя, равнодушіе показалось бы измѣною. Чтобы возвыситься до уровня народнаго настроенія, нужно было выказать ярость. Каждое обстоятельство

усиливало эту лихорадку. Пресса раздувала ее во всех жилах народа. Язык ее граничил уже с бредомъ, выраженія пали до цинизма. Печать заимствовала у черни даже ее поговорки, площадныя выраженія, непристойность, грубость, даже проклятія, пересыпающія простонародный языкъ, какъ бы для того, чтобы сообщить еще большую силу оскорбленіямъ тѣхъ людей, которыхъ она ненавидѣла. Дантонъ, Геберъ и Мара первые приняли этотъ тонъ, эти жесты и плебейскія выраженія, стараясь польстить черни подражаніемъ ее порокамъ. Робеспьеръ никогда не доходилъ до этого. Онъ владѣлъ народомъ не чрезъ посредство низкихъ инстинктовъ, но при помощи разума. Фанатизмъ, который онъ внушалъ народу въ своихъ рѣчахъ, обладалъ, по крайней мѣрѣ, благопристойностью великихъ мыслей. Робеспьеръ господствовалъ надъ народомъ, внушая къ себѣ уваженіе, и пренебрегалъ фамильярностью. Чѣмъ больше онъ пріобрѣталъ довѣріе массъ, тѣмъ больше проявлялъ въ своихъ словахъ философское воспитаніе и серьезный тонъ государственнаго человѣка. Въ самыхъ радикальныхъ, вызывающихъ рѣчахъ Робеспьера слышалось, что, добиваясь обновленія соціального порядка, онъ не хотѣлъ портить его элементовъ, и что въ глазахъ Робеспьера освобожденіе народа не было равносильно его развращенію.

3.

Въ эту то эпоху національное собраніе распорядилось перенесеніемъ праха Вольтера въ Пантеонъ. Философія мстила за проклятія, которыми преслѣдовали прахъ великаго реформатора. Трупъ Вольтера, умершаго въ Парижѣ въ 1778 г., былъ перевезенъ тайкомъ ночью, его племянникомъ въ церковь аббатства Селльеръ въ Шампани. Когда это аббатство было продано націей, города Труа и Ромильи оспаривали одинъ у другого честь обладанія останками великаго человѣка и поклоненія имъ. Городъ Парижъ, гдѣ Вольтеръ испустилъ дыханіе, отстоялъ свои права, какъ столицы, и обратился къ національному собранію съ петиціей, чтобы трупъ Вольтера былъ возвращенъ и положенъ въ Пантеонѣ, этомъ каедральномъ соборѣ философіи. Собраніе восторженно приняло мысль о такой почести, которая указывала источникъ, откуда произошла свобода. „Народъ обязанъ Вольтеру своимъ освобожденіемъ“, говорилъ Реньо де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели. „Давъ народу свѣтъ, онъ далъ ему и власть. Народъ бываетъ связанъ только въ потьмахъ. Но когда разумъ освѣтитъ весь позоръ оковъ, народъ краснѣетъ за нихъ и разбиваетъ ихъ“.

11 іюля департаментскія и муниципальныя власти церемоніально отправились къ Шарантонской заставѣ для принятія тѣла Вольтера. Его поставили на площади Бастиліи, какъ побѣдителя предъ своимъ трофеемъ. Гробъ изгнанника подняли передъ взорами толпы. Ему сдѣлали пьедесталъ изъ камней, взятыхъ съ фундамента этой крѣпости деспотизма. Такимъ образомъ, Вольтеръ мертвый торжествовалъ надъ камнями, которые служили заточеніемъ ему при жизни. На одномъ изъ этихъ камней были начертаны слѣдующія слова: „прими здѣсь, гдѣ ты былъ скованъ деспотизмомъ, почести, присужденныя тебѣ отечествомъ“.

4.

На слѣдующій день, при блескѣ солнца, которое разсѣяло облака дождливой ночи, безчисленныя толпы народа шли въ процессіи за погребальной колесницей, которая везла прахъ Вольтера въ Пантеонъ. Въ нее было запряжено 12 бѣлыхъ лошадей, грива которыхъ украшалась золотомъ и цвѣтами. Вожжи держали люди, одѣтые въ одежду древнихъ, какъ изображается на медаляхъ триумфаторовъ. На колесницѣ лежало погребальное ложе, а на немъ увѣнчанное изображеніе философа во весь ростъ. Впереди, вокругъ и позади саркофага слѣдовали національное собраніе, департаментскія и муниципальныя власти, конституціонныя сословія, магистратура и армія. Бульвары, улицы, площади, окна, крыши домовъ, самыя вѣтви деревьевъ были покрыты народомъ, всѣ взоры были обращены на процессію. Новая мысль создавала, что эта процессія—ея побѣда, и что философія осталась обладательницей поля сраженія.

Несмотря на суетный, театралъный характеръ этой церемоніи, на лицахъ присутствовавшихъ замѣтны были сосредоточенность мысли и внутренняя радость интеллектуальнаго торжества. Шествіе открывалось многочисленными отрядами кавалеріи. Казалось они хотѣли съ этихъ поръ обратить самое оружіе въ пользу разума. Затѣмъ слѣдовали барабаны, покрытые крепомъ и издававшіе погребальныя звуки, которые смѣшивались съ пушечными залпами артиллеріи, сопровождавшей ихъ. Воспитанники парижскихъ коллегій, патристическія общества, батальоны національной гвардіи, рабочіе типографій, рабочіе, участвовавшіе въ уничтоженіи Бастиліи, несли походный печатный станокъ, который на ходу оттискивалъ посмертныя почести Вольтеру,—другіе, такъ же изъ ихъ числа, несли цѣпи, желѣзные ошейники, желѣзные засовы и ядра, найденныя въ тюрьмахъ или въ тюремныхъ арсеналахъ; нѣкоторые, наконецъ, тѣснились между войскомъ и народомъ съ бюстами Вольтера, Руссо и Мирабо. На особыхъ носилкахъ положенъ былъ протоколъ избирателей 1789 года, этой „геджры“ возстанія. На другомъ помостѣ граждане Сентъ-Антуанскаго предмѣстья показывали рельефный планъ Бастиліи, знамя башни и молодую дѣвушку, одѣтую амазонкой, которая сражалась съ ними при осадѣ этой крѣпости. Тамъ и сямъ, надъ головами толпы возвышались пики съ надѣтыми на нихъ фригійскими шапками. На концѣ одной изъ такихъ пикъ привѣшена была надпись: „изъ этого желѣза родилась свобода“.

Всѣ актеры и актрисы парижскихъ театровъ сопровождали статую человека, который вдохновлялъ ихъ въ теченіе 60 лѣтъ. Названія главнѣйшихъ сочиненій Вольтера были награвированы на бокахъ пирамиды, представлявшей его безсмертіе; статую Вольтера, позолоченную и увѣнчанную лавромъ, несли граждане, одѣтые въ костюмы тѣхъ народовъ и временъ, нравы которыхъ онъ изображалъ. Въ шкатулкѣ, также позолоченной, находилось 70 томовъ его сочиненій. Члены ученыхъ обществъ и главнѣйшихъ академій королевства окружали этотъ ковчегъ философіи. Многочисленные оркестры, одни странствующие, другіе нарочно разставленные на пути процессіи, привѣтствовали ее громкими симфоніями. Процессія останавливалась у дверей главнѣйшихъ театровъ, гдѣ пѣли гимны во славу генія Вольтера, и опять отправлялась въ путь. По при-

бытіи на набережную, которая носила имя Вольтера, погребальная колесница остановилась передъ домомъ Виллетта, гдѣ Вольтеръ умеръ и гдѣ хранилось его сердце. Зеленныя деревья, гирлянды изъ листьевъ и вѣнки изъ розъ украшали фасадъ этого дома. На немъ видна была знаменитая надпись: „его умъ вездѣ, а сердце здѣсь“. Молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣломъ, съ цвѣтами на головахъ, стояли на ступенькахъ амфитеатра, построеннаго передъ домомъ. Г-жа Виллеттъ, которой Вольтеръ былъ вторымъ отцомъ, явилась, блистая красотою, вся въ слезахъ, и возложила на чело великаго чловѣка лучшій изъ вѣнковъ, вѣнокъ дочери. Въ эту минуту были произнесены стихи поэта Шенье, который сохранилъ до самой смерти своей величайшее поклоненіе Вольтеру; эти стихи сопровождались религіозными звуками музыки. Г-жа Виллеттъ и молодыя дѣвушки изъ амфитеатра сошли на улицу, усыпанную цвѣтами, и пошли передъ колесницей. Théâtre-Français, находившійся тогда въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьи, превратилъ свою галерею въ триумфальную арку. На каждой колоннѣ былъ вѣдланъ медальонъ, съ заглавными, бронзовыми позолоченными буквами, главныхъ драмъ поэта. На пьедесталѣ его статуи, воздвигнутой предъ дверями театра, была сдѣлана слѣдующая надпись: „83 лѣтъ онъ написалъ Ирену; 17 лѣтъ онъ создалъ Эдипа“.

Громадная процессія, сопровождавшая эту посмертную славу, прибыла въ Пантеонъ только въ 10 часовъ вечера. День былъ не довольно длиненъ для такого триумфа. Гробъ Вольтера былъ помѣщенъ между Декартомъ и Мирабо. Это было приличное мѣсто для его генія, стоявшаго между философіей и политикой, между мыслью и дѣйствіемъ.

Эта апотеоза новой философіи, совершившаяся среди великихъ событій, волновавшихъ общественный духъ, показывала достаточно очевидно, что революція уже сознавала себя и хотѣла быть воплощеніемъ двухъ великихъ принциповъ, которые представлялъ гробъ Вольтера: разума и свободы! Разумъ вступалъ съ торжествомъ на развалины предразсудковъ рожденія, въ городъ Людовика XIV; свобода брала въ свое владѣніе городъ и храмъ св. Женевьевы. Два различныя вѣрованія и двѣ различныя эпохи продолжали свою борьбу даже въ могилахъ. Философія, до тѣхъ поръ боязливая, раскрывала свою послѣднюю мысль: замѣнить прежнихъ великихъ людей, которымъ воздавали поклоненіе современники, новыми.

5.

Вольтеръ, скептическій геній новой Франціи, превосходно соединялъ въ себѣ двоякаго рода страсти, волновавшія народъ въ это время: страсть къ разрушенію и стремленіе къ реформамъ, ненависть къ предразсудкамъ и любовь къ свѣту. Вольтеру должно было сдѣлаться знаменемъ разрушенія. Этотъ геній, хотя не самый высокій, но самый обширный во Франціи, постоянно получалъ оцѣнку только или отъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ или отъ своихъ враговъ. Люди порочные обоготворяли даже его пороки, суевѣріе предавало проклятіямъ даже его достоинства; наконецъ, деспотизмъ, когда онъ тяготѣлъ надъ Франціей, понималъ, что нужно было выгнать Вольтера изъ національнаго ума, чтобы возстановить тираннію. Наполеонъ, въ теченіе 15 лѣтъ,

платить писателямъ и журналамъ за то, чтобы они принижали, грязнили и отрицали гений Вольтера. Онъ ненавидѣлъ это имя, какъ сила ненавидитъ разумъ. Пока память о Вольтерѣ не угасла, Наполеонъ не считалъ себя безопаснымъ. Тираннія имѣетъ нужду въ предразсудкахъ, какъ ложь во тьмѣ. Возстановленная церковь также не могла допустить блеска этой славы; она имѣла право осуждать Вольтера, но не отрицать его.

Если о людяхъ судить по ихъ дѣламъ, то Вольтеръ бесспорно самый густественный изъ писателей новой Европы. Никто не производилъ, исключительно силою генія и настойчивостью воли, такого сильнаго движенія умовъ. Перо Вольтера подняло весь древній міръ и потрясло имперію, болѣе обширную, чѣмъ имперія Карла Великаго,—почти европейскую имперію католической религіи. Геній Вольтера не былъ силою, онъ былъ блескомъ. Ему не дано было воспламенять предметы, но только освѣщать ихъ; вездѣ, куда онъ ни входилъ, приносилъ съ собою свѣтъ. Разумъ, который ничто другое, какъ свѣтъ, долженъ былъ сдѣлать Вольтера сначала своимъ поэтомъ, потомъ апостоломъ и наконецъ идоломъ.

6.

Вольтеръ родился плебеемъ въ малоизвѣстной улицѣ стараго Парижа. Когда Людовикъ XIV и Боссюэтъ царствовали въ Версали, среди пышности абсолютизма и католицизма, близъ нихъ, въ неизвѣстности, росъ Моисей невѣрія. Тайны судьбы иногда подобнымъ образомъ играютъ людьми. Существованіе ихъ начинаютъ подозрѣвать лишь послѣ того, какъ они обнаруживались. Тронъ и алтарь достигли во Франціи апогея своего величія. Герцогъ Орлеанскій, регентъ, управлялъ во время междоцарствія. Это былъ порокъ, поставленный на мѣсто другого порока: слабость на мѣсто гордости. Этотъ порокъ имѣлъ кроткую и пріятную наружность. Развратъ бралъ свое въ отмщеніе за суровость послѣднихъ лѣтъ предыдущаго царствованія, эпохи Теллье и г-жи Ментенонъ. Вольтеръ, у котораго смѣлость развилась столь же рано, какъ и талантъ, началъ играть оружіемъ мысли, изъ котораго впоследствии сдѣлалъ такое страшное употребленіе. Регентъ, не подозрѣвавшій опасности, допускалъ это, подавляя только для формы нѣкоторыя дерзкія крайности мысли, надъ которыми онъ смѣялся въ то самое время, когда налагалъ за нихъ взысканіе. Невѣріе этой эпохи зарождалось въ распутствѣ, вмѣсто того, чтобъ быть плодомъ изслѣдованія. Независимость мысли была скорѣе распушенностью нравовъ, чѣмъ результатомъ умозаключенія. Въ антирелигіозности крылся порокъ. Вольтеръ всегда помнилъ объ этомъ. Онъ началъ свое дѣло осмѣиваніемъ и профанаціей священныхъ предметовъ, къ которымъ должно прикасаться съ уваженіемъ даже тогда, когда ихъ ломаютъ. Отсюда произошли легкомысленность, иронія, очень часто цинизмъ, которыя были и въ сердцѣ и на губахъ у апостола разума. Путешествіе Вольтера въ Англію утвердило его въ невѣріи. Во Франціи онъ узналъ только вольнодумцевъ, въ Лондонѣ, онъ думалъ найти философовъ. Онъ увлекся разумомъ, какъ увлекаются всякой новинкой; онъ относился съ энтузіазмомъ къ своему открытію. Въ такой дѣятельной натурѣ, какова натура француза, этотъ энтузіазмъ, какъ и ненависть не остались умозритель-

ными, какъ это было въ умахъ сѣвера; только-что убѣжденный самъ, французъ хотѣлъ въ свою очередь убѣждать другихъ. Цѣлая жизнь Вольтера сдѣлалась сложною дѣятельностью, направленною къ одной цѣли—къ уничтоженію теократіи и къ установленію терпимости и свободы въ дѣлѣ богослуженія. Вольтеръ работалъ для этой цѣли всѣми дарованіями, какими былъ одаренъ его гений; онъ работалъ даже при помощи лжи, хитрости, клеветы, цинизма и безнравственности; онъ употребилъ въ дѣло всѣ орудія, даже такія, которыя запрещаются уваженіемъ къ Богу и къ людямъ; на эту работу разрушенія онъ положилъ свою добродѣтель, свою честь, свою славу. Апостольская миссія разума у Вольтера очень часто принимала форму профанаціи всякой набожности. вмѣсто того, чтобы освящать храмъ, онъ его опустошалъ.

Какъ только Вольтеръ рѣшился на такую борьбу съ христіанствомъ, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ. Связь его съ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, не имѣла другой причины. Вольтеру нужны были троны, чтобъ опереться на нихъ въ борьбѣ противъ священныхъ установленій. Фридрихъ, который раздѣлялъ философію и велъ ее далѣе, до атеизма и до презрѣнія къ людямъ, былъ Денисомъ этого новѣйшаго Платона. Въ интересахъ Людовика XV было поддерживать хорошія отношенія съ Пруссіей, и онъ не посмѣлъ свирѣпствовать противъ человѣка, котораго король прусскій считалъ своимъ другомъ. Подъ защитою скипетра Вольтеръ удвоилъ свою смѣлость. Онъ поставилъ троны особнякомъ и, казалось, заинтересовалъ ихъ въ своемъ предпріятіи, показывая видъ, что эманципируетъ ихъ отъ господства Рима. Онъ соглашался уступить королямъ гражданскую свободу народовъ, съ тѣмъ, чтобы они помогли ему завоевать свободу совѣсти. Онъ даже выказывалъ (а быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ) поклоненіе къ неограниченной власти королей. Почтеніе къ нимъ онъ довелъ до поклоненія къ ихъ слабостямъ; онъ прощалъ пороки великаго Фридриха, преклонялъ философію предъ любовницами Людовика XV. Подобно той Фивской развратницѣ, которая построила одну изъ пирамидъ на счетъ плодовъ своего распутства, Вольтеръ не краснѣлъ ни передъ какой проституціей своего генія, если только плата за угодливость помогала ему купить враговъ католицизма. Онъ завербовывалъ ихъ тысячами по цѣлой Европѣ и особенно во Франціи. Короли помнили еще о среднихъ вѣкахъ и объ оскорбленіяхъ, наносившихся тронамъ папами. Не безъ досады и не безъ тайной зависти смотрѣли они на духовенство, столь же могущественное въ народѣ, какъ и они сами, и подъ именами кардиналовъ, придворныхъ священниковъ, епископовъ или духовниковъ диктовавшее свои повелѣнія даже при дворахъ. Парламенты, въ своемъ родѣ гражданское духовенство, страшные для самихъ государей, ненавидѣли духовное сословіе, хотя и покровительствовали вѣрѣ въ своихъ постановленіяхъ. Дворянство, воинственное, развратное, невѣжественное,—склонялось къ невѣрію, которое освобождало его отъ нравственности. Наконецъ буржуазія, образованная или ученая, предупреждала возвышеніе третьяго сословія возстаніемъ мысли. Таковы были элементы религіозной революціи. Вольтеръ овладѣлъ ими во-время, съ тою проникающею страсти, которая видѣтъ ясныя черты самого генія. Своему времени, дѣтскому, легкомысленному и необдуманному, онъ представилъ разумъ не подъ строгой формою философіи, но подъ

видомъ легкой свободы идей и насмѣшливой прони. Заставить современниковъ размышлять ему бы не удалось, онъ успѣлъ заставить ихъ смѣяться. Прямо и съ открытымъ лицомъ онъ никогда не нападалъ, чтобы не возстановить противъ себя законы и чтобы избѣгнуть костра Серве. Эзопъ новаго времени, онъ лишь подъ вымышленными именами дѣлалъ свои нападенія на тираннію, которую хотѣлъ разрушить. Вольтеръ укрывалъ свою ненависть въ драмѣ, въ легкой поэзіи, въ романѣ, въ исторіи и даже въ путешествіи. Талантъ его выражался въ непрерывныхъ намекахъ, понятныхъ для всѣхъ, но неуловимыхъ для его враговъ. Онъ разилъ ихъ, скрывая свою руку. Но все-таки эта борьба одного человѣка противъ цѣлаго учрежденія, одной жизни противъ 18 вѣковъ, не лишена была смѣлости.

7.

Въ такой борьбѣ одного противъ многихъ нельзя не замѣтить огромнаго могущества убѣжденія и преданности идеѣ. Безъ всякой другой поддержки, кромѣ своего личнаго разума, бравировать въ одно и то же время человѣческое уваженіе, т. е. умственную трусость, переодѣтую въ уваженіе къ заблужденіямъ, — встрѣчать лицомъ къ лицу ненависть на землѣ и анаемы церкви, — это было геройствомъ со стороны Вольтера. Онъ пожертвовалъ своимъ именемъ, онъ его предалъ и во время своей жизни и послѣ своей смерти. Онъ подчинился долговременному изгнанію въ обмѣнъ за свободу борьбы. Онъ добровольно принялъ отчужденіе отъ людей, чтобы ихъ давленіе не стѣсняло его мысли. 84-лѣтній старикъ, больной, чувствуя приближеніе смерти, онъ нѣсколько разъ поспѣшно предпринималъ переезды, чтобы еще сразиться и умереть хотя бы даже вдали отъ крова своей старости. Неисчерпаемый жаръ ума Вольтера не охладѣлъ ни на минуту. Веселость онъ довелъ до гениальности и подъ видомъ шутки, продолжавшейся всю его жизнь, слышалось серьезное могущество настойчивости и убѣжденія. Это былъ характеръ великаго человѣка; но яркій блескъ мысли часто слишкомъ закрывалъ у него глубину замысла. Въ шуткахъ и смѣхѣ Вольтера не всегда хотѣли признать неуклонную послѣдовательность убѣжденія. Смѣясь, онъ страдалъ и желалъ страдать, выносилъ лишеніе отечества, потерю друзей, позоръ своего имени, проклятія своей памяти. Онъ принялъ это все въ виду торжества независимости человѣческаго разума. Преданность не теряетъ своего достоинства, при перемѣнѣ дѣла, за которое стоитъ; въ этой настойчивости и заключается ея добродѣтель предъ потомствомъ. Вольтеръ былъ не истиною, но ея провозвѣстникомъ и шелъ передъ ней. Одного не доставало Вольтеру: любви къ Богу; умомъ онъ созерцалъ Бога, но ненавидѣлъ формы, которыя, въ теченіе прошлыхъ вѣковъ, были сообщены божеству и которымъ, вмѣсто него самого, воздавалось поклоненіе. Вольтеръ съ гнѣвомъ разрывалъ туманъ, который, по его убѣжденію, мѣшалъ божественной идеѣ освѣщать людей, но все-таки культъ Вольтера состоялъ болѣе въ ненависти къ заблужденіямъ, чѣмъ въ вѣрѣ въ божество. Вольтеръ не имѣлъ въ себѣ религіознаго чувства, и отсюда результаты его философіи. Она не создала ни нравственности, ни культа, ни милосердія; она только уничтожала и разрушала, состоя изъ холоднаго, развѣдающаго, насмѣшливаго отрицанія; она

дѣйствовала подобно яду: оледеняла, убивала, но не оживляла, потому-то эта философія и не произвела всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе должна была произвести, не достигла этой цѣли даже относительно тѣхъ заблужденій, которыя были лишь людскою прибавкою къ божественной мысли. Она произвела скептиковъ вмѣсто того, чтобы создать вѣрующихъ. Реакція въ пользу христіанства послѣдовала быстро и повсемѣстно.

8.

5 августа 1791 г., въ годовщину знаменитой ночи 4 августа 1789 г., въ которую былъ низверженъ феодализмъ, національное собраніе приступило къ пересмотру конституціи. Величественное и торжественное зрѣлище представлялъ этотъ общій обзоръ, сдѣланный законодателями при концѣ ихъ работы, обзоръ развалинъ, которыми они усыпали свой путь, и основаній, которыя они заложили. Но какъ различно было ихъ настроеніе въ эту минуту отъ того, въ которомъ они находились при началѣ своего великаго дѣла! Они предпринимали его съ энтузіазмомъ къ идеалу, а пересматривали теперь съ сознаніемъ неудачъ и печальной дѣйствительности. Національное собраніе открылось среди восклицаній народа, единодушнаго въ своихъ надеждахъ; оно закрывалось среди шума перебранки различныхъ партій. Король былъ плѣнникомъ, принцы эмигрировали, духовенство раздѣлилось, дворянство бѣжало, народъ волновался. Популярность Неккера исчезла, Мирабо умеръ, Мори былъ нѣмъ; Казалесь, Лалли, Мунье покинули свое дѣло. Два года унесли большее число людей и предметовъ, чѣмъ въ обыкновенное время не уноситъ цѣлое поколѣніе. Великіе голоса 1789 г., вдохновленные философіей и надеждами, не раздавались болѣе подъ этими сводами. Первые ряды пали. На ихъ мѣстѣ сражались люди второстепенные. Боязливые, павшіе духомъ, раскаявающиеся, они не обладали ни талантомъ, чтобы содѣйствовать натиску народа, ни могуществомъ, чтобы ему противиться. Барнавъ возвратился на путь истинный, благодаря своему мягкосердечію, но запоздавая добродѣтель похожа на задній умъ и служить только для того, чтобы мы могли измѣрить всю глубину нашихъ ошибокъ. Во время революціи не раскаяваются въ своихъ ошибкахъ, а искупаютъ ихъ. Барнавъ, который могъ бы спасти монархію, соединившись съ Мирабо, теперь началъ свое искупленіе. Робеспьеръ былъ для Барнава тѣмъ, чѣмъ Барнавъ былъ для Мирабо. Но Робеспьеръ, болѣе могучій, чѣмъ Барнавъ, дѣйствовалъ не для удовлетворенія преходящей страсти, въ родѣ зависти, а подъ вліяніемъ опредѣленной идеи и неумолимой теоріи. Барнавъ имѣлъ за собою только партію, Робеспьеръ—цѣлый народъ.

9.

Въ первыя засѣданія Барнавъ попытался утвердить около конституціи общественное мнѣніе, потрясенное Робеспьеромъ и его друзьями. Онъ сдѣлалъ это съ такою осторожностью, которая, при всей видимой смѣлости его словъ, показывала уже слабость его положенія. „Дѣлають нападки на труды вашего конституціоннаго комитета“, говорилъ Барнавъ. „Противъ нашего дѣла существуетъ только двоякаго рода оппозиція: прежде всего тѣ, которые до сихъ

поръ постоянно выказывались врагами революціи; это враги равенства, которые ненавидятъ наше дѣло потому, что оно служить осужденіемъ ихъ аристократіи. Между тѣмъ, и другого рода люди также непріязненны конституціи. Я раздѣляю этотъ классъ на двѣ породы, совершенно различныя. Одна состоитъ изъ людей, которые, по своему внутреннему сознанію, отдають предпочтеніе другой правительственной формѣ, болѣе или менѣе замѣтной въ ихъ словахъ, и стараются устранить изъ нашей монархической конституціи всѣ элементы, которые могли бы замедлить наступленіе республики. Я заявляю, что на этихъ людей нападать не намѣренъ. Каждый, кто имѣетъ чистое политическое мнѣніе, въ правѣ его выражать. Но у насъ есть еще другой родъ враговъ, это враги всякаго правительства. Эти люди сопротивляются намъ не потому, чтобы они предпочитали республику монархіи, демократію аристократіи, но потому, что имъ враждебно и ненавистно все, что доставляетъ устойчивость политической машинѣ, — все, что ставитъ на настоящія мѣста человѣка честнаго и нечестнаго, правдиваго и клеветника. (Продолжительныя рукоплесканія въ большинствѣ лѣвой стороны). Вотъ, господа, продолжалъ Барнавъ, вотъ кто больше всѣхъ боролся противъ нашего труда. Они искали новыхъ источниковъ для революціи потому, что утвержденная нами революція отъ нихъ ускользала. Эти люди, перемѣнивъ названіе предметовъ, поставили чувства, лишь по наружности патріотическія, на мѣсто чувствъ чести, честности, чистоты; садясь на самыя священныя мѣста и прикрываясь маскою добродѣтели, они думали, что этимъ будутъ импонировать общественному мнѣнію, и соединились съ нѣсколькими литераторами... (Рукоплесканія усиливаются и глаза всѣхъ обращаются на Робеспьера и Бриссо). Если мы хотимъ, чтобы наша конституція осуществилась на дѣлѣ, если вы хотите, чтобы нація, обязанная вамъ надеждою на свободу, — потому что до сихъ поръ у насъ есть только надежда (ропотъ неудовольствія), — была вамъ обязана дѣйствительною свободою, счастіемъ, миромъ, постараемся развязать ей руки, предоставимъ правительству, — я хочу сказать, всѣмъ властямъ, установленнымъ въ этой конституціи, — такую степень силы, дѣятельности, гармоніи, какая необходима, чтобы приводить въ движеніе социальную машину и чтобы сохранить націю свободу, которую вы ей дали... Если спасеніе отечества для васъ дорого, обсудите то, что вы дѣлаете. Въ особенности удалимъ отъ себя несправедливое недовѣріе, полезное только для нашихъ враговъ, которые были бы рады убѣдиться, что національное собраніе, что это постоянное большинство, — смѣлое и мудрое въ одно и то же время, выказавшее свое превосходство надъ ними со времени отъѣзда короля, — готово распасться въ виду раздоровъ, искусно возбуждаемыхъ вѣроломными подозрѣніями... (Новыя рукоплесканія). Будьте увѣрены, что вамъ пришлось бы сдѣлаться свидѣтелями возрожденія безпорядковъ, раздоровъ, которыми вы утомлены и которымъ конецъ революціи долженъ также положить предѣлъ; вы увидѣли бы возрожденіе надеждъ, проэктовъ, попытокъ, которыя мы пренебрегаемъ потому, что чувствуемъ свои силы и единство и знаемъ, что пока мы едины ни что подобное невозможно, а если бы безуміе и рѣшилось на подобную попытку, то это послужило бы къ его стыду. Но на успѣхъ такихъ попытокъ можно будетъ разсчитывать съ нѣкоторою вѣроятностію, какъ только среди насъ возникнуть

раздоры, и мы, не зная кому вѣрить, будемъ предполагать у себя различные планы, когда у насъ они одни и тѣ же, — будемъ предполагать среди себя противоположныя чувства, когда каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ доказательство чистоты своего товарища, когда насъ связываютъ два года общаго труда, когда мы видѣли цѣлый рядъ доказательствъ мужества, жертвъ, которыя не можетъ вознаградить ничто, кромѣ довольства самимъ собой "... Здѣсь голосъ Барнава замолкъ среди рукоплесканій большинства, и потрясенное собраніе, повидимому, прониклось на мгновеніе единопдушнымъ монархическимъ чувствомъ.

10.

Въ засѣданіи 5 августа собраніе обсуждало параграфъ конституціи о томъ, что члены королевской фамилии не могутъ пользоваться правами гражданина. Герцогъ Орлеанскій взшелъ на трибуну съ протестомъ противъ этого параграфа и объявилъ, среди рукоплесканій и ропота, что ему остается лишь выбирать между титуломъ французскаго гражданина и своими случайными правами на престолъ. Другъ и повѣренный принца, Силлери, говорилъ послѣ него и краснорѣчиво опровергалъ заключеніе комитета. Эта рѣчь, полная прозрачныхъ намековъ на положеніе герцога Орлеанскаго, была единственною прямою честолюбивою попыткою со стороны приверженцевъ принца. Силлери началъ отвѣтомъ прямо на слова Барнава. „Да будетъ мнѣ позволено“, сказалъ онъ, „выразить скорбь по поводу плачевныхъ злоупотребленій, дѣлаемыхъ нѣкоторыми ораторами изъ своего талайта. Какой странный языкъ! Стараются вамъ дать понять, что здѣсь есть мятежники, анархисты, враги порядка, какъ будто бы порядокъ можетъ существовать только при удовлетвореніи честолюбія нѣсколькихъ личностей!.. Вамъ предлагаютъ даровать всѣмъ лицамъ королевской фамиліи титулъ принца и лишить ихъ правъ гражданина. Какая непослѣдовательность и какая неблагодарность! Вы провозглашаете титулъ французскаго гражданина лучшимъ изъ титуловъ и предполагаете обмѣнять его на титулъ принца, уничтоженный вами, какъ несогласный съ равенствомъ! Не выказывали ли постоянно самый чистый патріотизмъ тѣ родственники короля, которые остались во Франціи? Какихъ заслугъ общему дѣлу не оказали они своимъ примѣромъ и своими пожертвованіями? Не отреклись ли они добровольно отъ своихъ титуловъ изъ-за титула гражданина? И вы предполагаете лишить ихъ его? Что произошло, когда вы уничтожили титулъ принца! Въжавшіе принцы образовали лигу противъ отечества; другіе присоединились къ намъ. Если нынѣ возстановятъ титулъ принца, то этимъ самымъ дадутъ врагамъ отечества все, чего они добиваются, отнимутъ у родственниковъ короля—патріота все, чѣмъ они дорожатъ!.. Я предвижу торжество и возмездіе на сторонѣ принцевъ-заговорщиковъ, вижу наказаніе за всѣ жертвы на сторонѣ принцевъ популярныхъ. Говорятъ, что опасно допустить въ законодательное собраніе членовъ королевской фамиліи. Въ виду такой гипотезы постановляютъ, что всѣ лица королевскаго семейства будутъ навсегда или продажными куртизанами или мятежниками! Между тѣмъ, нельзя ли предположить, что среди нихъ находятся и патріоты? Не ихъ ли хотите вы опозорить? Вы осуждаете родственниковъ короля

на ненависть къ конституціи и на заговоры противъ правительственной формы, которая оставляетъ имъ выборъ только между ролью придворнаго куртизана и ролью заговорщика!.. Наоборотъ, посмотрите, чего можно отъ нихъ ожидать, если они будутъ одушевлены любовью къ отечеству! Бросьте взоръ на одинъ изъ отпрысковъ этой расы, которую вамъ предлагаютъ изгнать; едва вышедши изъ дѣтства, онъ уже имѣлъ честь спасти жизнь трехъ гражданъ, подвергая опасности свою собственную. Городъ Вандомъ присудилъ ему гражданскій вѣнокъ. Несчастное дитя! Неужели это послѣдній вѣнокъ, полученный твоимъ семействомъ?..“

Рукоплесканія, которыми постоянно прерывалась и долгое время сопровождалась эта рѣчь, показали, что въ нѣкоторыхъ умахъ таилась уже мысль о революціонной династии и что если орлеанской партіи еще не существовало, то нуженъ былъ только предводитель, чтобы ее сформировать. Робеспьеръ, не менѣе ненавидѣвшій династическій мятежъ, какъ и самую монархію, съ ужасомъ замѣтилъ этотъ симптомъ новой власти, показавшейся вдали. „Я замѣчаю,—отвѣчалъ онъ,—что здѣсь слишкомъ много занимаются личностями и недостаточно внимательны къ національному интересу. Несправедливо, чтобы хотѣли унижить родственниковъ короля. Ихъ вовсе не желаютъ ставить ниже другихъ гражданъ; ихъ хотятъ отдѣлить отъ народа почетнымъ знакомъ. Къ чему имъ искать титуловъ! Родственники короля будутъ просто родственниками короля. Блескъ трона состоитъ не въ этихъ суетныхъ названіяхъ. Нельзя безнаказанно объявлять, что во Франціи существуетъ какая-нибудь фамилія, стоящая выше другихъ; она была бы въ собственныхъ глазахъ дворянствомъ. Эта фамилія осталась бы среди насъ неистребимымъ корнемъ того дворянства, которое мы уничтожили; она сдѣлалась бы зародышемъ новой аристократіи“. Этотъ протестъ Робеспьера былъ принятъ съ сильнымъ ропотомъ. Онъ вынужденъ былъ прервать свою рѣчь и извиниться. „Я вижу“, сказалъ онъ въ заключеніе, „что намъ болѣе не позволено здѣсь, не рискуя подвергнуться клеветѣ, провозглашать мнѣнія, которыя сначала поддерживались нашими противниками въ этомъ же собраніи“.

11.

Вся затруднительность положенія заключалась въ вопросѣ—признаетъ ли нація за собою право, въ силу самой конституціи, пересматривать и измѣнять ее, какъ только послѣдняя будетъ окончена. По этому-то поводу Малуэ, хотя и оставленный своею партією, попытался одинъ, безъ надежды на успѣхъ, возстановить королевскій авторитетъ. Эта рѣчь его, достойная Мирабо, была страшнымъ обвинительнымъ актомъ противъ излишествъ, совершенныхъ народомъ, и противъ заблужденій собранія. Умѣренность тутъ сдерживала силу; въ ораторѣ слышался человѣкъ добра, а въ законодательѣ замѣтенъ былъ государственный человѣкъ. Въ словахъ Малуэ проявился ясный и стойскій духъ Катона; но политическое краснорѣчіе болѣе имѣетъ значенія въ народѣ, который слушаетъ, чѣмъ въ человѣкѣ, который говоритъ. Голосъ самъ по себѣ ничего не значитъ безъ отголоска, который его провозглашаетъ. Малуэ,

оставленный своими, покинутый Барнавомъ, говорилъ только для очищенія совѣсти: онъ еражался уже не за побѣду, но только изъ-за принципа. Вотъ эта рѣчь:

„Вамъ предлагаютъ опредѣлить срокъ и условія пользованія новою учредительною властью; вамъ предлагаютъ перенести 25 лѣтъ безпорядка и анархіи прежде, чѣмъ имѣть право измѣнить ее. Замѣтите сначала, при какихъ обстоятельствахъ васъ приглашаютъ наложить молчаніе на возраженія націи относительно ея новыхъ законовъ; это дѣлается въ то время, когда вы еще слышали только мнѣнія тѣхъ, инстинктамъ и страстямъ которыхъ благопріятствуютъ эти новые законы,—когда всѣ противоположныя стремленія побуждены страхомъ или силою, когда Франція выражалась только чрезъ посредство клубовъ! Когда былъ вопросъ о пріостановленіи дѣйствія самой королевской власти, что сказали вамъ на этой трибунѣ? Вамъ говорили: „мы должны были начать революцію этимъ, но мы не сознавали своей силы“. Такимъ образомъ, вашимъ преемникамъ нужно только соразмѣрить свои силы для новыхъ попытокъ. Такова, дѣйствительно, бываетъ опасность, когда заставляютъ встрѣчаться лицомъ къ лицу свободную конституцію и революцію, полную насилія. Последняя можетъ дѣйствовать только среди ропота страстей и звука оружія; первая можетъ установиться не иначе, какъ посредствомъ дружественныхъ соглашеній между старыми и новыми интересами. (Смѣхъ, ропотъ, крики: вотъ что!). Чтобы произвести революцію, не нуженъ счетъ голосовъ, не нужно обсужденіе мнѣній. Революція это буря, въ теченіе которой надобно или прятать свои паруса или утопать. Но послѣ бури и пострадавшіе отъ нея и не тронутые ею вмѣстѣ радуются ясному небу. Все на горизонтѣ становится опять спокойнымъ и чистымъ. Итакъ послѣ революціи нужно, чтобы конституція, если она хороша, соединила вокругъ себя всѣхъ гражданъ. Нельзя допустить, чтобы въ королевствѣ былъ хотя одинъ человѣкъ, жизнь котораго могла бы подвергнуться опасности изъ-за свободныхъ выраженій относительно конституціи. Безъ этой безопасности нѣтъ опредѣленности въ стремленіяхъ, нѣтъ сужденій, нѣтъ свободы; пока вы не оградите конституцію отъ революціонныхъ движеній, до тѣхъ поръ будетъ только преобладаніе власти, тираннія, народная или другая. Посмотрите, какъ всѣ эти поставленные вами принципы правосудія, нравственности и свободы, принятые съ радостными криками и съ неоднократными присягами, тотчасъ же нарушаются съ неслыханными неистовствами и дерзостью. Въ ту минуту, когда провозглашается самая святая, самая свободная изъ конституцій, совершаются многочисленные, постоянныя, ужасныя покушенія на свободу, на собственность,—даже болѣе,—на человѣчество и на совѣсть. Какъ не устрашаетъ васъ этотъ контрастъ? Я вамъ объясню. Обманываясь относительно механизма политическаго общества, вы искали возрожденія его, не подумавъ о его распушенности; вы считали препятствіемъ своимъ взглядамъ неудовольствіе однихъ, считали помощью экзальтацію другихъ. Желая только ниспровергнуть препятствія, вы ниспровергли принципы и научили народъ посягать на все. Вы призвали къ себѣ на помощь народныя страсти: это значитъ воздвигать зданіе, подрывая его фундаментъ! Поэтому, повторяю вамъ, что внѣ деспотизма нѣтъ другой свободной и прочной конституціи, кромѣ той,

которая заканчиваетъ революцію,—такой конституціи, которую предлагаютъ, принимаютъ, выполняютъ при помощи формъ спокойныхъ, свободныхъ и совершенно непохожихъ на революціонныя. Все, что дѣлаютъ, чего хотятъ подвліяніемъ страстей, не достигнувъ состоянія спокойствія, — ничто иное, какъ бредъ, все равно будутъ ли при этомъ повелѣвать народу или повиноваться ему, будутъ ли ему служить и льстить, или обманывать его. Поэтому, я требую, чтобы конституція была свободно и спокойно принята большинствомъ націи и королемъ. (Сильный ропотъ). Мнѣ извѣстно, что народнымъ желаніемъ называютъ проэкты, порожденные ловкостью, стачками, клятвами, агитаціею, угрозами и насиліемъ... (Взрывъ гнѣва). Да, надобно закончить революцію, начавъ съ уничтоженія всѣхъ установленій, ее нарушающихъ, вашихъ слѣдственныхъ комитетовъ, законовъ объ эмигрантахъ, преслѣдованія священниковъ, произвольныхъ заточеній, преступныхъ процессовъ противъ лицъ бездоказательно обвиненныхъ,—съ уничтоженія фанатизма и преобладанія клубовъ; но этого еще недовольно... своеволие сдѣлало столько опустошеній... подонки націи предаются такому сильному броженію... (Взрывъ общаго негодованія). Или мы первая нація въ мірѣ, у которой нѣтъ черни?.. Страшное отсутствіе дисциплины въ войскахъ, религіозныя смуты, неудовольствіе колоній, уже такъ плачевно отзывающееся въ нашихъ портахъ; если революція не остановится и не уступить мѣсто конституціи, если не будетъ вездѣ сразу восстановленъ порядокъ, то потрясенное государство будетъ долго волноваться въ анархическихъ потрясеніяхъ. Припомните исторію грековъ, гдѣ первая революція, своевременно незаконченная, тѣмъ самымъ породила множество другихъ въ теченіе цѣлаго полувѣка! Вспомните о Европѣ, которая наблюдаетъ за вашею слабостью и вашими волненіями и которая будетъ васъ уважать, если вы сумѣете соединить свободу съ порядкомъ, но воспользуется всякими безпорядками въ ущербъ вамъ, если вы сумѣете только ослаблять себя и пугать ее анархіей...“ Малюэ требовалъ, чтобы, по всѣмъ этимъ причинамъ, конституція была предложена на судъ народа и на свободное принятіе короля.

Эти прекрасныя слова прозвучали въ собраніи упрекомъ совѣсти. Ихъ нетерпѣливо выслушали и поспѣшили забыть. Лафайетъ въ немногихъ словахъ опровергнулъ предложеніе Андре, которымъ пересмотръ конституціи откладывался на 30 лѣтъ. Собраніе не приняло ни мнѣнія Андре, ни мнѣнія Лафайета. Оно ограничилось приглашеніемъ націи не пользоваться ранѣе 25 лѣтъ своимъ правомъ измѣнять конституцію.

„Вотъ мы достигли конца своего долгаго, тяжелаго дѣла“, сказалъ Робеспьеръ. „Намъ остается только дать ему прочность и продолжительность. Что намъ толкуютъ о подчиненіи его королевскому принятію? Судьба конституціи не зависитъ отъ желаній Людовика XVI. Я не сомнѣваюсь, что онъ съ восторгомъ приметъ ее. Государство вмѣсто помѣстья, всѣ атрибуты исполнительной власти, сорокъ милліоновъ на его личныя удовольствія,—вотъ что мы предлагаемъ королю. Чтобы предложить это, не нужно ждать, чтобы онъ находился въ дали отъ столицы и былъ окруженъ пагубными совѣтами. Предложимъ это ему въ Парижѣ. Скажемъ ему: „вотъ самый могущественный тронъ въ мірѣ. Хотите ли вы его принять?“ Подозрительныя сборища, проэкты обна-

женія границъ, угрозы вашихъ вѣшнихъ враговъ, маневры враговъ внутреннихъ, — все это побуждаетъ васъ сдѣлать установленіемъ такого порядка вещей, который могъ бы успокоить и охранить гражданъ. Если разсуждаютъ въ то время, когда нужно присягать, если можно еще сдѣлать нападеніе на нашу конституцію, послѣ того, какъ такіа нападенія были уже сдѣланы два раза, что намъ остается дѣлать? Или взяться за оружіе или опять надѣть оковы. Намъ послали, — прибавилъ онъ, смотря въ ту сторону, гдѣ сидѣли Барнавъ и Ламетъ, — чтобы создать конституцію для націи, а не для того, чтобы возвысить судьбу нѣсколькихъ лицъ, способствовать коалиціи интригановъ съ дворомъ и обезпечить имъ плату за угодничество или за измѣну“.

12.

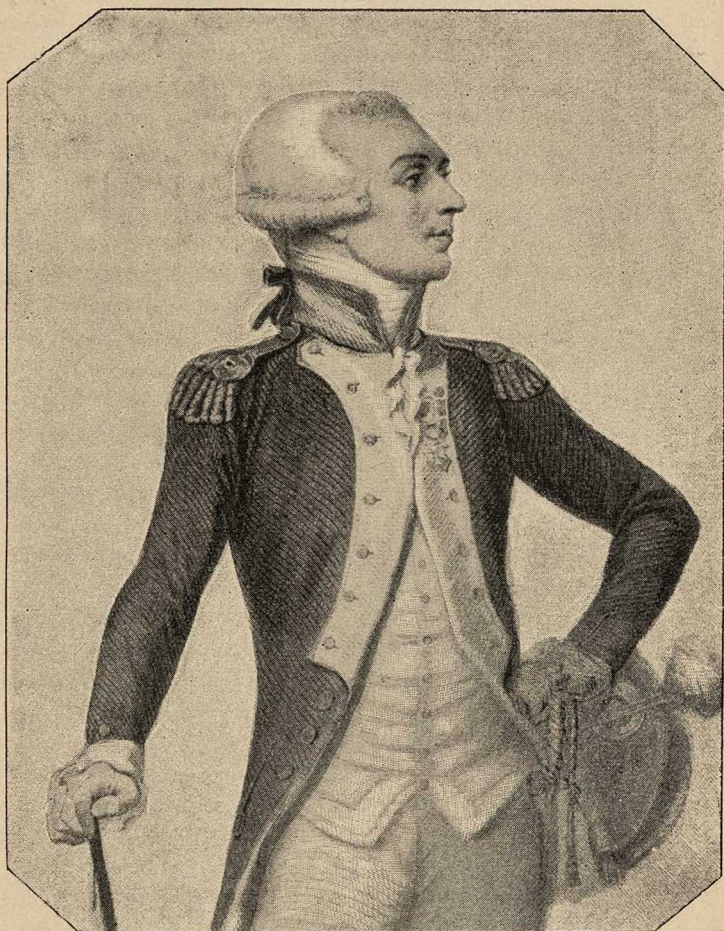
Конституціонный актъ былъ представленъ королю 3 сентября 1791 года. Туре въ слѣдующихъ словахъ отдалъ отчетъ національному собранію объ этомъ торжественномъ свиданіи побѣжденнаго монарха съ побѣдоноснымъ народомъ: „Въ 9 часовъ вечера наша депутація вышла изъ этой залы. Она отправилась во дворецъ съ почетнымъ конвоемъ, состоявшимъ изъ многочисленныхъ отрядовъ національной гвардіи и жандармеріи. Депутацію постоянно сопровождали рукоплесканія народа. Она была принята въ залъ совѣта, куда прибылъ король въ сопровожденіи своихъ министровъ и довольно большого числа слугъ. Я сказалъ королю: „Государь, избранники націи представляютъ вашему величеству конституціонный актъ, освѣщающій неизмѣнныя права французскаго народа, который возвращаетъ трону его истинное достоинство и возрождаетъ правительство страны“. Король принялъ конституціонный актъ и отвѣчалъ такъ: „Я принимаю конституцію, которую представляетъ мнѣ національное собраніе. Я сообщу ему о своемъ рѣшеніи въ возможно короткій срокъ, какого требуетъ разсмотрѣніе предмета, столь важнаго. Я рѣшилъ остаться въ Парижѣ. Я отдалъ приказанія командующему парижской національной гвардіей, какія нужны будутъ для моего охраненія“. Король все время имѣлъ довольный видъ. Судя по тому, что мы видѣли и слышали, можно предсказать, что окончаніе конституціи будетъ и концомъ революціи“. Собраніе и трибуны нѣсколько разъ аплодировали этимъ словамъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней общественныхъ надеждъ, когда партіи ступеваются, выставляя тѣмъ ярче спокойствіе добрыхъ гражданъ.

Лафайетъ снялъ оскорбительныхъ для короля часовыхъ, которые превращали Тюльери въ тюрьму для королевскаго семейства. Король пересталъ быть заложникомъ націи и снова сдѣлался кажущимся ея главою. Онъ употребилъ нѣсколько дней на такъ называемый пересмотръ конституціи. 13 сентября онъ адресовалъ собранію, чрезъ министра юстиціи, по соглашенію съ Барнавомъ, посланіе, въ которомъ говорилъ слѣдующее: „Я разсмотрѣлъ конституціонный актъ, принимаю его и прикажу выполнить. Я долженъ сдѣлать извѣстными побужденія къ такому рѣшенію. Съ самаго начала моего царствованія я желалъ истребить злоупотребленія и во всѣхъ дѣйствіяхъ руководствовался общественнымъ мнѣніемъ. Я вознамѣрился обезпечить счастье народа на прочныхъ

основаніяхъ и подчинить мою собственную власть непоколебимымъ законамъ! Эти мои намѣренія никогда не измѣнялись. Я благопріятно относился къ самымъ попыткамъ вашего дѣла даже прежде, чѣмъ оно было кончено! Я дѣлалъ это добровольно, и хотя беспорядки, которыми сопровождались почти всѣ фазисы революціи, часто огорчали мое сердце, но все-таки я надѣялся, что законъ вновь приобрететъ силу и что при приближеніи срока вашихъ работъ, съ каждымъ днемъ закону будетъ возвращаться то уваженіе, безъ котораго народъ не можетъ имѣть свободы, а король — счастья. Я долго настаивалъ на этой надеждѣ, и мое рѣшеніе измѣнилось лишь въ ту минуту, когда я покинулъ Парижъ; беспорядокъ достигъ своего апогея, своеволие печати, дерзость партій не уважали болѣе ничего. Сознаю, что если бы тогда вы представили мнѣ конституцію, я не считалъ бы своею обязанностью принять ее.

„Все измѣнилось. Вы выразили желаніе возстановить порядокъ, пересмотрѣли нѣсколько параграфовъ конституціи; воля народа не подлежитъ для меня болѣе сомнѣнію. Такимъ образомъ, я принимаю конституцію подъ лучшими предзнаменованіями, я даже добровольно отказываюсь отъ содѣйствія, котораго требовалъ въ этой работѣ, и объявляю, что если я отказываюсь, то никто другой, кромѣ меня, не въ правѣ отстаивать это требованіе. Безъ сомнѣнія, я и теперь еще вижу, что для конституціи желательны нѣкоторыя усовершенствованія, но соглашаюсь, чтобы судьбою въ этомъ отношеніи былъ опытъ. Я буду честно дѣйствовать тѣми правительственными средствами, какія мнѣ предоставлены, упрекать меня болѣе не могутъ, и нація выразитъ свои желанія тѣми путями, какіе ей сохранены конституціей. (Рукоплесканія). Пусть тѣ, которыхъ боязнъ преслѣдованій или смуть удерживаетъ внѣ отечества, получаютъ возможность безопасно возвратиться въ него. Чтобы угасить ненависть, согласимся на взаимное забвеніе прошлаго. (Новыя восклицанія трибунъ и лѣвой стороны). Пусть обвиненія и преслѣдованія, поводомъ къ которымъ служатъ только событія революціи, прекратятся среди общаго примиренія. Я не говорю о тѣхъ, которые рѣшились быть виновными только изъ привязанности ко мнѣ. Можете ли вы считать ихъ преступниками? Что же касается до людей, которые навлекли на себя преслѣдованіе закона излишествами, составляющими для меня личную обиду, то въ этомъ отношеніи я покажу себя королемъ всѣхъ французовъ. Я хочу поклясться въ вѣрности конституціи въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она составлена, и отправлюсь завтра въ полдень въ національное собраніе“.

По предложенію Лафайета собраніе единодушно постановило амнистію, которой требовалъ король. Многочисленная депутація поднесла ему декретъ объ амнистіи. При этомъ присутствовала королева. „Вотъ моя жена и мои дѣти“, сказалъ король депутаціи: „они раздѣляютъ мои чувства“. Королева, которой нужно было примирить съ собою общественное мнѣніе, подошла къ депутаціи и сказала: „вотъ мои дѣти; мы всѣ спѣшимъ раздѣлить чувства короля“. Эти слова были переданы собранію и приготовили сердца его членовъ къ прощенію, котораго испрашивалъ королевскій санъ. На слѣдующій день король явился въ собраніе. На немъ не было никакихъ украшеній, кромѣ креста Св. Людовика, въ знакъ уваженія къ недавнему декрету, уничтожившему прочіе

Лафайетъ.

кавалерскіе ордена. Король помѣстился подлѣ президента. Собраніе стояло. „Я пришел“, сказалъ король, „чтобы торжественно освятить здѣсь согласіе, данное мною конституціонному акту. Я клянусь быть вѣрнымъ націи и закону и употреблять всю опредѣленную мнѣ власть на поддержку конституціи и на исполненіе декретовъ. Пусть эта великая и достопамятная эпоха будетъ эпохой возстановленія мира и сдѣлается залогомъ счастья народа и благосостоянія государства!“ Единодушныя рукоплесканія залы и трибунъ, страстно преданныхъ свободѣ, но почтительныхъ къ королю, показали, что нація съ упоеніемъ вступала въ обладаніе добытой конституціей.

„Продолжительныя злоупотребленія“, отвѣчалъ президентъ, „которыя долгое время одерживали верхъ надъ добрыми намѣреніями лучшихъ королей, угнетали Францію. Національное собраніе установило основы общественного благополучія. Чего хочетъ оно, того хочетъ нація. Ваше Величество не напрасно болѣе будете желать счастья французамъ. Національному собранію не остается желать ничего болѣе съ того дня, какъ вы среди его завершаете конституцію, принимая ее. Привязанность французовъ возлагаетъ на васъ корону, а обезпечиваетъ ее вамъ необходимость, какую всегда будетъ чувствовать великая нація въ наследственной власти. Пусть же, государь, отведено будетъ въ исторіи высокое мѣсто этому возрожденію, которое даетъ Франціи гражданъ, французамъ — отечество, королю — новое право на величіе и славу, и которое сдѣлается для насъ новымъ источникомъ счастья!“

13.

Король удалился, сопровождаемый до Тюльери цѣлымъ собраніемъ; это шествіе съ трудомъ разсѣкало толпы народа, испускавшаго крики радости. Военная музыка и частые пушечные залпы возвѣщали Франціи, что нація и король, тронъ и свобода примирились въ конституціи, и что послѣ трехлѣтней борьбы, волненій и потрясеній наступилъ день согласія. Эти восклицанія парижскаго народа распространялись по всей странѣ. Для Франціи наступило нѣсколько дней забытья. Надежда, которая приводитъ въ умиленіе сердца людей, возродила во Франціи прежнія ея чувства къ королю. Короля и его семейство безпрестанно призывали къ окнамъ дворца, чтобы принять рукоплесканія толпы. Хотѣли имъ показать, какъ сладостна любовь народа.

Провозглашеніе конституціи 18 сентября имѣло характеръ религіознаго праздника. Марсово поле покрылось батальонами національной гвардіи; туда отправились: Вальи, мэръ Парижа, муниципалитетъ, административныя власти, цѣлый народъ. 101 пушечный выстрѣлъ привѣтствовалъ чтеніе конституціоннаго акта, произведенное съ высоты алтаря отечества. Единственный крикъ: „да здравствуетъ нація!“, произносимый 300,000 голосовъ, выражалъ принятіе народомъ конституціи. Граждане обнимались, какъ члены одной семьи. Воздушныя шары съ патріотическими надписями поднялись вечеромъ съ Елисейскихъ полей, какъ бы разнося по воздуху доказательство восторга возрожденнаго народа. Люди, которые на нихъ поднимались, бросали съ высоты въ народъ листы книги конституціи. Ночь блистала иллюминаціей. Огненные гир-

лянды, перебѣгая съ дерева на дерево, образовали отъ заставы Звѣзды до Тюльери сверкающую аллею, въ которой тѣснилось парижское населеніе. Оркестры музыкантовъ выражали въ звучныхъ аккордахъ народное торжество и радость. Лафайетъ прогуливался верхомъ во главѣ своего штаба. Его присутствіе, казалось, ставило присягу народа и короля подъ охрану вооруженныхъ гражданъ. Король, королева и ихъ дѣти показались въ экипажѣ въ 11 часовъ вечера. Громадная толпа окружала ихъ какъ бы народными объятіями; крики: *vive le roi, vive la reine, vive le dauphin!*—летѣвшія въ воздухъ шляпы, жесты энтузіазма и уваженія,—все это сдѣлало для нихъ триумфальною ту самую дорогу, по которой, 3 мѣсяца назадъ, они проѣзжали среди оскорбленій толпы и порывовъ народной ярости. Казалось, нація хотѣла искупить тѣ зловѣщіе дни и показать королю, какъ легко было умирить народъ и какъ сладостно для него царство свободы. Національное принятіе законовъ учредительнаго собранія было новымъ испытаніемъ народнаго дѣла. Оно показало, что народное желаніе было удовлетворено. Нація восторженными восклицаніями подтверждала то, что мудрость его собранія постановила вслѣдствіе размышленія. Общественному настроенію не доставало только безопасности. Можно бы подумать, что народъ хотѣлъ забыться въ бреду счастья и что этими излишествами радостныхъ манифестацій вознаграждать себя за недостатокъ прочности и продолжительности торжества.

Король искренно принялъ участіе въ этомъ общемъ движеніи умовъ. Находясь между воспоминаніями о всемъ выстраданномъ въ теченіе трехъ лѣтъ и бурями, которыя онъ предвидѣлъ въ будущемъ, король старался дѣлать самому себѣ иллюзіи и убѣждать себя въ счастья. Онъ говорилъ себѣ, что, быть можетъ, ошибался въ общественномъ настроеніи, и что теперь, когда онъ вполне положился на милость своего народа, этотъ народъ будетъ уважать въ королѣ свое собственное могущество и свою собственную волю; въ своемъ честномъ и добромъ сердцѣ король клялся въ вѣрности конституціи и въ любви къ націи, которая его любила.

Сама королева вошла во дворецъ въ болѣе конституціонномъ настроеніи, чѣмъ прежде. Она сказала королю: „это болѣе не тотъ народъ“ и, взявъ на руки сына, показала его толпѣ, которая покрывала террасу; казалось, королева прикрывала и себя въ глазахъ народа невинностью ребенка и материнскими чувствами.

Нѣсколько дней спустя король далъ праздникъ парижскому народу и роздалъ бѣднымъ изобильныя пособія. Онъ хотѣлъ, чтобы и несчастные имѣли свою долю радости при наступленіи новой эры счастья, которую обѣщало для дальнѣйшаго царствованія примиреніе короля съ народомъ. Въ парижскомъ соборѣ было пропѣто *Te Deum*, какъ бы въ день побѣды, чтобы благословить колыбель французской конституціи. Наконецъ, 30 сентября король явился лично закрыть учредительное собраніе. Предъ прибытіемъ его въ залу, Балли—отъ имени муниципалитета, Пасторе—отъ имени административныхъ властей—поздравили собраніе съ окончаніемъ его дѣла. „Законодатели“, говорилъ Балли, „вы были облечены величайшею властью, какою могутъ быть облечены люди. Завтра вы уже будете ничѣмъ. Такимъ образомъ, васъ заставляютъ хвалить не интересъ и не лесть, а самыя ваши дѣла. Мы возвѣщаемъ вамъ

благословеніе потомства, которое сегодня для васъ начинается!“ „Свобода“, сказалъ Пасторе, „бѣжала за моря и скрылась въ горахъ: вы подняли ея упавшій тронъ. Деспотизмъ сгладилъ всѣ страницы книги природы; вы возстановили символъ вѣры свободныхъ людей!“

14.

Король, окруженный своими министрами, въ три часа явился въ собраніе. Продолжительные крики: „vive le roi!“ не давали ему нѣкоторое время говорить. „Господа“, сказалъ Людовикъ XVI, „завершивъ конституцію, вы избрали настоящий день концомъ своихъ работъ. Быть можетъ, должно желать, чтобы ваша сессія продолжалась еще нѣкоторое время, чтобы вы сами могли испытать свое дѣло. Но вы хотѣли, безъ сомнѣнія, обозначить различіе, которое должно существовать между дѣйствіями учредительнаго собранія и обыкновенными законодателями. Я употреблю всю силу, какую вы мнѣ вѣбрили, на обезпеченіе конституціи должныхъ ей уваженія и повиновенія. Вамъ, господа, которые въ теченіе долгаго и тяжелаго дѣла выказали неутомимое рвеніе къ своему труду, вамъ остается выполнить послѣднюю обязанность въ то время, когда разойдетесь по всему государству: просвѣтить вашихъ согражданъ относительно духа созданныхъ вами законовъ, очистить и соединить мнѣнія своимъ примѣромъ, — примѣромъ любви къ порядку и подчиненія законамъ. Возвратившись къ своимъ домашнимъ очагамъ, будьте истолкователями моихъ чувствъ подлѣ вашихъ согражданъ. Скажите же имъ, что король всегда будетъ ихъ первымъ и самымъ вѣрнымъ другомъ, что онъ нуждается въ ихъ любви и не можетъ быть счастливъ иначе, какъ съ ними и чрезъ посредство ихъ“.

Президентъ отвѣчалъ королю слѣдующее: „Національное собраніе, достигшее конца своего дѣла, наслаждается въ эту минуту первымъ плодомъ своихъ трудовъ. Убѣжденное, что Франціи всего больше годится такое правительство, которое примиряетъ уважаемыя прерогативы трона съ неотчуждаемыми правами народа, оно дало государству конституцію, одинаково гарантирующую и королевскій санъ и свободу. Наши преемники, на которыхъ возложится страшное бремя государственнаго блага, сознаютъ и свои права и свои конституціонныя обязанности. А вы, государь, вы почти все сдѣлали: принявъ конституцію, вы окончили революцію“.

Король вышелъ среди громкихъ восклицаній. Казалось, что національное собраніе сгѣшило сложить съ себя отвѣтственность за событія, управлять которыми чувствовало себя не въ силахъ. „Національное учредительное собраніе объявляетъ“, сказалъ Тарже, его президентъ, „что назначеніе его окончилось, и въ эту минуту оно кончаетъ свои засѣданія“.

Народъ тѣснившійся толпами вокругъ зданія Собранія и съ горечью замѣтившій, что революція отрывается отъ своего дѣла и предается въ руки короля, оскорблялъ членовъ правой стороны, по мѣрѣ того, какъ узнавалъ ихъ, и даже Барнава; съ перваго же дня эти люди испытали на себѣ неблагодарность, которую такъ часто сами возбуждали. Они разошлись печальные и упавшіе духомъ.

Когда вышли Робеспьеръ и Петіонъ, народъ увѣнчалъ ихъ дубовыми листьями и отпрягъ лошадей изъ ихъ экипажей, чтобы съ триумфомъ провезти своихъ любимцевъ. Могущество этихъ двухъ людей уже показывало слабость конституціи и предвѣщало ея паденіе. Прощенный король возвращался безсильнымъ въ свой дворецъ. Боязливые законодатели въ смущеніи покидали свое дѣло. Два торжествующіе трибуна были возвеличены народомъ. Тутъ заключалась вся будущность. Учредительное собраніе, начавшееся возстаніемъ во имя принциповъ, кончало перепективой мятежа. Была ли это вина самихъ принциповъ? Была ли это ошибка собранія? Мы рассмотримъ эти вопросы въ концѣ седьмой книги, при общемъ обзорѣ дѣйствій національнаго собранія. Рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ мы приведемъ тамъ, чтобы не прерывать нить разсказа.

V.

Состояніе Европы.—Среди державъ проявляется движеніе.—Армія французскихъ принцевъ въ Кобленцѣ.—Конференціи въ Пильницѣ.—Первые слухи о войнѣ приняты сочувственно конституціонистами, жирондистами и якобинцами, за исключеніемъ Робеспьера.—Г-жа Сталь.—Ея личность.—Ея вліяніе среди конституціонной партіи.—Графъ Людовикъ Нарбоннѣ.—Конституціонисты хотять привлечь въ свою партію герцога Брауншвейгскаго.—Онъ отказывается отъ этого.

1.

Пока Франція отдыхала между двумя потрясеніями, а нерѣшительная революція не знала, остановиться ли на добытой уже конституціи или употребить ее орудіемъ для завоеванія себѣ республики, Европа начала волноваться и сговариваться. Эгоистическая и непредусмотрительная, она въ первыхъ симптомахъ французской революціи увидѣла лишь что-то въ родѣ философской драмы, разыгравшейся въ Парижѣ, при обстановкѣ нотаблей, государственныхъ чиновъ и учредительнаго собранія,—драмы, въ которой дѣйствующими лицами были народный геній—въ лицѣ Мирабо, и другой—уже побѣжденный геній аристократіи, воплощенный въ Людовикѣ XVI и высшемъ духовенствѣ. Это великое зрѣлище было для государей и ихъ министровъ лишь продолженіемъ той борьбы, за которой они уже слѣдили съ большимъ интересомъ и втайнѣ сочувствовали, борьбы между Вольтеромъ и Жанъ-Жакъ-Руссо съ одной стороны и старымъ аристократическимъ и религіознымъ міромъ—съ другой. Для нихъ революція была не болѣе, какъ философій XVIII вѣка, перешедшею изъ салоновъ на площадь и изъ книгъ—въ рѣчи. Это потрясеніе нравственнаго міра и удары, слышныя вдали, въ Парижѣ,—предвѣстники чего-то неизвѣстнаго въ судьбахъ Европы,—скорѣе радовали, чѣмъ тревожили государей того времени. Они еще не замѣчали, что учрежденія — тѣ же идеи и что эти идеи, побѣжденные во Франціи, увлекли за собою въ своемъ паденіи троны и національности. Когда providence ведетъ событія къ какой-нибудь цѣли, то все дѣйствующія въ этихъ событіяхъ лица, сами того не зная, также желаютъ ея достиженія и способствуютъ этому. Европа предоставляла первымъ актамъ французской революціи время свободно развиваться, отнеслась къ нимъ со вниманіемъ, даже сообщила имъ громовой отголосокъ: это-то и было нужно для роста революціи. Искра, не затушенная при первомъ своемъ появленіи,

должна была все зажечь и все поглотить. Политическое и нравственное состояніе Европы того времени было въ высшей степени благопріятно для распространенія новыхъ идей. Время, обстоятельства и люди сложились въ пользу Франціи.

2.

Продолжительный миръ способствовалъ успокоенію умовъ и уничтожилъ племенную вражду, которая сопротивляется обмѣну чувствъ между народами и достиженію ими одного уровня идей. Со временъ Вестфальскаго мира Европа была настоящей республикой державъ, равновѣсіе которыхъ поддерживалось съ трудомъ и весьма несовершенно; въ этой системѣ общее политическое равновѣсіе было результатомъ уравниванія державами взаимно одна другой. Простой бѣглый взглядъ ясно показываетъ единство и прочность этого европейскаго механизма, составныя части котораго, оказывая другъ другу равное сопротивленіе, взаимно пользовались и равною поддержкою вслѣдствіе давленія всѣхъ государствъ другъ на друга.

Германія была конфедераціей подъ предсѣдательствомъ Австріи. Императоры были не болѣе какъ главами этого древняго феодальнаго собранія королей, герцоговъ и курфюрстовъ. Австрійскій домъ пользовался болѣе чѣмъ вслѣдствіе императорскаго достоинства. Двѣ короны—Венгріи и Богеміи, Тироль, Италія и Нидерланды дали ему перевѣсъ, который даже умъ Ришелье могъ только колебать, но не разрушить. Держава болѣе оборонительная, чѣмъ наступательная, Австрія обладала всѣмъ нужнымъ для устойчиваго существованія, но не для дѣйствія. Сила этой державы заключалась именно въ ея устойчивомъ положеніи и подвижности. Она была какъ бы тяжелымъ балластомъ среди Германіи. Моущество Австріи заключалось въ тяжести: она была пружиною европейскаго равновѣсія. Но федеральный сеймъ все-таки замедлялъ и ослаблялъ ея намѣренія судорожными отраженіями различныхъ вліяній, неизбѣжныхъ при всякой федераціи. Между тѣмъ, въ теченіе продолжительнаго соперничества между домомъ Бурбоновъ и домомъ австрійскимъ, въ Европѣ возникли два новыя государства, до временъ Людовика XIV совершенно незамѣтныя, одно на сѣверѣ Германіи—Пруссія, другое на востокѣ—Россія. Политика Англіи способствовала росту этихъ двухъ ростковъ, стараясь создать на материкѣ элементы такихъ политическихъ комбинацій, которыя позволили бы ея интересамъ прочно тамъ утвердиться.

3.

Не прошло еще столѣтія, какъ германскій императоръ пожаловалъ титулъ короля маркграфу Бранденбургскому, небольшому владѣтелю съ двумя милліонами подданныхъ, и уже Пруссія уравнивала въ Германіи власть австрійскаго дома; макиавелевскій геній великаго Фридриха сдѣлался геніемъ Пруссіи. Его монархія, составленная изъ клочковъ, нарванныхъ отовсюду побѣдами, нуждалась въ войнѣ, чтобы еще болѣе увеличиться, нуждалась въ волненіяхъ и интригахъ, чтобы пріобрѣсти себѣ законное признаніе. Пруссія была закваскою

разложенія среди германскаго тѣла; Англія, тщательно поддерживавшая раздоры въ Германіи, сдѣлала Пруссію своимъ рычагомъ. Россія, которая уже тогда замышляла свои честолюбивыя планы, съ одной стороны, противъ Азіи, съ другой—противъ Европы, сдѣлала изъ Пруссіи свой авангардъ на западѣ. Пруссія была ея лагеремъ, выдвинутымъ до береговъ Рейна, — остриемъ русской шпаги, направленнымъ въ самое сердце Франціи.

Пруссія была прежде всего военной державой: ея правительство было — сама дисциплина, ея народъ былъ войскомъ. Прусская политика состояла въ томъ, чтобы стоять во главѣ протестантскихъ государствъ и оказывать поддержку всѣмъ интересамъ, всѣмъ честолюбіямъ, какія были оскорблены австрійскимъ домомъ. Пруссія была по своей натурѣ революціонной силой.

Россіи судьба отвела на земномъ шарѣ неблагоприятное по почвѣ, но громадное пространство; разбѣянное по этому пространству тамъ и сямъ 40 миллионное населеніе лишь неукротимый геній Петра Великаго заставилъ превратиться въ націю. Россія, казалось, колебалась еще въ нерѣшимости между двумя влеченіями, изъ которыхъ одно тянуло ее къ Германіи, другое къ имперіи Оттомановъ. Этой страной правила Екатерина II, женщина античнаго міра какъ по чрезвычайной красотѣ и генію, такъ и по своимъ недостаткамъ. Каждый шагъ ея, сдѣланный по направленію къ Азіи, встрѣчалъ въ Европѣ удивленіе и сочувствіе. Для русской императрицы оживало имя Семирамиды. Россія, Пруссія и Франція, утраченные ея славой, рукоплескали войнамъ Россіи съ турками и завоеваніямъ на Черномъ морѣ, повидимому, не понимая, что она переносила туда центръ тяжести европейскаго равновѣсія, и что какъ только Россія сдѣлается повелительницею Польши и Константинополя, то потомъ ничто не помѣшаетъ ей обратиться противъ Германіи и простереть свою другую руку на цѣлый западъ.

4.

Англія, оскорбленная въ своей морской гордости блестящимъ соперничествомъ, — которое оказывали ей французскія эскадры въ индѣйскихъ моряхъ, — уязвленная въ своемъ національномъ чувствѣ помощью, которую Франція подала Америкѣ въ войнѣ за независимость, вступила въ 1788 г. въ тайный союзъ съ Пруссіей и Голландіей, чтобы уравнивать результаты союза Франціи съ Австріей и утратить Россію среди ея завоевательныхъ замысловъ противъ турокъ. Англія въ эту эпоху вся совмѣстилась въ геніальномъ умѣ одного человѣка—Питта, величайшаго изъ государственныхъ людей конца послѣдняго столѣтія.

Сынъ лорда Чатама, единственный политическій ораторъ новѣйшаго времени, который можетъ равняться Демосѣну, если не превосходить его, Питтъ, рожденный, такъ сказать, въ совѣтѣ королей и выросшій на трибунѣ своего отечества, принялся за дѣла 23 лѣтъ отъ роду. Въ этомъ возрастѣ, когда человѣкъ еще только развивается, онъ стоялъ уже выше всѣхъ среди членовъ той самой аристократіи, которая довѣряла ему, какъ самому достойному. Почти ребенкомъ Питтъ принялъ правленіе своей страны благодаря удивленію, которое возбуждалъ его талантъ. Онъ удержалъ за собою правительственную

власть, почти безъ перерыва, до самой смерти, благодаря возвышенности своихъ взглядовъ и энергіи своихъ рѣшеній. Даже относительно палаты общинъ онъ поступалъ, какъ можетъ поступать великій государственный человѣкъ, который опирается на здравый смыслъ своей націи и можетъ дѣйствовать какъ при помощи парламента, такъ иногда и вопреки ему. Питту случалось дѣлать насиліе общественному мнѣнію. Онъ былъ деспотомъ конституціи, если можно сопоставить эти два слова, которыя одни только вполнѣ рисуютъ его легальное всемогущество. Борьба противъ французской революціи была непрерывнымъ дѣломъ цѣлыхъ 25 лѣтъ его министерской жизни. Питтъ создалъ себѣ роль антагониста Франціи и умеръ побѣжденнымъ.

Но онъ ненавидѣлъ собственно не революцію, а Францію, а во Франціи ненавидѣлъ больше всего не свободу (онъ самъ обладалъ свободнымъ духомъ), а именно нарушеніе европейскаго равновѣсія, вслѣдствіе чего Англія становилась уединенною среди своего океана. Въ это время Англія находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Америкой, въ войнѣ съ Индіей, питала холодность къ Испаніи и глухую ненависть къ Россіи; на материкѣ ей оставались только Пруссія и голландскій штатгалтеръ; наблюденіе и выжиданіе были необходимою для нея политикой.

5.

Испанія, разслабленная правленіемъ Филиппа V, возвратила себѣ нѣкоторую внутреннюю жизненность и нѣкоторое внѣшнее достоинство въ теченіе долгаго царствованія Карла III. Министры его—Кампоманесь, Флорида Вланка, графъ Аранда вели борьбу противъ суевѣрія, этой второй натуры испанцевъ. Переворотъ, задуманный въ безмолвіи и выполненный дворомъ, какъ заговоръ, изгналъ изъ королевства іезуитовъ, которые царствовали въ Испаніи отъ имени королей. Семейный договоръ, заключенный въ 1761 г. между Людовикомъ XV и Карломъ III, гарантировалъ всѣ троны и всѣ владѣнія различныхъ отраслей дома Бурбоновъ. Но этотъ политическій договоръ не могъ защитить династію Бурбоновъ, раздѣленную на нѣсколько вѣтвей, отъ истощенія соковъ и упадка силъ; вслѣдствіе котораго наслѣдниками великихъ королей дѣлаются выродившіеся принцы. Бурбоны, сдѣлавшіеся сатрапами въ Неаполѣ, наслѣдовали въ Испаніи царственнымъ монахамъ. Эскуриаль былъ не столько дворцомъ, сколько монастыремъ королевства, которое добровольно подчинилось мрачнымъ дѣламъ ханжества Филиппа II. Монашеская система грызла Испанію. Эта несчастная страна поклонялась тому самому злу, отъ котораго гибла. Послѣ подчиненія калифамъ она покорилась папамъ. Милиція ихъ царствовала тамъ подъ всевозможными костюмами. Неподвижная теократія совершала тамъ свой послѣдній опытъ. Никогда система духовенства не владѣла націей болѣе, чѣмъ здѣсь, и никогда она не доводила народъ до болѣе полного изнеможенія. Инквизиція была правительствомъ Испаніи, ауто-да-фе—торжествомъ, бои быковъ и процессіи—праздниками. Еще нѣсколько лѣтъ такого царства инквизиторовъ, и испанцы не считались бы болѣе цивилизованнымъ народомъ.

Самъ Карлъ III трепеталъ на тронѣ при каждой попыткѣ эманципировать свое правительство. Добрыя намѣренія этого государя оставались безплодными

и безсильными. Онъ вынужденъ былъ пожертвовать своими министрами мщенію фаватиковъ. Флорида Бланка и Аранда умерли въ изгнаніи, наказанные за желаніе послужить своему отечеству. На тронъ вступилъ слабый Карль IV и нѣсколько лѣтъ царствовалъ подъ опекою невѣрной жены, духовника и любимца. Любовныя отношенія между Годои и королевой составляли всю политику Испаніи. Счастіе фаворита было главною цѣлью, которой приносилось въ жертву все государство. Пусть флотъ чахнетъ въ неоконченныхъ гаваняхъ Карла III, — пусть въ испанской Америкѣ зарождается мысль о независимости и дѣлаются попытки въ этомъ направленіи, — Италію порабощаетъ Австрія, домъ Бурбоновъ безнадежно борется во Франціи противъ новыхъ идей, — пусть инквизія и монахи поглощаютъ пиренейскій полуостровъ, — что за дѣло до всего этого двору, лишь бы только королева была любима, а Годои не утратилъ своего величія. Дворецъ въ Аранхуэцѣ былъ какъ бы могилою Испаніи; духъ жизни, волновавшій Европу, не проникалъ туда.

6.

Еще менѣе значила Италія, разрѣзанная на части, безсильныя соединиться. Неаполь томился подъ властью Испанскаго дома. Миланъ и Ломбардія выносили иго австрійскаго владычества. Римъ былъ только столицею идеи. Народъ его исчезъ. Это были новѣйшія Дельфы, куда каждый кабинетъ посылалъ за благопріятными для своихъ дѣлъ предвѣщаніями и платилъ за нихъ священнымъ коллегіямъ. Центръ дипломатіи, куда всякое мірское честолюбіе являлось унижаться, чтобы чрезъ это болѣе вырасти, римскій дворъ могъ сдѣлать все, чтобы взволновать католическую Европу, — она же не могла ничего сдѣлать, чтобы имъ управлять. Избирательная аристократія кардиналовъ, частію назначенныхъ иностранными державами, враждебными другъ другу, избирательная монархія папы, выбираемаго на старости и коронуемаго подъ условіемъ скорой смерти, — таково было свѣтское правительство римской области; это правительство соединяло въ себѣ всѣ слабости анархіи и всѣ пороки абсолютизма. Оно произвело то, что должно было произвести: порабоженіе государства, нищенство правительства, бѣдность народа. Римъ былъ лишь великой католической муниципіей. Его правительство было не болѣе, какъ республикой дипломатовъ. Тамъ былъ храмъ, обогащенный приношеніями христіанскаго міра, были государь и посланники, но не было ни народа, ни казны, ни армии. Это была уважаемая тѣнь всемірной монархіи, на которую претендовали папы въ эпоху юности католицизма и отъ которой они сохранили только столицу и дворъ.

7.

Венеція клонилась къ упадку, но безмолвіе и неподвижность ея правительства скрывали отъ нея самой его дряхлость. Это правительство было державной аристократіей, которая основывалась на народномъ развращеніи и на доносахъ. Нервомъ этого правительства было шпіонство, обаяніемъ — таинственность, а силою — казни. Оно жило страхомъ и развратомъ, представляя странный и единственный въ мірѣ принципъ. Полиція была тайною исповѣдью

каждаго противъ всѣхъ. Ея тюрьмы, въ которыя входили ночью по „мосту вздоховъ“, были адомъ, двери котораго навсегда закрывались за вошедшимъ. Богатства Востока стали приливать въ Венецію со времени паденія Восточной Имперіи. Венеція сдѣлалась пріютомъ греческой цивилизаціи и Константинополемъ Адриатики. Падавшее искусство переселилось туда изъ Византіи вмѣстѣ съ торговлею. Великолѣнные дворцы, омываемые волнами, тѣснились тамъ на узкомъ пространствѣ. Это былъ какъ бы корабль на якорѣ, на который береговое населеніе, выгнанное изъ своихъ жилищъ, спасается вмѣстѣ со своими сокровищами. Венеція казалась недоступною для нападенія, но сама не могла имѣть на Италію никакого вліянія.

8.

Генуя, республика болѣе многочисленная и болѣе бурная, существовала только благодаря своему мореходству и своей торговлѣ. Заключенная между безплодными горами и заливомъ, безъ приморскаго берега, она была въ сущности лишь гаванью, населенною матросами. Мраморные дворцы, построенные этажами на крутомъ берегу, всѣ смотрѣлись въ море, единственную территорію Генуи. Портреты дождей и статуя Андрея Дорія непрерывно напоминали ей, что счастье и слава Генуи доставлены волнами, и что только тамъ можетъ она искать ихъ. Валы города были неприступны для нападенія, арсеналы были полны; Генуя составляла цитадель вооруженной торговли.

Счастливая Тоскана, устроенная и просвѣщенная фамиліей Медичи, этими Периклами Италіи, была страной ученою, земледѣльческою, промышленною, но не военною. Австрійская династія управляла Тосканой въ лицѣ своихъ эрцгерцоговъ. Эти сѣверные принцы, переселившіеся во дворцы, построенные Питти для котораго-нибудь Козмы Медичи, усвоивали себѣ кроткіе и изящные тосканскіе нравы. Климатъ и тишина флорентинскихъ холмовъ умягчали ихъ до того, что дѣлали возможною тираннію. Эти принцы становились или развратниками или мудрецами. Флоренція, городъ Льва Х, философіи и искусствъ, стала отчасти городомъ религіи. Католицизмъ, столь суровый въ Испаніи, мрачный на сѣверѣ, строгій и придерживавшійся буквы во Франціи, народный въ Римѣ, сдѣлался во Флоренціи, при правителяхъ изъ дома Медичи и при греческихъ философахъ, чѣмъ-то въ родѣ платонической и просвѣщенной теоріи, догматы которой были священными символами, и которая своею пышностью доставляла упоеніе и для души и для чувствъ. Церкви Флоренціи были скорѣе христіанскими музеями, чѣмъ святилищами. Со времени вступленія Магомета II въ Константинополь колоніи всѣхъ искусствъ и ремеслъ выселились во Флоренцію; тамъ они процвѣтали. На берегахъ Арно появились новыя Аѳины, наполненные, подобно древнимъ, храмами, портиками и статуями.

Леопольдъ, принцъ-философъ, предавался тамъ изученію искусства управлять людьми и проводилъ на практикѣ новѣйшія теоріи политической экономіи, ожидая своего вступленія на австрійскій императорскій тронъ. Судба не долго оставила его въ Тосканѣ. Леопольдъ былъ нѣмецкимъ Германикомъ. Философія должна была лишь не надолго показать его міру послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Италіи.

Пьемонтскія владѣнія, границы которыхъ проникали во внутренность Франціи долинами Альповъ, а съ другой стороны доходили до стѣнъ Генуи и австрійскихъ владѣній на По, управлялись савойскимъ домомъ, одною изъ древнѣйшихъ королевскихъ фамилій Европы. Эта военная монархія имѣла въ Туринѣ укрѣпленный лагерь, а не столицу. Равнины Италіи, занимаемыя Пьемонтомъ, были во всѣ времена и должны были всегда оставаться боевымъ полемъ между Австріей и Франціей. Позиція, занимаемая этимъ государствомъ, была ключемъ Италіи.

Населеніе Пьемонта, привычное къ войнѣ, должно было постоянно оставаться вооруженнымъ для собственной защиты или для помощи какой-нибудь изъ двухъ державъ, соперничество которыхъ одно только и обезпечивало его независимость. Военный духъ этого государства былъ его силою; слабость же его заключалась въ томъ, что половина владѣній находилась въ Италіи, другая во Франціи. Савойя — страна совершенно французская по языку, по происхожденію, по обычаямъ. При всѣхъ великихъ переворотахъ, Савойя должна была отдѣляться отъ Италіи и сама собою переходить къ Франціи. Альпы составляютъ такую необходимую границу между двумя народами, что не могутъ принадлежать одному изъ нихъ. Если ихъ южный склонъ принадлежитъ Италіи, то сѣверный долженъ принадлежать Франціи. Снѣга, солнце и воды обозначили этотъ раздѣлъ Альповъ между двумя народами. Политика не можетъ долго и безнаказанно сопротивляться природѣ. Савойскій домъ не довольно могуществененъ, чтобы охранять нейтральность альпійскихъ долинъ и путей въ Италію. Въ Италіи домъ этотъ можетъ возвеличиться, но обратившись противъ Франціи, будетъ неизбѣжно сокрушенъ. Туринскій дворъ находился въ двойномъ родствѣ съ французскою династіей посредствомъ брачныхъ союзовъ: братьевъ Людовика XVI, графовъ Прованскаго и Артуа, съ двумя савойскими принцессами. Этотъ дворъ былъ подверженъ вліянію духовенства болѣе всякаго другого итальянскаго двора. Онъ инстинктивно ненавидѣлъ всѣ революціи потому, что всякая революція угрожала его существованію. По своему религіозному духу, семейнымъ отношеніямъ и политическимъ стремленіямъ пьемонтскій дворъ долженъ былъ сдѣлаться первымъ очагомъ заговора противъ французской революціи.

9.

Другой такой очагъ находился на сѣверѣ: это была Швеція. Но тамъ не суевѣрное рабство католицизма, не фамилные интересы, даже не интересы національности возбуждали въ королѣ непріязнь къ революціи; это было чувство болѣе высокое, — именно, безкорыстная слава сражаться за дѣло королей, а особенно за королеву, красота и несчастія которой увлекли и умилили сердце Густава III. Это былъ послѣдній отблескъ рыцарскаго духа, который мстил за женщину, подавалъ помощь жертвамъ, оказывалъ поддержку праву. Угаснувъ на югѣ, онъ блеснулъ въ послѣдній разъ на сѣверѣ, въ сердцѣ короля.

Въ политикѣ Густава III была частица предпріимчиваго генія Карла XII. Швеція подъ династіей Вазы была страной героевъ. Но когда геройство несоразмѣрно съ силами и способностями, оно дѣлается похоже на безуміе. Въ

планахъ Густава противъ Франціи заключались и геройство и глупость. Но эта глупость была благородна, какъ самое дѣло Густава, и высока, какъ его мужество. Судьба приучила Густава къ смѣлымъ и отчаяннымъ предпріятіямъ. Успѣхъ научилъ его не видѣть нигдѣ невозможнаго. Онъ произвелъ революцію въ своемъ королевствѣ, осмѣлился встрѣтить одинъ лицомъ къ лицу русскаго колосса, и если бы Пруссія, Австрія и Турція помогли Густаву, то Россія встрѣтила бы себѣ серьезное препятствіе на сѣверѣ. Оставленный своими войсками, заключенный въ палаткѣ возмущившимися генералами, Густавъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ и отправился одинъ лично дѣлать воззваніе къ храбрымъ далекарлійцамъ. Краснорѣчіе и мужество Густава вызвали изъ земли новую армію; онъ наказалъ измѣнниковъ, соединилъ трусовъ, окончилъ войну и съ торжествомъ возвратился въ Стокгольмъ на рукахъ восторженнаго народа. Во второй разъ, видя, какъ отечество волнуется вслѣдствіе анархическаго преобладанія дворянства, онъ рѣшился изъ своего дворца ниспровергнуть конституцію. Сходясь въ мысляхъ съ буржуазіей и съ народомъ, онъ, со шпагою въ рукѣ, увлекъ войска, заключилъ сенатъ въ залѣ его засѣданій, низвергнулъ власть дворянства и добылъ королевскому сану тѣ прерогативы, которыхъ ему недоставало для защиты отечества и управленія имъ. Въ три дня, безъ пролитія капли крови, Швеція сдѣлалась монархіею благодаря шпагѣ Густава. Довѣріе его къ собственной смѣлости отъ этого возросло. Монархическое чувство укрѣпилось въ немъ всею ненавистью, какую онъ питалъ къ привилегіямъ сословій, имъ низвергнутымъ. Дѣло королей было повсемѣстно его дѣломъ.

Густавъ страстно принялъ къ сердцу дѣло Людовика XVI. Миръ, заключенный тогда съ Россіей, позволилъ ему обратить свои взоры и силы на Францію. Военный геній Густава уже мечталъ о триумфальной экспедиціи на берега Сены: вотъ гдѣ онъ хотѣлъ завоевать себѣ славу. Онъ видѣлъ Парижъ въ молодости. Подъ именемъ графа Гага онъ пользовался гостепріимствомъ въ Версали. Марія Ангуанетта, которая была тогда въ полномъ блескѣ молодости и красоты, очутилась теперь униженною плѣнницею въ рукахъ безжалостнаго народа. Освободить эту женщину, возстановить тронъ, заставить благословлять себя и вмѣстѣ съ тѣмъ бояться себя во французской столицѣ, — это казалось ему однимъ изъ тѣхъ приключеній, какихъ нѣкогда искали коронованные рыцари. Только финансы Густава противились выполненію этого смѣлаго плана. Онъ велъ переговоры съ испанскимъ дворомъ о займѣ, приглашалъ къ себѣ французскихъ эмигрантовъ, извѣстныхъ военными талантами, спрашивалъ плановъ у маркиза Булье, упрасивалъ дворы Вѣнскій, Петербургскій и Берлинскій соединиться съ нимъ въ общемъ крестовомъ походѣ королей. Отъ Англіи Густавъ требовалъ только нейтралитета. Россія ободряла Густава. Екатерина чувствовала себя оскорбленною униженіемъ королевскаго сана во Франціи. Россія вела переговоры, Австрія выжидала, Испанія трепетала, Англія наблюдала. Каждый новый взрывъ революціи во Франціи заставлялъ Европу нерѣшительною, со множествомъ совѣтовъ и намѣреній; монархическая Европа, колеблющаяся и лишенная единодушія, не знала, чего ей должно бояться и на что она можетъ рѣшиться.

Таково было политическое положеніе, занятое европейскими кабинетами относительно Франціи. Но, по отношенію къ идеямъ, настроеніе народовъ было иное.

Умственному и философскому движенію въ Парижѣ соотвѣтствовало движеніе въ остальной Европѣ, а особенно въ Америкѣ. Испанія, при Арандѣ, просвѣщалась первыми лучами здравого смысла: іезуиты были изгнаны изъ нея правительствомъ. Инквизиція загасила свои костры. Испанское дворянство краснѣло за священную охлократію своихъ монаховъ. Вольтеръ имѣлъ корреспондентовъ въ Кадиксѣ и Мадридѣ. Контрабанда французской мысли находила благопріятный пріемъ въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые обязаны были предупреждать ее. Французскія книги проходили чрезъ свѣга Пиринеевъ. Фанатизмъ, захваченный свѣтомъ въ своемъ послѣднемъ логовищѣ, видѣлъ, что Испанія отъ него ускользала. Самыя крайности долго выносимой тиранніи готовили пылкіе умы къ крайностямъ свободы. Въ Италіи и въ самомъ Римѣ мрачный католицизмъ среднихъ вѣковъ освѣщался отраженіемъ свѣта своего времени. Онъ даже игралъ опаснымъ оружіемъ, которое философія обращала противъ него. Казалось, католицизмъ считалъ себя одряхлѣвшимъ учрежденіемъ, которое должно было испросить прощеніе своему существованію любовью къ свѣтскимъ владѣтелямъ и къ духу своего времени. Бенедиктъ XIV, Ламбертини, принялъ отъ Вольтера посвященіе „Магомета“. Кардиналы Пасіонеи и Квирины были въ перепискѣ съ Фернеемъ. Въ римскихъ буллахъ рекомендовались терпимость къ диссидентамъ и повиновеніе государямъ. Папа отрекся отъ „общества Іисусова“ и преобразовалъ его, лаская, такимъ образомъ, духъ вѣка. Климентъ XIV, Ганганелли, уничтожилъ орденъ іезуитовъ, конфисковалъ ихъ имущества и заперъ начальника іезуитовъ, Риччи, въ замокъ св. Ангела, эту папскую Бастилію.

Строгій только къ безразсуднымъ ревнителямъ вѣры, онъ восхищалъ христіанскій міръ евангельскою кротостію, а также граціею и солью своего ума; но шутка бываетъ первою профанаціею догмата. Толпа иностранцевъ и англичанъ, которыхъ пріемъ папы привлекалъ въ Италію и удерживалъ въ Римѣ, открыла туда доступъ, вмѣстѣ съ золотомъ и наукою, скептицизму и индифферентизму, которые разрушаютъ вѣрованія прежде чѣмъ подорвать учрежденія.

Неаполь, управляемый развратнымъ дворомъ, свободно пропускалъ фанатизмъ въ низшій классъ народа. Флоренція, подъ управленіемъ принца-философа, представляла собою опытную колонію новыхъ ученій. Поэтъ Альфьери, — Тиртей итальянской свободы, — поставилъ тамъ на сцену свои революціонныя драмы и разсѣялъ по всѣмъ итальянскимъ театрамъ свои тирады противъ двойной тиранніи — папъ и королей.

Миланъ, подъ австрійскимъ знаменемъ, содержалъ въ своихъ стѣнахъ цѣлую республику поэтовъ и философовъ. Беккарія писалъ смѣлѣе Монтескье; его книга „о преступленіяхъ и наказаніяхъ“ была настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ всѣхъ законовъ его страны. Парини, Монти, Чезаротти, Пирдемонте, Уго Фосколо, — поэты веселые, серьезные, героическіе, — то язвили смѣшныя стороны своихъ тирановъ и трусость своихъ соотечественниковъ, то воспѣвали въ патріотическихъ одахъ добродѣтели предковъ и близкое освобожденіе Италіи.

Только Туринъ, приверженный къ савойскому дому, молчалъ и изгонялъ Альфьери.

Въ Англіи мысль, свободная съ давнихъ поръ, способствовала стойкости нравовъ. Аристократія была тамъ такъ могущественна, что никогда не терпѣла преслѣдованій. Богослуженіе и совѣтъ въ Англіи пользовались равною независимостью. Господствующая религія тамъ была лишь политическимъ учрежденіемъ, которое, налагая извѣстныя обязанности на гражданъ, не стѣсняло ихъ вѣрованій. Само правительство было народнымъ; только народъ составлялся лишь изъ первыхъ лицъ среди гражданъ. Палата общинъ больше походила на аристократическій сенатъ, чѣмъ на демократическій форумъ; но этотъ парламентъ постоянно былъ открытымъ учрежденіемъ, и самые смѣлые правительственные вопросы обсуждались тамъ вслухъ, предъ лицомъ трона, въ глазахъ націи и Европы. Королевскій санъ, почитаемый по формѣ, но въ сущности безсильный, имѣлъ только верховное предсѣдательство надъ парламентскими состязаніями и регулировалъ въ нихъ побѣду: королевскій санъ былъ чѣмъ-то въ родѣ постоянного консульства въ этомъ британскомъ сенатѣ. Голоса великихъ ораторовъ, оспаривавшихъ другъ у друга распоряженіе дѣлами націи, раздавались отсюда по всей Европѣ. Свобода находить свой истинный регуляторъ въ цѣломъ социальномъ мірѣ, подобно тому какъ всѣ рѣки, большія и малыя, уравниваются въ общемъ ложѣ океана. Ни одинъ отдѣльный народъ не бываетъ безнаказанно порабощенъ; все въ концѣ концовъ сравнивается и уравнивается.

10.

Англія была въ умственномъ отношеніи образцомъ націй и предметомъ зависти мыслящаго міра. Природа и учрежденія дали Англіи людей, достойныхъ ея законовъ. Лордъ Чатамъ, находясь то во главѣ оппозиціи, то во главѣ правительства, увеличилъ значеніе англійскаго парламента до размѣровъ своего характера и своего слова.

Никогда ни смѣлая свобода гражданина передъ трономъ, ни законный авторитетъ главы правительства предъ народомъ не говорили такимъ голосомъ, какъ Питтъ предъ собраніемъ гражданъ. Онъ былъ общественный дѣятель во всемъ величіи этого слова, душа цѣлой націи, олицетворенная въ одномъ чловѣкѣ; это было само вдохновеніе толпы въ сердцѣ патриція. Ораторскій геній Чатама, какъ и его дѣйствія, имѣлъ въ себѣ нѣчто великое; это былъ героизмъ слова. Отраженіе рѣчей лорда Чатама слышалось на материкѣ. Бурныя сцены выборовъ въ Вестминстерѣ возбуждали въ народѣ чувства, сами по себѣ уже страшныя, — склонность къ мятежу, которая дремлетъ въ каждой толпѣ и которую послѣдняя часто считаетъ за симптомъ истинной свободы. Слова — противовѣсъ королевской власти, отвѣтственность министровъ, королевское соизволеніе на законы, власть народа, — объясненные въ настоящемъ конституціей, въ прошломъ — обвиненіемъ Страффорда, могилой Сидни, эшафотомъ короля, звучали въ Англіи древними воспоминаніями и вмѣстѣ съ тѣмъ казались новостью, полною неизвѣстнаго.

Драма, которая разыгрывалась въ Англіи, имѣла зрителями цѣлый міръ.

Великими актерами того времени были: Питтъ, усмиритель бурь, неустранимый органъ трона, порядка и законовъ своего отечества; Фоксъ, трибунъ, предвѣстникъ французской революціи, который проповѣдывалъ ея доктрины, приводя ихъ въ связь съ англійскими революціями, чтобы сдѣлать достойными уваженія въ глазахъ англичанъ; Боркъ, ораторъ-философъ, каждая рѣчь котораго была трактатомъ,—тогдашній Цицеронъ британской оппозиціи, который вскорѣ долженъ былъ обратиться противъ крайностей французской революціи и проклясть новое ученіе при первой же жертвѣ, которую принесъ французскій народъ; наконецъ Шериданъ, краснорѣчивый развратникъ, который нравился народу именно своими пороками и легкомысліемъ и увлекалъ свою страну, вмѣсто того, чтобы возвышать ее. Жаркія пренія объ американской войнѣ и о войнѣ въ Индіи придавали еще болѣе жгучій интересъ бурямъ англійскаго парламента.

Независимость Америки, добытая народомъ, только что появившимся на свѣтъ; республиканскіе принципы, на которыхъ этотъ новый материкъ основывалъ свое правительство; обаяніе, соединившееся съ этими новыми именами, которыхъ разстояніе возвеличивало еще болѣе, чѣмъ самыя побѣды,—съ именами Вашингтона, Франклина, Лафайета, героевъ народного воображенія; мечты объ античной простотѣ, о первобытныхъ нравахъ, о героической и въ то же время пастушеской свободѣ, перенесенной съ другого берега Атлантики благодаря настроенію и иллюзіямъ минуты,—все это способствовало тому, чтобы очаровать умы европейскаго материка и питать въ народахъ презрѣніе къ ихъ собственнымъ учрежденіямъ и фанатическое стремленіе къ соціальному обновленію.

Голландія составляла какъ бы мастерскую реформаторовъ: туда, подъ защиту полной терпимости въ религіозныхъ догматахъ, почти республиканской свободы и дозволенной контрабанды, удалялось и тамъ искало себѣ распространенія путемъ печати все, что не могло высказаться въ Парижѣ, въ Италіи, въ Испаніи, въ Германіи. Со временъ Декарта независимая философія избрала Голландію своимъ пріютомъ. Байль популяризировалъ тамъ скептицизмъ; это была обѣтованная земля возстаній противъ всѣхъ злоупотребленій власти; въ позднѣйшее время Голландія сдѣлалась мѣстомъ заговоровъ противъ королей. Всѣ, обладавшіе мыслью, которую не безопасно было выпускать въ свѣтъ, всѣ, кому нужно было бросить по назначенію печатную стрѣлу, скрыть свое имя, обращались въ голландскія типографіи. Вольтеръ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидро, Гельвеційсъ, самъ Мирабо отправлялись печатать свои сочиненія въ эту страну гласности. Анонимная маска, которую эти писатели надѣвали въ Амстердамѣ, никого не обманывала, но ограждала ихъ безопасность. Всѣ преступленія мысли тамъ оставались неприкосновенны; Голландія была уѣжищемъ и арсеналомъ новыхъ идей. Дѣятельная и громадная книжная торговля спекулировала тамъ низверженіемъ религій и троновъ. Изумительное распространеніе запрещенныхъ книгъ, достигнутое этой торговлей, доказывало возрастающее измѣненіе старыхъ вѣрованій въ умахъ народовъ.

Въ Германіи, странѣ медлительности и терпѣнія, умы, по наружности лѣнныя, принимали участіе, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ жаромъ, въ об-

щемъ движеніи европейскаго духа. Свободная мысль принимала тамъ формы всеобщаго заговора. Она облакалась таинственностью. Ученая и формалистская Германія любила давать даже возмущеніямъ наружность науки и преданія. Адепты новыхъ идей подражали египетскимъ посвященіямъ и мистическимъ средневѣковымъ вызываніямъ духовъ. Мыслители казались заговорщиками. Философія шла покрытая символами. Съ нея снимали покрывало только въ тайныхъ обществахъ, изъ которыхъ непосвященные исключались. Приманкою къ новымъ истинамъ служили чары воображенія, которыя столь сильно дѣйствовали на идеальную, мечтательную натуру Германіи.

Фридрихъ Великій сдѣлалъ изъ своего двора центръ религіознаго невѣрія. Подъ защитою его военнаго могущества свободно распространялось пренебреженіе къ христіанству и къ монархическимъ учрежденіямъ. Нравственныя силы не имѣли никакого значенія въ глазахъ этого государя-матеріалиста. Въ штыкахъ для него заключалось все право государей, въ возстаніи — все право народа, въ побѣдахъ или пораженіяхъ — все право общественное. Счастье, которое постоянно ему улыбалось, способствовало его безнравственности. Этотъ человѣкъ получилъ вознагражденіе за каждый изъ своихъ пороковъ, потому, что они были велики. Умирая, онъ завѣщалъ свой злой геній Берлину. Этотъ городъ былъ развратителемъ Германіи. Военные, воспитанные въ школахъ Фридриха, — академіи, основанныя по мысли Вольтера, колоніи евреевъ, обогатившихся войной, и французскіе эмигранты — населяли Берлинъ и формировали въ немъ общественное настроеніе. Это настроеніе, легкомысленное, скептическое, наглое и насмѣшливое, запугивало остальную Германію. Ослабленіе нѣмецкаго духа ведетъ начало съ Фридриха II. Онъ развратилъ страну. Онъ подчинилъ Германію французскому духу; онъ былъ героемъ упадка.

Послѣ его смерти Берлинъ продолжалъ идти въ томъ же направленіи. Великіе люди всегда сообщаютъ свои стремленія цѣлой странѣ. Царствованіе Фридриха имѣло, по крайней мѣрѣ, одинъ счастливый результатъ. Изъ того самаго презрѣнія, съ какимъ Фридрихъ относился къ религіямъ, родилась въ Германіи религіозная терпимость. Подъ сѣнью ея философскій духъ организовалъ тайныя общества по образцу франкъ-масоновъ. Германскіе принцы поступали въ ихъ члены. Проникая въ эту тайну, люди думали, что совершаютъ дѣйствіе высшаго порядка, тогда какъ, въ сущности, эти общества не заключали въ себѣ ничего болѣе нѣсколькихъ общихъ принциповъ человѣколюбія и добродѣтели, безъ всякаго непосредственнаго приложенія къ гражданскимъ учрежденіямъ. Фридрихъ въ юности самъ былъ посвященъ въ франкъ-масоны въ Брауншвейгѣ майоромъ Вильфельдомъ. Императоръ Іосифъ II, болѣе смѣлый реформаторъ, чѣмъ самое его время, хотѣлъ также подвергнуться этимъ испытаніямъ въ Вѣнѣ подъ руководствомъ барона Борна, начальника австрійскихъ масоновъ. Въ Англіи эти общества не имѣли никакого политическаго значенія, потому что парламентъ и пресса тамъ были свободны, но на материкѣ они имѣли совсѣмъ другой смыслъ. Это были тайныя совѣщанія независимой мысли; мысль, ускользая изъ книгъ, переходила къ дѣйствию. Между посвященными въ эти общества и существующими учрежденіями происходила глухая, но смертельная борьба.

Тайные руководители такихъ обществъ очевидно имѣли цѣлью создать надъ людьми правительство мысли, въ оппозицію правительствамъ предрасудковъ. Они хотѣли преобразовать религиозное, политическое и гражданское общество, начавъ съ дѣйствія на умы образованныхъ классовъ. Масонскія ложи были катакомбами новаго культа. Секта иллюминатовъ, основанная и управляемая Вейсгауптомъ, распространилась въ Германіи вмѣстѣ съ франкъ-масонами и розовымъ крестомъ. Метафизики съ своей стороны создавали символы сверхъестественнаго совершенствованія и привлекали каждую нѣжную душу и каждое пылкое воображеніе къ догматамъ любви и безконечности. Метафизики, сведенборгіанцы, ученики возвышеннаго, но темнаго Сведенборга, заявляли притязаніе окончить Евангеліе и преобразовать человѣчество уничтоженіемъ смерти и чувствъ. Всѣ эти ученія сходились въ одинаковомъ презрѣніи къ существующимъ учрежденіямъ, въ одинаковомъ стремленіи къ обновленію умовъ и общественнаго порядка. Всѣ они были демократическими въ своихъ послѣднихъ выводахъ, потому что всѣ были одушевлены любовью къ людямъ, безъ различія классовъ. Общества размножились до послѣдней степени. Къ истинѣ, какъ всегда бываетъ при возбужденіи умовъ до фанатизма, незамѣтно прибавились иллюзіи; заблужденіе или ложь какъ бы составляютъ неизбѣжнаго спутника человѣческихъ истинъ и даже добродѣтелей. Стали заниматься вызываніемъ прошлыхъ временъ, заставляли появляться предъ собою тѣни, слушали слова умершихъ. Видѣнія были послѣднимъ секретомъ; призраки—послѣднимъ чудомъ этихъ сектаторовъ. Они доводили до галлюцинацій податливое воображеніе принцевъ, быстрыми переходами отъ ужаса къ энтузіазму. Наука фантазматоріи, тогда еще мало извѣстная, служила вспомогательнымъ средствомъ этимъ шарлатанствамъ. Преемникъ Фридриха II предался подобнымъ опытамъ и подчинился этимъ иллюзіямъ. Короли дѣлались заговорщиками противъ троновъ. Принцы Гота дали у себя убѣжище Вейсгаупту. Августъ Саксонскій, принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, принцъ Нейвидъ, коадьюторы, даже всѣ духовные курфирсты береговъ Рейна, курфирсты Майнцскій и Кельнскій, епископъ Констанцскій, отличались своимъ рвеніемъ къ тайнымъ ученіямъ франкъ-масоновъ и иллюминатовъ. Каліостро изумлялъ собою Страсбургъ. Кардиналъ Роганъ, повинувся его голосу, довель себя до разоренія и униженія. Повсюду проявлялись тѣ признаки, какіе бывають при зарожденіи великихъ событій. Самымъ несомнѣннымъ было общее потрясеніе воображеній. Когда разбивается вѣрованіе, трепещетъ весь человѣкъ.

Великіе умы Германіи и Италіи уже воспѣвали новую эру въ своихъ стихахъ къ сынамъ Германіи. Поэтъ-скептикъ Гете, поэтъ-республиканецъ Шиллеръ, поэтъ религиозный Клопштокъ усаждали своими строфами университеты и театры; каждый взрывъ событій въ Парижѣ имѣлъ свое отраженіе и звуочное эхо, разносимое этими почитателями по всѣмъ берегамъ Рейна. Поэзія служить воспоминаніемъ и предчувствіемъ событій; то, что она прославляетъ, еще не умерло; то, что она воспѣваетъ, уже существуетъ. Тогда поэзія повсюду воспѣвала смутныя, но страстныя надежды народовъ. Это былъ своего рода авгуръ. Поэзію одушевлялъ энтузіазмъ; голосъ его слышался въ ней. Наука, поэзія, исторія, философія, театръ, мистицизмъ, искусство, всѣ формы евро-

пейскаго генія перешли на сторону революціи. Въ цѣлой Европѣ нельзя было назвать ни одного знаменитаго имени, которое присоединилось бы къ партіи прошлаго. Прошлое было побѣждено потому, что умъ человѣческій изъ него удалялся. Гдѣ умъ—тамъ жизнь. Одни только посредственности остались подъ кровомъ прежнихъ учреждений. На горизонтѣ будущаго явился повсемѣтный миражъ; быть можетъ, меньшіе видѣли въ немъ свое спасеніе,—быть можетъ, великіе усматривали въ немъ гибель, но все стремилось къ нововведеніямъ.

12.

Таково было настроеніе умовъ въ Европѣ, когда принцы братья Людовика XVI и эмигранты дворяне разѣхались по Савойи, Швейцаріи, Италіи и Германіи, прося у европейскихъ державъ и аристократіи помощи и мщенія противъ революціи. Никогда еще со времени великихъ переселеній древнихъ народовъ, бѣжавшихъ отъ римскаго нашествія, не бывало, чтобы подобное движеніе, результатъ ужаса и смущенія, вытѣснило изъ государства все духовенство и всю аристократію. Франція значительно опустѣла: сначала на ступеняхъ трона, потомъ при дворѣ, въ замкахъ, среди епископскихъ кафедръ и наконецъ въ рядахъ арміи. Офицеры, всѣ принадлежавшіе къ дворянству, эмигрировали массами; моряки, спустя нѣкоторое время, послѣдовали примѣру сухопутной арміи, но они покинули также и знамя. Это не значило, чтобы духовенство, дворянство, военные и моряки были, сравнительно съ другими классами народа, обойдены движеніемъ революціонныхъ идей, которое подняло націю въ 1789 г.; напротивъ, движеніе началось съ нихъ. Философія сперва освѣтила верхушку націи. Мысль вѣка проявлялась особенно среди высшихъ классовъ народа; но послѣдніе, желая реформы, не хотѣли дезорганизации. Когда эти классы замѣтили, что нравственное движеніе идей превращается въ возстаніе народа, они затрепетали. Насильственное отобраніе правленія отъ короля Мирабо и Лафайетомъ въ „Jeu de Paume“, попытки 5 и 6 октября, уничтоженіе привилегій безъ всякаго вознагражденія, отмѣна титуловъ, предоставленіе аристократіи на жертву поруганію, грабежу, пожарамъ и даже убійствамъ въ провинціяхъ, религія, лишенная своихъ прежнихъ правъ и вынужденная сдѣлаться національною путемъ конституціонной присяги, наконецъ, бѣгство короля, его заключеніе во дворецъ, угрозы смерти, извергаемые противъ аристократіи патріотическою прессою или трибунами народныхъ обществъ, — торжество мятежа въ городахъ, отпаденіе французской гвардіи въ Парижѣ, возмущеніе швейцарцевъ Шатовье въ Нанси, — безнаказанное своеволие возмущившихся солдатъ въ Канѣ, Брестѣ, повсюду, — все это замѣнило склонность дворянства къ движенію новыхъ идей ужасомъ и ненавистью къ этимъ идеямъ. Оно видѣло, что первымъ дѣломъ народа было низвести все, стоявшее выше общаго уровня. Духъ касты побуждалъ дворянство эмигрировать, духъ товарищества побуждалъ къ тому же офицеровъ, придворные считали постыднымъ оставаться въ странѣ, до такой степени оскверненной оскорбленіями королевскаго сана. Женщины, господствовавшія тогда надъ общественнымъ мнѣніемъ во Франціи, нѣжное и подвижное воображеніе которыхъ быстро переходитъ на сторону жертвъ, принадлежали вообще къ партіи

трона и аристократіи. Онѣ презрительно относились къ тѣмъ, кто не ѣхалъ за границу искать мстителей. Повинуясь ихъ голосу, молодые люди отправлялись изъ Франціи, а оставшіеся дома не смѣли показываться. Имъ посылали пряжки—символь трусости! Но не одинъ только стыдъ гналъ офицеровъ и дворянство въ ряды эмигрантовъ; это дѣлала также кажущаяся обязанность. Главною добродѣтелью французскаго дворянства была религіозная вѣрность трону. Честью дворянства, его второю и почти единственною религіею было умереть за короля. Покушеніе на королевскій санъ казалось покушеніемъ на Самого Бога. Рыцарство, этотъ кодексъ аристократическихъ нравовъ, распространяло и охраняло въ Европѣ такой благородный предразсудокъ. Для дворянства король замѣнялъ отечество. Это чувство, не надолго помраченное позоромъ регентства, скандалами Людовика XV, болѣе достойными принципами философіи Руссо, ожило въ сердцахъ дворянъ, при видѣ униженій и опасностей короля и королевы. Національное собраніе было въ ихъ глазахъ шайкою мятежныхъ подданныхъ, державшей въ плѣну своего государя. Самыя свободныя дѣйствія короля казались имъ подозрительными. Они думали, что подъ конституціонными словами слышатся другія слова, совершенно противоположныя. Министры Людовика XVI были, по мнѣнію этихъ людей, просто его тюремщиками. Между этимъ дворянствомъ и королемъ существовали тайныя сношенія. Въ отдаленныхъ комнатахъ Тюльери происходили интимныя совѣщанія. Король то ободрялъ эмиграцію, то запрещалъ эмигрировать. Его приказанія мѣнялись смотря по времени и обстоятельствамъ: они становились конституціонными и патріотическими, когда король надѣялся искренно утвердить конституцію внутри государства, или отчаянными и преступными, когда спасеніе королевы и ея дѣтей казалось ему возможнымъ только при помощи иностранцевъ. Рукою министра иностранныхъ дѣлъ онъ писалъ къ братьямъ эмигрантамъ и къ принцу Конде официальные письма, въ которыхъ призывалъ ихъ къ себѣ и напоминалъ объ обязанностяхъ каждаго гражданина къ своему отечеству, и въ то же время баронъ де-Бретель, его конфиденціальный министръ у иностранныхъ державъ, передавалъ королю прусскому письма съ изложеніемъ тайныхъ мыслей короля. Слѣдующее письмо къ королю прусскому отъ 3 декабря 1790 г., найденное въ архивахъ берлинской канцеляріи, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно этихъ двойныхъ дипломатическихъ сношеній несчастнаго монарха. Въ этомъ письмѣ Людовика XVI говорилось слѣдующее:

„Государь братъ мой,

„Отъ г. Мутье я узналъ, какое участіе Ваше Величество принимаете не только во мнѣ лично, но и въ счастіи моего королевства. Намѣреніе Вашего Величества дать мнѣ доказательство этого участія вездѣ, гдѣ это будетъ полезно для блага моего народа, живо тронули меня. Я довѣрчиво обращаюсь къ Вамъ въ настоящую минуту, когда, несмотря на принятіе мною новой конституціи, мятежники открыто выказываютъ намѣреніе разрушить остатокъ монархіи. Я обращаюсь къ императору, къ русской императрицѣ, къ королямъ Испаніи и Швеціи и внушаю имъ мысль о конгрессѣ главныхъ европейскихъ державъ, который, опираясь на сильную армію, послужилъ бы луч-

шимъ средствомъ, чтобы остановить мятежниковъ, установить болѣе желательный порядокъ вещей и помѣшать разъядающему насъ злу распространиться на другія государства Европы. Надѣюсь, что Ваше Величество одобрите мои мысли и сохраните самую безусловную тайну о моихъ сношеніяхъ съ Вами. Обстоятельства, въ которыя я поставленъ, обязываютъ меня къ величайшей осторожности. Одинъ только баронъ де-Бретель знаетъ мой секретъ. Ваше Величество можете ему сообщить все, что признаете нужнымъ“.

13.

Если сопоставить это письмо съ письмомъ Людовика XVI къ Булье, въ которомъ король сообщалъ, что шуринъ его, императоръ Леопольдъ, двинулъ войска на Лонгви, чтобы вызвать скопленіе французскихъ войскъ на этой границѣ и благопріятствовать, такимъ образомъ, его бѣгству изъ Парижа, то оба эти документа представляютъ неопровержимое доказательство существованія антиреволюціонныхъ сношеній между королемъ и иностранными вождями эмиграціи. Мемуары эмигрантовъ наполнены указаніями на этотъ счетъ. Существованіе ихъ доказывается самою силою вещей. Королей, аристократію и церковь связывала солидарность ихъ дѣла. Императоръ Леопольдъ былъ братомъ французской королевы; опасность короля была опасностью всѣхъ государей. Примѣръ народнаго торжества могъ быть заразителенъ для всѣхъ народовъ. Эмигранты были друзьями монархіи и защитниками короля. Но нельзя сказать, чтобы соглашеніе между ними было только результатомъ одинаковости мыслей и интересовъ. Кромѣ того, между ними производились непосредственныя сношенія условленными путями. Подозрѣнія народа были не совсѣмъ неосновательны: они служили справедливымъ предчувствіемъ заговора его враговъ.

Заговоръ французскаго двора съ прочими дворами, — аристократіи, находившейся внѣ государства, съ аристократами, которые оставались въ его предѣлахъ, эмигрантовъ съ ихъ родственниками, короля съ его братьями, — не нуждается въ описаніи. Самъ Людовикъ XVI, наиболѣе искренній революціонеръ изъ всѣхъ людей, которые занимали троны, не имѣлъ мысли объ измѣнѣ ни революціи, ни своему народу, умоляя иностранныя державы о помощи или о вооруженной демонстраціи. Мысль о воззваніи къ иностраннымъ войскамъ или даже къ войскамъ эмиграціи вовсе не владѣла имъ. Онъ боялся вмѣшательства враговъ Франціи, не одобрялъ эмиграцію, былъ не чуждъ неудовольствію противъ своихъ собственныхъ братьевъ, которые интриговали за границей иногда отъ его имени, а часто и противъ его воли. Ему было непріятно прослыть въ глазахъ Европы государемъ, находящимся подъ опекой, государемъ, честолюбивые братья котораго, защищая его дѣло, овладѣли королевскими правами и распоряжались интересами короля безъ участія его самого. Говорили открыто о регентствѣ въ Кобленцѣ; предназначали его графу Прованскому; старшему изъ братьевъ Людовика XVI. Это регентство, переданное принцу крови эмиграціею, въ то время, когда король боролся съ революціей въ Парижѣ, глубоко оскорбляло Людовика XVI и королеву. Хотя эта узурпація ихъ верховныхъ правъ и была прикрыта наружною преданностью и нѣжностью, но казалась имъ, быть можетъ, болѣе горькою, чѣмъ оскорбленіе,

выносимыя отъ Національнаго собранія и народа. Человѣкъ вообще больше боится того, что ближе. Торжество эмиграціи обѣщало королю лишь тронъ, оспариваемый регентомъ, который его возвысилъ. Такая признательность казалась королевской четѣ позоромъ. Она не знала, надѣяться ли слѣдуетъ на эмигрантовъ или бояться ихъ.

Королева въ интимныхъ разговорахъ выражалась о нихъ больше съ горечью, чѣмъ съ довѣріемъ. Король открыто выражалъ скорбь, по поводу неповиновенія своихъ братьевъ и отговаривалъ отъ бѣгства всѣхъ тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые съ нимъ совѣтовались. Но эти совѣты были измѣнчивы, какъ и обстоятельства. Какъ всѣ люди, поставленные между надеждой и страхомъ, король то падалъ духомъ, то становился бодрымъ, смотря по обстоятельствамъ. Фактъ могъ быть преступенъ, но въ намѣреніяхъ, создавшихъ этотъ фактъ, не было ничего виновнаго. Конспирировалъ не король, а человѣкъ, мужъ, отецъ, который искалъ въ иностранной помощи спасенія своихъ дѣтей и жены. Онъ становился преступнымъ только когда приходилъ въ отчаяніе. Переговоры безпрестанно то прерывались, то возобновлялись; то, на чемъ остановились наканунѣ, отвергалось на слѣдующій день. Тайные двигатели этого заговора, снабженные полномочіями, уже прекращенными, продолжали еще ими пользоваться, вопреки волѣ короля, и совершали отъ его имени предпріятія, которыя онъ отвергалъ. Контръ-предписаніямъ не повиновались. Принцъ Конде, графы Прованскій и Артуа имѣли каждый свою дипломатію и свой дворъ. Они злоупотребляли именемъ короля, чтобы дать перевѣсъ своему кредиту и своей политикѣ. Отсюда и происходитъ трудность для историковъ этой эпохи различить руку короля во всѣхъ этихъ нитяхъ заговоровъ, которые велись отъ его имени; поэтому трудно и рѣшить, была ли съ его стороны полная невинность или было потворство иностранцамъ. Онъ не измѣнялъ своей странѣ, не продавалъ своего народа, но и не сдержалъ присяги, данной конституціи. Человѣкъ честный, но несчастный король, онъ думалъ, что присяга, вызванная насиліемъ и поддерживаемая страхомъ, не влечетъ за собою клятвoprеступленія. Присяги, данныя ему, нарушались ежедневно; безъ сомнѣнія, онъ думалъ, что народныя крайности освобождали и его самого отъ даннаго слова. Воспитанный въ понятіяхъ о сосредоточеніи верховной власти въ своемъ лицѣ, онъ искренно хотѣлъ найти націю среди партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть; не находя нигдѣ націи, онъ счелъ себя въ правѣ видѣть ее въ себѣ. Преступленіе Людовика XVI, если такое слово можно приложить къ такому государю, было не столько преступленіемъ его самого, сколько виною его рожденія, положенія и несчастій.

14.

Баронъ де-Бретель, старинный министръ и посланникъ, человѣкъ недоступный никакимъ уступкамъ, приверженецъ силы и строгости, выѣхалъ изъ Франціи въ началѣ 1790 г., снабженный тайными полномочіями отъ короля ко всѣмъ державамъ. Въ немъ одномъ заключалось внѣ Франціи все министерство Людовика XVI. Кромѣ того, онъ пользовался неограниченными правами: разъ облеченный довѣріемъ и безграничными полномочіями короля, ко-

торый не могъ отнять ихъ, не обнаруживъ существованія своей тайной дипломатіи, онъ имѣлъ возможность злоупотреблять или толковать намѣренія Людовика XVI сообразно собственнымъ взглядамъ. Баронъ де-Бретель и злоупотреблялъ этимъ, какъ говорятъ, но не для цѣлей личнаго честолюбія, а только по излишнему рвенію къ благу и достоинству своего государя. Его переговоры съ Екатериной, Густавомъ, Фридрихомъ и Леопольдомъ были постояннымъ возбужденіемъ къ крестовому походу противъ французской революціи.

Графъ Прованскій (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) и графъ Артуа (впослѣдствіи Карлъ X), послѣ различныхъ поѣздокъ къ южнымъ и сѣвернымъ дворамъ, собрались въ Кобленцѣ. Курфирстъ Тревскій, Людовикъ Венцеславъ, дядя этихъ принцевъ по матери, сдѣлалъ имъ пріемъ дружескій, но почти чуждый политикѣ. Кобленцъ сдѣлался Парижемъ въ Германіи, центромъ антиреволюціонныхъ интригъ, главной квартирой французскаго дворянства, которое собралось вокругъ своихъ естественныхъ вождей, двухъ братьевъ плѣннаго короля. Пока они формировали тамъ свой странствующій дворъ и завязывали первыя нити Пильницкой коалиціи, принцъ Конде, самый воинственный изъ нихъ какъ по натурѣ такъ и по происхожденію, формировалъ кадры арміи принцевъ. Въ этой арміи считалось 8 или 10,000 офицеровъ, но вовсе не было солдатъ; это была голова арміи, отдѣленная отъ туловища. Историческія имена, старинная преданность, юношескій пылъ, геройская отвага, вѣрность, довѣріе къ своимъ правамъ, увѣренность въ побѣдѣ, все это было у кобленцкой арміи, недоставало только пониманія своего времени и своей страны. Еслибъ эмигрировавшее французское дворянство хотя половину усилій и доблестей, употребленныхъ на ниспроверженіе революціи, положило на службу странѣ, на регулированіе революціи, то послѣдняя, перемѣнивъ законы, не низвергла бы монархіи. Впрочемъ отъ учреждений, которыя подвергаются преобразованію, нельзя требовать пониманія его причинъ. Король, дворянство и духовенство не могли понять революцію, которая разрушала аристократію, іерархію и тронъ. Нужно было бороться, и такъ какъ во Франціи они не находили почвы, то утвердились за границей.

15.

Пока армія принцевъ росла въ Кобленцѣ, антиреволюціонная дипломатія достигала перваго крупнаго результата, какой былъ возможенъ при тогдешнемъ состояніи Европы. Открылись Пильницкія конференціи. Графъ Прованскій послалъ въ Кобленцъ къ королю Прусскому барона Роля, чтобы, во имя Людовика XVI и восстановленія во Франціи порядка, попросить содѣйствія прусскихъ войскъ. Король прусскій прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, хотѣлъ спросить о положеніи Франціи человека, котораго военныя способности и самоотверженная преданность монархіи рекомендовали довѣрію иностранныхъ дворовъ,—именно маркиза де-Булье. Онъ назначилъ ему свиданіе въ замкѣ Пильницѣ и просилъ привезти съ собою планъ операцій иностранныхъ армій на различныхъ границахъ Франціи. 24 августа Фридрихъ Вильгельмъ, въ сопровожденіи своего сына, главнѣйшихъ изъ генераловъ и довѣренныхъ министровъ, отправился въ замокъ Пильницъ, лѣтнее мѣстопробываніе саксонскаго двора.

Императоръ былъ уже тамъ. Его окружали—эригерцогъ Францъ (впослѣдствіи императоръ Францъ II), фельдмаршалъ Ласси, баронъ Шпильманъ и многочисленный дворъ. Два государя,—соперники въ Германіи,—казалось, забыли на время свое соперничество, чтобы заняться исключительно спасеніемъ всѣхъ троновъ. Братство по великой семьѣ монарховъ одержало верхъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ. Они встрѣтили другъ друга какъ братья, а не какъ государя; хозяйинъ ихъ, курфирстъ саксонскій, скрѣпилъ это совѣщаніе великолѣпными праздниками.

Среди банкета возвѣстили о неожиданномъ прибытіи въ Дрезденъ графа Артуа. Король прусскій просилъ у императора позволенія французскому принцу явиться. Императоръ согласился, но прежде, чѣмъ допустить графа Артуа къ официальнымъ совѣщаніямъ, оба монарха имѣли секретный разговоръ, при которомъ присутствовали только двое ихъ самыхъ интимныхъ довѣренныхъ лицъ. Императоръ склонялся къ миру; на его рѣшеніяхъ тяготѣла инерція германскаго сейма; онъ сознавалъ трудность сообщить вассальной имперской федераціи единство и энергію, необходимыя для нападенія на Францію въ первой порѣ ея революціи. Генералы, самъ фельдмаршалъ Ласси колебались переступить границы, считавшіяся неодолимыми. Императоръ боялся за Нидерланды и за Италію. Принципы французской революціи перешли чрезъ Рейнъ и могли произвести взрывъ въ германскихъ государствахъ въ ту самую минуту, когда отъ государей и народовъ потребовали бы выступленія противъ Франціи. Сеймъ народовъ могъ одержать верхъ надъ сеймомъ государей. Среднія и медлительныя мѣры оказали бы на революціонный духъ то же самое устрашающее дѣйствіе, не представляя тѣхъ же опасностей для Германіи. Не благоразуміе ли было бы составить общую лигу всѣхъ европейскихъ державъ, окружить Францію стѣною штыковъ и тогда пригласить торжествующую партію возвратить королю свободу, трону—достоинство, а всему матеріку—безопасность? „Если бы французская нація отказала въ этомъ“, прибавилъ императоръ, „мы пригрозимъ ей въ манифестѣ общимъ нашествіемъ и, если будетъ нужно, подавимъ ее неотразимою массою всѣхъ соединенныхъ силъ Европы“. Таковы были намѣренія медлительной германской имперіи, которая всегда ожидала для дѣйствія послѣдней необходимости, не предупреждала ее никогда и хотѣла достигнуть всего, не рискуя ничѣмъ.

16.

Король прусскій, болѣе нетерпѣливый и болѣе угрожаемый опасностью, сознался императору, что не довѣрялъ дѣйствію этихъ угрозъ. „Благоразуміе“, сказалъ онъ императору, „составляетъ недостаточное оружіе противъ смѣлости. Оборонительное положеніе въ виду революціи слишкомъ боязливо. Надо напасть на нее, пока она еще въ колыбели. Давать время французскимъ революціоннымъ принципамъ значитъ давать имъ силу. Договариваться съ возмущеніемъ народовъ значитъ показывать, что его бояться и что намѣрены предлагать ему условія. Надобно захватить Францію въ анархическомъ *flagrant délit* и не выпускать европейскаго манифеста ранѣе того, когда арміи перейдутъ границы и когда торжествующее оружіе сообщитъ авторитетъ слесамъ“.

Императоръ, казалось, колебался; несмотря на это, онъ указывалъ на опасность, какой внезапное нападеніе подвергнетъ Людовика XVI, показалъ письма этого государя, сообщилъ, что маркизь де-Ноайль и г. Монморенъ,—одинъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ, другой—министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ,—люди, преданные королю, подавали надежду вѣскому двору на скорое возстановленіе порядка и наступленіе монархическихъ преобразованій во Франціи. Онъ просилъ отложить всякое рѣшеніе до сентября, не останавливаясь, однакожъ, до тѣхъ поръ приготовленіями военныхъ средствъ обѣихъ державъ.

На другой день, съ прибытіемъ графа Артуа, сцена перемѣнилась. Этотъ молодой принцъ получилъ отъ природы всѣ свойства рыцаря. Онъ говорилъ государямъ во имя троновъ,—говорилъ императору отъ имени его сестры, низведенной съ трона и оскорбляемой своими подданными. Въ этомъ принцѣ, казалось, воплощалась вся эмиграція съ ея несчастіями, благородствомъ, доблестями и иллюзіями. Маркизь Булье и Калоннъ, челоѣкъ военный и челоѣкъ интриги, сопровождали его на эти совѣщанія. Принцъ получилъ нѣсколько аудіенцій у обоихъ государей, говорилъ съ силою, но почтительно противъ выжидательной системы императора. Онъ сильно порицалъ германскую медленность. Императоръ и король прусскій уполномочили барона Шпильмана отъ имени Австріи, барона Бишофсвердера отъ Пруссіи и де-Калонна отъ Франціи—собраться въ тотъ же вечеръ и обсудить проектъ деклараціи, которую должно было представить къ подписи монарховъ.

Редакторомъ этого документа былъ баронъ Шпильманъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого императора. Де-Калоннъ, отъ имени графа д'Артуа, напрасно старался опровергнуть сдержанность, которая разочаровывала нетерпѣніе эмигрантовъ. На другой день, по возвращеніи въ Дрезденъ, оба государя, графъ Артуа, де-Калоннъ, фельдмаршалъ Ласси и оба договаривавшіяся лица отправились въ комнаты императора. Прочитали декларацію, обсудили ее, взвѣсили всѣ ея выраженія, измѣнили нѣкоторые изъ нихъ и, по предложенію де-Калонна, а также вслѣдствіе настояній графа Артуа, императоръ и король прусскій согласились включить въ нее послѣднюю фразу, по смыслу которой война, казалось, висѣла на волоскѣ надъ революціей.

Вотъ этотъ документъ, послужившій началомъ 22 лѣтнихъ войнъ.

„Императоръ и король прусскій, по выслушаніи желаній и представленій Monsieur и г. графа д'Артуа, совмѣстно объявляютъ, что положеніе, въ которомъ находится теперь король Франціи, они считаютъ предметомъ общаго интереса для всѣхъ европейскихъ государей. Они надѣются, что этотъ интересъ не можетъ не быть признанъ державами, помощь которыхъ требуется, и что, вслѣдствіе того, онѣ не откажутся употребить, совмѣстно съ императоромъ и королемъ прусскимъ, самыя дѣйствительныя средства, соразмѣрно своимъ силамъ, чтобы поставить короля Франціи въ состояніе укрѣпить совершенно свободно основы монархическаго правленія, равно соотвѣтствующія правамъ государей и благосостоянію французовъ. Поэтому, въ настоящихъ обстоятельствахъ, ихъ названнаго величества рѣшили дѣйствовать быстро и по взаимному согласію съ необходимыми силами, чтобы достигнуть предположенной общей цѣли. Въ

ожиданіи этого, они дадутъ своимъ войскамъ надлежащія приказанія, чтобы быть готовыми къ дѣйствию“.

Очевидно, что эта декларація, и угрожающая и робкая въ одно и то же время, значила слишкомъ много для мира, слишкомъ мало для войны. Подобныя слова только поджигали революцію, не заглушая ее. Тутъ слышались одновременно и нетерпѣніе эмигрантовъ, и рѣшимость прусскаго короля, и колебаніе державъ, и медлительность императора. Это была уступка силъ, слабости, войнѣ и миру. Состояніе Европы вполне обнаруживалось въ этой деклараціи; это была декларація о неувѣренности и неустойчивѣ собственныхъ намѣреній.

17.

Послѣ этого неблагоприятнаго и неудовлетворительнаго акта оба государя разстались. Леопольдъ отправился короноваться въ Прагу. Король прусскій возвратился въ Берлинъ и привелъ свою армію въ военное положеніе. Эмигранты, торжествуя по поводу полученнаго ими обязательства, увеличили свои собранія. Европейскіе дворы, за исключеніемъ англійскаго, послали въ Вѣну и Берлинъ двусмысленное согласіе. Молва о Пильницкой деклараціи появились въ Парижѣ среди празднествъ, данныхъ въ честь принятія королемъ конституціи.

Между тѣмъ Леопольдъ, со времени Пильницкихъ конференцій, былъ больше чѣмъ когда-нибудь озабоченъ присканіемъ предлоговъ къ миру. Министръ его, князь Кауницъ, боялся всякихъ сильныхъ потрясеній, чтобы не разстроить старый дипломатическій механизмъ, слабыя стороны котораго ему были извѣстны. Людовикъ XVI тайно послалъ къ нему графа Ферзена, чтобы сообщить причины принятія конституціи и умолять его не раздражать, военными приготовлениями, революціи, которая, казалось, задремала среди своего триумфа.

Принцы-эмигранты, наоборотъ, разглашали по всѣмъ дворамъ слова, сказанныя въ защиту ихъ дѣла въ Пильницкой деклараціи. Они написали Людовику XVI открытое письмо, въ которомъ протестовали противъ присяги короля конституціи, вырванной, говорили они, благодаря его слабости и плѣну. Король прусскій, по полученіи циркуляра французскаго кабинета съ извѣщеніемъ о принятіи конституціи, вскричалъ: „вижу, что миръ Европы упроченъ!“ Дворы Вѣнскій и Берлинскій притворно повѣрили, что во Франціи все было кончено посредствомъ этихъ взаимныхъ уступокъ короля и собранія. Они подчинились необходимости видѣть пониженіе трона Людовика XVI, лишь бы только революція согласилась признавать надъ собою господство трона.

Россія, Швеція, Испанія и Сардинія не такъ легко примирились. Екатерина II и Густавъ III, — одна по горделивому сознанію своего могущества, другой — подъ вліяніемъ великодушной преданности дѣлу королей, условились послать 40,000 русскихъ и шведовъ на помощь монархіи. Эта армія, содержаемая субсидіей Испаніи въ 15 милліоновъ, подъ личнымъ начальствомъ Густава, должна была высадиться на берега Франціи и идти на Парижъ, тогда какъ войска имперіи перешли бы Рейнъ.

Эти смѣлые планы двухъ сѣверныхъ дворовъ были непріятны и Леопольду и королю прусскому. Они упрекали Екатерину за невыполненіе обѣщанія за-

ключить миръ съ турками. Могъ ли императоръ послать свои войска на Рейнъ, когда на Дунаѣ продолжалась война между русскими и оттоманами, угрожавшая сопредѣльнымъ областямъ его имперіи? Тѣмъ не менѣе, Екатерина и Густавъ продолжали оказывать покровительство эмигрантамъ. Эти два государя аккредитовали полномочныхъ министровъ при французскихъ принцахъ въ Кобленцѣ. Это было провозглашеніемъ низложенія Людовика XVI и даже паденія Франціи; это было признаніемъ, что правительство французскаго королевства находится уже не въ Парижѣ, а въ Кобленцѣ. Кромѣ того, заключенъ былъ оборонительный и наступательный союзъ между Швеціею и Россіею въ общемъ интересѣ возстановленія монархіи.

Людовикъ XVI, искренно желая въ то время разоруженія, послалъ въ Кобленцъ барона Біомениля и кавалера Куаньи съ приказаніемъ своимъ братьямъ и принцу Конде распуścić и обезоружить эмигрантовъ. Его приказанія были приняты, какъ слова плѣнника; имъ не возражали, но и не повиновались. Пруссія и Германская имперія оказали болѣе уваженія намѣреніямъ короля. Эти оба двора распустили сборища арміи принцевъ и наказывали въ своихъ владѣніяхъ за оскорбленія трехцвѣтной кокарды. Но въ то самое время, когда императоръ давалъ залоги своего желанія сохранить миръ, война увлекала его противъ его воли. Въ чемъ человѣческая мудрость отказываетъ иногда крупнымъ причинамъ, то бываетъ вынуждена сдѣлать изъ-за менѣ важныхъ поводовъ. Таково было и положеніе Леопольда. Онъ не согласился вести войну по поводу великихъ интересовъ монархіи и семейныхъ чувствъ, которыя отъ него требовали войны, и долженъ былъ согласиться на нее изъ-за незначительныхъ интересовъ нѣсколькихъ имперскихъ принцевъ, которые имѣли владѣнія въ Эльзасѣ и Лотарингіи и личные права которыхъ были нарушены новой французской конституціей. Леопольдъ отказалъ въ помощи своей сестрѣ и долженъ былъ дать ее нѣсколькимъ вассаламъ. Вліяніе сейма и обязанности главы имперіи увлекли его къ такому образу дѣйствій, въ которомъ личные рѣшенія не могли болѣе сдерживать императора. Въ письмѣ отъ 3 декабря 1791 г. онъ объявилъ тюльерійскому кабинету свое формальное рѣшеніе „подать помощь принцамъ, имѣющимъ владѣнія во Франціи, если они не получатъ полного возстановленія своихъ правъ, принадлежащихъ имъ на основаніи трактатовъ“.

18.

Это угрожающее письмо, тайно сообщенное въ Парижъ, до официальной присылки, французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, было принято королемъ съ ужасомъ, а нѣкоторыми изъ его министровъ и политиками Національнаго Собранія—съ радостью. Война разрушаетъ все. Они видѣли въ ней разрѣшеніе трудностей, которыми чувствовали себя подавленными. Когда на правильный порядокъ событій нѣтъ болѣе надежды, то ее ищутъ въ неизвѣстномъ. Война казалась этимъ предпріимчивымъ умамъ диверсіей, необходимой при всеобщемъ броженіи, хорошимъ исходомъ для революціи, средствомъ возвратить королю власть посредствомъ командованія арміею. Они надѣялись замѣнить фанатизмъ

къ свободѣ фанатизмомъ къ славѣ и обмануть духъ вѣка, давая ему упоеніе побѣды вмѣсто учрежденій.

Жирондистскіе депутаты принадлежали къ этой партіи. Душою ихъ былъ Бриссо. Польщенные титуломъ государственныхъ людей, который имъ дали проницатели, но который тѣшили ихъ тщеславіе, эти люди хотѣли оправдать свои притязанія такимъ смѣлымъ шагомъ, который бы перемѣнилъ всю арену дѣйствій и сразу разстроилъ бы расчеты короля, народа и Европы. Они изучали Макиавелли и презрѣніе къ справедливости считали доказательствомъ гения. Кровь народа для нихъ значила мало, лишь бы только она послужила къ выгодѣ ихъ честолюбія. Якобинская партія, за исключеніемъ Робеспьера, также громко требовала войны; фанатизмъ создавалъ ей иллюзіи относительно ея слабости. Война для этихъ людей была вооруженной апостольской миссіей, которая распространить ихъ соціальную философію по всему міру. Первый пушечный выстрѣлъ, сдѣланный во имя правъ человѣка, долженъ потрясти всѣ троны. Наконецъ, на войну возлагала надежды и третья партія—партія умѣренныхъ конституціонистовъ. Она льстила себя надеждою на возвращеніе исполнительной власти нѣкоторой энергіи вслѣдствіе необходимости сосредоточить военную власть въ рукахъ короля въ ту минуту, когда опасность грозитъ всей націи. Всякая война даетъ диктатуру той партіи, которая ведетъ ее. Этой диктатуры, вызываемой необходимостью, конституціонисты надѣялись для короля и для самихъ себя.

19.

Молодая, но уже вліятельная женщина сообщала этой послѣдней партіи обаяніе своей юности, своего гения и своей страстности: это была г-жа Сталь. Дочь Неккера съ самаго рожденія жила среди политики. Салонъ ея матери былъ какъ бы древнимъ ценякомъ философіи XVIII вѣка. Вольтеръ, Руссо, Бюффонъ, Даламберъ, Дидро, Райналь, Бернардень Сень-Пьеръ, Кондорсе играли съ этимъ ребенкомъ и возбуждали его первыя мысли. Колыбель его была колыбелью революціи. Популярность отца дѣвочки ласкала ея воображеніе и оставила ей жажду славы, которая никогда не угасала. Она искала ее даже въ народныхъ буряхъ, среди клеветы и смерти. Гений ея былъ великъ, душа чиста, сердце—полно страстности. По энергіи она была мужчиной, по нѣжности женщиной, и для выполненія идеала честолюбія этой женщины судьба должна была соединить для нея въ одномъ лицѣ—гения, славу и любовь.

Природа, воспитаніе и счастье дѣлали возможнымъ осуществленіе этого тройнаго мечтанія женщины, философа и героя. Рожденная въ республикѣ, воспитанная при дворѣ, дочь министра, жена посланника, г-жа Сталь по происхожденію принадлежала къ народу, по таланту—къ числу писателей, по общественному положенію—къ аристократіи; три элемента революціи перемѣшивались или боролись въ ней. Гений этой женщины былъ подобенъ древнему хору, гдѣ всѣ главные голоса драмы смѣшивались въ одинъ бурный аккордъ. По вдохновенію она была мыслителемъ, по краснорѣчію—трибуномъ, по привлекательности—женщиной; красота ея, невидимая для толпы, могла быть

понята только умомъ, и прочувствована—поклоненіемъ. Это собственно даже не была красота лица и формъ, это было видимое вдохновеніе и живая страсть. Поза, жесты, звукъ голоса, взоръ—все это было въ ея распоряженіи и усиливало ея блескъ. Черные глаза, съ огнистымъ оттѣнкомъ на зрачкѣ, сверкали нѣжно и горделиво черезъ длинныя рѣсницы. Взглядъ этой женщины, часто терявшійся въ пространствѣ, собесѣдники ея ловили, какъ бы думая найти тамъ ея вдохновеніе. Этотъ взглядъ, открытый и глубокій, какъ ея душа, былъ въ одно и то же время и ясенъ и молніеносенъ. При взглядѣ на г-жу Сталь дѣлалось понятнымъ, что блескъ ея генія составлялъ лишь отраженіе нѣжности сердца. Потому-то и къ удивленію, которое она возбуждала, примѣшивалось незамѣтное чувство любви, а сама она изъ всѣхъ выраженій поклоненія себѣ цѣнила только любовь. Любовь для нея была лишь экзальтированнымъ поклоненіемъ.

Событія идутъ скоро. Идей и обстоятельства торопливо смѣнялись въ ея жизни; дѣтства у г-жи Сталь вовсе не было. 22 лѣтъ отъ роду она обладала зрѣлостью мысли вмѣстѣ съ граціею и крѣпостью молодости. Она писала, какъ Руссо,—говорила, какъ Мирабо. Способная къ смѣлымъ замысламъ и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, она могла одновременно совмѣщать въ себѣ и великую мысль и великое чувство. Подобно римскимъ женщинамъ, которыя въ концѣ республики волновали тогдашній міръ движеніями своего сердца, давали и отнимали власть вмѣстѣ со своею благосклонностью, она хотѣла, чтобы страсть у нея смѣшивалась съ политикой и чтобы высота ея ума возвышала и того человѣка, котораго она предпочла. Поль не допускалъ ее принимать прямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, появляться на трибунѣ или въ арміи. Она должна была оставаться невидимою въ тѣхъ событіяхъ, которыми хотѣла управлять. Быть тайнымъ геніемъ великаго человѣка, дѣйствовать его рукою, находить величіе въ его судьбѣ, блистать его именемъ,—это было единственнымъ, доступнымъ ей честолюбіемъ, — честолюбіемъ нѣжнымъ и преданнымъ, которое увлекаетъ женщину и которымъ довольствуется безкорыстный умъ. Г-жа Сталь могла быть только совѣстью и вдохновеніемъ политическаго дѣятеля; она искала такого человѣка, и благодаря своей иллюзіи подумала, что онъ уже найденъ.

20.

Въ то время былъ въ Парижѣ молодой офицеръ знатнаго происхожденія, увлекательной красоты, съ граціознымъ, гибкимъ, блестящимъ умомъ. Хотя онъ носилъ имя одной изъ самыхъ высокопоставленныхъ при дворѣ фамилій, но рожденіе его было покрыто неизвѣстностью: говорили, что въ жилахъ этого человѣка текла королевская кровь; черты его лица напоминали лицо Людовика XV. Этотъ слухъ подтверждался нѣжностью принцессъ, тетокъ Людовика XVI, къ этому ребенку, который выросъ на ихъ глазахъ, былъ привязанъ къ нимъ лично и благодаря ихъ благосклонности достигъ высшихъ должностей при дворѣ и въ арміи.

Этотъ молодой человѣкъ назывался графъ Людовикъ Нарбоннъ. Отъ человѣка,

вышедшаго изъ такой колыбели, воспитаннаго при дворѣ царедворца по рожденію, испорченнаго руками женщинъ, знаменитаго только своею наружностью, вѣтренностью и своеправіемъ, нельзя было ожидать той пламенной вѣры, которая бросаетъ людей въ средину революціи, и той стоической энергіи, съ помощью которой человѣкъ совершаетъ и направляетъ революцію. Онъ только на половину вѣрилъ въ свободу. Въ народѣ Нарбоннъ видѣлъ только властелина, болѣе требовательнаго и капризнаго, чѣмъ другіе, и притомъ такого, съ которымъ нужно было имѣть больше ловкости, чтобы увлечь его, и больше политики, чтобы управлять имъ. Онъ понималъ, что для такой роли нужна гибкость характера: онъ рѣшился сдѣлать попытку.

Этому человѣку, лишенному сильныхъ убѣждений, но не честолюбія и не мужества, современные событія казались драмой въ родѣ Фронды, въ которой самые ловкіе актеры могли доводить свои надежды до размѣра фактовъ и руководить развязкой всего дѣла. Онъ не зналъ, что въ революціи бываетъ только одинъ серьезный актеръ: страсть. Онъ ея не имѣлъ. Онъ просто лепеталъ отдѣльные звуки революціоннаго языка; онъ усвоилъ себѣ костюмъ своего времени, но не понималъ его духа.

Контрастъ, происходившій отъ принятія подобнымъ человѣкомъ такой роли, — присоединеніе придворнаго любимца къ толпѣ для служенія націи, — аристократическое изящество, замаскированное патріотизмомъ трибуны, — нѣкоторое время нравились общественному мнѣнію. Такому превращенію рукоплескали, считая его побѣжденною трудностью. Народъ былъ польщенъ, что въ рядахъ его находятся вельможи. Это было доказательствомъ могущества народа. Онъ признавалъ себя властелиномъ, видя кругомъ себя царедворцевъ. Онъ прощалъ имъ высокіе ранги въ награду за ихъ угодливость себѣ.

Г-жа Сталь увлеклась Нарбонномъ какъ по сердцу, такъ и по уму. Смѣлое и нѣжное воображеніе ея сообщило молодому офицеру всѣ качества, какія она желала въ немъ видѣть. Это былъ человѣкъ только блестящій, дѣятельный и храбрый. Она сдѣлала изъ него политическаго дѣятеля и героя. Она надѣлила его всѣми своими мечтами, стараясь возвести на высоту своего идеала. Она завербовала ему поклонниковъ, окружила его ореоломъ, создала ему репутацію, указала ему роль, сдѣлала изъ него живой типъ своей политики. Пренебечь дворъ, соблазнить народъ, принять предводительство надъ арміей, утратить Европу, увлечь Собраніе своимъ краснорѣчіемъ, служить свободѣ, спасти націю, и сдѣлаться, единственно при помощи своей популярности, посредникомъ между трономъ и народомъ, примирить ихъ въ либеральной и вмѣстѣ съ тѣмъ монархической конституціи, — такова была перспектива, которую г-жа Сталь показывала самой себѣ и Нарбонну.

Она внесла свое честолюбіе въ его мысли. Онъ считалъ себя способнымъ къ такой судьбѣ, потому что она мечтала о ней для него. Драма революціи сосредоточилась въ этихъ двухъ умахъ, и ихъ планы составляли нѣкоторое время всю европейскую политику.

Г-жа Сталь, Нарбоннъ и конституціонная партія хотѣли войны, но войны только мѣстной, а не отчаянной, которая потрясла бы націю до основанія, сокрушила бы тронъ и превратила бы Францію въ республику. Своимъ влія-

ніемъ имъ удалось замѣстить весь дипломатической персоналъ лицами, преданными эмигрантамъ или королю. Они наполнили иностранные дворы надежными людьми. Марбуа посланъ былъ къ Ратисбоннскому сейму, Бартеlemi—въ Швейцарію, Талейранъ—въ Лондонъ, Сегюръ—въ Берлинъ. Талейрану поручено было примирить аристократическій принципъ англійской конституціи съ демократическими принципами конституціи французской, чего думали достигнуть посредствомъ уравнивающаго и умѣряющаго вліянія верхней палаты. Надѣялись заинтересовать англійскихъ государственныхъ людей революціею, которая была бы подражаніемъ англійской революціи и которая, выведя изъ неподвижности народъ, успокоилась бы въ рукахъ просвѣщенной аристократіи. Это порученіе было бы легкимъ, если бы революція въ Парижѣ могла быть регулирована на нѣсколько мѣсяцевъ. Французскія идеи были популярны въ Лондонѣ. Оппозиція была тамъ революціонною. Фоксъ и Воркъ, тогда еще друзья, возбуждали въ обществѣ страстное сочувствіе къ континентальной свободѣ. Надобно отдать справедливость Англіи, что нравственный и народный принципъ, заключающійся въ основахъ ея конституціи, никогда не противорѣчилъ себѣ, не преніяствовалъ усиліямъ другихъ народовъ приобрѣсть себѣ свободное правительство. Англія усвоила себѣ повсюду свободный духъ.

21.

Порученіе Сегюра въ Берлинъ было болѣе тонкаго свойства. Дѣло шло о томъ, чтобы отклонить короля прусскаго отъ союза съ императоромъ Леопольдомъ, и увлечь берлинскій кабинетъ къ союзу съ революціонной Франціею. Этотъ союзъ обѣщаль сообщить Пруссіи, кромѣ безопасности на Рейнѣ, все вліяніе въ Германіи, какое могли дать новыя идеи; это была макиавеллеская мысль, которая должна была улыбаться агитаторскому генію великаго Фридриха. Онъ сдѣлалъ изъ Пруссіи державу, которая развѣдала имперію.

Сегюръ не хотѣлъ уѣзжать иначе, какъ получивъ одобреніе короля и королевы мирнымъ проектамъ, попытку которыхъ онъ сдѣлалъ. Одобреніе было полное, и между тѣмъ,—какъ только онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, въ рукахъ короля прусскаго уже находилась полученная изъ Парижа копія съ мнимыхъ его инструкцій. Сущность ея заключалась въ двухъ словахъ: увлечь и подкупить. Король прусскій имѣлъ любимцевъ и любовницъ. Мирабо еще въ 1786 г. писалъ слѣдующее: „въ Берлинѣ не можетъ быть тайнъ отъ французскаго посланника, развѣ только по недостатку денегъ и ловкости; эта страна бѣдна и жадна до денегъ; тамъ нѣтъ такого государственнаго секрета, котораго нельзя бы было купить за 3000 лудоровъ“. Такимъ образомъ, Сегюръ долженъ былъ, прежде всего, постараться склонить на свою сторону двухъ фаворитокъ короля. Одна изъ нихъ была дочь Иліи Енка, музыканта въ капеллѣ покойнаго короля. Прекрасная собой и остроумная, она уже 12 лѣтъ отъ роду остановила на себѣ вниманіе короля, тогда еще королевскаго принца. Съ такихъ нѣжныхъ лѣтъ онъ какъ бы предназначилъ ее для своей любви,—велѣлъ ее воспитать со всею тщательностью, со всею роскошью королевскаго воспитанія. Она путешествовала по Франціи и Англіи, знала европейскіе языки, сообщила своему

природному уму лоскъ посредствомъ сношенія съ германскими писателями и артистами. Притворный бракъ съ королевскимъ камердинеромъ, Рицомъ, служилъ объясненіемъ ея пребыванія при дворѣ и позволялъ ей соединить во-кругъ себя все, что было въ Берлинѣ лучшаго изъ писателей и политическихъ дѣятелей. Избалованная ранней фортуной, къ которой относилась съ безпечностью,—эта женщина допустила двумъ соперницамъ оспаривать у себя сердце короля. Одна изъ нихъ, молодая графиня Ингенгеймъ, умерла въ цвѣтущихъ лѣтахъ; другая графиня Лихтенау, имѣла отъ короля двухъ дѣтей и напрасно льстила себя надеждою вырвать короля изъ подъ власти госпожи Рицъ.

Баронъ Ролль отъ имени графа Артуа и виконтъ Караманъ отъ имени Людовика XVI овладѣли всѣми путями въ этотъ кабинетъ. Прусскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Гольцъ, увѣдомилъ свой дворъ о цѣли посольства Сегюра. Среди людей, обладавшихъ достовѣрными свѣдѣніями, ходилъ слухъ, что этотъ посолъ увезъ съ собою нѣсколько милліоновъ, предназначенныхъ въ уплату за слабость или за измѣну берлинскаго кабинета.

Подложныя инструкціи достигли Берлина за два часа до прибытія Сегюра. Они открыли королю весь планъ, основанный на соблазнѣ и подкупѣ агентомъ Франціи королевскихъ фаворитовъ и любовницъ; ихъ характеры, честолюбіе, соперничество, истинныя или мнимыя слабости, средства дѣйствовать чрезъ нихъ на умъ короля,—все это тамъ было записано съ безпечностью довѣрія. Тамъ изложенъ былъ тарифъ на всякую совѣсть, выставлена цѣна за всевозможныя измѣны. Любимаго адъютанта короля, Вишофсвердера, въ то время очень сильнаго, предполагалось соблазнить такими приношеніями, предъ которыми невозможно было устоять, а въ случаѣ если бы его потачка открылась, то блестящее положеніе во Франціи должно было гарантировать его отъ всякихъ дальнѣйшихъ случайностей.

Такія инструкціи доставлены были въ руки тѣхъ самыхъ людей, вѣрность которыхъ предполагалось кушнуть. Они представили инструкцію королю со спокойствіемъ совѣсти, свойственнымъ людямъ, гнусно оклеветаннымъ. Король покраснѣлъ за себя самого при мысли о томъ, какую власть надъ его политикой приписывали любви или интригѣ. Онъ пришелъ въ негодованіе при видѣ попытки подкупить вѣрность его приближенныхъ. Такимъ образомъ, всякая возможность переговоровъ была уничтожена до пріѣзда самого посланника.

Сегюръ получалъ холодно-ироническій пріемъ. Фридрихъ Вильгельмъ даже показалъ видъ, что не хочетъ говорить съ нимъ. Въ присутствіи Сегюра онъ громко спросилъ у посланника курфюрста Майнцскаго,—нѣтъ ли извѣстій отъ принца Конде. Посланникъ отвѣчалъ, что этотъ принцъ приближается со своей арміей къ французскимъ границамъ. „Это было бы хорошо, сказалъ король, „еслибъ онъ вошелъ туда“. Сегюръ, привыкшій къ успѣху во время долгаго пребыванія и интимныхъ отношеній при русскомъ дворѣ, кажется, успѣлъ склонить къ партіи мира графиню д'Ашкафъ и принца Генриха прусскаго. Онъ сдѣлалъ даже больше: узнавъ, наконецъ, о существованіи въ королевскомъ кабинетѣ подложныхъ инструкцій, онъ досталъ себѣ съ нихъ копію и доказалъ фальшивость этихъ инструкцій королю Фридриху-Вильгельму. Но этотъ самый успѣхъ послужилъ ловушкою, губительною для его переговоровъ. Другія интриги

взяли верхъ. Король, обсуждая съ императоромъ свой образъ дѣйствій, казалось, склонялся нѣкоторое время на сторону Франціи, дѣлалъ видъ, что недоволенъ требовательностью эмиграціи и ласкалъ посланника. Послѣдній повѣрилъ этому и успокоилъ французскій кабинетъ относительно намѣреній Пруссіи. Но внезапная немилость къ графинѣ д'Ашкафъ и оскорбительный отказъ на предложеніе союза съ Франціей разстроили всѣ усилія и уничтожили надежды Сегюра. Онъ просилъ о своемъ отозваніи. Перспектива несчастій отечества и смуть въ Европѣ довели его печаль до отчаянія. Ходилъ слухъ, что онъ покушался на самоубійство. Основаніемъ этого слуха былъ несчастный случай, постигшій его во время сильнаго припадка лихорадки; этою болѣзнію Сегюръ былъ пораженъ при видѣ грозившей Франціи пропасти, закрыть которую ему не удалось и въ которой должны были погибнуть, вмѣстѣ съ королевскою фамиліей, послѣднія надежды конституціонной партіи.

22.

Та же партія и въ то же время попыталась склонить на сторону Франціи принца, репутація котораго, въ мнѣніи Европы, имѣла вѣсъ, равный трону. Это былъ герцогъ Брауншвейгскій, ученикъ великаго Фридриха, предполагаемый наслѣдникъ его военныхъ знаній и вдохновенія,—названный заранѣе общимъ голосомъ генералиссимусомъ въ будущей войнѣ съ Франціей. Лишить императора и короля прусскаго такого предводителя ихъ армій, значило бы отнять у у Германіи довѣріе на успѣхъ и побѣду.

Имя герцога Брауншвейгскаго владѣло обаяніемъ, которое прикрывало Германію покрываломъ страха и неприкосновенности. Г-жа Сталь и ея партія сдѣлали попытку завладѣть этимъ именемъ. Тайные переговоры по этому предмету происходили между г-жею Сталь, Нарбонномъ, Лафайетомъ и Талейраномъ. Кюстину, сыну генерала того же имени, было поручено сообщить герцогу Брауншвейгскому предложенія конституціонной партіи. Этотъ молодой человѣкъ обладалъ счастливою подготовкой для подобнаго порученія. Человѣкъ остроумный, увлекательный, образованный, фанатическій поклонникъ прусской тактики и герцога Брауншвейгскаго, уроками котораго пользовался въ Берлинѣ, онъ заранѣе внушалъ къ себѣ довѣріе этому принцу. Онъ предложилъ ему титулъ генералиссимуса французскихъ войскъ, жалованье въ 3 милліона и положеніе во Франціи, равное его владѣніямъ и рангу въ Германской имперіи. Письмо съ этими предложеніями было подписано военнымъ министромъ и самимъ Людовикомъ XVI.

Кюстинъ отправился въ Брауншвейгъ въ январѣ 1792 г. По пріѣздѣ туда онъ переслалъ письмо герцогу. Прошло четыре дня прежде чѣмъ посланникъ добился свиданія. На пятый день герцогъ принялъ Кюстина въ частной аудіенціи. Онъ выразилъ ему, съ военною откровенностью, какую гордость и признательность внушаетъ ему цѣна, придаваемая его достоинствамъ Франціею. „Но“, прибавилъ герцогъ, „моя кровь принадлежитъ Германіи, а моя преданность—Пруссіи. Мое честолюбіе удовлетворено тѣмъ, что я—второе лицо въ этой монархіи, которая меня усыновила. Изъ-за рискованной славы на измѣнчивой

аренѣ революцій я не оставлю высокое и прочное положеніе, которое даютъ мнѣ въ моемъ отечествѣ рожденіе, долгъ и нѣкоторая прибрѣтенная мною слава“. Въ концѣ этого разговора Кюстинъ, видя непоколебимость принца, изложилъ свой ультиматумъ, показавъ герцогу перспективу французской короны, которая, въ случаѣ паденія съ головы Людовика XVI, могла быть поднята руками побѣдоноснаго генерала. Герцогъ казался ослѣпленнымъ такимъ предложеніемъ и распростился съ Кюстиномъ, не отнимая у него всякой надежды на свое согласіе. Посланникъ уѣхалъ съ торжествомъ, но спустя нѣсколько дней, подъ вліяніемъ ли лукавства, или раскаянія, или благоразумія, герцогъ отвѣчалъ формальнымъ отказомъ на то и на другое изъ сдѣланныхъ ему предложеній. Свой отвѣтъ онъ адресовалъ не министру, а самому Людовику XVI, и такимъ образомъ этотъ несчастный король узналъ послѣднее слово конституціонной партіи и увидѣлъ, какъ слабо держалась на его головѣ корона, которую уже предлагали въ перспективѣ честолюбію врага.

VI.

Первыя засѣданія законодательнаго собранія.—Королевскій церемоніалъ подвергается обсужденію.—Король представляется собранію.—Его принимаютъ съ рукоплесканіями.—Затрудненія собранія.—Духовенство, эмиграція, война.—Партія духовенства высказывается противъ гражданской присяги.—Рѣчь Фоше, присяжнаго священника.—Отвѣтъ Торне, конституціоннаго епископа въ Буржъ.—Дюко требуетъ напечатанія этой рѣчи.—Жансонне совѣтуетъ терпимость.—Инарь опровергаетъ его при рукоплесканіяхъ собранія.—Декретъ противъ неприсягнувшихъ священниковъ.—Рѣчь Бриссо противъ державъ и эмигрантовъ.—Рѣчь Кондорсе въ томъ же смыслѣ.—Верньо всходитъ на трибуну.—Личность его.—Рѣчь Верньо.—Рѣчь Инара.—Декретъ противъ эмигрантовъ.—Эти два декрета тревожатъ короля и его совѣтъ.—Письмо Андре Шенье о свободѣ богослуженія.—Борьба жирондистскихъ и якобинскихъ журналовъ противъ фельяновъ.—Лафайетъ оставляетъ командованіе національною гвардіею.—Парижскій мэръ Балли удаляется тогда же.—На мѣсто его назначенъ Петіонъ.—Дантонъ, въ качествѣ субститута общиннаго прокурора, начинаетъ свою карьеру у народа.

1.

Таково было взаимно угрожающее положеніе Франціи и Европы, въ то время, когда учредительное собраніе, провозгласивъ общіе принципы, представило своимъ преемникамъ заботу отстаивать эти принципы и примѣнять ихъ къ дѣлу. Собраніе было похоже на законодателя, который удаляется на покой въ намѣреніи наблюдать, каковы окажутся въ дѣйствіи созданные имъ законы. вмѣстѣ съ учредительнымъ собраніемъ какъ бы отрекалась отъ своего дѣла и великая мысль Франціи. Правительство досталось въ руки людей неопытныхъ, подвержено было вліянію страстей политическихъ новичковъ. Съ 29-го сентября по 1 октября происходила какъ бы перемѣна царствованія. Въ этотъ день законодательное собраніе очутилось лицомъ къ лицу съ королемъ, лишеннымъ авторитета, поставленнымъ во главѣ народа, чуждаго умѣренности. Съ перваго же засѣданія собранія сдѣлались замѣтны безпорядочныя колебанія власти, которая не имѣла преданій, не обладала равновѣсіемъ,—власти, которая старается найти себѣ поддержку въ своемъ собственномъ благоразуміи и, переходя отъ оскорбленій къ раскаянію, ранить сама себя оружіемъ, которое вложено въ ея руки.

2.

На первыхъ засѣданіяхъ собранія присутствовала громадная толпа. Наружный видъ собранія перемѣнился, почти всѣ сѣдые волосы среди его членовъ

исчезли. Казалось, Франція помолодѣла въ одну ночь. Выраженіе лицъ, черты ихъ, жесты, костюмы, позы членовъ собранія,—все это было уже не прежнее. Гордость французскаго дворянства, выражавшаяся во взглядахъ и движеніяхъ,—исполненная достоинства осанка духовенства и правительственныхъ лицъ, суrowая важность первыхъ депутатовъ средняго сословія,—внезапно уступили мѣсто новаго рода представителямъ, смущеніе которыхъ, соединенное съ заносчивостью, болѣе было свойственно завоевателямъ, чѣмъ лицамъ привычнымъ обладать властью. Въ толпѣ замѣтны были люди ранней молодости. Когда президентъ вызвалъ для сформированія временнаго бюро депутатовъ, не достигшихъ еще 25-ти-пятилѣтняго возраста, до 60 молодыхъ людей столпились вокругъ трибуны и оспаривали другъ у друга роль секретарей собранія. Такая молодость представителей націи однихъ беспокоила, другихъ радовала. Если съ одной стороны подобные представители не заключали въ своей средѣ элементовъ спокойной зрѣлости и авторитета (чего древніе законодатели искали въ совѣтахъ народовъ), то съ другой стороны такое внезапное наплененіе представителей націи молодыми людьми было какъ бы признакомъ полнаго обновленія учреждений. Становилось понятно, что это новое поколѣніе разорвало связь со всѣми преданіями и предрасудками стараго порядка вещей. Самый возрастъ этихъ представителей въ настоящемъ случаѣ составлялъ хорошую гарантію, въ прямую противоположность цивилизаціямъ уже сложившимся, гдѣ требуется, чтобы лѣта законодателей давали ручательство въ ихъ прошломъ; отъ представителей французскаго законодательнаго собранія требовался залогъ относительно будущаго. Неопытность ихъ была достоинствомъ, молодость—своего рода присягой. Для спокойныхъ временъ нужны старцы, для революцій—молодые люди.

Какъ только собраніе сформировалось, въ немъ уже обнаружился подъ ничтожнымъ предлогомъ двойственный,—полу-монархическій, полу-республиканскій духъ, которымъ проникнуты были его дѣйствія; завязалась борьба, съ виду пустая, но въ сущности серьезная, и въ теченіе двухъ дней побѣда переходила то на ту, то на другую сторону. Депутація, которая отправилась къ королю, чтобы возвѣстить ему о составѣ собранія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отдала отчетъ о своемъ порученіи чрезъ посредство своего президента, депутата Дюкастеля. „Мы колебались“, сказалъ онъ, „относительно формы выраженій, которыя должно принять, говоря съ королемъ. Мы боялись оскорбить и національное достоинство и достоинство короля. Мы рѣшили сказать ему такъ: „Государь, собраніе учредилось; оно послало насъ, чтобы увѣдомить о томъ Ваше Величество“. Мы отправились въ Тюльери. Министръ юстиціи вышелъ и объявилъ намъ, что король не можетъ принять насъ ранѣе, какъ сегодня въ часъ. Мы думали, что общее благо требуетъ немедленнаго нашего принятія и потому стали настаивать. Тогда король велѣлъ сказать, что приметъ насъ въ 9 часовъ. Мы пришли. Въ четырехъ шагахъ отъ короля я ему поклонился и произнесъ условленные слова. Король спросилъ у меня имена моихъ товарищей; я отвѣчалъ, что не знаю ихъ. Мы хотѣли уже удалиться, когда онъ остановилъ насъ, сказавъ: „я не могу васъ видѣть ранѣе пятницы“.

При послѣднихъ словахъ глухое волненіе, которое уже бродило въ собра-

ній, разразилось: „я требую“, кричалъ одинъ депутатъ, „чтобы больше не употребляли титула „величество“. „Я требую“, прибавилъ другой, „чтобы были уничтожены титулы „государь“ (Sire), составляющій сокращеніе слова „seigneur“ (господинъ), такъ какъ въ немъ выражается признание верховной власти за тѣмъ лицомъ, къ которому прилагаютъ подобный титулъ“. „Я требую“, сказалъ депутатъ Беккэ, „чтобы мы не были автоматами, которые стоятъ или сидятъ, когда королю будетъ угодно встать или сѣсть“. Тутъ въ первый разъ возвысилъ голосъ Кутонъ, и первое слово его было угрозою для королевскаго сана: „Здѣсь нѣтъ другого величества, кромѣ величества закона и народа“, сказалъ онъ, „не дадимъ королю другого титула, кромѣ званія „короля французовъ“! Унесите это возмутительное кресло, позолоченное сѣдалище, поданное королю въ послѣдній разъ, какъ онъ являлся въ этой залѣ: пусть онъ считается за честь сидѣть на простомъ креслѣ президента великаго народа; пусть весь церемоніалъ между нимъ и нами состоитъ въ равенствѣ; когда онъ сниметъ шляпу и встанетъ, будемъ и мы стоять непокрывшись, но накроемся и сядемъ, когда онъ сядетъ и накроется“. „Народъ“, возразилъ Шабо, „послалъ васъ сюда, чтобы заставить уважать свое достоинство. Потерпите ли вы, чтобы король сказалъ вамъ: я приду въ три часа? какъ будто бы вы не могли открыть собраніе, не ожидая его!“

Постановили, что каждый вправѣ сидѣть и накрываться въ присутствіи короля. Гарранъ де-Кулонъ замѣтилъ, что этотъ декретъ можетъ произвести нѣкоторую тревогу въ собраніи. Подобное право, предоставленное всѣмъ, дастъ однимъ случай выказать гордость предъ королемъ, а другимъ—поклоненіе ему. „Тѣмъ лучше“, вскричалъ чей-то голосъ, „если есть льстецы, то надобно знать ихъ“. Рѣшили также поставить въ залѣ два одинаковыя кресла въ уровень одно съ другимъ: одно для президента, другое для короля; наконецъ, постановили, что королю не должно давать никакого другого титула, кромѣ титула „короля французовъ“.

3.

Эти декреты были унижительны для короля, встревожили конституціонистовъ, взволновали народъ. Надежда на возстановленіе гармоніи между властями была разбита съ самаго начала. Конституція споткнулась на первомъ шагѣ. Отнятіе у королевскаго сана его титуловъ казалось даже большимъ униженіемъ, чѣмъ лишеніе его неограниченной власти. „Развѣ мы для того удержали короля“, говорили одни, „чтобы предавать его оскорбленіямъ и посмѣянію представителей народа? Нація, которая не уважаетъ себя въ лицѣ своего наслѣдственнаго главы, будетъ ли питать уваженіе и къ своимъ избраннымъ представителямъ? Развѣ свобода будетъ усвоена трономъ путемъ подобныхъ оскорбленій? Развѣ насажденіемъ враждебныхъ чувствъ въ сердцѣ короля можно заставить его почитать конституцію и обезпечить его честное содѣйствіе поддержкѣ правъ народа и благу націи? Если исполнительная власть составляетъ необходимую дѣйствительность, то нужно ее уважать въ лицѣ короля: даже если она только тѣнь, все-таки должно относиться къ ней съ почтеніемъ“. Совѣтъ министровъ собрался. Король съ горечью объявилъ, что онъ вовсе не обреченъ консти-

туцій передавать, въ своемъ лицѣ, королевское достоинство оскорбленіямъ собранія, и что онъ намѣренъ открыть засѣданія послѣдняго чрезъ посредство министровъ.

Слухъ объ этомъ, распространившись по Парижу, произвелъ внезапную реакцію въ пользу короля. Собраніе, все еще колеблющееся, почувствовало этотъ ударъ. Популярность, которой оно искало, ускользала у него изъ-подъ рукъ. Собраніе отступило. „Каковъ былъ результатъ вчерашняго декрета?“ сказалъ Вогезскій депутатъ при открытіи засѣданія 6-го октября. „Новыя надежды для враговъ общественнаго блага, волненіе въ народѣ, пониженіе кредита, общее безпокойство. Возвратимъ наслѣдственному представителю народа то, что принадлежитъ ему вслѣдствіе нашего почтенія. Не будемъ подавать ему повода думать, что онъ сдѣлается игрушкою каждаго законодательнаго собранія, каковъ будетъ открыто. Время бросить якорь конституціи“.

Верньо, тогда еще неизвѣстный жирондистскій депутатъ, обнаружилъ съ первыхъ же словъ дерзость, соединенную съ нерѣшительностью, которая вообщѣ характеризуетъ политику Жиронды. Въ словахъ оратора выражалось колебаніе, которое было въ его душѣ. Онъ говорилъ въ пользу одной партіи, а заключилъ въ пользу другой. „Кажется, дѣло рѣшенное“, сказалъ онъ, „что если декретъ касается внутренней политики, то онъ долженъ исполняться немедленно; для меня же очевидно, что декретъ именно касается внутренней политики, такъ какъ между законодательнымъ собраніемъ и королемъ не существуетъ отношеній власти и подчиненности. Дѣло идетъ просто о вниманіи, которое требуютъ оказывать королевскому достоинству. Я не знаю, зачѣмъ желаютъ возстановленія титуловъ „государь“ и „величество“, которые напоминаютъ намъ феодализмъ. Король долженъ считать за честь титулъ короля французовъ. Спрашиваю васъ, развѣ король требовалъ декрета, чтобы установить для своего дома церемоніаль при приѣмѣ вашихъ депутацій? Впрочемъ, говоря откровенно, я думаю, что если король, изъ уваженія къ собранію, держится стоя и не покрытымъ, то и собраніе, изъ уваженія къ королю, должно не накрываться и стоять“.

Геро де-Сешель потребовалъ уничтоженія декрета. Депутатъ Юры, Шампіонъ, упрекалъ своихъ товарищей за употребленіе первыхъ засѣданій на пренія о такихъ пустякахъ. „Я не боюсь идолопоклонства народа предъ золотымъ кресломъ, но боюсь борьбы между двумя властями! Вы не хотите словъ „государь“ и „величество“; вы не хотите даже, чтобы королю рукоплескали, какъ будто возможно запретить народу манифестаціи съ выраженіемъ признательности, когда король ихъ заслуживаетъ! Не будемъ позорить себя, господа, преступною неблагодарностью къ національному собранію, которое сохранило королю эти знаки почтенія. Основатели свободы не были рабами! Прежде чѣмъ опредѣлить прерогативы королевскаго сана, они установили права народа. Сама нація получаетъ почести въ лицѣ своего наслѣдственнаго представителя. Установивъ королевское достоинство, она облекла его блескомъ, который восходитъ къ своему источнику и въ немъ отражается“.

Дюкастель, президентъ посланной къ королю депутаціи, говорилъ въ томъ же смыслѣ. Но онъ, говоря о королѣ, по неосторожности, употребилъ слово

„государь“, и прибавилъ, что законодательная власть заключается какъ въ собраніи, такъ и въ королѣ; такое кощунство, такая невольная ересь вызвали въ залѣ страшную бурю. Во всякомъ сомнительномъ словѣ собранію уже слышались намѣренія антиреволюціонныя. Уничтоженный порядокъ былъ еще такъ близокъ, что на каждомъ шагу боялись соскользнуть въ него. Народъ былъ похожъ на вчерашняго отпущенника, котораго звукъ цѣпей заставляетъ трепетать. Однакожъ декретъ, оскорбительный для королевскаго достоинства, былъ отмѣненъ. Это отступленіе встрѣтило восторженный приемъ со стороны роялистовъ и національной гвардіи. Конституціонисты видѣли въ немъ предвѣстіе возражающагося согласія между государственными властями. Король счелъ это торжествомъ невольнаго угасшей вѣрности къ нему, которую оживляла въ сердцахъ народа всякая оскорбительная попытка, направленная противъ его особы.

Всѣ они обманывались; это было просто движеніе великодушія, которое слѣдовало за движеніемъ грубости; колебаніе народа, который не рѣшается разбить однимъ ударомъ то, чему долгое время поклонялся.

Между тѣмъ роялисты въ своихъ журналахъ злоупотребляли этимъ возвратомъ къ умѣренности: „революція труситъ“, восклицали они, „потому что чувствуетъ свою слабость. Такое сознаніе слабости составляетъ предвѣстіе пораженія. Смотрите—сколько позорныхъ изобличеній она нанесла сама себѣ въ два дня! Всякая сила, которая размягчается, погибла, если не сумѣетъ маскировать свое пораженіе, отступить медленными и незамѣтными шагами и заставить забыть свои принципы, прежде чѣмъ отречется отъ нихъ. Повиновеніе имѣетъ только двѣ пружины — уваженіе и боязнь. То и другое разбивается вслѣдствіе крутого и насильственнаго отступленія, въ родѣ такого, какое совершено собраніемъ. Можно ли питать уваженіе или боязнь къ такой власти, которая гибнетъ подъ бременемъ своей собственной смѣлости? Собраніе отреклось отъ своего дѣла, не окончивъ всего того, на что посягнуло. Революція, которая не двигается впередъ, уже побѣждена, а король, не сражаясь, дѣлается побѣдителемъ“.

Съ другой стороны революціонная партія, собравшись вечеромъ у якобинцевъ, оплакивала свою неудачу, обвиняла и обличала всѣхъ и каждого. „Смотрите“, говорили ораторы этой партіи, „какая подземная работа совершена въ одну ночь! Какая побѣда продажности и страха! Члены прежняго собранія, смѣшавшись въ залѣ съ новыми депутатами, нашептывали своимъ преемникамъ о всякаго рода уступкахъ, которыя обезчестили послѣднихъ. Вечеромъ, послѣ засѣданія тѣ же прежніе депутаты разсыпались группами по Пале-Роялю, сѣяли тамъ тревогу, говорили о вторичномъ отъѣздѣ короля, предвѣщали смуты и анархію, а парижскому народу, который предпочитаетъ свое частное благосостояніе общественной свободѣ, внушили страхъ упадка кредита, исчезновенія звонкой монеты, пониженія публичныхъ фондовъ. Развѣ это продажное племя можетъ противиться подобнымъ аргументамъ?“

Духъ Парижа выразился вполне на слѣдующій день въ положеніи и въ рѣчахъ собранія. „При открытіи засѣданія“, говорилъ одинъ якобинецъ, „я помѣстился среди депутатовъ, которые разговаривали о средствахъ добиться отмѣны сдѣланнаго. Я сказалъ имъ, что если декретъ былъ принятъ наканунѣ

почти единодушно, то, кажется, невозможно рассчитывать на такой внезапный и скандальный поворотъ въ общественномъ мнѣніи. „Мы увѣрены въ большинство“, отвѣчали они. Тогда я оставилъ свое мѣсто и занялъ другое, гдѣ слышалъ то же самое. Тогда я нашелъ убѣжище въ той части залы, которая была святилищемъ патріотизма. Тѣ же разговоры, такое же отступничество. Ночь купила всѣхъ. Доказательствомъ, что работа подкупа совершилась прежде, чѣмъ могло послѣдовать сужденіе, служить и то, что всѣ ораторы, которые говорили противъ декретовъ, имѣли подъ рукою свои рѣчи, изложенныя письменно. Откуда же происходитъ это изумленіе патріотовъ? Отъ того, что тѣ члены законодательнаго собранія, которые остались чистыми, не узнали другъ друга. Отъ того, что они здѣсь еще не встрѣчались и не считали своихъ рядовъ. Правда, что вы имъ открыли свои двери; они вошли, чтобы удостовѣриться въ вашемъ положеніи и въ вашихъ силахъ, но еще не сдѣлались своими и не почерпнули въ вашихъ посѣщеніяхъ и разговорахъ довѣрія и патріотизма, которые составляютъ вторую душу гражданина!“

Между тѣмъ народъ, который послѣ столькихъ бурныхъ дней стремился къ покою, который нуждался въ работѣ, деньгахъ и хлѣбѣ и, сверхъ того, былъ напуганъ приближеніемъ суровой зимы, отнесся равнодушно и къ самой попыткѣ, сдѣланной собраніемъ, и къ отступленію его. Онъ допустилъ безнаказанныя оскорбленія депутатовъ, которые поддерживали декреты. Гупильо, Кутонъ, Базиръ, Шабо подверглись въ самомъ собраніи угрозамъ со стороны офицеровъ національной гвардіи. „Берегитесь!“ говорили имъ эти солдаты, вышедшіе изъ народа и подкупленные трономъ. „Мы не хотимъ, чтобы революція дѣлала ни шагу болѣе. Мы васъ знаемъ; вы у насъ на глазахъ, мы проколемъ васъ штыками!“ Эти депутаты, въ сопровожденіи Барера, жаловались на такія оскорбленія въ клубъ якобинцевъ; но ни что не тронулось ихъ словами и они унесли съ собою лишь безплодное негодованіе.

4.

Король, успокоенный такимъ настроеніемъ общества, 7-го числа отправился въ собраніе. Его появленіе послужило сигналомъ къ единодушнымъ рукоплесканіямъ. Одни въ его лицѣ аплодировали королю; другіе въ лицѣ короля, аплодировали конституціи. Послѣдняя внушала тогда настоящій фанатизмъ тѣмъ инертнымъ массамъ, которыя судятъ о предметахъ по названію и считаютъ нетлѣннымъ все то, что законъ провозглашаетъ священнымъ. Крикомъ „да здравствуетъ король!“ не довольствовались; кричали также: „да здравствуетъ его величество!“ Радостныя восклицанія одной части народа вознаграждали за оскорбленія, сдѣланныя со стороны другой, и такимъ образомъ возраждали тѣ самые титулы, которые декретъ пытался уничтожить. Аплодировали даже помѣщенію королевскаго кресла подлѣ кресла президента. Роялистамъ казалось, что это кресло было трономъ, на которомъ нація вновь утверждала монархію. Король говорилъ стоя и съ открытой головой. Рѣчь его дѣйствовала успокоительно на умы, трогала сердца. За неимѣніемъ энтузіазма она дышала искренностью. „Чтобы наши труды“, сказалъ король, „произвели все то благо, котораго должно отъ нихъ ожидать, надобно, чтобы между законо-

дательнымъ собраніемъ и королемъ царствовали постоянная гармонія и неизмѣнное довѣріе. Враги нашего спокойствія будутъ всѣми силами стараться насъ разсѣдинить; но пусть любовь къ отечеству вновь соединитъ насъ, а общій интересъ свяжетъ насъ неразрывными узами! Такимъ образомъ, народное могущество развернется безпрепятственно; администрацію не будутъ мучить напрасные страхи; собственность и вѣрованія каждаго будутъ равно охраняемы. Не останется болѣе ни для кого повода жить вдали отъ страны, въ которой законы находятся въ полной силѣ и всѣ права уважаются“. Этотъ намекъ на эмигрантовъ и косвенный призывъ къ королевскимъ братьямъ наполнили всѣ ряды собранія трепетомъ радости и надежды. Королю отвѣчалъ президентъ Пасторэ, умѣренный конституціоналистъ,—человѣкъ пріятный и королю и народу, потому что со своими теоріями государственной власти онъ соединялъ ловкость дипломата и конституціонный языкъ. „Государь“, сказалъ онъ, „своимъ присутствіемъ среди насъ вы приносите новую присягу отечеству. Права народа были забыты, всѣ власти находились въ смѣшеніи. Родилась конституція и вмѣстѣ съ ней французская свобода; вы должны дорожить ею, какъ гражданинъ; какъ король вы должны поддерживать и защищать ее. Она не только не поколебала вашей силы, но еще утвердила ее. Она нашла вамъ друзей во всѣхъ тѣхъ, которые прежде назывались вашими подданными. Нѣсколько дней назадъ, въ этомъ храмѣ отечества вы сказали, что нуждаетесь въ любви французовъ. И мы также нуждаемся въ вашей любви. Конституція сдѣлала васъ первымъ монархомъ въ свѣтѣ; ваша любовь къ ней поставитъ ваше величество въ число самыхъ любимыхъ королей. Сильные нашимъ единствомъ, мы вскорѣ почувствуемъ его спасительное вліяніе. Очистить законодательство, оживить общественный кредитъ, подавить анархію,—такова наша обязанность, таковы наши желанія, таковы и ваши, государь; благословенія французовъ будутъ вамъ за то наградою“.

Этотъ день возвратилъ надежду въ сердца короля и королевы; они думали, что возвратили къ себѣ народъ. Революція, казалось, нашла своего короля. Варенскія воспоминанія, повидимому, умерли. Популярность явилась королю въ родѣ того утренняго вѣтерка, который на минуту очищаетъ небо и обманываетъ даже людей, уже привыкшихъ не довѣрять подобнымъ признакамъ. Королевская фамилія хотѣла, по крайней мѣрѣ, насладиться такой благопріятной переменой и особенно порадовать ею дофина и принцессу: эти дѣти знали только гнѣвъ народа, націю они видали только сквозь рядъ октябрьскихъ штыковъ, подъ рубищемъ мятежа и сквозь пыль Вареннской дороги. Король хотѣлъ, чтобы его дѣти видѣли народъ, исполненный спокойствія и любви, потому что воспитывалъ сына въ любви къ народу, а не въ чувствахъ мщенія за свои обиды. Въ своихъ каждодневныхъ мученіяхъ онъ страдалъ больше всего не отъ собственного униженія, а отъ неблагодарности и оскорбленія народа. Быть непонятымъ націей казалось ему еще болѣе жестокимъ, чѣмъ терпѣть отъ нея преслѣдованія. Минута правосудія со стороны общественного мнѣнія заставляла короля забывать двухлѣтнія оскорбленія. Вечеромъ онъ отправился въ „Theatre italien“ съ королевой, принцессой Елизаветой и своими дѣтьми. Надежды, зародившіяся въ этотъ день, утреннія слова короля, черты его лица, проникнутыя довѣріемъ и добротою, красота двухъ принцессъ, наивная грація дѣтей

произвели на зрителей такое впечатлѣніе, въ которомъ состраданіе соединяется съ уваженіемъ, а энтузіазмъ умягчаетъ сердца до умиленія.

Зала огласилась нѣсколько разъ рукоплесканіями, иногда даже всхлипываніями; взоры зрителей, обращенные къ королевской ложѣ, казалось, хотѣли дать королю и принцессамъ нѣкое вознагражденіе за страшныя обиды. Толпа никогда не сопротивляется при видѣ дѣтей; въ каждой толпѣ есть матери. Дофинъ, прелестный ребенокъ, сидѣлъ на колѣняхъ королевы и, поглощенный игрою актеровъ, наивно повторялъ своей матери ихъ жесты какъ бы для того, чтобы передать ей содержаніе пьесы. Это безпечное спокойствіе невинности среди бурь, эти игры ребенка у подножія трона, готового обратиться въ эшафотъ, движенія сердца королевы, столь долго закрытаго для всякой радости и даже для безопасности,—все это вызывало слезы на глазахъ зрителей; самъ король плакалъ. Въ революціонныя времена бываютъ такіе моменты, въ которые самая яростная толпа становится кротою и милосердою; это случается именно тогда, когда въ ней говоритъ натура, а не политика, и вмѣсто чувствъ народа въ толпѣ являются чувства человѣка! Для Парижа наступилъ одинъ изъ такихъ моментовъ: онъ продолжался недолго.

5.

Собраніе спѣшило вновь овладѣть народными страстями, которыя у него вырвало мимолетное умиленіе. Оно уже стыдилось своей минутной умѣренности и старалось сѣять новые раздоры между трономъ и націею. Среди Собранія была многочисленная партія, которая хотѣла довести дѣло до крайности и сдѣлать положеніе до того натянутымъ, чтобы произошелъ взрывъ. Эта партія нуждалась въ волненіяхъ; спокойствіе не отвѣчало ея намѣреніямъ. Эту партію составляли люди съ громаднымъ честолюбіемъ и высокими талантами, люди, одушевленные пыломъ юности, нетерпѣливо желавшіе занять видное положеніе. Учредительное собраніе, состоявшее изъ людей зрѣлыхъ, оскѣдлыхъ въ государствѣ, поставленныхъ въ ряды соціальной іерархіи, видѣло свое честолюбіе только въ идеяхъ-славы и свободы; новое Собраніе жаждало извѣстности, фортуны и власти. Оно состояло изъ людей бѣдныхъ и неизвѣстныхъ и стремилось добыть себѣ все то, чего ему не доставало.

Эта послѣдняя партія, публицистомъ которой былъ Бриссо, популярностью—Петіонъ, гениемъ—Верньо, ядромъ—жирондисты, выступала на сцену, одушевленная смѣлостью и духомъ единства, какіе свойственны заговорщикамъ. Это была буржуазія торжествующая, завистливая, подвижная, краснорѣчивая, аристократія таланта, которая хотѣла подчинить себѣ одной и эксплуатировать свободу, власть и народъ. Собраніе состояло изъ трехъ неравныхъ элементовъ: конституціонистовъ, т. е. партіи аристократической свободы и умѣренной монархіи,—жирондистовъ, которые стояли за непрерывное движеніе впередъ до той минуты, пока революція не попадетъ въ ихъ руки,—якобинцевъ, партіи народа и активной философіи: первые представляли собою компромиссъ и непрочность, вторые—смѣлость и интригу, третьи—фанатизмъ и преданность. Изъ двухъ послѣднихъ партій якобинская не была самою враждебною королю. Послѣ разрушенія аристократіи и духовенства эта партія не была враждебна

тронъ; она обладала въ высокой степени инстинктомъ единства власти: не она первая потребовала войны и произнесла слово „республика“, но якобинцы впервые произнесли и часто потомъ произносили слово „диктатура“; слово „республика“ принадлежит Бриссо и жирондистамъ. Еслибы жирондисты, при вступленіи въ Собраніе, присоединились къ конституціонной партіи, чтобы спасти конституцію, стараясь ее умѣрить, спасти революцію—не доводя до войны, они спасли бы свою партію и господствовали бы надъ трономъ. Честность, которой не доставало ихъ вождю, не выражалась и въ ихъ дѣйствіяхъ; этихъ людей увлекала интрига, они сами сдѣлали себя агитаторами Собранія, въ которомъ могли сдѣлаться государственными людьми. Искренней вѣры въ республику эти люди не имѣли, они только подражали республиканскимъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ, въ революціи единственною надежною ролью бываетъ искренность. Умереть жертвою своего убѣжденія—прекрасно, умереть отъ обманутаго честолюбія—плачевно.

6.

Когда Собраніе приняло на себя завѣдываніе дѣлами, три обстоятельства волновали умы: вопросъ о духовенствѣ, вопросъ объ эмиграціи и опасность войны.

Учредительное собраніе сдѣлало большую ошибку, остановившись на полумѣрѣ относительно реформы во французскомъ духовенствѣ. Самъ Мирабо выказалъ слабость въ этомъ вопросѣ. Революція была, въ сущности, законнымъ возстаніемъ политической свободы противъ деспотизма и религіозной свободы противъ легальнаго преобладанія католицизма, который сдѣлался во Франціи тѣмъ-то въ родѣ политическаго учрежденія. Конституція освободила гражданина; надобно было освободить вѣрующаго и вырвать людскую совѣсть изъ-подъ опеки государства и возратить ее самой себѣ, индивидуальному разуму и Богу. Вотъ чего хотѣла философія, которая составляетъ раціональное выраженіе генія.

Философы Учредительнаго собранія отступили предъ трудностью этого дѣла. Въмѣсто эманципаціи, они заключили сдѣлку съ могуществомъ духовенства, страшнымъ вліяніемъ римскаго двора и застарѣлыми привычками народа. Они удовольствовались ослабленіемъ узъ, которыя привязывали государство къ церкви, тогда какъ должны были ихъ разорвать. Тронъ былъ привязанъ къ алтарю, они хотѣли привязать алтарь къ трону. Это значило только перемѣнить тиранию, угнетать совѣсть закономъ вмѣсто угнетенія закона совѣстью.

Гражданская конституція духовенства была выраженіемъ этого взаимно-ложнаго положенія. Духовенство было лишено тѣхъ неотчуждаемыхъ имуществъ, которыя, въ видѣ церковной десятины, облагали налогомъ собственность и населеніе Франціи. У духовенства отняли его бенефиціи, аббатства и десятины, феодальныя принадлежности алтаря. Въ замѣнъ оно получило доходы, взятые впередъ въ видѣ налоговъ.

Условіемъ того договора, который оставлялъ служащему духовенству существованіе, вліяніе и личное значеніе, какъ священнослужителей, получающихъ жалованье отъ государства, было требованіе принести присягу конституціи. Эта конституція содержала въ себѣ параграфы, которые посягали на духовное

главенство и на административныя привилегіи римскаго двора: католицизмъ встревожился, сталъ протестовать. Совѣсть католиковъ была возмущена. Революція, до тѣхъ поръ исключительно политическая, сдѣлалась ересью въ глазахъ части духовенства и вѣрныхъ. Изъ числа епископовъ и священниковъ одни принесли гражданскую присягу, которая гарантировала ихъ существованіе,—другіе отказывались отъ нея или присягали и потомъ отступали отъ присяги. Отсюда смуты въ умахъ, волненіе въ совѣсти вѣрныхъ, раздоръ въ храмахъ. Большая часть приходоу имѣла двухъ священниковъ: конституціоннаго, который оплачивался правительствомъ и находилъ въ немъ покровительство, и другого, непокорнаго, который отказывался отъ присяги, былъ лишень доходовъ, изгнанъ изъ церкви и рядомъ съ законнымъ алтаремъ воздвигалъ другой алтарь въ какой-нибудь потаенной часовнѣ или на открытомъ полѣ. Эти два священнослужителя принадлежали одному и тому же культу, но взаимно другъ друга отлучали отъ церкви: одинъ во имя конституціи, другой—во имя папы и церкви. Населеніе раздѣлялось между ними обоими, смотря по большей или меньшей степени революціоннаго духа въ данной провинціи. Въ городахъ и деревняхъ, гдѣ преобладалъ новый духъ, конституціонной культъ господствовалъ почти нераздѣльно. Въ селеніяхъ и департаментахъ, приверженныхъ преданіямъ, неприсяжный священникъ становился священнымъ трибуномъ, который, съ подножія алтаря или съ высоты кафедры, волновалъ народъ и внушалъ ему, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ конституціонному и еретическому священству, ненависть къ правительству, которое покровительствовало послѣднему. Этого еще нельзя было назвать ни религіознымъ гоненіемъ, ни междоусобной войной, но подобныя явленія составляли вѣрное предвѣстіе того и другого.

Король подписалъ гражданскую конституцію духовенства нехотя и какъ бы по принужденію, но сдѣлать это только какъ король, сохранивъ для себя свободу совѣсти. Онъ былъ христіаниномъ и католикомъ во всей евангельской простотѣ, со смиреннымъ повиновеніемъ церкви. Упреки, которые король получалъ изъ Рима за свою слабость, выразившуюся въ согласіи на ересь, возникшую во Франціи, раздирали его совѣсть и волновали умъ. Онъ не переставалъ вести официальные или секретные переговоры съ папой, то стараясь получить отъ главы церкви снисходительную уступку необходимости въ дѣлѣ религіи во Франціи, то совѣтуя ему благоразумное выжиданіе. Только такой цѣной могъ онъ возвратитъ миръ своей душѣ. Римъ могъ даровать королю только свое состраданіе. Громоносныя буллы, въ рукахъ неприсяжныхъ священниковъ, обращались на головы населенія и останавливались только у подножія трона. Король съ трепетомъ ждалъ, что когда-нибудь онъ разразится надъ его собственной головой.

Съ другой стороны, король понималъ, что революція не проститъ ему того, что онъ пожертвовалъ ея началами своей религіозной совѣстливости. Поставленный, такимъ образомъ, между угрозами неба и угрозами своего народа, король употреблялъ всѣ усилія, чтобы отерочить осужденіе Римъ и рѣшенія Собранія. Учредительное собраніе понимало эту тревогу совѣсти короля и опасность преслѣдованія. Оно дало королю время для рѣшенія и отнеслось съ долготерпѣніемъ къ совѣсти каждаго; оно не налагало руки на убѣжденія

обыкновеннаго вѣрующаго. Каждый былъ вправѣ молиться со священникомъ, свободно имъ выбраннымъ. Король первый воспользовался этой свободой и не открылъ тюльерійской капеллы конституціонному культу. Выборъ королемъ духовника достаточно ясно указывалъ на выборъ королевской совѣсти. Человѣкъ въ Людовикѣ XVI протестовалъ противъ политической необходимости, которой подчинялся король. Жирондисты хотѣли принудить его высказаться; уступивъ имъ, онъ терялъ свое достоинство; сопротивляясь имъ, терялъ послѣдніе остатки своей популярности. Заставить короля открыто принять которую-нибудь сторону было торжествомъ для жирондистовъ.

Народныя страсти благопріятствовали ихъ намѣреніямъ. Религіозныя смуты начали принимать политическій характеръ. Въ древней Бретани присяжные священники сдѣлались предметомъ ужаса для народа. Ихъ молитвы стали считаться кощунствомъ. Сношеній съ этими священниками избѣгали. Напротивъ, непокорные священники удерживали все свое стадо. Толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, по воскресеньямъ, шли за своимъ старымъ священникомъ въ капеллы, расположенныя въ двухъ или трехъ миляхъ отъ жилищъ, или въ уединенныя убожища, и искали тамъ святилищъ, не оскверненныхъ обрядами конституціоннаго культа. Въ Канѣ обогрилась кровью самая церковь, въ которой непокорный священникъ оспаривалъ алтарь у священника присяжнаго. Такіе же безпорядки грозили распространиться по всему королевству. Вездѣ было по два пастыря и раздѣленіе въ стадѣ. Ненависть, которая уже доходила до оскорбленій, должна была вскорѣ выразиться пролитіемъ крови. Половина народа, подъ вліяніемъ тревоги за свои вѣрованія и вслѣдствіе любви къ своему культу, примкнула къ аристократіи. Собраніе могло оттолкнуть отъ себя, такимъ образомъ, народный элементъ, который доставилъ ему торжество во всемъ королевствѣ. Надобно было принять мѣры противъ этой неожиданной опасности.

Было только два средства погасить пожаръ въ самомъ его очагѣ: сильная поддержка свободы совѣсти исполнительною властью или преслѣдованіе священнослужителей стараго культа. Собраніе въ нерѣшимости колебалось между этими двумя путями. Пренія объ этомъ открылись по поводу отчетовъ Галлуа и Жансонне, посланныхъ, въ качествѣ гражданскихъ комиссаровъ, въ западные департаменты, чтобы тамъ изучить причины волненія и духъ народа. Фоме, присяжный священникъ и знаменитый проповѣдникъ, впоследствии конституціонный епископъ Кальвадоса, началъ говорить первый. Это былъ одинъ изъ такихъ людей, которые, подъ мантией священника, скрываютъ сердце философа. Реформаторы по духу, священники по званію, эти люди чувствовали глубокое противорѣчіе между своими взглядами и своимъ положеніемъ; національная религія, революціонный католицизмъ были единственнымъ средствомъ, какое имъ оставалось для примиренія своего интереса съ политикой. Вѣра этихъ людей, воплотивъ академическаго свойства, была не болѣе, какъ религіознымъ приличіемъ. Они хотѣли незамѣтно преобразовать католицизмъ въ кодексъ нравственности, гдѣ догматъ былъ бы только символомъ, содержащимъ для народа священныя истины, и притомъ такимъ, который, болѣе и болѣе обнажаясь отъ фикцій, незамѣтно приводилъ бы человѣческой умъ къ символическому деизму,

храмомъ котораго была бы кафедра, а Христомъ—обоготворенный Платонъ. Фоше обладать смѣлымъ умомъ сектатора и неустрашимостью человѣка рѣшительнаго.

7.

„Насъ обвиняють въ желаніи преслѣдовать“, такъ началъ Фоше. „Это клевета. Никакихъ преслѣдованій нѣтъ. Къ нимъ стремится фанатизмъ, истинная религія ихъ устраняетъ, философія питаетъ къ нимъ отвращеніе. Остережемся подвергать ненокорныхъ священниковъ заключенію, изгонять ихъ, даже лишать мѣстъ! Пусть они думаютъ, говорятъ, пишутъ противъ насъ все, что хотять, ихъ мыслямъ мы противопоставимъ свои мысли, ихъ заблужденіямъ—наши истины, ихъ ненависти—наше милосердіе. Время сдѣлаетъ остальное. Но въ ожиданіи его неизбежнаго торжества, надобно найти дѣйствительное и скорое средство, чтобы помѣшать этимъ людямъ возбуждать слабые умы и внушать имъ мысли о контръ-революціи. Контръ-революція! Не въ томъ состоитъ религія, господа! Фанатизмъ не совмѣстенъ со свободой. Посмотрите на священниковъ. Они хотѣли бы плавать въ крови патріотовъ. Это ихъ подлинныя выраженія. Въ сравненіи съ этими священниками атеистовъ должно признать ангелами. (Рукоплесканія). Однакожъ, повторяю, будемъ ихъ терпѣть, но платить имъ не станемъ. Не будемъ имъ платить за то, что они раздирають отечество. Одной только этой мѣрой намъ и надобно ограничиться. Уничтожьте всякія пенсіи изъ національной казны неприсяжнымъ священникамъ. Они не имѣють правъ ни на что иначе, какъ въ качествѣ служителей церкви. Но какую же службу они совершаютъ? Они вызываютъ паденіе нашихъ законовъ. Эти люди говорятъ, что слѣдуютъ внушенію своей совѣсти. Нужно ли платить такой совѣсти, которая побуждаетъ къ самому черному преступленію противъ націи? Нація терпитъ такихъ священниковъ; развѣ этого не довольно? Они ссылаются на параграфъ конституціи, въ которомъ говорится: „доходы католическихъ священнослужителей составляютъ часть національнаго долга“ Но развѣ они служители католическаго культа? Развѣ государство признаетъ другой католицизмъ, кромѣ своего? Если они сами хотять провозглашать другой, то воля ихъ и ихъ послѣдователей! Нація дозволяетъ всѣ культы, но оплачиваетъ только одинъ. Что за польза для націи лишаться 30 милліоновъ дохода, бессмысленно уплачиваемыхъ самымъ непримиримымъ ея врагамъ! (Браво). Зачѣмъ эти фаланги священниковъ, которые отреклись отъ своего служенія, эти легіоны канониковъ и монаховъ,—когорты аббатовъ, пріоровъ, обладателей бенефицій всякаго рода,—людей, которые были прежде замѣчательны только лицемѣріемъ, бесполезностью, интригами, распутною жизнью, а теперь отличаются лишь дѣятельною яростью, заговорами, неутомимою ненавистью къ революціи? Зачѣмъ мы будемъ оплачивать эту армію рабства на счетъ фондовъ націи? Что они дѣлають? Они проповѣдываютъ эмиграцію, вывозятъ звонкую монету, сѣютъ заговоры противъ насъ какъ внутри, такъ и внѣ страны. „Идите“, говорятъ они дворянству, „соедините свое нападеніе съ чужеземцами; пусть все плаваетъ въ крови, лишь бы только возвратили наши привилегіи!“ Вотъ ихъ церковь! Если бы адъ имѣлъ на землѣ свою церковь, то она говорила бы подобнымъ языкомъ. Кто осмѣлится сказать, что нація должно ее содержать на жалованьи?..“

Торне, конституціонный епископъ Вуржа, отвѣчалъ аббату Фоше, какъ Фелонъ могъ бы отвѣчать Боссеюгу. Онъ показалъ, что въ словахъ его противника терпимость имѣла также свой фанатизмъ и свою жестокость: „Вамъ предлагаютъ сильныя лекарства противъ такого зла, которое гнѣвъ можетъ только растравить, требуютъ осужденія на голодъ нашихъ неприсягнувшихъ собратій. Простыя религіозныя заблужденія должны оставаться чуждыми законодателю. Священники эти не виновны, они только заблуждаются. Взоръ закона, падая на эти заблужденія совѣсти, растравляетъ ихъ; лучшее средство исцѣлить подобныя заблужденія состоитъ въ томъ, чтобы ихъ не видѣть. Наказывать голодною смертію простыя, невинныя ошибки было бы позоромъ для законодательства, ужасомъ для нравственности; законодатель долженъ предоставить Богу мщеніе за Его славу, если считаетъ ее нарушенною непристойнымъ культомъ. Неужели вы хотите, во имя терпимости, возстановить инквизицію, которая не имѣла бы даже, подобно прежней, оправданія въ фанатизмъ? Какъ! Господа, вы превратите основателей свободы въ преслѣдователей, побуждаемыхъ произволомъ? Вы будете судить, изгонять, заключать въ тюрьму массами людей, среди которыхъ если и есть нѣсколько виновныхъ, то еще болѣе невинныхъ? Преступленія не будутъ болѣе личными, виновность опредѣлится по категоріямъ, но если бы даже всѣ были равно виновны, то неужели вы имѣли бы жестокость разить разомъ это множество головъ, когда, въ подобныхъ случаяхъ, самые жестокіе деспоты довольствуются десятымъ человѣкомъ? Что же вамъ остается дѣлать? одно только: быть послѣдовательными и путемъ терпимости основывать практическую свободу, мирно допускать совмѣстное существованіе различныхъ культовъ. Почему наши собратья не будутъ пользоваться правомъ поклоняться, рядомъ съ нами, тому же самому Богу, тогда какъ въ городахъ, гдѣ мы отказываемъ имъ въ совершеніи нашихъ святыхъ таинствъ, мы же позволяемъ язычникамъ праздновать таинства Изиды и Озириса, магометанамъ призывать своего пророка, раввинамъ приносить жертвы всесоженія? Но докуда, скажете вы мнѣ, продолжится эта странная терпимость? А до какихъ поръ, скажу я въ свою очередь, доведете вы произволь и преслѣдованія? Когда законъ установитъ гражданскіе акты рожденія, браковъ, погребенія, вмѣстѣ съ актами религіозными, которые ихъ освящаютъ, когда законъ позволитъ совершать на двухъ алтаряхъ одну и ту же жертву, въ силу какой непослѣдовательности онъ не допуститъ туда одинаковыя таинства? Но ясно, скажутъ, что эти храмы сдѣлаются сборными мѣстами возмутителей? Да, если они останутся потаенными, какими хотѣли бы ихъ сдѣлать преслѣдователи; но если эти храмы открыты и свободны, то взоръ закона проникнетъ въ нихъ, какъ и вездѣ; не за вѣрой, но за преступленіями онъ будетъ слѣдить и ихъ застигать тамъ; чего же вы боитесь? за васъ время; этотъ классъ неприсяжныхъ священниковъ исчезнетъ и не возобновится болѣе; культъ, оплачиваемый отдѣльными лицами, а не государствомъ, постоянно клонится къ ослабленію; партіи, одушевляемая въ началѣ горячностью вѣрованій, умиряются и взаимно примиряются свободою. Взгляните на Германію! Взгляните на Виргинію, гдѣ противоположныя культы заимствуютъ другъ у друга одни и тѣ же святилища, и гдѣ различныя секты братаются въ одинаковомъ патріотизмъ?

Вотъ къ чему надобно стремиться, вотъ какими принципами надобно постепенно наполнять народъ! Свѣтъ долженъ быть великимъ предвѣстникомъ закона. Предоставимъ деспотизму готовить, путемъ невѣжества, рабовъ своимъ повелѣніямъ“.

8.

Дюко, молодой, благородный жирондистъ, въ которомъ энтузіазмъ честнаго челоѣка бралъ верхъ надъ стремленіями партій, потребовалъ отпечатанія этой рѣчи. Его голосъ затерялся среди рукоплесканій и ропота, что доказывало нерѣшительность и раздѣленіе умовъ. Фоше въ слѣдующее засѣданіе возражалъ, указывая на соотношенія гражданскихъ смутъ съ религіозными раздорами. „Священники“, сказалъ онъ, „это тираны, лишенные власти, которые держатъ еще въ людской совѣсти неполнѣ порванные нити своего могущества. Это партія раздраженная, но не обезоруженная! Это самая опасная изъ партій“.

Жансонне говорилъ какъ государственный челоѣкъ, совѣтуя терпимость по отношенію къ добросовѣстнымъ священникамъ,—строгое, но легальное обращеніе со священниками мятежными. Во время этихъ преній курьеры изъ департаментовъ каждый день приносили вѣсти о новыхъ беспорядкахъ. Конституціонные священники были повсюду оскорбляемы, изгоняемы, убиваемы у подножія алтаря; сельскія церкви, запертыя по распоряженію Національнаго собранія, были взломаны ударами топора; непокорные священники входили туда при содѣйствіи народнаго фанатизма. Три города были осаждены и почти сожжены обитателями деревень. Междоусобная война, грозившая возгорѣться, казалась прелюдіей контръ-революціи. „Вотъ—вскричалъ Инаръ—куда ведутъ васъ терпимость и безнаказанность, которыя вамъ проповѣдываются!“

Инаръ, депутатъ Прованса, былъ сынъ грасскаго парфюмера. Отецъ готовилъ его для литературы, а не для торговли: среди греческихъ и римскихъ древностей онъ изучалъ политику. Въ душѣ Инаръ носилъ идеалъ Гракха, въ сердцѣ—его мужество, въ голосѣ—его интонацію; Инаръ былъ еще очень молодъ, и его краснорѣчіе носило отпечатокъ кипучей крови. Слова Инара были огнемъ его страсти, расцѣвленнымъ силою южнаго воображенія; языкъ его хлопоталъ, какъ быстрые порывы нетерпѣнія.

Это было олицетвореніе революціоннаго полета. Собраніе слѣдовало за нимъ, переводя духъ, и вмѣстѣ съ ораторомъ доходило до ярости прежде, чѣмъ достигло извѣстнаго убѣжденія.

Рѣчи Инара были великолѣпными одами, которыя возводили пренія до лиризма и энтузіазмъ—до конвульсій; его жесты были болѣе свойственны треножнику, чѣмъ трибунѣ: онъ былъ Дантономъ Жиронды, среди которой роль Мирабо должна была достаться на долю Верньо.

9.

Инаръ еще въ первый разъ всталъ въ Собраніи съ своего мѣста и произнесъ: „Да, вотъ куда ведетъ васъ безнаказанность; она всегда составляетъ источникъ великихъ преступленій, а теперь является единственной причиною соціальной дезорганизаціи, въ которую мы погружены. Системы терпимости,

которыя вамъ предлагались, были хороши для спокойныхъ временъ; но должно ли терпѣть тѣхъ, которые не хотятъ терпѣть ни конституціи, ни законовъ? Или вы только тогда поймете опасность снисходительности, когда французская кровь обогрѣетъ волны моря? Пора, чтобы все подчинилось волѣ націи; пусть тиары, діадемы, кадильницы уступятъ, наконецъ, скипетру законовъ. Факты, которые предъ вами изложены, составляютъ только прелюдію того, что произойдетъ въ остальномъ королевствѣ. Обдумайте обстоятельства этихъ смутъ и вы увидите, что они составляютъ слѣдствіе дезорганизаторской системы современной конституціи: эта система родилась тамъ. (Указываетъ на правую сторону). Она освящена римскимъ дворомъ. Намъ приходится снимать маску не съ настоящаго фанатизма, а съ лицемѣрія! Священники — это привилегированные возмутители, которые должны быть наказаны строже, чѣмъ частныя лица. Религія — всемогущее орудіе. Священникъ, говоритъ Монтескье, принимаетъ человѣка въ колыбели и сопровождаетъ его до могилы; удивительно ли, что онъ имѣетъ такую власть надъ умами народа, и что нужно издавать особые законы, чтобы, подъ предлогомъ религіи, онъ не смущалъ общественный миръ? Каковъ же можетъ быть этотъ законъ? Я утверждаю, что только одинъ подобный законъ можетъ быть цѣлесообразенъ: изгнаніе изъ королевства. (Трибуны сопровождаютъ эти слова продолжительными рукоплесканіями). Развѣ вы не видите, что должно отдѣлить мятежнаго священника отъ совращаемаго имъ народа и выслать эту язву въ лазареты Италіи и Рима? Говорятъ, что такая мѣра слишкомъ строга. Какъ! значить вы нѣмы и глухи ко всему тому, что происходитъ? Развѣ вы не знаете, что одинъ священникъ можетъ надѣлать больше зла, чѣмъ всѣ ваши враги? Мнѣ отвѣчаютъ: не должно никого преслѣдовать. Я возражаю, что наказывать не значить преслѣдовать. Отвѣчаю еще тѣмъ, которые повторяютъ слова, какія, я слышалъ, говорились аббату Мори, а именно, что опаснѣе всего создавать мучениковъ: эта опасность существуетъ только въ такомъ случаѣ, когда вы поражаете искреннихъ фанатиковъ или людей истинно святыхъ, которые убѣждены, что эшафотъ составляетъ ступень къ небу. Здѣсь не такой случай; если и есть священники, которые по убѣжденію отвергаютъ конституцію, то такіе не нарушаютъ общественнаго порядка. Нарушаютъ его тѣ люди, которые, оплакивая религію, стараются лишь возвратить себѣ потерянные привилегіи; это тѣ, которыхъ должно наказывать безъ милосердія, и, разумѣется, нечего бояться увеличить этимъ силу эмигрантовъ: извѣстно, что священники трусы, столько же трусы, сколько мстительны, что они не знаютъ другого оружія, кромѣ оружія суетвѣрія, и что, выкинувъ сражаться на таинственной аренѣ исповѣди, они ничтожны на всякомъ другомъ полѣ сраженія. Громы Рима будутъ отражены щитомъ свободы. Враги вашего возрожденія не устанутъ; нѣтъ, они не утомятся преступленіями, пока вы будете имъ давать на это средства. Надобно, чтобы вы ихъ побѣдили, или чтобы были ими побѣждены! Кто этого не видитъ, тотъ слѣпъ. Раскройте исторію, и вы увидите, что англичане въ теченіе 50 лѣтъ вели несчастную войну, чтобы только защитить свою революцію. Вы увидите, что въ Голландіи текли потоки крови въ войнѣ противъ Филиппа Испанскаго. Въ наше время, когда жители Филадельфіи захотѣли сдѣлаться свободными, развѣ не возгорѣлась немедленно

война въ двухъ полушаріяхъ? Вы были свидѣтелями недавнихъ несчастій въ Брабантѣ. И вы думаете, что вамъ простять такую революцію, которая отняла у деспотизма его скипетръ, у аристократіи — ея привилегіи, у дворянства — его гордость, у духовенства — его фанатизмъ, революцію, которая похитила столько золотыхъ источниковъ изъ-подъ рукъ священника, уничтожила столько рясъ, низвергла столько теорій? Нѣтъ, нѣтъ! революціи нужна развязка! По моему мнѣнію, не вызывая эту развязку, должно идти ей на встрѣчу неустрашимо. Чѣмъ больше вы будете медлить, тѣмъ ваше торжество будетъ труднѣе, и тѣмъ болѣе оно обогрится кровью. (Сильный ропотъ поднимается въ одной части залы).

„Но развѣ вы не видите“, продолжалъ Инаръ, „что всѣ контръ-революціонеры держатся плотно и не оставляютъ вамъ другого выбора, кромѣ побѣды надъ собою? Гораздо лучше поразить ихъ, пока граждане еще возбуждены и помнятъ объ опасностяхъ, которымъ подвергались, чѣмъ дать остыть патріотизму! Неправда ли, что мы уже не то, чѣмъ были на первомъ году свободы? (Часть залы аплодируетъ, другая возражаетъ). Тогда, если бы фанатизмъ поднялъ голову, законъ поразилъ бы ее. Ваша политика должна состоять въ томъ, чтобы заставить побѣду высказаться. Доведите до крайности вашихъ враговъ, вы ихъ обратите посредствомъ страха или заставите повиноваться при помощи меча. Среди великихъ событій благоразуміе ни что иное, какъ слабость. Надобно быть рѣшительными, особенно въ отношеніи мятежниковъ. Надобно ихъ подавить, какъ только они поднимаются. Если позволить имъ собраться и набрать себѣ приверженцевъ, тогда они распространятся въ государствахъ, какъ потокъ, котораго ничто не въ состояніи остановить. Вотъ какъ дѣйствуетъ деспотизмъ, вотъ какимъ образомъ одна личность удерживаетъ подъ своимъ игомъ цѣлый народъ. Если бы Людовикъ XVI употребилъ эти сильныя средства въ то время, когда революція расцвѣтала только въ мысляхъ народа, мы не были бы здѣсь. Подобная строгость составляетъ притѣсненіе въ деспотѣ, добродѣтель въ націи. Законодатели, которые отступаютъ предъ этими крайними средствами, должны считаться трусами и преступниками, потому что когда дѣло идетъ о покушеніи на политическую свободу, то прощать преступленіе значить раздѣлять его. (Новыя рукоплесканія).

„Быть можетъ, вслѣдствіе подобной строгости прольется кровь? Я это знаю! Но если вы не сдѣлаете такъ, не потечетъ ли она еще болѣе? Развѣ междоусобная война не составляетъ еще большее несчастье? Отрѣжьте зараженный гангреною членъ, чтобы спасти все тѣло. Снисходительность — ни что иное, какъ ловушка, въ которую васъ толкаютъ. Вы увидите себя оставленными націей за то, что не осмѣлились поддержать ее и не сумѣли ее защитить. Враги не менѣе прежняго будутъ ненавидѣть васъ; друзья потеряютъ къ вамъ довѣріе. Законъ это мое божество; другого у меня нѣтъ. Общественное благо — вотъ мой культъ! Вы уже поразили эмигрантовъ; еще одинъ декретъ противъ возмутителей священниковъ, и вы приобрѣли десять милліоновъ рукъ! Мой декретъ въ двухъ словахъ: заставьте cadaго француза, какъ священника такъ и свѣтскаго, принять гражданскую присягу, и постановите, что каждый, кто не приметъ ее, будетъ лишенъ всѣхъ доходовъ и всякой пенсіи. Здравая по-

литика указываетъ, что можно приказать выйти изъ страны тому, кто не подпишетъ общественнаго договора. Какая нужда въ доказательствахъ противъ священника? Если только есть на него жалоба со стороны гражданъ, съ которыми онъ живетъ, то пусть онъ будетъ немедленно изгнанъ! Что же касается до тѣхъ, относительно которыхъ уголовный кодексъ постановляетъ наказанія болѣе строгія, чѣмъ изгнаніе, то къ нимъ можно приложить только одну мѣру: „смерть!“

10.

Эта рѣчь, которая доводила патриотизмъ до безбожія и дѣлала изъ общественнаго блага какого-то неумолимаго бога, которому надобно было приносить въ жертву даже невинныхъ, возбудила бѣшеный энтузіазмъ въ рядахъ жирондистовъ и сильное негодованіе среди умѣренной партіи. „Требовать отпечатанія подобной рѣчи“, сказали конституціонный епископъ Лекозъ, „все равно, что требовать отпечатанія кодекса атеизма. Обществу невозможно существовать, если оно не имѣетъ въ себѣ идеала неизмѣнной нравственности, происходящаго отъ идеи о Богѣ“. Этотъ религіозный протестъ встрѣченъ былъ смѣхомъ и ропотомъ собранія. Декретъ противъ священниковъ, предложенный Франсуа Нефшато и принятый законодательнымъ комитетомъ, былъ наконецъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Всякое духовное лицо, не принявшее присяги, обязано въ теченіе восьми дней явиться въ свой муниципалитетъ и принести тамъ гражданскую присягу.

„Кто не выполнитъ этого, тотъ съ этихъ поръ не имѣетъ права ни на какіе доходы или пенсію изъ общественной казны.

„Каждый годъ будетъ составляться денежная сумма изъ пенсій, которыхъ лишены такіа духовныя лица. Эта сумма будетъ распредѣляться между 83 департаментами и обращаться на благотворительныя работы и на помощь нуждающимся инвалидамъ.

„Сверхъ того, вслѣдствіе факта отказа отъ присяги, такіе священники будутъ считаться заподозрѣнными въ мятежъ и подлежать особому надзору.

„Вслѣдствіе этого, они могутъ быть удалены изъ своего жительства, съ назначеніемъ другого.

„Въ случаѣ отказа отъ этой обязательной перемѣны жительства, они будутъ подвергнуты заточенію.

„Церкви, употребляемая для богослуженія, которое оплачивается государствомъ, не могутъ быть обращены ни для какого другого богослуженія. Граждане могутъ нанимать другія церкви или капеллы и тамъ отправлять свои богослужебные обряды. Но это не разрѣшается священникамъ, которые не принесли присяги и заподозрѣны въ возмущеніи“.

11.

Этотъ декретъ, который больше разжигалъ фанатизмъ, чѣмъ тушилъ его, и распредѣлялъ свободу богослуженія не какъ право, но какъ милость, внесъ печаль въ сердца людей вѣрующихъ, вызвалъ возстаніе въ Вандеѣ, возбудилъ

преслѣдованія повсюду. Онъ повисъ, какъ грозный мечъ, надъ совѣстью короля и къ нему же былъ посланъ для утвержденія.

Жирондисты радовались, что имъ удалось, такимъ образомъ, держать несчастнаго государя между его вѣрованіемъ и ихъ закономъ: въ случаѣ утвержденія декрета король становился схизматикомъ, въ случаѣ отказа—измѣнникомъ націи. Торжествуя по поводу этой побѣды, они устремились къ другой.

Вынудивъ монарха поразить религію его совѣсти, они хотѣли принудить его поразить дворянство и своихъ собственныхъ братьевъ. Они подняли вопросъ объ эмигрантахъ. Король и министры предупредили ихъ. Немедленно, по принятіи конституціи, Людовикъ XVI формально отказался отъ всякаго заговора, какъ внутренняго такъ и внѣшняго, который бы имѣлъ цѣлью возстановленіе прежней королевской власти. Всемогушество общественнаго мнѣнія убѣдило короля въ бесполезности всѣхъ плановъ, какіе ему представлялись, съ цѣлью одержать побѣду надъ этимъ общественнымъ мнѣніемъ. Минутное спокойствіе умовъ послѣ столькихъ потрясеній, пріемъ, сдѣланный королю въ собраніи, на Марсовомъ полѣ, въ театрѣ, свобода и почести, возвращенныя ему внутри дворца,—все это убѣдило короля, что если конституція имѣла фанатиковъ, то королевскій санъ не имѣлъ непримиримыхъ враговъ въ королевствѣ. Онъ считалъ конституцію исполнимою во многихъ изъ ея постановленій, непрilожимою въ нѣкоторыхъ другихъ. Правительство, которое навязывали королю, казалось ему, такъ сказать, философскимъ опытомъ, который нація хотѣла сдѣлать со своимъ главою. Онъ забывалъ только одно, что опытами народовъ бываютъ катастрофы. Король, который принимаетъ невозможныя правительственныя условія, соглашается заранѣе на свое низверженіе. Гораздо болѣе сообразно съ королевскимъ достоинствомъ отречься обдуманно и добровольно, чѣмъ каждый день выносить такое отреченіе путемъ постепеннаго пониженія власти. Король спасаетъ въ первомъ случаѣ если не жизнь, то, по крайней мѣрѣ, свое достоинство. Для королевскаго величія болѣе прилично сойти самому, чѣмъ быть низвергнутымъ. Съ той минуты, когда человѣкъ перестаетъ быть королемъ, тронъ становится послѣднимъ мѣстомъ въ королевствѣ.

Какъ бы то ни было, король откровенно выразилъ своимъ министрамъ намѣреніе честно выполнять конституцію и присоединиться къ волѣ и судьбамъ націи безъ всякой сдержанности и задней мысли. Сама королева, благодаря одному изъ непредвидѣнныхъ и боязливыхъ поворотовъ, свойственныхъ сердцу женщины, бросилась съ довѣріемъ отчаянія къ конституціонной партіи. „Больше мужества!“ сказала она Бертрану де-Мольвилю, министру и повѣренному короля: „я надѣюсь, что при помощи терпѣнія, твердости и послѣдовательности не все еще потеряно“.

Морской министръ, Бертранъ де-Мольвиль, написалъ, по королевскому приказанію, начальникамъ портовъ письмо, подписанное королемъ. „Меня увѣдомили, говорилъ король въ этомъ циркулярѣ, что среди моряковъ усиливается эмиграція; какъ могло случиться, чтобы офицеры морской службы, слава которыхъ мнѣ всегда была такъ дорога и которые всегда давали мнѣ доказательства своей привязанности, заблуждаются до того, что упускаютъ изъ виду свои обязанности по отношенію къ отечеству, ко мнѣ, къ себѣ самимъ? Эта

крайняя партія вызывала бы меньшее изумленіе нѣсколько времени тому назадъ, когда анархія достигла своего апогея, и когда ей не предвидѣлось конца, но нынѣ, когда нація желаетъ возвратиться къ порядку и къ повиновенію законамъ, возможно ли, чтобы великодушные и вѣрные моряки думали отдѣлиться отъ своего короля? Скажите, чтобы они оставались тамъ, куда призываетъ ихъ отечество. Точное исполненіе конституціи составляетъ теперь самое вѣрное средство оцѣнить ея выгоды и опредѣлить, чего ей недостаетъ до совершенства. Вашъ король требуетъ, чтобы вы оставались на своемъ постѣ, какъ онъ остается на своемъ. Вы сочли бы преступленіемъ сопротивляться его приказаніямъ, вы не откажете его просьбамъ“.

Генераламъ и начальникамъ сухопутныхъ войскъ онъ писалъ слѣдующее: „Принявъ конституцію, я обѣщалъ поддерживать ее внутри и защищать противъ враговъ внѣ государства; этотъ торжественный актъ долженъ изгнать всякую неувѣренность. Законъ и король будутъ съ этихъ поръ соединены. Врагъ закона сдѣлается врагомъ короля. Я не могу считать искренно преданными моей особѣ тѣхъ, которые оставляютъ свое отечество въ такую минуту, когда оно наиболѣе нуждается въ ихъ услугахъ. Только тѣ дѣйствительно ко мнѣ привязаны, которые слѣдуютъ моему примѣру и соединятся со мною для содѣйствія общему благу, и не отдѣляютъ себя отъ судьбы государства!“

Наконецъ, король приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ Делессару опубликовать слѣдующую прокламацію къ французамъ эмигрантамъ: „Король“, говорилось тамъ, „узнавъ, что большое число французовъ эмигрантовъ удаляется въ иностранныя земли, не можетъ видѣть такой значительной эмиграціи безъ сожалѣнія. Хотя законъ позволяетъ всѣмъ гражданамъ свободный выходъ изъ королевства, но король все-таки долженъ просвѣтить ихъ относительно ихъ обязанностей, а также и тѣхъ укоровъ, которые они сами себѣ приготавливаютъ; если они думаютъ дать мнѣ этимъ доказательство своего уваженія, то пусть не обманываются. Мои истинные друзья—тѣ, которые соединяются со мною для исполненія законовъ, восстановленія порядка и мира въ королевствѣ. Принявъ конституцію, я хотѣлъ прекратить междоусобныя распри; я долженъ былъ думать, что всѣ французы содѣйствуютъ моимъ намѣреніямъ. Между тѣмъ, въ это самое время эмиграція усиливается. Нѣкоторые удаляются вслѣдствіе безпорядковъ, угрожавшихъ ихъ собственности и жизни. Но не слѣдуетъ ли извинять обстоятельствами? Развѣ я самъ не имѣю своихъ печалей? И если я ихъ забываю, то кто можетъ помнить о своихъ опасностяхъ? Какъ можетъ утвердиться порядокъ, если люди, заинтересованные въ порядкѣ, покидаютъ его, удаляясь сами? Возвратитесь въ отечество, дайте закону опору добрыхъ гражданъ. Подумайте, какую печаль причинить ваше упорство сердцу короля. Эта печаль будетъ для него тягостнѣе всего другого“.

Собраніе не обманулось этими манифестаціями. Оно видѣло въ нихъ тайное намѣреніе избѣгнуть болѣе строгихъ мѣръ. Оно хотѣло къ этому принудить короля; скажемъ болѣе,—нація и общественное благо хотѣли того же вмѣстѣ съ Собраніемъ.

12.

Мирабо въ Учредительномъ собраніи относился къ вопросу объ эмигрантахъ скорѣ какъ философъ, нежели какъ человѣкъ государственный. Онъ оспаривалъ у законодателя право издавать законы противъ эмиграціи. Мирабо ошибался. Когда теорія находится въ противорѣчій съ общественнымъ благомъ, эта теорія ложна, потому что общество представляетъ въ своемъ лицѣ верховную справедливость.

Безъ сомнѣнія, въ обыкновенныя времена человѣкъ по природѣ не бываетъ узникомъ и не долженъ быть заключенъ закономъ въ предѣлахъ своей страны; при этомъ условіи законы противъ эмиграціи должны быть лишь законами исключительными. Но можно ли ихъ считать несправедливыми потому лишь, что они исключительны? Очевидно нѣтъ; общественная опасность имѣетъ свои собственные законы, столь же необходимые и справедливые, какъ и законы мирныхъ временъ. Состояніе войны не похоже на состояніе мира. Во время войны вы закрываете свои границы для иностранцевъ, вы можете закрыть ихъ и для своихъ гражданъ. Можно законнымъ образомъ привести городъ въ осадное положеніе въ случаѣ мятежа; можно объявить въ осадномъ положеніи и націю, въ случаѣ, если внѣшняя опасность усложняется внутреннимъ заговоромъ. По какому нелѣпому извращенію свободы государство было бы вынуждено терпѣть, чтобы на иностранной территоріи собирались толпы гражданъ, вооруженныхъ противъ самого государства, когда оно не допускаетъ подобныхъ сборищъ въ своихъ предѣлахъ? И если такіа сборища признаются преступными внѣ государства, то почему послѣднее было бы не вправѣ закрыть пути, которые ведутъ эмигрантовъ къ такимъ сборищамъ? Нація защищается отъ иностранныхъ враговъ оружіемъ, отъ враговъ внутреннихъ законами. Дѣйствовать иначе — значило бы освящать внѣ предѣловъ отечества неприкосновенность заговоровъ, которые наказываются внутри его; это значило бы провозгласить законность междоусобной войны, какъ только она усложнилась войною внѣшнюю, и какъ только мятежъ прикрылся измѣною. Подобныя правила разрушаютъ національность цѣлаго народа, покровительствуя злоупотребленію нѣсколькихъ гражданъ свободою. Учредительное собраніе имѣло неблагоразуміе ихъ утвердить. Если бы оно признало въ принципѣ репрессивные законы противъ эмиграціи на время смутъ, революцій и угрожающей войны, то провозгласило бы, вмѣстѣ съ этимъ, національную истину и предупредило бы одну изъ сильныхъ опасностей, одну изъ главныхъ причинъ излишествъ революціи. Но теперь вопросъ дня имѣлъ дѣло уже не съ разумомъ, а со страстями. Благоуразуміе Учредительнаго собранія оставило опасное оружіе въ рукахъ партій; они обратили его противъ короля.

13.

Бриссо, душа Жиронды, догматическій государственный человѣкъ партіи, которая нуждалась въ идеяхъ и въ предводителѣ, взомель на трибуну, заранѣе привѣтствуемый рукоплесканіями, которыя означали его важное значеніе въ новомъ собраніи. Онъ требовалъ войны, какъ самаго цѣлесообразнаго изъ законовъ.

„Если искренно хотятъ остановить эмиграцію“, сказалъ онъ, „надобно въ особенности наказывать главныхъ виновниковъ, которые дѣлають въ иностранныхъ земляхъ очагъ контръ-революціи. Надобно различать три класса эмигрантовъ: братьевъ короля, недостойныхъ принадлежать ему; лицъ, которые, отправляя публичныя должности, дезертируютъ со своихъ постовъ и развращають народъ; наконецъ, простыхъ гражданъ, увлеченныхъ подражаніемъ, вслѣдствіе слабости или страха. Къ первымъ должно относиться съ ненавистью и наказывать ихъ, а другимъ оказывать милосердіе и снисходительность. Будутъ ли васъ бояться граждане, когда безнаказанность ихъ вождей обезпечиваетъ ихъ собственную безнаказанность? Или у васъ два вѣса и двѣ мѣры? Что могутъ подумать эмигранты, видя, что принцъ, который въ теченіе 10 лѣтъ промоталъ 40 милліоновъ, получаетъ еще милліоны отъ Національнаго собранія на уплату за свою пышность и на покрытіе своихъ долговъ?... Раздѣлите интересы возставшихъ, устранивъ главныхъ виновниковъ. Не переставали забавлять патріотовъ пустыми палліативами противъ эмиграціи; партизаны двора насмѣялись надъ легковѣріемъ народа, и вы видѣли, какъ Мирабо, обративъ эти законы въ посмѣшище, говорилъ вамъ, что ихъ никогда не выполнятъ, потому что король не сдѣлаетъ самъ себя обвинителемъ своей фамиліи. Три года неудачъ, жизнь полная блужданій и несчастій, открытіе всѣхъ интригъ, предупрежденіе заговоровъ, — все это не исправило эмигрантовъ; сердце ихъ испорчено отъ рожденія. Если вы хотите остановить мятежъ, то вамъ должно разить по ту сторону Рейна, а не во Франціи: подобными мѣрами и англичане воспрепятствовали Іакову II идти вопреки своей свободѣ. Они не развлекались маленькими законами противъ эмиграцій, но велѣли иностраннымъ государямъ выгнать англійскихъ принцевъ изъ ихъ владѣній. (Рукоплесканія). Сначала здѣсь понимали необходимость этой мѣры. Министры говорили вамъ о государственныхъ соображеніяхъ, о фамилійныхъ причинахъ; эти соображенія, эти слабости были преступленіемъ противъ свободы: король свободнаго народа не имѣетъ фамиліи. Еще разъ, беритесь только за вождей; пусть не говорятъ болѣе, что „недовольные очень сильны, а эти 25 милліоновъ народа очень слабы, потому что ухаживаютъ за недовольными!“

„Ваши предписанія и угрозы должно, главнымъ образомъ, обращать къ иностраннымъ державамъ. Время показать Европѣ, что вы такое, и потребовать отъ нея отчета въ нанесенныхъ вамъ обидахъ. Я говорю, что должно заставить державы отвѣчать намъ. Одно изъ двухъ: или онѣ окажутъ почтеніе нашей конституціи или выскажутся противъ нея. Въ первомъ случаѣ тѣ, которыя теперь благопріятствуютъ эмигрантамъ, должны будутъ ихъ изгнать, во второмъ случаѣ вамъ нечего колебаться, — вы должны сами напасть на тѣ державы, которыя осмѣлятся вамъ угрожать. Въ прошломъ столѣтіи, когда Португалія и Испанія дали убѣжище Карлу II, Англія напала на ту и другую. Не бойтесь ничего; образъ свободы, подобно головѣ Медузы, устрашитъ арміи нашихъ враговъ; они бояться быть оставленными своими солдатами, вотъ почему предпочитаютъ роль выжиданія и вооруженнаго посредничества. Англійская конституція и аристократическая свобода будутъ основаніемъ реформъ, которыя они вамъ предлагаютъ; но вы были бы недостойны всякой свободы,

если бы приняли свою свободу изъ рукъ своихъ враговъ. Англійскій народъ любитъ свою революцію; императоръ боится силы вашего оружія; что же касается до русской императрицы, отвращеніе которой къ французской конституціи извѣстно, и которая похожа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на королеву Елизавету, то она не должна ожидать успѣха больше того, какой Елизавета имѣла относительно Голландіи. За 1500 миль едва возможно покорить и рабовъ; людей свободныхъ нельзя покорить на такомъ разстояніи. О другихъ государяхъ не стоитъ и говорить; они не достойны считаться въ числѣ серьезныхъ вашихъ враговъ, и я думаю, поэтому, что Франція должна оживить свои надежды, возвысить свое положеніе. Безъ сомнѣнія, вы объявили Европѣ, что не предпримете больше завоеваній, но вы имѣете право сказать, чтобы она выбирала между нѣсколькими возмутителями и цѣлой націей“.

14.

Эта рѣчь, хотя и противорѣчила себѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, однакожъ обличала у Бриссо намѣреніе совмѣстить три роли въ одной и привлечь къ себѣ разомъ три партіи Собранія. Въ своихъ философскихъ принципахъ онъ принималъ языкъ умѣренности и повторялъ выраженія Мирабо противъ законовъ объ экспатріаціи. Въ своихъ нападкахъ на государей онъ раскрывалъ народу короля и указывалъ на него народной подозрительности. Наконецъ, обвиняя дипломатію министровъ, Бриссо стремился къ внѣшней войнѣ, выказывая при этомъ энергію патріота и предусмотрительность государственнаго человѣка, потому что, въ случаѣ войны, онъ не скрывалъ отъ себя недовѣрія націи ко двору и зналъ, что первымъ актомъ войны будетъ объявленіе короля измѣнникомъ отечеству.

Эта рѣчь поставила Бриссо во главѣ партіи интриги, которая находилась въ Собраніи. Въ молодую и неопытную Жиронду онъ принесъ съ собою репутацію писателя, публициста, человѣка, обладавшаго 10-ти-лѣтнею опытностью въ уловкахъ партій. Смѣлость этой политики льстила нетерпѣнью жирондистовъ, а суровость языка заставляла ихъ вѣрить въ глубину замысловъ.

Кондорсе, другъ Бриссо, подобно ему, пожираемый честолюбіемъ, которое ничѣмъ не стѣснялось, смѣнилъ его на трибунѣ и только комментировалъ первую рѣчь. Какъ и Бриссо, онъ заключилъ приглашеніемъ державъ высказаться за или противъ конституціи и требовалъ обновленія дипломатическаго корпуса.

Въ этихъ рѣчахъ замѣтно проявлялось соглашеніе. Было понятно, что вполне сформированная партія брала въ свое владѣніе трибуну и предъявляла права на господство въ собраніи. Бриссо былъ душою интригъ въ этой партіи, Кондорсе—философомъ, Верньо—ораторомъ. Верньо взомель на трибуну, окруженный обаяніемъ своего чуднаго краснорѣчія, молва о которомъ задолго опередила его. Взоры собранія, благосклонность трибунъ, молчаніе на всѣхъ скамьяхъ,—все это возвѣщало въ немъ одного изъ тѣхъ великихъ актеровъ революціонной драмы, которые показываются на сценѣ только для того, чтобы упитаться популярностью, собирать рукоплесканія и затѣмъ умереть.

Верньо, уроженецъ Лиможа, адвокатъ въ Бордо, былъ только 33 лѣтъ. Движеніе захватило и увлекло его еще въ молодости. Величественныя и спокойныя черты его лица выражали сознаніе своего могущества. Никакое напряженіе ихъ не безобразило. Плавность и граціозность, свойственныя генію, проникали собою въ Верньо все, талантъ, характеръ, положеніе. Нѣкоторая небрежность показывала, что онъ самъ легко могъ забываться, увѣренный, что соберетъ всю свою силу въ нужную минуту. Лобъ Верньо былъ ясенъ, взглядъ полонъ увѣренности, ротъ имѣлъ очертаніе важное и нѣсколько печальное; строгая античная мысль сливалась на его фізіономіи съ улыбкою и безпечностью первой юности. У подножія трибуна къ нему относились съ фамиллярною любовью; удивленіе и уваженіе, вызываемое имъ, какъ только онъ всходилъ на трибуну, всѣхъ изумляло. Первый же взглядъ Верньо, первое его слово проводило громадное разстояніе между человѣкомъ и ораторомъ. Это было настоящее орудіе энтузіазма, которое находило свою цѣнность и свое мѣсто только во вдохновеніи. Это вдохновеніе, на помощь которому служили серьезный голосъ и неизмѣнно-плавное выраженіе мыслей, было вскормлено самыми чистыми воспоминаніями античной трибуны. Выраженія Верньо обладали образами и гармоніей самыхъ лучшихъ произведеній поэзіи. Если бы онъ не былъ ораторомъ демократіи, то сдѣлался бы философомъ и поэтомъ. Геній Верньо, вполне народный, не позволялъ ему спускаться до языка народа, даже когда онъ льстилъ послѣднему. Обладая только благородными страстями, Верньо владѣлъ и такимъ же языкомъ. Верньо обожалъ революцію, какъ возвышенную философію, которая должна была очистить цѣлую націю, безъ всякихъ другихъ жертвъ при этомъ, кромѣ предразсудковъ и тиранніи. У Верньо были теоріи, но вовсе не было ненависти; была жажда славы, но не честолюбіе. Сама власть казалась ему чѣмъ-то слишкомъ вещественнымъ, слишкомъ вульгарнымъ, чтобы ее добиваться. Властью для нея самой онъ пренебрегалъ, и если домогался ея, то только изъ-за своихъ идей. Слава и потомство составляли двѣ единственныя цѣли помысленій Верньо. Онъ всходилъ на трибуну только для того, чтобы съ высоты ея встать лицомъ къ лицу съ тѣмъ и другимъ; въ послѣдствіи онъ то же самое видѣлъ съ высоты эшафота. Верньо устремился въ будущность, оставаясь молодымъ, прекраснымъ энтузіастомъ, безсмертнымъ въ памяти Франціи; нѣкоторыя пятна личности Верньо уже омыты его благородною кровью. Таковъ былъ человѣкъ, котораго судьба назначала вождемъ жирондистамъ. Впрочемъ, онъ не удостоился быть имъ, хотя обладалъ умомъ и взглядами государственнаго человѣка; онъ былъ слишкомъ безпеченъ для вождя партіи, слишкомъ великъ, чтобы быть вторымъ послѣ кого бы то ни было. Онъ былъ Верньо. Болѣе славный, чѣмъ полезный для своихъ друзей, онъ не хотѣлъ вести ихъ; онъ ихъ обезсмертилъ.

Мы болѣе подробно рисуемъ эту крупную фигуру въ то время, когда талантъ Верньо выдвинетъ его болѣе на свѣтъ. „Существуютъ ли обстоятельства“, сказалъ онъ, „въ которыхъ естественныя права человѣка могли бы позволять націи принимать какія бы то ни было мѣры противъ эмиграціи?“

Верньо высказывается противъ этихъ мнимыхъ естественныхъ правъ и признаетъ, выше всѣхъ правъ индивидуальной личности, право общества, которое совмѣщаетъ ихъ всѣхъ въ себѣ и господствуетъ надъ ними, какъ цѣлое господствуетъ надъ частью. Онъ ограничиваетъ политическую свободу правомъ гражданина дѣлать все, лишь бы только онъ не вредилъ отечеству; но тутъ Верньо и останавливается ее. Безъ сомнѣнія, человѣкъ можетъ матеріально пользоваться правомъ отречься отъ отечества, въ которомъ онъ родился и къ которому относится, какъ членъ къ тѣлу, но такое отреченіе составляетъ измѣну. Она разрываетъ договоръ между этимъ человѣкомъ и націей. Нація не обязана болѣе покровительствовать ни его собственности, ни его личности. Опровергнувъ, на основаніи этихъ принциповъ, дѣтское различіе между эмигрирующимъ общественнымъ дѣятелемъ и простыми эмигрантами, Верньо доказываетъ, что общество придетъ въ упадокъ, если откажется отъ своего права удерживать тѣхъ, которые покидаютъ его во время опасности. Дѣлая отечествомъ такого человѣка цѣлый міръ, общество отнимаетъ у него то отечество, которое видѣло его рожденіе; но что будетъ, если эмигрантъ перестанетъ быть бѣглецомъ и сдѣлается врагомъ, если сборища ему подобныхъ окружаютъ націю съѣзю заговоровъ? Какъ! неужели эмигрантамъ будетъ дозволено нападать, а добрымъ гражданамъ запрещено защищаться?

16.

„Но развѣ Франція“, продолжалъ Верньо, „находится въ такомъ положеніи? развѣ ей можно чего-нибудь бояться отъ этихъ людей, которые вымаливаютъ себѣ помощи у враждебныхъ къ намъ иностранныхъ дворовъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; вскорѣ мы увидимъ, какъ эти гордые попрошайки, которые получаютъ рубли отъ русской императрицы и милліоны отъ Голландіи, будутъ искупать преступленія своей гордости, среди бѣдности и стыда. Впрочемъ иностранные государи колеблются выступить противъ насъ; они знаютъ, что нѣтъ Пиренеевъ для философскаго ума, который вдохнулъ въ насъ свободу; они боятся послать своихъ солдатъ коснуться ногами жгучей почвы революціи; они боятся, чтобы въ день битвы свободные люди всѣхъ климатовъ не узнали другъ друга и изъ двухъ армій, готовыхъ сразиться, не сдѣлали народъ братьевъ, соединившихся противъ своихъ тирановъ. Но еслибы, наконецъ, и нужно было помѣряться силами, то мы припомнимъ, что тысяча грековъ, которые сражались за свободу, восторжествовала надъ милліономъ персовъ!

„Намъ говорятъ: „эмигранты не имѣютъ никакихъ дурныхъ намѣреній противъ своего отечества; это не болѣе, какъ простое путешествіе. Гдѣ легальныя доказательства фактовъ, которые приводятся противъ нихъ? Когда вы представите эти доказательства, тогда будетъ время наказать виновныхъ...“ О вы, которые говорите подобнымъ языкомъ! зачѣмъ вы не были въ римскомъ сенатѣ, когда Цицеронъ обвинялъ Катилину, вы и тогда также потребовали бы легальныхъ доказательствъ! Я воображаю, какъ онъ былъ бы этимъ смущенъ. Пока онъ сталъ бы искать доказательствъ, Римъ былъ бы разрушенъ, Катилина вмѣстѣ съ вами царствовалъ бы на развалинахъ. Легальныя доказательства! А сообразили ли вы, какого множества крови они будутъ стоить? Нѣтъ,

нѣтъ, предупредимъ нашихъ враговъ, примемъ строгія мѣры, освободимъ націю отъ непрерывнаго жужжанія кровожадныхъ насѣкомыхъ, которыя беспокоятъ и утомляютъ ее. Каковы же должны быть эти мѣры? Надо сперва направить ударъ на имущество отсутствующихъ. Скажутъ, что эта мѣра слишкомъ мелка. Какое намъ дѣло до ея крупнаго или мелкаго значенія? дѣло идетъ только объ ея справедливости. Что же касается до дезертировавшихъ офицеровъ, то ихъ участь написана въ уголовномъ кодексѣ: это смерть и позоръ! Французскіе принцы еще болѣе виновны. Приглашеніе возвратиться на родину, съ которымъ вамъ предлагаютъ обратиться къ нимъ, не удовлетворитъ ни вашей чести, ни вашей безопасности. Попытки ихъ доказаны; надобно, чтобы эти люди трепетали предъ вами или чтобы вы дрожали предъ ними; выбирайте! Говорятъ о глубокой горести, которою будетъ проникнуто сердце короля. Врутъ умертвить своихъ дѣтей, преступныхъ предъ отечествомъ! Сердце Людовика XVI не будетъ подвергнуто такому грубому испытанію. Если эти принцы, дурные братья и дурные граждане, отказываются его слушать, то пусть онъ обратится къ сердцу французовъ; тамъ онъ найдетъ чѣмъ вознаградить себя за потери“. (Рукоплеканія).

Пасторе, который говорилъ послѣ Верньо, цитировалъ слова Монтескье: „наступило время, когда должно набросить покровъ на свободу, какъ покрываютъ статуи боговъ“. Быть постоянно бдительнымъ и не страшиться никогда— вотъ каковъ образъ дѣйствій свободнаго народа. Пасторе предложилъ относительно отсутствующихъ мѣры репрессивныя, но умѣренные и цѣлесообразныя.

17.

Инаръ объявилъ, что предложенныя до тѣхъ поръ мѣры удовлетворяли благоразумію, но не правосудію и не мщенію, которыми оскорбленная нація обязана самой себѣ. „Если вы предоставите мнѣ высказать истину“, прибавилъ онъ, „то я скажу, что мы оставляемъ безнаказанными всѣхъ вождей мятежниковъ, не потому, чтобы въ глубинѣ сердца не сознавали ихъ виновности, но потому, что они принцы и что хотя мы уничтожили дворянство и отлгчія крови, однакожъ эти пустые призраки все-еще пугаютъ насъ. О! уже время, чтобы великое начало равенства, которое прошло чрезъ Францію, осуществилось, наконецъ, на дѣлѣ. Только тогда можно будетъ ему повѣрить. Страхитесь довести народъ до излишествъ этимъ зрѣлищемъ безнаказанности. Гнѣвъ народа очень часто бываетъ дополненіемъ молчанія законовъ. Надобно, чтобы законъ входилъ и во дворцы вельможъ и въ хижины бѣдняковъ, чтобы, падая на головы виновныхъ, онъ былъ неотвратимъ, какъ смерть, и не различалъ ни ранговъ, ни титуловъ. Васъ хотятъ усыпить. Я говорю вамъ, что нація должна постоянно быть насторожѣ. Деспотизмъ и аристократія не спятъ, и если нація засыпаетъ хотя на одно мгновеніе, то проснется скованною. Еслибы небесный огонь былъ въ распоряженіи людей, то имъ должно бы было поразить тѣхъ, которые посягаютъ на свободу народовъ. Народы никогда не прощали заговорщиковъ противъ своей свободы. Когда галлы взбирались на стѣны Капитолія, Манлій проснулся, полетѣлъ къ пролomu, спасъ республику; тотъ же самый Манлій, обвиненный впоследствии въ посягательствѣ на народную сво-

боду, явился предъ трибунами. Онъ представлялъ въ оправданіе свои запястья, дротикъ, двѣнадцать гражданскихъ вѣнцовъ, тридцать трофеевъ побѣжденныхъ враговъ, показывалъ свою грудь, усѣянную ранами, напоминалъ, что онъ спасъ Римъ; вмѣсто всякаго отвѣта, его сбросили съ той же самой скалы, съ которой онъ сбросилъ галловъ! Вотъ, господа, каковъ свободный народъ!

„А мы, съ самаго дня завоеванія своей свободы не перестаемъ прощать нашимъ патриціямъ ихъ заговоры, не перестаемъ награждать ихъ преступленія, посылая имъ телѣжки съ золотомъ.“

„Что касается до меня, то я умеръ бы отъ угрызений совѣсти, еслибы подать голосъ за подобные дары. Народъ смотритъ на насъ и насъ судитъ; отъ этого перваго декрета зависитъ судьба нашихъ трудовъ. Трусостью мы теряемъ общественное довѣріе; если останемся тверды, наши враги будутъ поражены. Не оскверняйте святости присяги, влагая ее въ уста, жаждущія нашей крови. Одной рукой наши враги будутъ присягать, а другою оттачивать противъ насъ шпаги!“

Каждый актъ насилія, какой предлагался въ этихъ словахъ, вызывалъ въ собраніи и на трибунахъ взрывы народныхъ страстей, выражавшіеся въ рукоплесканіяхъ. Было понятно, что единственною политикою съ этихъ поръ будетъ гнѣвъ націи, что время философіи на трибунѣ прошло и что собраніе не замедлитъ оставить принципы и обратиться къ оружію!

Жирондисты, которые вовсе не хотѣли допустить Инара зайти такъ далеко, поняли, что нужно было слѣдовать за нимъ до тѣхъ поръ, пока его поддерживала популярность. Напрасно Кондорсе защищалъ свой проектъ выжидательнаго декрета. Собраніе, по рапорту Дюкастеля, приняло декретъ своего законодательнаго комитета. Главныя основанія этого декрета гласили, что всѣ французы, собравшіеся по ту сторону границы, съ этого времени объявляются заподозренными въ злоумышленіи противъ Франціи, будутъ объявлены заговорщиками, если не возвратятся въ отечество къ 1 января 1792 г. и, какъ такіе, будутъ наказаны смертю,—что французскіе принцы, братья короля, будутъ наказаны смертю, какъ простые эмигранты, если не послушаются призыва, который имъ былъ сдѣланъ,—что ихъ доходы съ этого времени будутъ секвестрованы, — что, наконецъ, офицеры сухопутной и морской армій, которые оставили свои посты безъ дозволенія и не получили отставки отъ службы, уравниваются съ дезертирами солдатами и будутъ наказаны смертю.

18.

Эти два декрета внесли горестъ въ сердце короля, тревогу въ его совѣтъ. Конституція давала королю право остановить ихъ королевскимъ veto; но останавливать выраженія народнаго гнѣва противъ вооруженныхъ враговъ революціи значило призывать этотъ гнѣвъ на себя самого. Жирондисты искусственно сѣяли эти элементы раздора между собраніемъ и королемъ. Они съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы королевскій отказъ дать санкцію декретамъ довелъ раздраженіе до апогея и принудилъ короля бѣжать или отдаться въ ихъ руки.

Болѣе монархическое настроеніе Учредительнаго собранія еще царствовало въ управленіи парижскаго департамента. Деменье, Боменъ, Талейранъ Пери-

горь. Ларошфуко были его главными членами. Они составили адресъ къ королю, въ которомъ умоляли его отказать въ санкціи декрету противъ неприсяжныхъ священниковъ. Этотъ адресъ, въ которомъ къ законодательному собранію относились свысока, выказывалъ истинные принципы правительства въ религиозныхъ дѣлахъ. Онъ выражался слѣдующею аксіомою, которая составляетъ или должна составлять кодексъ людской совѣсти: „если никакая религія не составляетъ закона, то пусть же никакая религія не будетъ и преступленіемъ!“

19.

Молодой писатель, имя котораго, уже знаменитое, должно было потомъ стяжать ореолъ мученичества, Андре Шенье, разсматривая вопросъ съ философской высоты, опубликовалъ письмо о томъ же предметѣ, достойное вниманія потомства. Генію свойственно не допускать своимъ взглядамъ помрачаться предразсудками минуты. Онъ смотритъ съ такой высоты, что народныя заблужденія не могутъ скрывать отъ него неизмѣнный свѣтъ истины. Въ своихъ сужденіяхъ онъ заранѣе обладаетъ безпристрастіемъ будущаго.

„Всѣ тѣ“, говорилъ Андре Шенье, „которые сохранили свободу разума и у которыхъ патріотизмъ не состоитъ въ сильномъ желаніи господства, видятъ съ большою печалью, что раздоры по поводу священниковъ могли занять собою первыя минуты Національнаго собранія. Уже было время общественной мысли просвѣтиться въ этомъ отношеніи. Само Учредительное собраніе тутъ ошиблось. Оно намѣрено было создать гражданскую конституцію духовенства, т. е. имѣло мысль, уничтоживъ одно духовенство, создать другое. Что за важность въ томъ, что одна религія различается отъ другой? Развѣ дѣло Національнаго собранія соединять раздѣленные секты и взвѣшивать ихъ разногласія? Развѣ политики должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и теологами?.. Мы освободимся отъ вліянія этихъ людей только тогда, когда Національное собраніе сохранить для каждаго полную свободу признавать или придумывать такую религію, какую ему вздумается,—когда каждый будетъ оплачивать культъ, которому захочетъ слѣдовать, и не станетъ оплачивать никакихъ другихъ, и когда безпристрастіе трибуналовъ будетъ въ подобныхъ дѣлахъ одинаково наказывать и преслѣдователей и соблазнительей всѣхъ сектъ... Между тѣмъ, члены Національнаго собранія говорятъ, что весь французскій народъ еще недостаточно созрѣлъ для такого ученія. Имъ надобно отвѣчать такъ: „быть можетъ, это правда, но вы же и должны дать намъ зрѣлость вашими словами, вашими дѣйствіями, вашими законами!“ Священники вовсе не нарушаютъ спокойствія въ государствѣ, если ими не занимаются. Припомнимъ, что 18 вѣковъ видѣли, какъ всѣ христіанскія секты были раздираемы и окровавлены теологическими нелѣпостями, и какъ вражда духовенства всегда кончалась тѣмъ, что враждующіе вооружались общественною властью!“

Это письмо прошло надъ головою партій, которыя оспаривали другъ и друга народную совѣсть; но петиція парижской директоріи, требовавшая королевскаго veto противъ декретовъ собранія, возбудила бурныя петиціи въ противоположномъ смыслѣ. На трибунѣ собранія въ первый разъ показался парижскій мясникъ Лежандръ. Онъ провозглашалъ ораторскимъ языкомъ проклятія народа

противъ его враговъ и коронованныхъ предателей. Громкими словами Лежандръ золотилъ тривіальныя мысли. Отъ этого соединенія вульгарныхъ чувствъ съ вычурными выраженіями трибуны родился тотъ странный языкъ, въ которомъ лохмотья мысли смѣшивались съ мишурою словъ, и который сообщалъ народному краснорѣчію того времени сходство съ бѣдною роскошью выскочки. Чернь гордилась похищеніемъ у аристократіи ея языка, хотя бы для того, чтобы съ ней же бороться; но, похищая этотъ языкъ, она его оскверняла.

„Представители,—говорилъ Лежандръ,—повелите, чтобы орелъ побѣды и славы парилъ надъ вашими головами и надъ нашими; скажите министрамъ: мы любимъ народъ; пусть начнется ваша казнь! Тираны должны умереть!“

20.

Потомъ Аристофанъ революціи, Камиллъ Демуленъ, заимствовали у аббата Фоме звучный голосъ, чтобы заставить себя слушать. Демуленъ былъ уличнымъ Вольтеромъ; свои страсти онъ выражалъ въ сарказмахъ. „Представители“, говорилъ онъ, „рукоплесканія народа составляютъ его *liste civile*; неприкосновенность короля есть предметъ безконечно справедливый, потому что король долженъ, по самой своей натурѣ, быть всегда въ оппозиціи съ общей волей и съ нашими интересами. Добровольно не падаютъ съ такой высоты. Не будемъ требовать отъ бывшаго государя невозможной любви къ національному самодержавію; допустимъ просто, что онъ приложитъ свое *veto* къ лучшимъ декретамъ! Пусть правители народа, пусть парижская директорія, пусть даже тѣ люди, которые велѣли разстрѣлять, 4 мѣсяца назадъ, на Марсовомъ полѣ гражданъ, подписывавшихъ личную петицію противъ неизданнаго декрета,—пусть эти лица наводняютъ страну такой петиціей, которая очевидно составляетъ только первый листокъ огромнаго списка контръ-революціи, петиціей о междоусобной войнѣ, посылаемой къ подписи всѣхъ фанатиковъ, всѣхъ идиотовъ, всѣхъ рабовъ, всѣхъ воровъ въ 83 департаментахъ, во главѣ которыхъ находятся образцовыя имена членовъ парижской директоріи; отцы отечества! тутъ такое сѣбленіе неблагодарности и плутовства, измѣны и развращенія, лицемерной философіи и вѣроломной умѣренности, что мы немедленно соединяемся вокругъ декретовъ и вокругъ васъ! Продолжайте, вѣрные уполномоченные народа и если все еще встрѣчается упорство, не позволяющее вамъ спасти націю,—ну, такъ спасемся мы сами! Потому что наконецъ могущество королевскаго *veto* будетъ имѣть предѣлъ и съ этимъ *veto* не могутъ помѣшать взятію Бастиліи.

„Мы давно уже имѣемъ масштабъ гражданскихъ чувствъ нашихъ правителей, мы видѣли его въ распоряженіи не допускать вновь на евангелическія кафедры священниковъ, а открывать трибуны мятежа заговорщикамъ въ рясахъ! ихъ искусство выражается въ писаніяхъ, стремящихся унижить конституціонныя власти; это коллективная петиція, это возбужденіе къ междоусобной войнѣ и къ ниспроверженію конституціи. Конечно, мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ представительнаго правленія, о которомъ мы такого же мнѣнія, какъ Жанъ-Жакъ Руссо; но если мы и не очень любимъ нѣкоторые его пункты, то еще менѣе любимъ междоусобную войну! Сколько мотивовъ къ обвиненію!

Преступленіе этихъ людей несомнѣнно. Разите ихъ! Но если голова дремлетъ, какъ можетъ дѣйствовать рука? Не поднимайте болѣе этой руки, не поднимайте болѣе національной палицы, чтобы раздавить этихъ насѣкомыхъ! Развѣ Катонъ и Цицеронъ вели процессъ съ Кетегомъ или Катилиной? Вождей измѣнниковъ надобно преслѣдовать! Бейте въ голову“.

Эти слова, полная прони и смѣлости, восхищали трибуны, хотя оратора привѣтствовали не столько рукоплесканіями, сколько взрывами хохота. Протоколъ засѣданія былъ разосланъ во всѣ департаменты. Это значило возводить законодательнымъ путемъ памфлетъ до степени публичнаго акта и нанесенную уже обиду распредѣлить между всѣми гражданами, которымъ оставалось только бросить ее въ лицо общественнымъ властямъ. Король трепеталъ предъ памфлетистомъ; при этомъ первомъ случаѣ осмѣянія королевскихъ прерогативъ Людовикъ XVI понималъ, что конституція будетъ разбиваться въ его рукѣ каждый разъ, когда онъ осмѣлится примѣнять ее къ дѣлу.

На слѣдующій день конституціонная партія собралась на засѣданіе въ большемъ числѣ и разослала посланіе по департаментамъ. Бриссо выражалъ негодованіе по этому поводу въ своемъ листкѣ, „Французскомъ Патриотѣ“. Въ этомъ листкѣ и у якобинцевъ, даже болѣе чѣмъ на трибунѣ, онъ давалъ лозунгъ своей партіи и проявлялъ свою республиканскую мысль, Бриссо не обладалъ размѣрами настоящаго оратора; его настойчивый, сектаторскій и догматическій умъ былъ болѣе пригоденъ для заговора, чѣмъ для дѣйствія; внутренний огонь Бриссо пламенѣлъ, но оставался сосредоточеннымъ. Онъ не бросалъ ни свѣта, ни пламени, которые возбуждаютъ энтузіазмъ, этотъ вулканъ идей. Бриссо былъ лампою Жиронды, но не свѣтильникомъ и не факеломъ ея.

21.

Клубъ якобинцевъ, оскудѣвшій на минуту вслѣдствіе выбора большаго числа его главнѣйшихъ членовъ въ Законодательное собраніе, нѣкоторое время колебался безъ твердаго направленія, какъ армія, которая подверглась распушенности вслѣдствіе побѣды. Клубъ фельяновъ, состоявшій изъ развалинъ конституціонной партіи въ Учредительномъ собраніи, усиливался овладѣть умами. Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ были предводителями этой партіи. Эти люди, утраченные народомъ, убѣжденные, что одно собраніе безъ всякаго противовѣса неизбѣжно поглотить и тотъ небольшой остатокъ, какой еще напоминалъ монархію,—хотѣли двухъ палатъ и равновѣсія въ конституціи. Барнавъ, который явился въ эту партію съ раскаяніемъ, остался въ Парижѣ и велъ тайныя сношенія съ Людовикомъ XVI. Впрочемъ, совѣты Барнава, какъ и совѣты Мирабо въ его послѣдніе дни, могли быть уже только пустыми сожалѣніями. Революція опередила всѣхъ этихъ людей. Она болѣе не обращала на нихъ вниманія. Однакожъ они удерживали остатокъ вліянія на конституціонныя собранія Парижа и на рѣшенія короля. Этотъ государь не могъ себя представить, чтобы люди, еще вчера столь могущественные въ борьбѣ противъ него, уже были лишены силы. Они составляли его послѣднюю надежду противъ новыхъ враговъ, возникавшихъ на его глазахъ въ лицѣ жирондистовъ.

Національная гвардія, управленіе департамента Парижа, самъ парижскій

мѣрь, Балли и, наконецъ, часть націи, заинтересованная въ порядкѣ, еще поддерживали конституціонистовъ; это была партія, въ которую стекались всякое раскаяніе и всякій ужасъ. Лафайетъ, г-жа Сталь и Нарбоннѣ имѣли тайныя сношенія съ фельянами. Имъ принадлежала часть прессы. Эти журналы популяризировали Нарбонна и стремились къ министерству войны. Жирондистскіе журналы уже возбуждали народъ противъ этой партіи: Бриссо сѣялъ противъ нихъ подозрѣнія и клеветы; онъ указывалъ на нихъ народной ненависти. „Сосчитайте ихъ, назовите ихъ“, говорилъ онъ. „Самыя имена обличаютъ этихъ людей, это остатки низвергнутой аристократіи, которые хотятъ воскресить конституціонное дворянство, установить вторую законодательную палату, аристократическій сенатъ и для достиженія своей цѣли умоляютъ иностранныя державы о вооруженномъ вмѣшательствѣ! Они продались тюльрійскому дворцу и продаютъ ему большое число членовъ собранія. Между ними нѣтъ ни гениальныхъ, ни предпріимчивыхъ людей. Ихъ таланты состоятъ въ измѣнѣ, ихъ гений—въ интригѣ“.

Такимъ образомъ, жирондисты и якобинцы, тогда еще смѣшанные, подготавливали волненіе противъ фельяновъ, которое не замедлило разсѣять этотъ клубъ.

Пока жирондисты дѣйствовали подобнымъ образомъ, чистые роялисты не переставали въ своихъ листкахъ стремиться къ крайностямъ, чтобы найти, какъ они говорили, лѣкарство отъ зла въ самомъ злѣ. Поэтому они возбуждали якобинцевъ противъ фельяновъ и осыпали насмѣшками и оскорбленіями людей конституціонной партіи, которые пытались спасти остатки монархіи. Больше всего эти роялисты ненавидѣли успѣхъ революціи. Ихъ ученіе о неограниченной королевской власти получало менѣе унизительное отрицаніе въ случаѣ ниспроверженія монархіи и трона, чѣмъ при установленіи конституціонной монархіи, охраняющей въ одно и то же время и короля и свободу. Съ тѣхъ поръ, какъ аристократія была лишена власти, ея единственное честолюбіе и единственная тактика состояли въ томъ, чтобы власть попала въ самыя нечестивыя руки. Безсильная поднять власть своими собственными средствами, аристократія возлагала свои надежды на безпорядокъ. Съ перваго до послѣдняго дня революціи эта партія не имѣла другихъ инстинктовъ и такимъ образомъ погубила сама себя, погубивъ монархію. Ненависть къ революціи она довела до злодѣйства. Хотя роялисты не прикладывали руку къ преступленіямъ революціи, но принимали въ нихъ участіе своимъ сочувствіемъ. Нѣтъ такого излішенства, совершеннаго народомъ, которое не было бы надеждою для его враговъ. Это называется политикою отчаянія. Какъ отчаяніе, она слѣпа и преступна.

22.

Примѣръ этого представился въ то самое время. Лафайетъ передалъ командованіе національной гвардіей генеральному совѣту коммуны. Въ этомъ заведеніи онъ вдохнулъ въ себя послѣдній оиізмъ общественной благосклонности: послѣ выхода генерала изъ залы стали разсуждать о томъ, какія доказательства признательности и сожалѣнія долженъ дать Лафайету городъ Парижъ. Генералъ послалъ прощальное письмо гражданской арміи. Онъ притворно

изъявлялъ увѣренность, что завершенная конституція окончитъ эру революціи и возвратитъ его, подобно Вашингтону, въ званіе простаго гражданина свободной и умиротворенной страны. „Эпоха революціи“, говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, „уступаетъ мѣсто эпохѣ правильного устройства, вслѣдствіе свободы и благосостоянія, которыя она гарантируетъ. Я обязанъ теперь возвратитъ отечеству, съ полною искренностью, всю данную мнѣ отъ него силу и вліяніе для защиты во время потрясеній, которыя его волновали: это мое единственное честолюбіе. Остерегайтесь, однакожъ, мысли“, прибавлялъ Лафайетъ въ заключеніе, „что всѣ виды деспотизма уничтожены“; потомъ онъ указалъ нѣкоторыя изъ излишествъ и опасностей, которымъ могла подвергнуться свобода при первыхъ же своихъ шагахъ.

Это письмо было принято національною гвардіею съ остаткомъ энтузіазма, притомъ болѣе притворнаго, чѣмъ искренняго. Она хотѣла выказать свою силу въ виду партій, посредствомъ шумнаго одобренія мыслей своего генерала. Рѣшили поднести ему шпагу, скованную изъ желѣза задвижекъ Бастиліи, и мраморную статую Вашингтона. Лафайетъ поспѣшилъ насладиться этимъ преждевременнымъ триумфомъ: онъ слагалъ съ себя диктатуру въ ту самую минуту, когда диктатура была бы всего необходимѣе для его отечества. Возвратившись въ свои Овернскія помѣстья, онъ принялъ тамъ депутацію національной гвардіи, которая принесла ему протоколъ своего совѣщанія. „Вы меня видите возвратившимся въ мѣста моего рожденія“, сказалъ онъ; „я оставляю ихъ только для защиты или упроченія нашей новорожденной свободы, если кто-нибудь осмѣлится посягнуть на нее“.

Отставка Лафайета сопровождалась различными толками партій. „Теперь“, говорилъ „*Journal de la Révolution*“, когда герой двухъ полушарій окончилъ въ Парижѣ свою роль, любопытно бы знать, чего больше принесетъ революціи бывший генераль—добра или зла. Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ, какимъ является человѣкъ въ своихъ поступкахъ: прежде всего этотъ основатель американской свободы не смѣетъ въ Европѣ отправиться туда, куда призываетъ его народъ, до полученія позволенія отъ монарха; 5 октября онъ блѣднѣетъ при видѣ выступленія парижской арміи въ Версаль, — старается уладить дѣла между народомъ и королемъ, говоритъ арміи: „я вамъ предаю короля“, а королю: „я вамъ привожу свою армію“. Потомъ онъ входитъ въ Парижъ, влача въ своей свитѣ, со связанными на спину руками, храбрыхъ гражданъ, все преступленіе которыхъ состояло въ желаніи сдѣлать изъ Венсенской тюрьмы то, что было сдѣлано изъ Бастиліи; на слѣдующій день послѣ дня кинжаловъ онъ радушно беретъ за руку тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ еще наканунѣ доносилъ общественному негодованію, наконецъ, теперь онъ покидаетъ свою партію въ силу декрета, вытребованнаго подъ рукою имъ самимъ, исчезаетъ на время въ Оверни, чтобы явиться снова на нашихъ границахъ. Но онъ также оказалъ намъ и услуги: признаемъ ихъ; мы ему обязаны дрессировкою національной гвардіи при гражданскихъ и религіозныхъ церемоніяхъ, изнуреніемъ во время утреннихъ эволюцій на Марсовомъ полѣ, патриотическими присягами, корпораціонными празднествами. Простимся же съ нимъ! Лафайетъ! чтобы выполнить величайшую изъ революцій, какія когда-

нибудь пытался произвести народъ, намъ нуженъ былъ предводитель, характеръ котораго стоялъ бы въ уровень съ событіями; мы тебя приняли; гибкіе мускулы твоей фізіономіи, твои заученныя рѣчи, твои аксіомы, обдуманныя въ теченіе долгаго времени, всѣ эти произведенія искусства, непризнанныя природою, казались подозрительными дальновиднымъ патріотамъ. Самые твердые изъ нихъ слѣдили за тобою шагъ за шагомъ, сорвали съ тебя маску и вскричали: „граждане, этотъ герой не что иное, какъ куртизанъ, этотъ мнимый мудрецъ—простой шарлатанъ!“ Дѣйствительно, благодаря твоимъ стараніямъ, революція не можетъ болѣе причинять зло деспотизму; ты отпилилъ зубы у льва. Народъ больше не страшень своимъ вожатымъ. Они взяли себѣ хлыстъ и шпору, и ты уѣзжаешь. Пусть гражданскіе вѣнки сыплются въ изобиліи по твоей дорогѣ, пока мы отдыхаемъ. Но гдѣ найдемъ мы Брута?“

23.

Парижскій мэръ, Балли, удалился въ то же самое время, покинутый тѣмъ самымъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго онъ былъ идоломъ и котораго начиналъ быть жертвою. Но этотъ философъ больше цѣнилъ добро, сдѣланное народу, чѣмъ его благосклонность. Ставя цѣлью своего честолюбія служеніе народу, а не управленіе имъ, онъ уже выказывалъ, въ виду клеветы враговъ, такое же геройское безстрастіе, какое впоследствии выказалъ передъ смертію.

Но голосъ философа затерялся среди шума близкихъ муниципальных выборовъ. Два человѣка оспаривали другъ у друга голоса на должность парижскаго мэра. По мѣрѣ пониженія королевской власти и уничтоженія авторитета конституціи среди смутъ, происходившихъ въ королевствѣ, парижскій мэръ могъ сдѣлаться настоящимъ диктаторомъ столицы.

Эти два человѣка были Лафайетъ и Петіонъ: за перваго была конституціонная партія и граждане національной гвардіи; за втораго соединенныя силы жирондистовъ и якобинцевъ. Роялистская партія, имѣя возможность высказаться за того или другаго изъ этихъ двухъ людей, держала въ рукахъ господство надъ выборами. Король не имѣлъ болѣе вліянія на управленіе, которое выпустилъ изъ своихъ рукъ, но обладалъ еще тайнымъ вліяніемъ путемъ подкупа предводителей различныхъ партій. Часть его 25 милліонныхъ доходовъ употреблялась Лапортомъ, который завѣдывалъ *liste civile*, а также министрами Вертраномъ де-Мольвилемъ и Монморономъ, на покупку голосовъ при выборахъ, предложеній въ клубахъ, рукоплесканій или воплей на трибунахъ собранія. Эти тайныя субсидіи, начатія при Мирабо, спускались очень низко, въ ряды людей, составляющихъ подонки партій. Они содержали роялистскую прессу и скользили даже въ руки тѣхъ ораторовъ и журналистовъ, которые были, повидимому, въ числѣ самыхъ ожесточенныхъ враговъ двора. Много неблагоразумныхъ поступковъ, присовѣтованныхъ народу его льстецами, не имѣли другаго источника. Существовало цѣлое министерство подкупа, управляемое измѣною. Многіе тамъ черпали подъ предлогомъ служенія двору, сдерживанія народа или измѣны ему; потомъ, подъ вліяніемъ страха, чтобы ихъ измѣна не открылась, они ее прикрывали второю измѣною и обращали противъ короля даже тѣ предложенія, которыя имъ были оплачены. Дантонъ

быть изъ числа такихъ людей. Иногда, въ интересахъ порядка и благотворительности, король давалъ ежемѣсячныя суммы для полезнаго распредѣленія частью въ рядахъ національной гвардіи, частью въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ опасались возстанія. Даже Лафайетъ и Петіонъ часто прибѣгали для этой цѣли за помощью къ королю. Такимъ образомъ, послѣдній имѣлъ возможность, употребивъ это средство, управлять выборами на должность парижскаго мэра и, присоединившись къ конституціонной партіи, рѣшить выборъ Парижа въ пользу Лафайета.

Лафайетъ былъ однимъ изъ первыхъ виновниковъ этой революціи, которая унизила тронъ. Его имя было замѣшано въ каждомъ униженіи, какое вынесъ дворъ, стояло на первомъ мѣстѣ въ непріязненныхъ чувствахъ королевы, во всѣхъ страхахъ короля. Сначала Лафайетъ былъ ихъ ужасомъ, потомъ покровителемъ и наконецъ—сторожемъ. Могъ ли онъ съ этихъ поръ быть ихъ надеждою? Мѣсто парижскаго мэра, крупная гражданская и народная власть, послѣ продолжительной вооруженной диктатуры въ столицѣ, не могли ли послужить для Лафайета второю ступенью, которая подняла бы его выше трона и оставила бы въ тѣни короля и конституцію? Этотъ человѣкъ, съ теоретическими либеральными идеями, имѣлъ добрыя намѣренія; онъ хотѣлъ преобладать, а не управлять, но можно ли полагаться на добрыя намѣренія, столь часто побѣждаемая? Не съ тѣмъ ли самымъ сердцемъ, полнымъ добрыхъ намѣреній, онъ злоупотреблялъ командованіемъ гражданскою милиціею, низвергнулъ Бастилію при помощи возмущившейся французской гвардіи, пошелъ на Версаль во главѣ парижской черни, допустилъ сдѣлать насиліе дворцу 6 октября, арестовалъ королевскую фамилію въ Вареннѣ и держалъ короля плѣнникомъ во дворцѣ? Воспротивится ли онъ, если народъ потребуетъ отъ него еще большаго? Останется ли онъ на срединѣ роли французскаго Вашингтона, выполнивъ изъ нея болѣе половины? Притомъ, сердце человѣка такъ устроено, что люди охотнѣе бросаются въ объятія тѣхъ, которые ихъ губятъ, чѣмъ станутъ искать спасенія отъ руки того, кто ихъ унижаетъ. Лафайетъ унижалъ короля и въ особенности королеву. Почтительная независимость была обычнымъ выраженіемъ лица Лафайета въ присутствіи Маріи-Антуанетты. Непокколебимость гражданина читалась въ позѣхъ генерала, сказывалась въ его словахъ, обнаруживалась въ звукахъ его голоса, подъ холодными и вѣжливыми формами придворнаго. Королева предпочитала мятежника. Она открыто высказывалась въ этомъ отношеніи предъ своими приближенными: „г. Лафайетъ“, говорила имъ она, „хочетъ быть мэромъ Парижа только для того, чтобы сдѣлаться вслѣдъ за тѣмъ мэромъ дворца. Петіонъ якобинецъ, республиканецъ, но это человѣкъ глупый, неспособный сдѣлаться когда-нибудь главою партіи; этотъ мэръ будетъ нулемъ. Притомъ возможно, что извѣстное Петіону участіе, которое мы принимаемъ въ его избраніи, приведетъ его на сторону короля“.

Петіонъ былъ сынъ прокурора въ Шартрскомъ судѣ. Соотечественникъ Бриссо, онъ былъ вскормленъ вмѣстѣ съ нимъ одними и тѣми же науками, одной и той же философіей, одной и той же ненавистью. Эти два человѣка одушевлены были однимъ духомъ. Революція, которая была идеаломъ ихъ юности, призвала ихъ на сцену въ одинъ и тотъ же день, но для различныхъ ролей.

Бриссо, писатель, политическій авантюристъ, журналистъ, былъ человѣкъ мысли; Петіонъ былъ человѣкъ дѣла.

Въ фигурѣ, характерѣ и талантѣ у него выражалась та торжественная посредственность, которая свойственна толпѣ и ей нравится. Онъ былъ, по крайней мѣрѣ, честенъ; эту добродѣтель народъ цѣнитъ выше всѣхъ другихъ въ людяхъ, которые управляютъ общественными дѣлами. Призванный своими согражданами въ Національное собраніе, Петіонъ составилъ тамъ себѣ имя больше усиліями, чѣмъ успѣхомъ. Счастливый соперникъ Робеспьера и въ то время другъ его, Петіонъ, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, составили изъ однихъ себя ту народную партію, вначалѣ едва замѣтную, которая проповѣдывала чистую демократію и философію Жанъ-Жака Руссо, въ то время, когда Казалесъ, Мирабо и Мори, дворянство, духовенство и буржуазія, оспаривали другъ у друга правительство. Деспотизмъ одного класса общества казался Робеспьеру и Петіону столь же ненавистнымъ, какъ и деспотизмъ короля. Торжество средняго сословія для нихъ мало значило, пока цѣлый народъ, т. е. человѣчество, въ самомъ обширномъ смыслѣ, не торжествовало. Они поставили своею обязанностью не побѣду одного класса надъ другимъ, но побѣду и организацію абсолютнаго принципа: человѣчества. Въ этомъ состояла ихъ слабость въ первые дни революціи, позже это составило ихъ силу. Петіонъ начиналъ собираться съ силами.

Своими теоріями и рѣчами онъ незамѣтно вкрался въ довѣренность парижскаго народа; онъ принадлежалъ къ числу писателей по своему умственному развитію, къ Орлеанской партіи по своей тѣсной связи съ г-жею Жанлисъ, фавориткою принца и гувернанткою его дѣтей. О немъ говорили то какъ о мудрецѣ, который хочетъ внести въ конституцію философскія начала, то какъ о ловкомъ интриганѣ, который хотѣлъ подкопать тронъ или возвести на него, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, народные интересы и династію. Эта двойная репутація была одинаково выгодна Петіону: честные люди считали его за честнаго человѣка, мятежники за мятежника; дворъ не удостоивалъ его бояться, онъ видѣлъ въ немъ невиннаго утописта, питалъ къ нему то снисходительное презрѣніе, которое аристократія вездѣ питаетъ къ людямъ съ политическими вѣрованіями; притомъ, Петіонъ собою освобождалъ аристократовъ отъ Лафайета. Переимѣнить врага для нихъ значило, по крайней мѣрѣ, вздохнуть свободно.

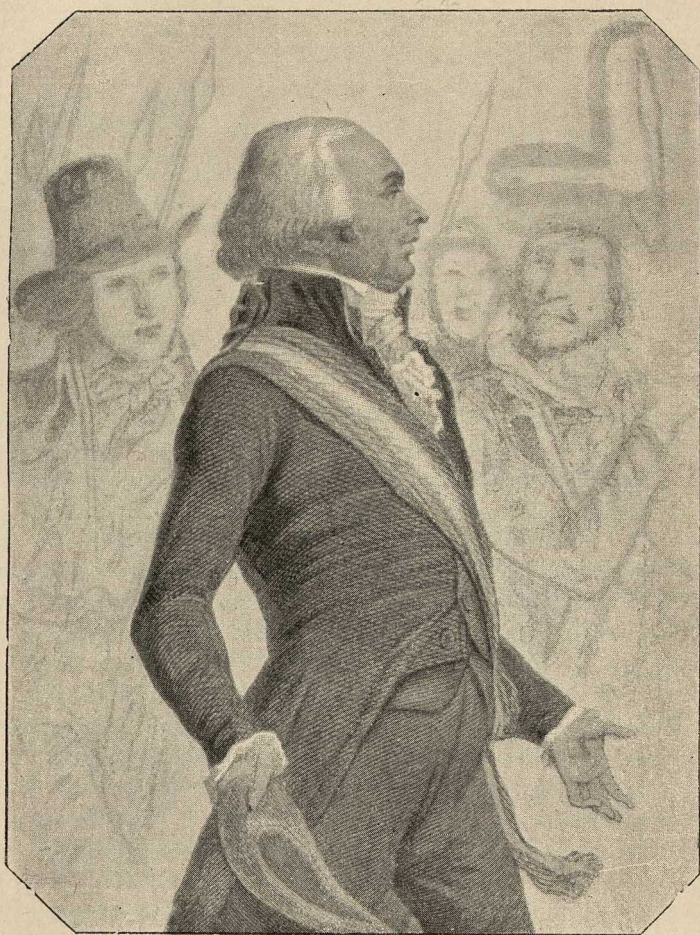
Эти три элемента успѣха доставили Петіону торжество громаднымъ большинствомъ голосовъ; онъ былъ избранъ мэромъ Парижа болѣе, чѣмъ 6000 избирателей. Лафайетъ имѣлъ за себя только 3000. Изъ своего временнаго уединенія онъ могъ взвѣсить по этой цифрѣ паденіе своего счастья: Лафайетъ представлялъ собою городъ, Петіонъ—націю. Вооруженная буржуазія удалялась отъ дѣлъ вмѣстѣ съ первымъ; народъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, получалъ къ нимъ доступъ. Революція обозначала собственнымъ именемъ новый шагъ, который дѣлала.

Только-что избранный, Петіонъ былъ встрѣченъ триумфомъ у якобинцевъ; его внесли на трибуну на рукахъ патріотовъ. Престарѣлый Дюсо, который занималъ ее въ эту минуту, пролепеталъ въ честь своего воспитанника нѣсколько словъ, прерываемыхъ рыданіями: „я смотрю на г. Петіона, какъ на своего

сына“, вскричалъ онъ; „безъ сомнѣнія, это слишкомъ смѣло“. Растроганный Петіонъ бросился въ объятія старца. На трибунахъ аплодировали и плакали.

Въ томъ же духѣ произведены были и другія назначенія. Манюэль былъ выбранъ въ прокуроры коммуны, Дантонъ назначенъ субститутомъ прокурора; этимъ онъ обязанъ не общественному уваженію, какъ Петіонъ, но своей собственной интригѣ. Онъ былъ избранъ, несмотря на свою репутацію. Народъ очень часто прощаетъ пороки, которые ему служатъ.

Назначеніе Петіона на мѣсто парижскаго мэра давало жирондистамъ твердую точку опоры въ столицѣ. Парижъ ускользалъ отъ короля, какъ и собраніе Дѣло Учредительнаго собранія разрушилось въ три мѣсяца. Механизмъ ломался прежде, чѣмъ началъ дѣйствовать. Все предсказывало близкое столкновеніе между исполнительною властью и властью Законодательнаго собранія. Откуда же происходило такое быстрое разложеніе? Теперь будетъ кстати бросить взглядъ на это созданіе Учредительнаго собранія и на его авторовъ.

Летіонъ.